

МАТЕРИАЛЫ IV Международной научной конференции

Донецкие чтения 2019: образование, наука,
инновации, культура
и вызовы современности

Донецк
31 октября 2019 г.

Том 7

Исторические науки

Дорогие коллеги!

Сборник материалов Международной научной конференции «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» является 9-томным изданием, включающим 13 книг. Труды конференции охватывают разнообразные направления фундаментальных и прикладных исследований в области естественных, технических и социально-гуманитарных наук. Они представляют широкий спектр новых научных результатов, полученных учеными Донецкого национального университета, многих других вузов и научных учреждений Донецкой и Луганской Народных Республик, а также специалистами целого ряда стран Европы и Азии – Российской Федерации, Азербайджанской Республики, Китайской Народной Республики, Республики Беларусь, Республики Болгария, Республики Сербия, Республики Узбекистан, Республики Южная Осетия, Туркменистана, Федеративной Республики Германия, Эстонской Республики. Значительная часть представляемых результатов получена в итоге совместных исследований ученых ДНР и других стран-участниц.

Девиз, под которым проходит конференция – «Русский мир и Донбасс: от сотрудничества к интеграции образования, науки, инноваций и культуры». Он отражает новый уровень и перспективы расширения сотрудничества, обмена мнениями и творческого взаимодействия ученых, педагогов, деятелей культуры и искусства Донецкой Народной Республики в качестве полноправных представителей научно-образовательного пространства Русского мира с коллегами из многих уголков земного шара. Выражаю уверенность, что наша совместная работа во время конференции внесет свой вклад в сокровищницу научных знаний, будет способствовать дальнейшему укреплению и развитию творческих контактов и дружеских связей!

Ректор,
доктор физико-математических
наук, профессор

С.В. Беспалова

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
Фонд «Русский мир»

IV Международная научная конференция

Материалы
конференции

Том 7

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

г. Донецк
31 октября 2019 г.

Донецк
Издательство ДонНУ
2019

ББК Т.я431
УДК 93+94(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (главный редактор), М.В. Фоменко (отв. секретарь),
В.А. Дубровина, В.И. Сторожев, О.Б. Пенькова, В.Н. Никольский,
А.С. Бобровский

Д672 Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции (Донецк, 31 октября 2019 г.). – *Том 7: Исторические науки* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – 290 с.

Ответственность за содержание статей, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.

В седьмой том материалов IV Международной научной конференции «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам исторических наук. Рассматриваются вопросы всемирной, отечественной и региональной истории, истории России и славянских народов, историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны научным работникам, преподавателям, студентам, аспирантам и докторантам, проводящим исследования в области исторических наук.

ББК Т.я431
УДК 93+94(043.2)

© Коллектив авторов, 2019

© Донецкий национальный университет, 2019

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В. д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого национального университета (г. Донецк)

Заместитель председателя:

Бабурин С.Н. д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва)

Члены программного комитета:

Аваков С.Ю. д-р юрид. наук, профессор, ректор Таганрогского института управления и экономики (г. Таганрог)

Беспалова Т.В. д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (г. Москва)

Болнокин В.Е. д-р техн. наук, профессор, гл. науч. сотр., руководитель Центра подготовки научных кадров ФГБУН «Институт машиноведения им. А.А. Благонравова» (г. Москва)

Воронова О.Е. д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры журналистики, руководитель Есенинского научного центра Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, член Общественной палаты Российской Федерации, член Союза писателей и Союза журналистов России (г. Рязань)

Илюхин А.А. д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры математики Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) ФБГОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Таганрог)

Качалов Р.Н. и.о. ректора ГОУ ВПО «Донецкая государственная музыкальная академия имени С.С. Прокофьева» (г. Донецк)

Кишкань Р.В. председатель Государственного комитета по экологической политике и природным ресурсам при Главе Донецкой Народной Республики (г. Донецк)

- Ковалев А.М.* д-р физ.-мат. наук, профессор, директор ГУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк)
- Кожухов И.Б.* д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники» (г. Москва)
- Нечаев В.Д.* д-р полит. наук, ректор Севастопольского государственного университета (г. Севастополь)
- Рябичев В.Д.* д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск)
- Приходько С.А.* канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк)
- Решидова И.Ю.* канд. физ.-мат. наук, и.о. директора ГУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк)
- Савоськин М.В.* канд. хим. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк)
- Скафа Е.И.* д-р пед. наук, профессор, проректор по научно-методической и учебной работе Донецкого национального университета (г. Донецк)
- Сорокина Г.А.* д-р пед. наук, профессор, первый проректор Луганского государственного университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск)
- Сторожев В.И.* д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Донецкого национального университета (г. Донецк)
- Тедеев В.Б.* канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова, (г. Цхинвал)
- Шемякина Н.В.* канд. экон. наук, доцент, и.о. директора ГУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк)

Всемирная история

УДК 94(560)+94(438)+94(470)»16/18»

АХМЕД-ПАША – ВРАГ ПОЛЯКОВ... И ИХ «ДРУГ»?

Богатырев А.В., канд. ист. наук

АНО ВО «Поволжский православный институт», г. Тольятти, РФ
sob1676@yandex.ru

Введение. Донецкая Народная Республика возмужала в тяжелейших условиях военного конфликта, принесшего невосполнимые человеческие утраты, горе и страдания мирным жителям. Опрометчиво проводить здесь подобные параллели, однако во многом похожим образом складывалась судьба другой республики – Польско-Литовского государства, в 1672–1676 гг. перенесшего все испытания военного времени. К вдохновителям вторжения в пределы Речи Посполитой принадлежал великий визирь Османской империи (Дом Кёпрюлю) Фазиль (Фазыл) Ахмед-паша (Köprülü Fazıl Ahmed Paşa). О его «теплых» отношениях с польской стороной в трудах, касающихся деятельности Ахмед-паши, нет ни строчки [14, р. 157; 9, р. 86; 7, р. 315]. И, тем не менее, мы располагаем источником, который, как будто, свидетельствует об обратном.

Среди **целей** нашего небольшого исследования – изучить данный источник, выяснить его историческую значимость, убедиться в достоверности содержащихся в нем сведений. Мы говорим о «записке» русского резидента в Речи Посполитой Василия Тяпкина, посланной в Москву и рассказывающей о ситуации в Польше и за ее пределами. Тяпкин (агент страны, пытавшейся отстаивать интересы поляков перед османами) докладывает о смерти важного турецкого господина, дает ему определенную характеристику. Данный материал притягивает внимание – у московского дипломата редко встречаются «портреты» турецких политических деятелей, да и вообще интерес тогдашних обитателей кремлевских палат к личности великого визиря пока обходили стороной.

Если конкретнее, резидент писал: «...Сего числа (1676 г., 30 декабря. – А.Б.) подлинно меж сенаторы объявляют, будто везирь салтана турецкого умер...» [1, л. 18]. Ясно, что информация касается именно Фазиль Ахмед-паши, скончавшегося 3 ноября 1676 г. [7, р. 315]. Далее российский посланник отмечает характер отношений, сложившихся между визирем и панами-сенаторами Речи Посполитой – «понеже был им (полякам. – А.Б.) желателен... и закуплен многими дары...» [1, л. 18].

Ахмед-паша имел связи с некими польскими кругами и, судя по документу, получал от них «дары». Но с какой стати? Говоря о реакции на

смерть визиря, Тяпкин подчеркивает, что особенный резонанс событие имело при «польском дворе»: «...Двор польской гораздо сетует...» [1, л. 18]. Так «москвит» называл окружение польского короля Яна III Собеского (1674–1696). Лелея мечту исполнить в жизнь собственные династические замыслы, которым мешала война с Турцией, Ян III желал скорейшего перемирия с «неверными». Тогда он мог бы рассчитывать на значительную поддержку склонного к османам короля Франции Людовика XIV [12, s. 188]. В том самом 1676 г. ему все же удалось это сделать – после изматывающих боев представителями короля и Османской империи Ахмед-паши заключен Журавненский мир (17 октября).

Упомянув «дары», Тяпкин, к которому стекались данные из разных источников, подбрасывает новые факты о ходе переговоров в Журавно. Несмотря на подарки, соглашение 1676 г. не во всем отвечало интересам Речи Посполитой. Дипломатические дебаты, как гласит литература, шли тяжело, ситуация складывалась не в пользу Яна III и его единомышленников. В конце концов монарх вынужден был подписать мирный договор, закреплявший власть Порты над Подолией и иными украинскими землями [6, р. 486], более того, «уничтоживший его достижения» [10, р. 40], не нарушивший владычества османов [11, р. 121].

Кто-то рассматривает соглашение как «компромисс» между воюющими сторонами [8], но Дариуш Милевский, погрузившийся в вопрос польско-турецких войн XVII в., убеждает – турки в 1676 г. получили шанс завоевать всю Украину, в свою очередь поляки понесли серьезные территориальные потери [13, р. 616–632]. «Военное и дипломатическое поражение», – выносит вердикт один из историков событий в Журавно [4, с. 26]. Вряд ли вышесказанное могло настроить на энтузиазм по отношению к персоне Фазиля. Критически воспринимать «реляцию» Тяпкина нужно и из-за его замечания, что место Ахмед-паши вскорости должен занять Ибрагим-паша по прозвищу «Шайтан»: «...А чают де на ево место в везирех быти Шаитану Паше, которой сего лета был здесь в войне...» [1, л. 18]. Всем известно, советником султана становится Кара Мустафа [9, р. XXV], Турция при нем вновь намерена взяться за оружие [2, с. 134].

Заключение. Ну что же, вращавшийся в близких к дворцовым кругам Тяпкин обратил внимание на попавшую в «слепое пятно» исследователей тему. Пробуждаются размышления о месте в чаяниях Яна III и его «ближних» Фазиль Ахмед-паши, польские связи которого не приобрели в историографии каких-либо четких очертаний. Вследствие малоизученности, информация о восприятии фигуры великого визиря при польском королевском дворе представляется довольно любопытной.

Волей-неволей приходится помнить о несовершенстве «системы оповещения» русского резидента: «ляхи» не желали посвящать названную

«союзницу» Москву в дела Журавно, что привело к временному перерыву в польско-российских отношениях, к отозванию резидентов [5, с. 71]. Из-за скрытности польских политиков Тяпкину оставалось использовать слухи, «покупные» вести, раздобытые у шляхты [3, с. 213] – очевидно, этим отчасти объясняется в значительной мере безосновательная уверенность в «желательности» Ахмед-паши. Кое-что, правда, оказалось подмечено верно. Уже в следующем за смертью визиря 1677 г. Ян III вновь начал возвращаться к идее сопротивления туркам совместно с Россией [5, с. 72]. Кончина Фазиль Ахмед-паши вполне могла быть одной из тех «гирек», что поколебали стрелку исторических весов.

Список литературы

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 79. – Оп. 1. – Д.182.
2. Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. – М. : МГУ, 1946. – Т. 2. – 172 с.
3. Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения. – М.: Мысль, 1991. – Кн. 7. – 704 с.
4. Тимів І. М. Битва під Журавном 1676 р. // Сіверянський літопис. – 2018. – № 4. – С.15–29.
5. Флоря Б. Н. О русских проектах антиосманской коалиции (1679–1680 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2019. – № 2. – С. 71–90.
6. Conflict and Conquest in the Islamic World: A Historical Encyclopedia / Ed. by Alexander Mikaberidze. – Santa-Barbara : ABC-CLIO, 2011. – Vol. 1. – 1041 p.
7. Encyclopedia of the Ottoman Empire / Ed. by Gábor Ágoston and Bruce Masters. – New York, NY : Facts On File, 2009. – 650 p.
8. Kalwat W. Żórawno – 1676 – w obleżonym obozie. Available at: http://www.wilanow-palac.pl/zorawno_w_oblezonym_obozie.html (Accessed 18 September 2019).
9. Kia M. The Ottoman Empire. – Westport, CT; London : Greenwood Press, 2008. – 202 p.
10. Kissling H. J. The Ottoman Empire to 1774 // The Muslim World. – Leiden: Brill, 1969. – Part 3. – P. 1–49.
11. Kumar K. Visions of Empire. How Five Imperial Regimes Shaped the World. – Princeton and Oxford : Princeton University Press, 2017. – 600 p.
12. Labuda G., Michowicz W. Historia dyplomacji polskiej X–XX w. – Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 2002. – 757 s.
13. Milewski D. Cross and Crescent – The History of Polish-Ottoman Rivalry in the XVII Century // История. – 2016. – No. 6. – P. 616–632.
14. Somel S. A. Historical Dictionary of the Ottoman Empire. – Lanham, MD: Scarecrow Press, 2003. – 399 p.

ШОТЛАНДСКИЕ НАЕМНИКИ В ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В XVI-XVII вв.

Бойко О.О.,

Шенко Л.Г., д-р ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

o.boii@yandex.ua

Война в любую эпоху – не просто инструмент политики, это реакция на противоречия между общественными группами, этносами, государствами. Актуальность изучения института наемничества в настоящее время обусловлена тем, что в современном мире продолжают военные конфликты. Это дает возможность понять определенные тонкости и аспекты этой проблематики. За последние 20 лет Генеральная Ассамблея ООН, СБ, Экономический и Социальный Совет, а также Комиссия по правам человека приняли более 100 резолюций, осуждающих деятельность наемников и тех, кто использует их. В 1989 г. произошло эпохальное событие, связанное с принятием ООН Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников [5]. Следует подчеркнуть, что попытки дать определение термину «наемники» с правовой точки зрения предпринимались неоднократно. Одной из трактовок стало определение наемного солдата, как «лица, которое, принимая участие в военных действиях, руководствуется главным образом желанием получить личную выгоду и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение...» [5].

Изучение вопросов наемничества имеет длительную историю и присутствует в региональной историографии многих стран.

Вместе с тем история ранних шотландско-славянских связей до сих пор остается недостаточно исследованной проблемой. Историография проблемы представлена прежде всего трудами шотландских авторов - славистов XIX-XX вв., посвященными шотландской военной диаспоре в Центрально-Восточной Европе, в частности в Речи Посполитой и Московском государстве (труды А.Ф. Стюарта, Д.Х. Бертон, И.Г. Андерсона, П. Дьюкс, Д. Добсона и т.д.). В современной российской историографии русско-шотландские связи исследовались в рамках развития контактов с иностранцами (Ласкова Н.В., Ноздрин О.Я. и др.).

Следует отметить публикацию уникального документального исторического памятника «Дневника» Патрика Гордона (2018 г. переводчик Д. Федосов).

Исследование базируется на анализе биографического материала шотландских военных деятелей. Источником пославяно-шотландским

отношениям в этот период является работа шотландского и российского военачальника, генерала и контр-адмирала Патрика Леопольда Гордона «По истории миграции шотландских дворян-военных в Речи Посполитой и Московского государства» [3], а также воспоминания путешественников, купцов.

Причины, которые подталкивали людей из Шотландии становиться наемниками была крайняя бедность значительной части дворян и горожан, а также религиозные противоречия, преследования как шотландских католиков, так и протестантских групп. Данный факт имеет подтверждение в работе английского дворянина, дипломата в Московском государстве Дж. Горсея «Записки о Московии XVI века» [2]. В ней описаны нравы шотландцев, которые помогают понять их стимул к военному делу: «шотландцы... представляли собой целую нацию путешествующих искателей приключений, наемников на военную службу, готовых служить государю-христианину за содержание и плату ...» [2].

Первой страной на континенте, которая стала второй родиной для многих шотландских дворян еще во времена Столетней войны, была Франция. Впоследствии колонии шотландских купцов и военных появились в странах Скандинавии, немецких городах (в частности в Пруссии и городах балтийского побережья, особенно в Данциге, а в XV в. и в Польше, где в 1621 г., по оценке английского наблюдателя, насчитывалось до 30 000 шотландцев, в том числе немало бедноты, которая создавала большие проблемы польской власти. Шотландские купеческие колонии возникли в Поморье, Малой (в частности, в Кракове), а также на землях Русского воеводства (Львов, Броды). С купцами в города Речи Посполитой уже в XVI – начале XVII в. попадали и шотландские дворяне – в роли наемников. Местное население знало их как «шотов» или «шкотов» – от немецкого варианта произношения собственно шотландского «Scots» (откуда и современное польское «Szkoci») [4].

Учитывая данные различных источников можно говорить о том, что шотландские военные попали на восточнославянские земли в качестве наемников в армии Речи Посполитой во второй половине XVI – начала XVII вв., т.е. «Смутного времени». В период правления Стефана Батория проводился масштабный наем иностранцев на службу Речи Посполитой. Яркий период взаимодействия казаков, и шотландских наемников – это кампании Речи Посполитой: Ливонская война, польско-шведская война в Прибалтике в начале XVII в., Смоленская война Речи Посполитой и Московского царства 1632-1634 гг. – во время последней частности отличился Питер Лермонт (Learmonth), один из предков М.Ю. Лермонтова.

Данные источников подтверждают наличие шотландцев в рядах войска Речи Посполитой и Московского государства, которые встречались в бою на «казацкой территории». Военные реформы Михаила Федоровича и Алексея Михайловича Романовых, завершение Тридцатилетней войны

1618-1648 гг., «усталость и обескровливание Европы» сделали наемничество менее перспективным, но на некоторое время.

Революционные события на Британских островах в 1640-х–1650-х гг. привели к новой волне миграции шотландских дворян в Речь Посполитую, а оттуда в Московское государство. Наиболее высокопоставленными из таких мигрантов были Томас «Тем» Далиелл (Dalyell) и Биннс (1615–1685), известный роялистский генерал, получивший после возвращения на родину прозвище «московитский дьявол», а также еще один шотландский генерал-роялист Уильям Драммонд (Drummond) (1617–1688). Оба служили царю Алексею Михайловичу в течение завершающего этапа русско-польской войны 1661–1665 гг. [3].

Следует сделать вывод, что в течение XVI–XVII вв. шотландцы, в качестве наемников часто попадали на славянские земли Восточной Европы. Борьба шотландского народа против попыток завоевания со стороны английского государства длилась с XIV по XVII века. Первопричиной являлись культурные и религиозные противоречия. Тяжесть военного бремени, плохие условия жизни стали основой для формирования прослойки людей, готовых зарабатывать на войне. Таким образом, основной авансценой Шотландского наемничества в период XVI–XVII вв. была Восточная Европа.

Список литературы

1. Величенко С. Восток-Запад: Историко-культурологический сборник. – Выпуск 4. Спец. Изд. Россия и Британия: Империи и нации на окраинах Европы, Харьков: Новый Вид, 2001. – 276 с.
Режим доступа: https://keui.files.wordpress.com/2010/12/05_velychenko.pdf
2. Горсей Дж. Записки о Московии XVI века. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://itexts.net/avtor-dzherom-gorsey/266734-zapiski-o-rossii-xvi-nachalo-xvii-v-dzherom-gorsey/read/page-1.html>
3. Гордон П. Военная энциклопедия: [в 18 т.] / под ред. В. Ф. Новицкого [и др.]. – СПб.: Тип.т-ва И. Д. Сытина, 1911–1915. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
4. Гордон П. Дневник. 1635–1659 / Ред. М. Р. Рыженков. – М.: Наука, 2000. – 280 с. [Электронный ресурс]:
Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Gordon/frameposl.htm>
5. Резолюция 1987/16: «Влияние деятельности наемников на осуществление права народов на самоопределение. [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet28ru.pdf.

КРИЗИС ВООРУЖЕННЫХ СИЛ АРГЕНТИНЫ В 80-90-е гг. XX в.

Бредихин А.В., д-р ист. наук, профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

kf.vsemir@donnu.ru

С момента своего вступления в должность в декабре 1983 г. демократически избранный президент Рауль Альфонсин подверг военных острой критике, обвинив их в злоупотреблении властью, бюджетных махинациях и нарушениях прав человека. В истории Аргентины такая критика не имела прецедентов, поскольку ранее люди в военной форме обладали правовым иммунитетом. Подготовив почву, администрация Р. Альфонсина обеспечила успех многочисленных реформ, уменьшающих автономию и влияние вооруженных сил.

Принятые в этот период законы передали принятие решений по вопросам формирования военного бюджета, оборонного производства, логистики и национальной оборонной политики из рук начальников штабов в круг задач возглавляемого гражданскими лицами министерства обороны. Правительству Р. Альфонсина также удалось принять закон, ограничивающий участие военных в вопросах внутренней безопасности. Данная прерогатива являлась конституционным атрибутом, на который офицеры в прошлом опирались для легитимации своей власти. Закон «О национальной обороне» 1988 г. (№ 23.554) в ещё большей мере цементировал отстранение военных от вопросов внутренней безопасности, обеспечив законодательное разделение между внешней обороной и внутренней безопасностью, передав вооружённым силам первую задачу, а полиции и пограничникам – вторую [1]. Также президент уволил более двухсот действующих и отставных военных из Главного разведывательного управления Аргентины, напрямую подчинив его себе.

Правительство Р. Альфонсина инициировало резкое сокращение военного бюджета: помимо политического ослабления офицеров, он таким образом намеревался снизить инфляцию и выплатить внешний долг. Проиллюстрировать такую политику можно тем, что в доле расходов государственного сектора, к 1990 г. вооружённые силы занимали 18,4 % по сравнению с 32,3 % в 1982 г. [2]. В абсолютном выражении, в 1989 г. военные расходы сократились до 4,9 млрд. долл. с 9,2 млрд. долл. в 1982 г. Большой вклад в данную экономию внесла демобилизация: в период с 1983 по 1989 гг. правительство сократило численность военного персонала с 175 тыс. до 95 тыс. человек.

Сокращение бюджета вооружённых сил значительно ослабило их оперативные возможности, поскольку состояние зданий и оборудования

значительно ухудшилось. К концу 1980-х гг. армия была настолько ограничена в финансах, что рабочая неделя её структур была сокращена, а возможности военной подготовки серьёзно подорваны из-за недостатка таких ресурсов, как топливо и боеприпасы. К 2:00 ночи персонал был обязан освободить казармы и армейское министерство. Сообщалось, что офицеры всех рангов были вынуждены «подрабатывать». Армия стала работой с частичной занятостью, а не профессией самоотверженного служения. Ради справедливости отметим, что в этот период от сокращения бюджета, пострадали все государственные службы, но наибольший удар получила армия. В период администрации Р. Альфонсина военные стали тенью той силы, которой они были ранее.

В целом, суть действий президента Р. Альфонсина в отношении военных была больше ориентирована на их ограничение и исключение, чем на перенаправление их интересов из политики на непосредственные обязанности. Такой шаг был необходимой предпосылкой для последующей реинтеграции военных на условиях, благоприятствующих гражданскому правлению.

Офицеры и чиновник вооружённых сил воспринимали политику Альфонсина как многофронтową атаку, которая лишала их институт всякого престижа и лишала какой-либо роли, включая даже сугубо военные и профессиональные функции. По мнению студента одного из аргентинских военных вузов, «политика правительства была направлена на устранение любой опасности, которую вооружённые силы представляют для правительства или общества, путём их политического и институционального ослабления, что во многих отношениях имело эффект, противоположный желаемому» [3].

Передавая военные прерогативы гражданским учреждениям, Р. Альфонсин стремился «демилитаризовать» военных. Однако такая стратегия привела к тому, что вооружённые силы почувствовали себя профессионально и политически маргинализированными, и спровоцировала их на попытки восстановить свою институциональную силу неконституционными средствами. Не уделив внимания перепрофессионализации института армии, правительственная стратегия к его новой политизации и неповиновению гражданским властям. Армейские офицеры младшего и среднего звена нанесли ответный удар в ходе трёх вооружённых выступлений, имевших место в период с апреля 1987 по декабрь 1988 года. Данные офицерские группы получили название «карапинтадов» («раскрашенных лиц»), названных в честь камуфляжной краски, которую они наносили на себя. Первоначальной причиной военного мятежа было преследование младших офицеров за нарушения прав человека, однако в большей мере, их недовольство было подогрето изоляцией, профессиональной деградацией и отсутствием миссии. Во многих случаях, младшие офицеры выступали с более радикальных

позиций, чем их начальство, и демонстрировали большую настойчивость оптимизировать условия своей службы. Первоначально армейское руководство не противостояло мятежникам, поскольку разделяло их взгляды. Однако его члены не желали инициировать конфронтацию с правительством, опасаясь, что это может привести к дальнейшему сокращению военного бюджета. Факт предательства армейскими лидерами «карапинтадов», у которых политические и идеологические проблемы фигурировали более заметно, чем институциональные или профессиональные, говорит об отсутствии ярко выраженной политической повестки дня и наличии узкопрагматических интересов.

Тем не менее, после каждого восстания президент вёл переговоры с военными, во всех случаях создавая прецедент для утверждения первенства гражданской власти. Повстанцам были предоставлены некоторые привилегии, наиболее примечательным из которых было освобождение всех офицеров ниже звания полковника от обвинений в нарушениях прав человека. Итак, борьба правительства Р. Альфонсина с вооруженными силами завершилась хрупким перемирием. Вместе с этим, для определения новой, приемлемой для всех, роли армии не было сделано ничего.

В большей мере, упомянутая задача была выполнена администрацией Карлоса Менема, которому удалось деполитизировать вооружённые силы, придать им новый авторитет и профессиональную роль, а также стабилизировать гражданско-военные отношения. Ключевые направления стратегии К. Менема в отношении вооружённых сил заключались в ослаблении их автономии и авторитета путём сокращения политических прерогатив и сокращения расходов, а также разработке стимулов для отвлечения внимания офицеров путём поощрения миротворческой и других профессиональных ролей.

Список литературы

1. Ley Defensa Nacional. Ley 23.554. Ministerio de Seguridad de la Republica Argentina [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.mseg.gba.gov.ar>
2. World military expenditures and arms transfers 1993-1994. – Ann Arbor: US Arms Control and Disarmament Agency, 1995. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.state.gov/t/avc/rls/rpt/wmeat/c50834.htm>
3. Hunter W. State and Soldier in Latin America / W. Hunter. – Washington: US Institute of Peace, 1996. 52 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.usip.org/sites/default/files/pwks10.pdf>.

АННА БОЖЕ, РЕГЕНТ ФРАНЦИИ

Вербовский А.В.,

Санжаров В.А., канд. ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

verbovskiy@ro.ru

Из тех, кто правил Францией, Анна Боже упоминается реже прочих, а, вместе с тем, восемь лет ее регентства, насыщенные событиями и судьбоносными решениями.

Анна Французская – старший ребенок Людовика XI и Шарлотты Савойской из тех, кто не умер в младенчестве. Родилась в Женаппе за четыре месяца до коронации своего отца 3 апреля 1461 г. В ноябре 1473 г. в церкви Монришара двенадцатилетняя Анна выходит замуж за тридцатипятилетнего кузена короля Пьера де Бурбон. Судьба старшей дочери Людовика XI могла сложиться иначе: в 1465 г. после сражения при Монлери, во время переговоров в Конфлане в числе других вопросов обсуждалось и возможное замужество Анны. Как сообщает Жак Эрс: «Один раз речь зашла о браке графа де Шароле, ставшего вдовцом, с Анной Французской, дочерью короля. ...Брак, однако, не состоялся» [1]. Позднее состоялась помолвка с Николаем Калабрийским, расторгнутая в 1472 г.

Ле Руа Ладюри говорит об Анне Боже как о «женщине умной, серьезной, прекрасной шахматистке... Она – вылитый отец, но без его излишней жестокости. Отец говорил о ней, что она – «наименее безумная женщина в королевстве, поскольку мудрых в этой стране совсем нет» [2]. Анна Французская не была лишена и литературного таланта: она – первая из женщин, кто известен в качестве автора наставления дочери [3].

После смерти Людовика XI в 1483 г. Анна Боже в 22 года вместе с мужем становится регентом при малолетнем Карле VIII. 19 апреля 1483 г. в качестве регента торжественно въезжает в Париж [4]. Следуя наставлениям покойного отца, она вывела из совета Филиппа де Коммина, перешедшего на сторону оппозиции, требовавшей введения в совет принцев крови и назначения регентом королевства первого из них – Людовика Орлеанского. Созванные в 1484 г. Турские штаты, получив значительные уступки от правительства Анны Боже, особенно в налоговом вопросе, отказались поддержать принцев, и те перешли к открытой вооруженной борьбе» [5].

«После завершения работы Генеральных Штатов в 1484 году остались открытыми два вопроса, которые благодаря мощи монархии и талантам Анны де Боже будут решены надолго или окончательно в зависимости от того, идет ли речь о гражданской войне или о Бретани» [6].

События «безумной войны», как правило, упоминаются мимоходом. При этом «безумная война» не менее значима для истории Франции, чем

Лига общественного блага, сформированная французскими принцами против Людовика XI. Это противостояние длилось несколько лет, и против Пьера и Анны Боже действовали не только Людовик Орлеанский, Франциск II Бретонский, Рене II, герцог Лотарингский и другие вельможи Франции. На стороне группы феодалов выступали традиционные враги Франции: Испания, Англия, Священная Римская империя германской нации. И, хотя военная помощь этих стран была не столь велика, как хотелось того Людовику Орлеанскому, все же она вносила определенный вклад в расстановку сил.

Анна Боже, как и ее отец, была не из тех политических деятелей, кому может вскружить голову вид собственного многотысячного войска. Она больше доверяла дипломатическим победам. Знание проблем и уязвимых мест врага для нее зачастую важнее наличия большой армии. Проблему соперника можно усугубить, что приведет к его поражению или выходу из противоборствующей коалиции, либо помочь ему решить ее, что превратит его из врага в союзника или, хотя бы, склонит к нейтралитету. Так же, как и Людовик XI она хорошо понимает, что путь к успеху – в использовании противоречий между лидерами противоборствующей стороны. Так, зная о проблемах английского монарха Генриха VII в собственном королевстве, Анна нашла политические и финансовые рычаги, позволившие ей заключить с ним перемирие и тем самым лишить оппозицию внутри страны важного союзника [7]. Как и отец, она предпочитает решать политические проблемы не в крупных битвах, исход которых, как правило, невозможно предсказать. Анна Боже привлекает на свою сторону Парижский Парламент, который в январе 1488 г. объявляет герцогов Людовика Орлеанского и Франциска II Бретонского мятежниками и врагами короны. Первый этап «Безумной войны» был выигран без генеральных сражений. И, хотя на втором этапе боевые действия ведутся и в Гиени с Карлом Ангулемским, и в Бретани с Франциском II и Людовиком Орлеанским, и на северо-востоке страны с Максимилианом I Австрийским, они, по-прежнему, не являются единственным способом политической борьбы. В 1488 г. Король Франции и Франциск II подписывают договор в Сабле, по которому герцог бретонский обязывается вывести иностранные войска и никогда более их не призывать на территорию герцогства.

Следующим выдающимся событием времени ее регентства становится «рокировка» династических браков, результатом которой стало окончательное присоединение Бретани к владениям французских монархов. Нарушив планы Анны Бретонской на брак с императором Священной Римской империи Максимилианом I, расторгнув помолвку своего младшего брата с дочерью императора Маргаритой Австрийской и, наконец, добившись женитьбы Карла VIII на Анне Бретонской, Анна Боже навсегда лишит противников Франции удобного союзника на северо-западе страны.

«В мае – июне 1491 года Карл VIII полностью принимает на себя «дела». Его сестра Анна Боже, затем Бурбонская, долго игравшая основную роль, только родила дочь и несколько отошла от политики. Во всяком случае, она более или менее искренне пытается уйти в тень в связи с последними примирительными инициативами, предпринятыми Карлом» [8]. В отличие от своей старшей сестры, Карл VIII своим итальянским походом, столь подробно описанным в историографии, ничего не добавит к французской короне.

Список литературы

1. Эрс Ж. Людовик XI. Ремесло короля / Жак Эрс. – М.: Молодая гвардия, 2007. – С. 65.
2. Ле Руа Ладюри Э. История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460-1610 / Эмманюэль Ле Руа Ладюри. – М.: Международные отношения, 2004. – С. 93.
3. Крылова Ю.П. Жоффруа де ла Тур Ландри: «и задумал я написать книгу...». Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Под ред. Л.П. Репиной. – № 5. Москва: ИВИ РАН, 2003. – С. 79.
4. Цатурова С.К. На ком платье короля? Королевские чиновники в торжественных въездах королей в Париж (XIV – XV вв.) // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. – М.: Наука, 2004. – С. 220.
5. Малинин Ю.П. Филипп де Коммин и его «Мемуары» // Коммин Филипп де. Мемуары. – М.: Наука, 1986. – С. 396.
6. Ле Руа Ладюри Э. История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460-1610 / Эмманюэль Ле Руа Ладюри. – М.: Международные отношения, 2004. – С. 98.
7. Fisher H.A.L. The History of England, from the Accession of Henry VII, to the Death of Henry VIII, 1485-1547 (Volume V). Longmans, Green, and Co., 1906, p. 25.
8. Ле Руа Ладюри Э. История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460-1610 / Эмманюэль Ле Руа Ладюри. – М.: Международные отношения, 2004. – С. 101.

УДК 930.2:[94:061(436) «1814/1815» + 94:061(44) «1918/1919»]

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА И ПАРИЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В РАБОТЕ ИРЛАНДСКОГО ЖУРНАЛИСТА ЭМИЛЯ ДЖ. ДИЛЛОНА

Гончарова М.В.,

Бредихин А.В., д-р ист. наук, профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

egalitebogarne@gmail.com

Спустя 100 лет после окончания Наполеоновских войн мировое сообщество столкнулось с более масштабной трагической страницей в истории, известной как Первая мировая война. После окончания войны

лидеры победивших держав стремились укрепить свое положение в мире и выработать новую систему международных отношений.

С сентября 1814 г. по июнь 1815 г. в Вене проходил конгресс европейских государств, который рассмотрел вопросы мирного урегулирования в Европе после разгрома империи Наполеона. Важнейшими задачами Венского конгресса было восстановление монархий, освобождение территорий, занятых Наполеоном, борьба с революционными движениями, недопущение возрождения бонапартизма во Франции и удовлетворение территориальных и других притязаний победителей [2, с. 109].

На Парижской конференции обсуждались вопросы о мирном урегулировании с Германией, о мирных договорах с бывшими союзниками, с Германией, Австрией, Венгрией, Болгарией и Турцией, о государственном переустройстве в Центральной, Восточной и Южной Европе, о судьбе бывших колоний Германии и владений Османской империи, о создании международной организации по обеспечению мира и безопасности [2, с. 202].

Люди перемирия были утомлены и напуганы— утомлены войной, утомлены политикой, утомлены изношенными рамками существования и полны опасения неизвестного. Все ценности изменились, и ценность человеческой жизни упала. Не было никаких торжественных представлений, никаких впечатляющих церемоний, подобных тем, которые радовали сердца венцев в 1814-1815 годах [1].

Переходя к политике, можно обнаружить сильные контрасты, а также удивительное сходство между двумя миротворческими ассамблеями и, как предполагалось, в пользу Парижской конференции. На австрийском конгрессе члены, казалось бы, были едины, но сильно сопротивлялись друг другу. В этом отношении Парижская конференция возвышалась над своим историческим предшественником. Люди неоднократно заявляли, что делегаты на набережной Орсе были столь же единодушны, бескорыстны, и целеустремлены во время перемирия, как они были и во время войны [1].

Один из решительных триумфов Парижской конференции над Венским конгрессом заключался в удивительной скорости, решительно решающей некоторые из самых трудных проблем, которые когда-либо испытывали остроумие человека. Один из парижских журналов содержал следующее объявление: «Фактическое время, затраченное на создание Лиги Наций, которое, как надеются, станет средством поддержания мира во всем мире, составило тридцать часов. Это кажется невозможным, но это правда» [1].

Как провокационно медленно двигался Венский конгресс можно прочесть в хрониках того времени. Народы надеялись и верили, что Конгресс выполнит свои задачи в течение короткого периода времени, но только после девяти месяцев «беременности» и мучительных страданий, он, наконец, породил свое потомство — гору Деяний, которая с тех пор превращалась в пыль. Тем не менее, созданный, так называемый Вильсоновский завет, объединяющий тридцать два государства — Лигу Наций, которая должна была быть несравненно более могущественной,

чем Священный союз, – будет считаться самой быстрой импровизацией такого рода в истории дипломатии [1].

Относительно новая держава приняла участие в работе Венского конгресса. Россия была тогда новичком в европейских советах; действительно, она едва ли была признана европейской. Ее одаренный царь Александр I был идеалистом, который хотел не столько мира с побежденным врагом, сколько полной реформы упорядочения всего мира, с тем, чтобы отныне войны были отменены, а благосостояние человечества развивалось как своего рода тихий вечный двигатель [1]. Парижская конференция также ввела новое лицо на международную арену, президента США Вудро Вильсона, который был опьянен идеей создания Лиги Наций и установления мира на Земле «угодного Богу» по его проекту. Однако, как указывает Диллон: «Роковая тактическая ошибка, которую несет Конференция, заключается в том, что она делает Устав Лиги Наций и договор о мире с центральными державами взаимозависимыми. Поскольку максимы, лежащие в основе первых, несовместимы с принципами, которые должны определять последние, и усилия по их объединению должны, среди прочих неблагоприятных результатов, создать резкую оппозицию между жизненно важными интересами народа Соединенных Штатов и очевидными или временными интересами своих единомышленников» [1]. Результатом этого противоестественного союза будет нанесение ущерба делу прочного мира в дальнейшем.

Когда на Венском конгрессе начались первые конфиденциальные переговоры, возникли те же трудности, что и более века спустя в Париже, в отношении числа государств имевших право на представителей. Вначале четыре министра Кабинета министров Австрии, России, Англии и Пруссии держали все при себе, исключая побежденную Францию и меньшие державы. В одно мгновение Талейран заговорил о полном выходе из Конгресса, после чего был достигнут компромисс, и восемь стран получили право быть представленными [1]. В Париже дискуссия стала в полной мере оживленной, когда представители Бельгии, Греции, Польши и других малых государств выступили со страстными речами против позиции «большой пятерки», на них М. Клемансо ответил неадекватно, из чего исходило что предоставленные многочисленные войска во время войны должны даровать привилегии на Мирной конференции им, которая была созвана, чтобы положить конец господству силы и привилегий [1].

Сравнение между чертами, общими для двух международных собраний, показалось многим наблюдателям еще более убедительным, чем контраст между их различиями. Оба оказались в одинаковых обстоятельствах, столкнувшись с недоумением и роковыми проблемами, которым изнурительная война, только что закончившаяся, придавала острую актуальность. Многие записи и комментарии 1815 года читаются как выдержки из газет первых трех месяцев 1919 года. «О Польше они ведут ожесточенную

борьбу и до настоящего времени без решающего результата», – пишет граф Карл фон Ностиц. Русский военный обозреватель: «Что касается Германии и ее будущей федеративной конституции, то ничего еще не сделано, абсолютно ничего». Опять же: «Было бы в интересах всей Европы восстановить Польшу. Этот вопрос можно считать самым важным из всех. Никто другой не мог так близко коснуться политики всех представленных держав», – написал баварский премьер Максимилиан Граф фон Монтгелас [1]. Судьбы Польши и Германии, которые должны были стать конфедерацией, были в центре внимания как Конгресса, так и Конференции.

В целом невозможно сказать, что существовали какие-либо коренные различия между двумя международными съездами лидеров наиболее влиятельных государств. Можно констатировать лишь факт того, что Конгресс ознаменовал завершение одной кровавой кампании и положил начало другой, а промежуток разделяющий конгресс от конференции явился лишь интервалом между двумя трагедиями.

Список литературы

1. Dillon E. J. Theinsidestoryofthe Peace Conference. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/14477/14477-h/14477-h.htm>
2. Протопопов А.С. История международных отношений и внешней политики России 1648-2000. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 399 с.

УДК 94 «04/14»

ВИЗАНТИЯ КАК ЖЕРТВА ИСТОРИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

Даренский В.Ю., д-р филос. наук, доцент

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет им. Т. Шевченко», г. Луганск, ЛНР
darenskiy1972@rambler.ru

Для Руси, принявшей крещение в Православие от Византии, долгие века после этого Византия была сакральным центром мира, священным Царством, стоящим над текущей историей. Имя императора на Руси всегда поминалось в богослужениях первым, раньше имен местных князей, господствовавших над политически разделенной страной, в том числе и раньше великого князя московского. Власть его над всей православной Ойкуменой была религиозной и нравственной, что в те времена было несравненно выше власти политической. В чем суть этой власти? «Она напоминала русским людям и о реальной вселенскости Церкви, – писал о. Иоанн Мейендорф, – Это отражается во многих текстах. Вот, например, каким образом датирует смерть свт. Стефана Пермского (конец XIV века) агиограф Елифаний Премудрый: «В царствование в Царьграде православного греческого императора Мануила»» [4, с. 165].

Всемирно-исторический подвиг, совершенный Византией, хорошо сформулировал К. Леонтьев: «Как государство, Византия провела, однако, всю жизнь лишь в оборонительном положении. Как цивилизация, как религиозная культура, она царила долго повсюду и приобретала целые новые миры, Россию и других славян» [3, с. 428]. Нужно вдуматься в эти слова: всегда лишь обороняясь от варваров, наступавших со всех сторон – с запада и востока, с севера и с юга – Византия, тем не менее, создавала новые культурные миры, крестя в Православие многие народы, побеждая этих варваров не только и столько мечем, сколько евангельским словом.

На фоне этого и главного исторического деяния Византии все мифы о ее якобы «косности» и т. п. выглядят не только невежеством, но и явным лицемерием. С православной точки зрения на историю, Византия представляет собой «сердце» мировой истории – ту страну и ту эпоху, которая в наибольшей степени из всех до сих пор существовавших способствовала распространению среди народов Православия. Именно в Византии все стороны православного вероучения и культуры – от догматов и канонов Церкви до их художественного воплощения – обрели ту полноту и законченность, которые неизменны до сих пор.

В частности, нет никаких оснований считать, что Европа якобы уже в XII веке превзошла Романию в культурном отношении. Да, в это время там возникла готика и схоластика, однако они не были более высокими культурными достижениями, чем романский стиль и греческая патристика. Это были формы не-православного духа в христианстве – *новое, но не значит, что лучшее*. В схоластике и готике в первую очередь проявилась гордыня человеческого разума и мечтательность (прелесть) чувств соответственно, и это не дает оснований считать их якобы чем-то «высшим» по отношению к ромейской культуре, а скорее наоборот. Важно также, что академик С.С. Аверинцев считал и древнерусскую культуру – столь же эллинистической, то есть прямым продолжением ромейской [1].

Византия погибла не вследствие каких-то внутренних пороков – ибо она на протяжении тысячи лет демонстрировала свою невероятную стойкость, живучесть и способность к возрождению, как Феникс из пепла, даже уже почти из состояния полной гибели – нет, она погибла по причине подлого удара в спину со стороны Запада, уничтожившего своего главного конкурента и в делах веры, и в делах приземленной геополитики. Именно погром Византии западными варварами, лицемерно именовавшими себя «крестоносцами», в 1204 году и был тем ударом, от которого Византия уже не смогла оправиться, даже несмотря на то, что героическим усилием народа она смогла на время восстановить свою государственность. Турки потом лишь подобрали остатки ее территорий – и это уже не требовало больших усилий. Византия была убита раньше – европейскими варварами.

Но и сама гибель Византии была полна святого мученичества и величия. Как писал С.С. Аверинцев, «Михаил VIII предпринял отчаянную

попытку нейтрализовать хотя бы опасность с Запада, пойдя для этого на подчинение Православной Церкви папе римскому; уния была формально провозглашена на Лионском соборе в 1274 г. Она открыла ряд аналогичных попыток византийских императоров (Флорентийская уния 1439, католическая месса в храме св. Софии 12 декабря 1452 г., за полгода до падения Константинополя). Попытки эти были обреченными: народ и монашество Византии решительно осуждали унию как отступничество от веры отцов, наиболее популярные и почитаемые религиозные деятели неизменно выступали против нее, общественное мнение православного мира отказывалось ее принять» [2, с. 32-33]. Легендарные слова Луки Нотары: «Лучше увидеть в городе царствующей турецкую чалму, нежели латинскую тиару» – обычно истолковываются ложно и лукаво: как якобы выражение некой «ненависти к Западу». Хотя у византийцев после 1204 года были все моральные основания относиться к Западу так же, как относился, например, народ СССР к Гитлеру после 22 июня 1941 года – но на самом деле, здесь дело совсем не в этом. И какое огромное смирение народа-мученика проявили византийцы после всего того, что с ними сделал Запад, соглашаясь на унию! Слова Луки Нотары были гласом народа – его твердым решением строго последовать заповеди Христа: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Матф. 10:28). Лучше потерять государство, чем решиться истинной Православной веры – вот что значили эти мученические слова. Византийцы поступили так же, как за два века до этого поступил св. Александр Невский, приняв власть татар ради сохранения Православия и обороны от «крестоносцев», которые хотели его уничтожить. Но судьбы Руси и Византии были разными.

Искусственный термин «Византия», придуманный на Западе, уже сам по себе имел пропагандистский и весьма оскорбительный смысл. Он был придуман в «ветхом Риме» сразу же после того, как св. равноапостольный Император Константин основал свою христианскую столицу Новый Рим на Босфоре. И для того, чтобы унижить это новое начало государственности некоторые авторы уже тогда стали именовать Новый Рим «Византием» по имени поселения, которое ранее было на его месте. Это как если бы Санкт-Петербург называли Ниеном или Канцами – по названию той крепости, которая была в устье Невы ранее. Как известно, сами византийцы называли себя по-гречески «ромеями», то есть буквально – «римлянами», а свою державу – Романией. Официальным названием Византии было «Империя римлян», на среднегреческом (византийском) языке – Βασιλεία Ῥωμαίων, «Васили́я Ромео́н». В Средние века в Западной Европе ее именовали именно так, а термин «Византия» был забыт, поскольку был оскорблением и мог стать поводом для войны. Весьма характерно, что унижительная кличка «Византии» актуализировалась именно тогда, когда православная цивилизация в лице России вновь вернулась на историческую арену. Против нее на Западе создавалась

идеология русофобии (мифологема «варварской страны»), а унижение «Византии» потребовалось для борьбы против православной цивилизации как таковой. В 1557 году немецкий историк Иероним Вольф опубликовал книгу «Corpus Historiæ Byzantinæ» и впервые ввел в оборот термин «Византия». Это было сделано целенаправленно, чтобы ложно показать, будто бы Византия – это якобы не Римская Империя, а единственная «наследница» Древнего Рима эпохи Цезаря и Августа – это «Священная Римская империя германской нации». Поэтому преодоление антивизантийского мифа остается насущной задачей. Отметим ценную публикацию на эту тему А.В. Стрелецкого «Пять мифов о Византии» [5].

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Крещение Руси и путь русской культуры / С.С. Аверинцев // Контекст-1990. Литературно-теоретич. исследования. – М.: Наука, 1990. – С. 64-71.
2. Аверинцев С.С. Период Палеологов и конец византийской цивилизации / С.С.Аверинцев // История всемирной литературы: В 8 томах. М.: Наука, 1983-1994. Т. 3.1985.С. 32-41.
3. Леонтьев К. Византизм и славянство / К. Леонтьев // Полн. собр. соч. в 12 томах. Т. 7. Кн. 1. – СПб.: «Владимир Даль», 2005. – С. 300-443.
4. Мейендорф Иоанн, прот. Рим – Константинополь – Москва. Историч. и богословские исследования. – М.: Изд. ПСТГУ, 2006. – 320 с.
5. Стрелецкий А.В. Пять мифов о Византии / А.В.Стрелецкий // Эл. ресурс. [Электронный ресурс]– Режим доступа: <https://arzamas.academy/materials/872>

УДК 94[(420)+(73)]

«ОСОБЫЕ» АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Дьяченко Г.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
gd101094@yandex.ru

Во второй половине XX века сотрудничество между США и Великобританией основывалось на «особых отношениях», фундамент для которых был заложен в период Второй мировой войны. В начале XX в. Великобритания заявила, что отношения с Соединенными Штатами являются «наиболее важным двусторонним партнерством» в британской внешней политике [1]. США также неоднократно подтверждали, что рассматривают свои отношения с Великобританией в качестве наиболее важных [2].

Корни «особых отношений» между США и Великобританией следует искать в период сотрудничества между союзниками во время Второй мировой войны. После войны Великобритания столкнулась с

финансовым кризисом, в то время как в США наблюдался экономический подъем. США предоставили Великобритании финансовую помощь в виде 50-летнего займа с низкой процентной ставкой 2%, начиная с 1950 года. В соответствии с планом Маршалла 1948–1951 гг. для Западной Европы было выделено 13 миллиардов долларов, из которых 3,3 миллиарда долларов приходилось на Великобританию с целью помочь модернизировать инфраструктуру и методы ведения бизнеса [3].

Необходимость формирования единого фронта против советской угрозы вынудила США и Великобританию сотрудничать в процессе формирования Организации Североатлантического договора со своими европейскими союзниками.

Наиболее сложным было англо-американское сотрудничество во время президентства Д. Эйзенхауэра, достигнув в 1956 году во время Суэцкого кризиса самой низкой точки в отношениях между двумя странами с 1920-х годов. Тем не менее, после вывода британских войск из Египта США предпринимали политические шаги для помощи Великобритании. Восстановление тесного сотрудничества между США и Великобританией после Суэцкого кризиса 1956 года положило начало новому этапу в отношениях двух стран. В 1957 году США вступили в военный комитет Багдадского пакта, а в июле 1958 года Великобритания и США уже координировали операции по стабилизации обстановки на Ближнем Востоке после антизападного переворота в Ираке.

Посредством Соглашения о взаимной обороне между США и Великобританией, подписанного в 1958 году, Соединенные Штаты помогли Соединенному Королевству в создании собственного ядерного арсенала. Ядерное соглашение 1958 года стало послевоенной вехой, которая поставила Великобританию в положение, недоступное ни одному другому союзнику США.

Таким образом, начало 1960-х годов открывало как большие возможности, так и проблемы для англо-американских отношений. Последствия Суэцкого кризиса были преодолены, было полностью возобновлено ядерное сотрудничество, но экономические разногласия продолжались.

В эпоху Кеннеди-Макмиллана (1961–1963 гг.) после Суэцкого кризиса удалось добиться прочности англо-американских отношений. Значимость англо-американского сотрудничества в период Кеннеди-Макмиллана прошла проверку в ходе Берлинского кризиса 1961 г. и Карибского кризиса 1962 г., а также в процессе решения вопросов европейской интеграции. Кроме того, в 1962 г. кризис в отношениях начал назревать из-за покупки Великобританией американской ракеты «Skybolt».

Основная напряженность в отношениях возникла в конце 1960-х и начале 1970-х годов. В этот период англо-американские отношения претерпели изменения не только из-за их собственной внутренней динамики, но

также из-за процессов, охвативших весь западный мир в целом. Экономические проблемы усугублялись ростом цен на энергоносители из-за конфликтов на Ближнем Востоке в 1967 и 1973 годах и влияния ОПЕК. Главной характеристикой этого периода было то, что две страны были отвлечены друг от друга политическими обязательствами в других регионах.

Большинство исследователей англо-американских отношений согласны с тем, что альянс между Великобританией и США значительно ослабел в период с середины до конца 60-х годов XX в., и утверждают, что этот спад ускорился из-за прохладных личных отношений между Г. Уилсоном и Л. Джонсоном [4]. Хотя Г. Уилсон семь раз посещал Вашингтон во время президентства Джонсона, его визиты не были взаимными, Л. Джонсон ни разу не посетил Великобританию в течение своего пятилетнего президентского срока.

Эдвард Хит (1970-1974 гг.) и Ричард Никсон (1969-1974 гг.) поддерживали тесные рабочие отношения. Хит поддержал решение Р. Никсона о бомбардировке Ханоя и Хайфона во Вьетнаме в апреле 1972 года [5]. Тем не менее, в начале 1970-х годов отношения заметно ухудшились. На протяжении всего своего премьерства Э. Хит настаивал на использовании фразы «естественные отношения» вместо «особых отношений» для обозначения англо-американских отношений, признавая лишь историческое и культурное сходство [6]. В области оборонной политики англо-американские «особые» отношения фактически расширились при Э. Хите и Р. Никсоне благодаря модернизации ракетной системы «Polaris» и продолжению обмена военными объектами и разведывательными данными [7].

Дж.Каллаган, вступивший на пост премьер-министра Великобритании после отставки Г. Уилсона в 1976 году, поддерживал дружеские отношения со своими американскими коллегами. Особенно теплую и близкую дружбу он установил с президентом Дж. Фордом.

В 1979 и 1980 годах несколько ключевых событий способствовали сближению двух стран. Прежде всего, снова усилилась мировая напряженность. СССР вторгся в Афганистан, и напряженность между Востоком и Западом вновь возобновилась, набрала обороты новая гонка вооружений. Во-вторых, Маргарет Тэтчер пришла к власти во главе консервативного правительства в Великобритании и сразу же установила хорошие отношения с президентом Дж. Картером. Во время Фолклендской войны в 1982 году Соединенные Штаты сначала пытались выступить посредником между Великобританией и Аргентиной, но в итоге поддержали контрнаступление Соединенного Королевства. США снабжали британских военных оборудованием и материально-техническим обеспечением [8].

Таким образом, на формирование отношений между США и Великобританией в 1949–1991 гг. существенное влияние оказывали не только внутривнутриполитические обстоятельства, но и социально-экономические и политические процессы, охватившие большую часть мира.

Список литературы

1. Giles C. Home UK / UK – Ties that bind: Bush, Brown and a different relationship / C. Giles // Financial Times. Retrieved March 25, 2012.
2. Spillius A. Special relationship Britain and America share fundamental values, Clinton tells Miliband / A. Spillius // The Daily Telegraph (February 4, 2009), p. 12.
3. Newton C. C. S. The Sterling Crisis of 1947 and the British Response to the Marshall Plan / C. C. S. Newton // Economic History Review (1984) 37#3 pp. 391–408.
4. Reynolds D. An ocean apart: The relationship between Britain and America in the twentieth cent. / D. Dimbleby, D. Reynolds. – New York: Random house, Cop. 1988. – XV, 415 c.; Ovendale R. Anglo-American Relations in the Twentieth Century / R. Ovendale. Macmillan, 1998.
5. Curtis M. Britain's Secret Support For US Aggression: The Vietnam War. Secret Affairs. Retrieved November 3, 2014.
6. Peters G. Remarks of Welcome to Prime Minister Edward Heath of Great Britain / G. Peters, J. Woolley. The American Presidency Project. UCSB. Retrieved November 3, 2014.
7. Brummer J. A. Anglo-American relations and the EC enlargement, 1969-1974 (PhD dissertation) / J. Brummer. University College London, 2012.
8. Jenkins S. American Involvement in the Falklands / S. Jenkins // The Economist, March 3, 1984.

УДК 94 (470)

ЭМБЛЕМАТИКА НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ 1990–2019 гг.

Елохин К. А., канд. ист. наук

ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН», г. Москва, РФ
kelokhin@gmail.com

В данной небольшой работе мы рассмотрим некоторые тенденции в эмблематике русских националистических или радикальных националистических организаций, существовавших и действующих в России с момента распада СССР до наших дней. Ещё при существовании СССР, в 1990 г., возникли первые националистические организации, которые, как правило, именуют себя патриотическими, например, Русское Национальное Единство (РНЕ), Русский Общенациональный Союз (РОНС) и другие.

Смешивать националистические организации между собой не следует – они сильно различаются по своей идеологии, несмотря на некоторое сходство. Среди них есть как праворадикальные, национал-социалистические (разных направлений), так и патриотические организации. Только крупных из них (в составе которых насчитываются десятки и сотни человек) насчитываются десятки, мы приведём лишь названия некоторых из них, чтобы осветить основные тенденции в развитии их эмблематики [1].

Большинство националистических организаций возникло уже после распада СССР, официальная символика которого отрицалась значительной частью активно настроенной молодёжи, состоявшей в этих организациях. Но и символика новой России ими также не была принята. Подобное отношение к символам ушедших эпох характерно не только для отдельных организаций, но и для целых регионов [2]. В новом обществе они были вынуждены искать новые образы для выражения своих идей.

Часть идеологов националистических организаций создавала эмблетику своих организаций с нуля, создавая их в виде модных политических и коммерческих логотипов, например, «Общественное движение «Реструкт», «Партия Прогресса (Народный Альянс)», «Национал-Демократический Альянс», и так далее. Как верно замечает Л.В. Анжиганова: «национальное самосознание, родная речь, национальная музыка, символика, традиции имеют корни в коллективном этническом и индивидуальном сознании и являются характеристиками этничности» [3]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что другие организации обратились к имперской/романовской вексиллологии, используя похожие гербы и флаги в своих эмблемах, например, РОНС, «Русский Объединённый Национальный Альянс (РОНА)», «Этнополитическое объединение «Русские», и так далее.

Зачастую эмблемы националистических организаций менялись (украинско-русско-белорусская организация «Misanthropic Division», РОНА и другие), иногда менялась декларируемая идеология, что также отражалось на эмблематическом уровне, например, РНЕ, организация, которая прошла путь от зигующих молодчиков до защитников Русского мира, но данный случай можно назвать исключительным. Иногда организации раскалывались, и фактически используя одно и то же название, имели разные эмблемы и преследовали различные цели, иногда противоположные, например, «Русское Общественное Движение» (РОД).

Некоторые праворадикальные организации обратились к псевдорунической неонацистской эмблематике, основанной на эмблематике III Рейха, например, Национальная Социалистическая инициатива, «Misanthropic Division», «Wotan Jugend», и другие. Иногда они подражают им (применяя знак «Чёрного Солнца»), например, «Национал Социалистическое Движение Русского Народа».

Эти псевдорунические знаки они используют в подражание своим Западным коллегам из т.н. неонацистского интернационала, например, «Swenskarnas», и других. Кстати, по данным, приведённым Секретарём Совета безопасности Российской Федерации Н.П. Патрушевым, в Европе насчитывается более 500 неонацистских организаций, численностью более 7 миллионов человек [4]. Западные неонацисты и националисты, в свою очередь, обращаются как к эмблематике III Рейха, так и уже к своей древности и подражают ей.

Бывает, что в своей эмблематике они доходят до абсурда, сочетая советскую и национал-социалистическую символику (чёрные серп и

молот, вписанные в «Чёрное Солнце», при этом эмблема помещена в красном поле), например, «Национал-Большевистская Партия» (НБП).

Другие организации обращаются к псевдославянской эмблематике, используя в качестве эмблем части известных оберегов, например, «Новая Русь», «Славянская Гвардия» и другие [5].

Нельзя не отметить определённый меркантилизм в использовании эмблематики членами некоторых праворадикальных организаций. Так, например, имеются данные о членах проправительственной организации «Идущие вместе» и неонацистах (скинхедах), которых возглавляли одни и те же люди, и которые шли поздравлять ветеранов Великой Отечественной войны, снимая на ходу футболки со своей символикой и надевая футболки с портретом Президента России В. Путина [6]. Некоторые из националистических организаций готовятся к вооружённому сопротивлению различным вызовам и угрозам. Эта подготовка проявляется и в участии в конфликте на Украине, где «Misanthropic Division» воевала на стороне украинских националистов, а РНЕ – на стороне Новороссии (ДНР и ЛНР). Интересно, что на эмблематическом уровне противостояние националистических организаций различных, даже противоположных направлений, не фиксируется. В этом контексте любопытно отметить тот факт, что различные националистические организации в сопредельных странах публично оскорблял как советские, так и имперские символы. Однако оно существует на уровне пропаганды и военной доктрины некоторых идеологов национализма. Это по-своему удивительно, поскольку очевидно то, что все эти организации, так или иначе, борются за политический и, в конечном счёте, экономический ресурс в виде активных членов из числа молодёжи.

Таким образом, эмблематический язык основан на обращении к прошлому, либо великому, имперскому, либо архаичному, либо вообще маргинальному. Политическая борьба националистических организаций ведётся либо на согласованных и несогласованных митингах и акциях против официальной власти, либо в социальных сетях, но не между собой.

Официальная власть должна перекрыть все коммуникативные каналы, в первую очередь с помощью жёсткой цензуры и, может быть, лишения гражданства и высылки за рубеж, или пожизненных сроков для участников этих организаций, а особенно для той части интеллигенции, которая с провокационными целями создаёт эмблемы, которые придают именно их версии национализма ту или иную направленность.

Список литературы

1. Кожевникова Г.В. Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица: [справочник] / Сост.: А. Верховский, Г. Кожевникова. – М.: Центр «Сова», 2009. – 410 с.
2. Бердин А.Т. К вопросу о трансформации национальных исторических символов Башкортостана в постсоветский период / А.Т.Бердин // Национализм и национально-государственное устройство России: история и современная практика. Сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 80-летию Билала Хамитовича Юлдашбаева. – Уфа, 21 марта 2008 г. ИЭИ УНЦ РАН, 2011. – С. 141–147.

3. Анжиганова Л.В. Этнос как объект научного исследования / Л.В. Анжиганова // Национализм и национально-государственное устройство России: история и современная практика. Сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 80-летию Билала Хамитовича Юлдашбаева. – Уфа, 21 марта 2008 г. ИЭИ УНЦ РАН, 2011. – С. 120.
4. Войны и миры // ФГБУ «Редакция «Российской газеты» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/05/18/nikolaj-patrushev-ob-ukraine-i-ssha-kiberatakah-sirii.html>
5. Елохин К.А. Война флагов на территории Новороссии: события 2014 г. / К.А.Елохин. – М.: Интеграция: Образование и Наука, 2016. – 438 с., илл.
6. Шаргунов С. Хайль вместе / С.Шаргунов // Новая газета. № 70. 23 сентября 2002 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://2002.novayagazeta.ru/nomer/2002/70n/n70n-s00.shtml>

УДК 94:351.711(410)

РАЗВИТИЕ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА)

Журба В.В.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
vitalyvladimirovich1991@gmail.com

Механизм управления в британской угольной промышленности испытывал ощутимые изменения, начиная со второй половины XX в. и до начала XXI в. Толчком для данного реформирования стало объявление о национализации угледобычи в начальный период Второй мировой войны. Наряду с этим были разработаны и учреждены руководящие структуры, функции которых постоянно совершенствовались для стимулирования важной топливной промышленности. Существенные перемены произошли спустя несколько десятилетий в период правления М.Тэтчер. Консерваторы осуществили процесс приватизации угольной сферы, что в конечном результате привело к обновлению системы ее управления, а в последующем – к фактической ликвидации отрасли из-за несоответствия запросам экономической системы страны.

Цель исследования – проследить и охарактеризовать процесс развития и реформирования системы управления угольной промышленности Великобритании во второй половине XX века.

Великобритания обладала и обладает развитым энергетическим комплексом и уже не раз сталкивалась с проблемами формирования эффективной системы управления и ее адаптации к постоянно меняющейся экономической ситуации. Важно отметить, что в период между мировыми войнами общий спад экономической системы стимулировал

правительство Великобритании разработать наиболее эффективный механизм управления угольной отраслью. В силу всех обстоятельств, начинается постепенная децентрализация деятельности внушительного Министерства торговли, которое в предыдущие годы занималось фактически всеми хозяйственными вопросами Соединенного Королевства, что затрудняло решение локальных трудностей. Продолжая определять основные направления экономического развития и выполнять контролирующие функции, министерство формировало и упраздняло новые управленческие структуры, которые бы могли оперативно решать возникающие проблемы, осуществлять законодательную инициативу по тем или иным вопросам и служить проводниками воли властей в разных секторах хозяйства, в т.ч. и в угледобыче [2, с.125].

В период Второй мировой войны начала складываться разветвлённая многоступенчатая структура управления угольной промышленностью, на вершине которой находилось Министерство топлива и энергии. Занимаясь вопросами энергетики в целом, оно задавало общий вектор развития отрасли, напрямую не вмешиваясь в ее текущую деятельность. Оперативное руководство было передано государственной корпорации – Национальному управлению угольной промышленности, ставшему фактическим монополистом на рынке Великобритании. Несмотря на это, сохранились мелкие независимые угольные предприятия, которые не имели возможности конкурировать с новой структурой, но могли и косвенно влиять на ситуацию в той местности, где вели работу. Делегированные министерством полномочия позволяли управлению решать широкий спектр задач, в числе которых был вывод отрасли из кризиса после войны, ее модернизация и адаптация к запросам внутреннего и внешнего рынков [1, с.533-534]. Появление на месте сотен компаний крупной национальной корпорации способствовало аккумуляции финансовых, человеческих, технических и иных ресурсов, необходимых для перспективного развития отрасли.

В послевоенные годы процесс сокращения числа шахт способствовал трансформации руководящей вертикали угольной отрасли. К началу 60-х гг. система управления уже имела 5-ступенчатую структуру, куда не было включено Министерство топлива и энергии, преобразованное в 1957 г. в Министерство энергетики, а в 1969 г. ставшее частью Министерства технологии. На пике управленческой пирамиды находилось национальное управление, ему подчинялись областные управления, которые, в свою очередь, направляли деятельность районных угольных управлений. Чуть ниже в иерархической системе находились группы предприятий, сформированные по территориальному признаку, а самую нижнюю ступень занимали шахты. В ходе данных реформирований были упразднены группы и областные управления, а районные структуры, наоборот, укрупнены [1, с. 534-535].

Учреждение в 1974 году Министерства энергетики, явилось ответной реакцией властей Великобритании на изменение ситуации в мировой энергетической сфере, влияние на которую оказал топливный кризис начала 1970-х гг. В условиях повышения цен на нефть вновь повысилась актуальность использования угля в британской экономике. В этой связи было принято решение обновить национальную энергетическую политику, что нашло отражение в Плане по углю, где были намечены основные мероприятия по поддержке отрасли. Речь шла о приоритетном использовании в качестве топлива в хозяйстве страны угля, который был дешевле, чем нефть. Система взаимодействия руководящих структур разного ранга позволяет перераспределять средства в рамках отрасли с одних предприятий на другие. Одновременно идет техническое перевооружение угледобычи за счет внедрения новых технологий.

Следующим важным фактором для реформирования властной вертикали послужили события 1984–1985 гг. Масштабные протесты горняков, выступающих против массового закрытия шахт, увольнения рабочих, а также с требованиями прибавки к жалованию, подтолкнули правительство М.Тэтчер к проведению решительных действий по преобразованию отрасли. Конечным ожидаемым результатом реформ консерваторов была обозначена приватизация угледобычи, которая рассматривалась в контексте обновления всей хозяйственной политики, в т.ч. за счет сокращения вмешательства властей в экономику, снижения дотаций в традиционные отрасли промышленности и постепенного освобождения государства от активов национализированных компаний, нанеся поражение национальному союзу горняков, который имел огромное влияние на настроения шахтеров [3, с.423].

Таким образом, во второй половине XX века, власти Великобритании проводили преобразования системы управления угольной промышленности. В период нестабильности государство усиливало свое влияние в отрасли, определяя ключевые программные установки ее развития, но старалось не вмешиваться напрямую в деятельность предприятий, создавая промежуточные подразделения в управленческой вертикали, которые могли самостоятельно решать конъюнктурные проблемы в сфере угледобычи.

Список литературы

1. Климов С.Л. Угольная промышленность и энергетическая безопасность стран мира / С.Л. Климов. – М.: Изд-во МГИ., 2002. – 672 с.
2. Реструктуризация угольной промышленности Великобритании: аналитический обзор / Под ред. А. Б. Яновского. – М.: ИнКРу, 1996. – 345 с.
3. Шишкин В.Г. Реформы угольной отрасли Великобритании на рубеже XX–XXI вв. / В.Г.Шишкин, С.А.Карпович // Исследования молодых ученых: экономическая теория, социология, отраслевая и региональная экономика (под ред. О.В. Тарасовой, А.А. Горюшкина). – Новосибирск: ИЭОПП, 2015. – С. 420-425.

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В КАДЖАРСКОМ ИРАНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ищенко В.Б.,

Разумный В.В., канд. ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

ivfoch@gmail.com

Положение женщины в Иране исторически характеризовалось сложным путем трансформации. На различных этапах истории Ирана роли и функции изменялись, обретали свою специфику. Для более детального понимания трансформации роли женщины в иранском обществе необходимо обратиться к периоду XIX века, который, с одной стороны, характеризовался консервативными феодальными чертами, а с другой – накапливал предпосылки для буржуазной революции 1905-1911 годов.

Цель данного исследования – попытка определить роль женщины в браке и семейных отношениях в Иране первой половины XIX века.

По данным Х. Фархуджаста, возраст вступления девочки в брак составлял 7-13 лет, что было связано с быстрым физическим развитием, небольшой продолжительностью жизни, представлении о пользе ранних браков в обществе. Как среди простого народа, так и в знатных родах дети могли быть помолвлены еще в младенческие годы [1, с. 44]. Брак заключался в рамках сословия [7, с. 74].

При выборе невесты могли прибегнуть также к услугам свахи, о чем писал Е.М. Белозерский. Свахи посещали различные дома и узнавали все о характере невесты и ее достатке. Родственники жениха также узнавали информацию самостоятельно. Жених уже имел некоторое представление о внешности невесты [2, с. 58].

Контракт заключался в присутствии муллы. Приданное и свадебные расходы оплачивал жених, также он должен был подготовить залог – михр (махрийа): в случае развода он обязан был вернуть его. На имя невесты записывались некоторые драгоценности, мебель и другое имущество, все это прописывалось женихом в описи и утверждалось местными властями [2, с. 58].

Рассмотрим несколько таких описей. Брачный контракт Сахине Хатун и Хайдара 1821 года предусматривал михр в 20 туманов и шестую часть дома в Фешенде (на севере Ирана) [3]. Брачный контракт Зине Бейгум и Мирзы Мухаммада Джавада от 1847 года предусматривал михр стоимостью в 200 туманов, который состоял из дома и некоторых ценностей, а также 20 туманов наличными для покупки необходимых вещей [4].

В случае развода по собственной инициативе женщина теряла право на михр и детей. Муж мог оставить ей детей только до трехлетнего

возраста. Разведенная жена не имела права выйти замуж раньше 40 дней после развода, а вышедшая замуж вдовой – раньше 130 дней после развода [2, с. 59-60].

Инициатива в разводе принадлежала, как правило, мужчине. Однако женщина могла попросить о разводе, например, при неполучении от мужчины средств на содержание (нафака), его моральной неустойчивости или физическом бессилии. Но согласие мужчины на развод было обязательно и в этом случае. Чтобы добиться развода, женщины дарили ему махрийа, платили некоторые суммы или прибегали к действиям, вызывающим у мужчины отвращение.

Х. Фархуджаста обращает внимание на низкий процент разводов. От разводов женщину удерживало общественное осуждение, невозможность найти средство дохода после развода, незащищенность законом. Инициативе развода со стороны мужчины препятствовали проблема воспитания детей, нежелание возвращать михр и нести расходы в случае нового брака [1, с. 52].

Эндерун являлся частью домашнего пространства, где разворачивалась деятельность женщины. В этой части дома, помимо жены (жен), находились малолетние дети, служанки, пожилые родственницы. Здесь располагались также кухня, кладовые, амбары. Входить туда могли только евнухи и махремы (слуги, получившие от хозяина разрешение) [5, с. 88-89].

Первое время брачной жизни молодая жена зависела не только от мужа, но и от свекрови. Под ее руководством и присмотром женщина училась вести хозяйство, посещала базар. «Только у очень бедных и у крестьян, – как пишет Чарльз Джеймс Уилс, – молодая жена решается, в течение первого года замужества, показываться без мужа» [7, с. 75].

В одном из источников, своеобразном «учебнике» для женщин, на который ссылался Н.Ф. Масальский, были отображены особенности женского характера и поведения, различные предрассудки и негласные правила в сатирической форме. Например, проповедовалась независимое от мужчины поведение. Родственники мужа, особенно свекровь, объявлялись личными врагами [6].

Статус женщины рос в зависимости от рождения детей, особенно мальчиков. С возрастом под ее руководством выполнялось все больше домашних обязанностей. Она искала мужей своим дочерям. Со смертью свекрови женщина могла занять ее статус и оказывать влияние на дела мужа [7, с. 76-77].

В гаремах знати между женщинами происходили бесконечные конфликты. Хаву (одна жена по отношению к другой) для борьбы с соперницей обращалась к ворожбе и колдовству, молитвам, обвинению и даже отравлению соперницы или ее ребенка. Гаремные женщины и их дети

никогда не ели пищу, приготовленную другими женами. Иногда женщины для того, чтобы подчинить и ослабить соперницу, подстраивали связь последней со своими сыновьями, что было запрещено шариатом. Это послужило одной из причин разделения дома на внешнюю часть (бирун) и внутреннюю (эндерун). Мужчины и мальчики в возрасте старше десяти лет жили во внешней части, а женщины и девочки – во внутренней, отдельно друг от друга [1, с. 49-50].

С.И. Черняев, сравнивая супружеские отношения богатых и бедных, приходил к выводу, что в семье бедняка, где не было многоженства, супруги были партнерами по ведению совместного быта. И если для богача его жены были послушными исполнительницами всех желаний, то для бедняка жена «представлялась подругой жизни». [5, с. 118-119].

Таким образом, роль женщины в брачно-семейных отношениях была зависимой. Ряд особенностей был обусловлен социальным положением и достатком семьи. Среди черт, характерных для женщин всех слоев общества, следует назвать: 1) выбор супруга, зависимый от родителей; 2) зависимое от мужа и свекрови положение; 3) незащищенность законом и общественное порицание в случае развода; 4) выполнение хозяйственных домашних обязанностей, репродуктивная функция и воспитание малолетних детей как основные функции в семье.

Список литературы

1. Хушанг Фархуджаста. Семья в Иране (Ханавада) / Хушанг Фархуджаста. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009.
2. Белозерский Е.М. Письма из Персии / Е.М.Белозерский. – СПб, 1886.
3. Marriage contract of Sakinah Khatunand Haydar, 1821. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.qajarwomen.org/en/items/14126A51.html>.
4. Marriage contract of ZinatBaygum and Mirza Muhammad Javad, 1847. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.qajarwomen.org/en/items/14126A57.html>.
5. Черняев С.И. День персиянина. Очерк частной жизни в Персии / С.И. Черняев // Современник. – Т. LXIII. – СПб: Типография Главного Штаба Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям, 1857.
6. Масальский Н.Ф. Письма русского из Персии / Н.Ф. Масальский. – СПб, 1844. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1820-1840/Pisma_russ_o_Persii/text21.phtml?id=7712.
7. Уилс, Чарлз Джеймс. Современная Персия: Картинки соврем. персид. жизни и характера / Уилс, Чарлз Джеймс // Пер. с англ. И. Коростовцов. – СПб., 1887.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ США В ПЕРИОД АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БУША–СТАРШЕГО

Крыжановская И.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
kaf_polit@mail.ru

Президентство Дж. Буша–старшего началось в обстановке пересмотра двусторонних отношений Соединенных Штатов и Советского Союза, заложенных еще при администрации Р. Рейгана. Противостояние двух сверхдержав на протяжении многих лет создавало видимый силовой и идеологический паритет на международной арене. В условиях биполярной системы два мощных государства всеми силами стремились если не обыграть своего противника, то хотя бы ограничить его в действиях. Ситуация изменилась, когда развалился Советский Союз, и беспрецедентное глобальное влияние Вашингтона стало новой проблемой, которую администрация Буша – старшего постепенно начала осознавать.

Цель – проанализировать формирование внешнеполитической стратегии администрации Дж.Буша –старшего в условиях становления «нового мирового порядка».

Американская легитимность покоилась на нескольких столпах, целиком зависевших от существования коммунистической империи. Наиболее прочным столпом была стратегическая угроза со стороны Советского Союза. Наряду с этой общей угрозой существовало общее понимание того, что только Соединенные Штаты обладали силой, способной сдерживать Советский Союз. С точки зрения большинства американских союзников в Европе и Азии, общепризнанная роль Америки как основной защитницы от советской угрозы предоставляла ей очень широкий ореол легитимности.

Общая стратегическая угроза дополнялась общей идеологической угрозой. Во время «холодной войны» Вашингтон гордился тем, что он был «лидером свободного мира» в борьбе с тоталитаризмом, и с этим было согласно большинство европейцев. Манихейская борьба времен «холодной войны» наделила наиболее сильную демократическую страну мира значительным авторитетом в демократическом лагере.

Распад Советского Союза в декабре 1991 г. был воспринят Администрацией Дж. Буша–старшего в качестве идеологической победы либеральной демократии над «империей зла». Вашингтон оказался в условиях военно-стратегического и идеологического преимущества. В новых условиях перед Соединенными Штатами встала задача: стать главным двигателем западных ценностей и демократии в мире и «сохранить активную роль в качестве единственной глобальной державы».

В «новом мировом порядке» Соединенные Штаты видели себя в качестве активного игрока на международной арене, где будут реализовываться их национальные интересы, закрепленные в стратегии национальной безопасности. По мнению Вашингтона, должны были стать: во-первых, распространение «победившей» либеральной демократии и ценностей рынка; во-вторых, обеспечение глобальной безопасности. Администрация сорок первого президента продумывала подходы к урегулированию потенциальных межнациональных конфликтов, решению вопросов, связанных с международным правом и соблюдением прав человека. Политический истеблишмент рассматривал варианты использования активного вооруженного вмешательства не только в межгосударственные, но и во внутригосударственные конфликты исходя из собственных «стандартов демократичности» [2].

Исключительно важную роль в формировании новой внешнеполитической, и, в частности, региональной, стратегии администрации Дж. Буша – старшего сыграла операция «Буря в пустыне». В первую очередь, операция в Персидском заливе должна была продемонстрировать, с окончанием «холодной войны» именно Вашингтон занял новое место на международной арене и претендует на роль единоличного мирового лидера. Параллельно американское руководство ставило своей целью добиться полного контроля и доминирования Соединенных Штатов в регионе.

11 сентября 1990 г. президент Дж.Буш – старший обратился к американскому Конгрессу за одобрением военной операции против Ирака. Он озвучил свое принципиально новое видение мира, складывающегося в новых внешнеполитических условиях. В обращении к конгрессменам президент указал на то, что времена изменились радикально и теперь ни один диктатор в мире не может использовать себе на пользу конфронтацию между Востоком и Западом. Этот порядок, по словам Дж. Буша –старшего, будет свободен от боязни террора, но даст возможность установить прочный мир и всеобщую справедливость. Это будет эра, когда каждая нация с востока и запада, с севера и юга получит возможность расцвета и гармоничной жизни, утверждал президент США[3].

После объявления С. Хусейна «диктатором» и одобрения со стороны Конгресса США и союзников на проведение военной операции, началась массированная подготовка Вашингтона к войне.

Подготовительный этап войны в Персидском заливе, носивший название «Щит пустыни», начался в августе 1990 г. и закончился в январе 1991 года. Операция многонациональных антииракских сил позволила сосредоточить значительную военную группировку, перебросить на театр военных действий топливо, продовольствие и медикаменты на территорию Саудовской Аравии.

Следующий этап войны в Персидском заливе вошел в историю под названием «Буря в пустыне». Исчерпав дипломатические и экономические

варианты давления на Ирак, после вторжения его в Кувейт, США сочли оптимальным решением применение вооружённой силы. Операция длилась сорок три дня и включала: воздушное наступление (17 января – 23 февраля) и воздушно-наземную операцию (24-28 февраля) [4]. Сорок первый президент США остался доволен успешно проведенной военной операцией. Победа в войне в Персидском заливе способствовала небывалому повышению военно-политического престижа США. При этом авторитет государства, которое имело в своем арсенале необходимые политические, военные и экономические инструменты на международной арене для разрешения региональных конфликтов, значительно возрос. Кроме того, при разрешении кризиса в Персидском заливе Вашингтон четко продемонстрировал модель будущего разрешения кризисов в формирующихся условиях однополярной системы. Участие США в международных делах в целом стало важным как никогда. При этом президент Дж. Буш –старший считал, что «если Соединённые Штаты не возглавят этот процесс, то его не возглавит никто» [1].

Таким образом, после сорок первый президент США, закрепил позиции Соединенных Штатов Америки как главного игрока на международной арене и закрепил концепцию «нового мирового порядка», идеологическим обоснованием которого стал военно-силовой вариант урегулирования региональных конфликтов в виде использования тактики «точечных ударов» и «хирургических бомбардировок».

Список литературы

1. Белевцева С.Н. Подходы администрации Дж. Буша – старшего к решению региональных конфликтов / С.Н. Белевцева // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. № 3 (19) / 201. [Электронный ресурс]– Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/podhody-administratsii-dzh-busha-starshego-k-resheniyu-regionalnyh-konfliktov#ixzz4W8vaNIQe>
2. Буш Дж. Мир стал другим / Дж.Буш, Б.Скоукрофт // Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2004. – С. 54-55.
3. Bush G. Address bef. the Joint Sess. of the Congress on the Persian Gulf Crisis and the Federal Budget Deficit. 11 Sept. 1990. – P.10.
4. Cost estimates for Operetion Desert Shield/Desert Storm: a budgetary analysis.//URL: <http://archive.org/details/costestimastor1094543740?q=Desert+Storm>. – P.169

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА К. МЕНЕМА В 80-90-е годы XX в.

Крысенко Д.С., д-р ист. наук, доцент,

Бредихин А.В., д-р ист. наук, профессор

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет им. Т. Шевченко», г. Луганск, ЛНР
mataj2@rambler.ru

Стремление правительства К. Менема увязать свою внешнюю политику с могущественными западными странами было, несомненно, главной причиной ликвидации высокотехнологичных проектов, таких как баллистическая ракета Кондор II, разработку которой США сочли нежелательной. Демонтаж данной программы предполагал ослабление военно-воздушных сил, для которых она представляла организационную гордость и символ национального суверенитета, однако К. Менем, в конечном счете, одержал победу.

Еще одним шагом в направлении к США стало решение К. Менема о присоединении Аргентины к Договору о нераспространении ядерного оружия. Смягчение противодействия военных проводимой политике урезания армейского бюджета и кадрового состава требовало изменения в акцентах на характер внешних угроз, стоявших перед Аргентиной. Такой угрозой ранее считались соседи – Чили и Бразилия. Находясь с 1978 г. на грани войны за три острова в проливе Бигл, в 1991 г. Аргентина и Чили подписали серию соглашений, которые положили конец большинству пограничных конфликтов. В декабре 1991 г. Аргентина и Бразилия, продолжавшие разработку ядерных программ, дали взаимное согласие на открытие своих объектов данного проекта для проверки Международным агентством по атомной энергии.

Помимо ослабления напряженности в отношениях с граничащими странами, Аргентина восстановила дипломатические отношения с Великобританией и взяла на себя обязательства по ведению двусторонних переговоров, направленных на урегулирование исторического спора вокруг Мальвинских/Фолклендских островов. Хотя Аргентина по-прежнему полна решимости вернуть контроль над архипелагом, она фактически отказалась от идеи сделать это военным путем, хотя некоторые националистические группы (в т.ч. в вооруженных силах), такую перспективу считают реальной. Примечательно, что аргентинский МИД рассматривал вопрос о выплате жителям островов (которые предпочитают сохранять британское гражданство) компенсации в случае передачи их территорий под суверенитет Буэнос-Айреса.

В отличие от правительства предшественника, администрация К. Менема предоставила офицерам больше самостоятельности в профес-

сиональных вопросах. Помимо формулы «живи и дай жить другим», К.Менем в попытках интегрировать вооружённые силы в жизнь общества пошёл дальше, чем Р. Альфонсин. В интересах примирения с военными, президент К. Менем попытался укрепить их престиж и найти для них достойную внешнюю задачу. Центральным элементом этого аспекта военной политики была отправка аргентинских вооруженных сил в миротворческие миссии ООН по всему миру с 1990 г.

Миротворчество предоставило аргентинским вооруженным силам профессиональный опыт, более высокую зарплату и моральный дух, что выступило противовесом ограничениям, которые накладывали внутренние финансовые ограничения. Такая политика являлась способом интеграции военных, маргинализированных во многих других отношениях, в более широкие цели правительства. Идея задействовать их в международных операциях по поддержанию мира и превратить эту деятельность в центральную миссию исходила непосредственно от президента К. Менема, и война в Персидском заливе предоставила для этого первую возможность. В сентябре 1990 г., спустя чуть более года после вступления в должность, К. Менем решил присоединить Аргентину к санкционированной ООН блокаде Ирака, отправив в зону конфликта два корабля, транспортные самолёты ВВС и 600 военнослужащих [2]. В 1990-х гг. Аргентина стала одним из самых надежных участников ООН в операциях такого рода. В частности, в марте 1992 г. Аргентина направила армейский батальон в состав 900 человек в Хорватию. До конца десятилетия правительство направляло войска в такие отдалённые места, как Сомали, Кипр, Кувейт, Гаити и Ангола.

Миротворчество решило столь важную проблему, как сохранение самооценки и морального духа, что крайне важно для сдерживания беспорядков в казармах. Возможность маршировать вместе с американскими войсками на параде после войны в Персидском заливе восстановила потерянную в 1982 г. репутацию аргентинских войск. В целом же, миротворческая деятельность в рамках ООН была для аргентинского правительства способом демонстрации лояльности Соединённым Штатам.

Список литературы

1. Бурляй Я.А. Специфика применения «мягкой силы» во внешней политике Аргентины / Я.А.Бурляй // Дискурс-Пи. – 2017. – № 4. – С. 136-140.
2. Щербакова А.Д. Аргентина и США: уроки «периферийного реализма» / А.Д.Щербакова // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2008. – №1. – С. 100-105.

ЖРИЦЫ АФИНСКОГО ПОЛИСА

Ленская В.С., канд. ист. наук

ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН», г. Москва, РФ

vlenskaya@yandex.ru

Как известно, в античности афинские женщины были отстранены от участия в общественной жизни полиса; единственной сферой, в которой они имели право принимать участие наравне с мужчинами, являлись религиозные церемонии. Первая и древнейшая часть культа, в котором женщины принимали участие, – домашний культ. Семейный очаг, домашние алтари, домашние религиозные праздники, культ предков – вот область, где женщины могли реализовать свою социальную активность в полной мере, поскольку они почти всегда находились в пределах дома, тогда как мужчины чаще всего отсутствовали, исполняя гражданские обязанности. Полисный культ уже имел гендерную окраску: отдать первенство в данном случае женщине мужчины не могли, и единственное, на что они согласились – это поделиться с женщинами своими жреческими правами. Сначала это произошло в пределах рода: как известно, каждый знатный афинский род, γένος, управлял каким-либо полисным культом, иногда несколькими [1, p.284-327] – устраивал праздники, выбирал из своей среды жрецов этого культа, следил за храмами и алтарями культа. Нередко в одном роде были и жрецы, и жрицы, как, например, в роде Этеобутадов, который поставлял жреца Посейдона Эрехтея и жрицу Афины Полиады. Множество жрецов и жриц было в элевсинских родах, роде Саламиниев и др. Гентильные жрецы выбирались членами рода и исполняли свою обязанность пожизненно [2, p.95-104]; женщины готовились к своим обязанностям наравне с мужчинами – так, Лисимаха из рода Этеобутадов, жрица Афины Полиады, прожившая 88 лет, занимала свою должность 64 года (IGI² 3453, 360 до н.э.; Plin.NH. 34. 19. 76). У жрицы Афины Полиады были две помощницы, женщины с таинственными именами Κοσμίω и Τραπεζίω (Harpocr. s.v. Τραπεζοφόρος, Hesych.s.v. Τραπεζίω); происхождение имен неизвестно, но, скорее всего, они были связаны с ритуалом жертвоприношения. Сохранились также сведения о том, что у нее была помощница, которую источники именуют δίακονος (Paus.I. 27. 4). Кроме того, у жрицы Афины Полиады были совсем юные помощницы – девочки-аррефоры от 7 до 11 лет, выбиравшиеся из знатных семей (Harpocr. Etym. Magn. s.v. ἀρρηφορεῖν; Paus. I. 27. 3).

Гентильное жречество сохранялось на всем протяжении греческой истории, и многие культы всегда оставались под контролем одного рода.

Так, культ Афины Полиады контролировался Этеобутадами даже тогда, когда жрицы стали носить римские имена (напр., Павлина Скрибония Капитонос, IGII² 3199, кон. II в.); то же самое можно сказать о жрицах Деметры и Коры из рода Филлидов (напр., Клавдия Теймотея, IGII² 3584-88, нач. II в. и др.). Религиозное сознание как наиболее консервативное позже всего открылось для перемен демократического плана. Тем не менее, в конце V в. до н.э. возможность участия в религиозной жизни полиса в качестве должностных лиц появляется и для остальных афинских гражданок. В середине V в. до н.э. (между 448 и 424 гг. до н.э.) была избрана первая жрица Афины Ники из среды всех афинских гражданок, исполнявшая эту должность до конца жизни; она получала ежегодную зарплату 50 драхм и отборные части от жертвоприношений (I³ 35, 36; SEG 12:80). В дальнейшем жриц из состава всех афинянок (не принадлежавших к геннетам) стали выбирать регулярно, хотя срок исполнения ими должности неизвестен. Дж. Блок резонно считает, что в данном случае прямые параллели между мужским и женским жречеством не вполне уместны: если мужчины-жрецы избирались на год, точно так же, как и в случае занятия ими других должностей в полисе, то женщины, для которых жречество было единственной доступной им должностью, вовсе не обязательно занимали ее лишь в течение года; скорее всего, возможны были и более длительные сроки [3, p.116-118].

В отличие от жрицы Афины Ники, другие «демократические» жрицы не получали зарплату, но имели своего рода вознаграждение в виде отборных частей жертвенных животных (IGII² 1356, нач. IV в. до н.э., упомянуты жрицы Героинь, Диониса Антио, Геры, Деметры Хлои). По-видимому, с этого момента активность афинских женщин в сфере организации полисного ритуала резко возрастает. Жрицы выбирались как для общеполисных культов (напр., культа Бендиды и Кибелы), так и для местных культов, локализовавшихся в демах. Надписи IV в. до н.э. изобилуют именами женщин, которым демоты выносили благодарность за те или иные действия в ходе устроения праздников; благодарность нередко сопровождалась денежным вознаграждением, а позднее и правом на проэдрию, т.е. фиксированные места в театре (IGII² 1199, Айксона; IGII² 1207, Ахарны; II² 1184, Холарг; SEG 28:103, Элевсин; SEG 36:206, Фреаррии, IGII² 1356, неизв. деметс. Проэдрия – IGII² 5093, 5095, 5096, 5129 etc.). Началом II в. до н.э. датируется надпись из дема Мелита, из содержания которой следует, что демоты Мелиты выносят благодарность Сатире, жене Кратея, избранной (προκεκρίσθην) демотами жрицей Фесмофорий. Эта Сатира как должно совершала все жертвоприношения и даже пожертвовала на них из своих денег более 100 драхм (Agora 16 № 277).

Заметим, что полисных декретов, в которых чествуются жрицы, сохранилось довольно мало: нам известно несколько декретов в честь

жрицы Афины Полиады (IGI² 776, 928, жрицы Аглавры (SEG 33:115; IGI² 948) и жрицы Деметры (IGI² 863, 953) – они удостоились похвалы за благочестие и щедрость. Все эти жрицы кооптировались из знатных родов и заведовали весьма значимыми и престижными полисными праздниками. По всей видимости, основная масса «демократических» жриц принадлежала к жительницам демов и руководила местными праздниками. Кроме жриц, мы встречаем должности ἀρχοῦσαι (IGI² 1184, 1213; Is.VIII. 19) и κούριαῖες (Is.VIII. 20), которые были распорядительницами при устройении праздников. По свидетельствам источников, вспомогательный персонал местных культов выбирался женщинами, жительницами демов.

После исполнения своих обязанностей жрицы были обязаны дать собранию отчет о своей деятельности: Эсхин пишет, что «закон предписывает требовать отчет у жрецов и жриц, у всех вместе и каждого в отдельности, хотя они получают только жертвенные подношения и возносят за вас молитвы богам» (Aesch.InCtesiph. 18).

Требований, предъявляемых к жрицам, было немного. Жрицы должны были принадлежать к уважаемым и состоятельным семьям (Plat.Leg. 759b-c). Возраст жриц, похоже, не ограничивался: так, уже упоминавшаяся нами жрица Афины Полиады Лисимаха стала жрицей в возрасте 24 лет и находилась в этой должности 64 года.

Таким образом, женщины постепенно проникли в полисную религию в качестве жриц и устроительниц и отвоевали себе место в общественной жизни, хотя и на небольшом пространстве. Символом обладания женщинами высшей жреческой власти стал ключ от храма, который часто изображается на надгробных стелах в руках жрицы (самые ранние изображения подобного плана в Аттике датируются нач.IV в. до н.э.) [4, p.294-295].

Список литературы

1. Parker R. Athenian Religion. A History. Oxf., 1996. – 370p.
2. Blok J., Lambert S. The Appointment of Priests in Attic Gene // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2009. 169. – P. 95-121.
3. Blok J. The Priestess of Athena Nike: A New Reading of IG I³ 35 and 36 // Kernos. – 2014. 27. – P. 99-126.
4. Kosmopoulou A. Working Women: Female Professionals on Classical Attic Gravestones // The Annual of the British School at Athens. 2001. 96. – P. 281-319.

УПАДОК НЕСТОРИАНСТВА В БЕТ-МАЗУНАЙЕ (ОМАНЕ)

Лоза В.П.

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет им. Т. Шевченко», г. Луганск, ЛНР
vasiliy.loza.93@mail.ru

В середине VII в. в результате гибели государства Сасанидов территории, ранее подчинённые персам, вошли в состав арабского государства. Несторианская церковь, которая существовала в V-VII веках в условиях компромисса с персидскими властями, вынуждена была приспособляться к изменившимся политическим условиям.

Исследовать процесс падение влияния несторианства в Бет-Мазунайе (на территории нынешнего Омана) в VII в. на основании письма несторианского католикоса Ишояба III.

Католикос Ишояб III, возглавлявший несторианскую церковь в 647-658 гг., оставил после себя ряд писем, из которых можно почерпнуть информацию о состоянии несторианской церкви в десятилетия, непосредственно следовавшие за падением государства Сасанидов. Текст писем Ишояба III вместе с латинским переводом в 1905 г. был издан как часть серии *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*, но известны они были с конца XVII в., когда были обнаружены близ Мосула [7, с. 6].

На период управления Ишоябом III несторианской церковью приходится ослабление её централизации, которое явственно проявилось в стремлении к большей самостоятельности со стороны митрополита Рев-Ардаширского (под контролем которого находились несторианские общины Фарса). Под церковным управлением митрополита Рев-Ардаширского находились также области Бет-Катрайе (она включала в себя не только Катар, но и Бахрейн и другие острова Персидского залива, на которых существовали общины несториан) и Бет-Мазунайе (на территории современного Омана). Сам город Рев-Ардашир располагался близ нынешнего Бушира на иранском побережье Персидского залива.

Несторианство, по всей вероятности, проникло в Оман вслед за установлением определённого персидского контроля над частью территории Омана. В Омане существовали персидские крепости, подобные обнаруженной в Фулайдже [9], но часть территории Омана контролировала местная династия, заключившая соглашение с Сасанидами [2, с. 276-277]. Вероятно, носителями несторианства в Омане были осевшие здесь сирийские купцы. В середине V в. в Бет-Мазунайе возникло несторианское епископство [1, с. 108].

На территории Омана археологи пока не обнаружили таких убедительных подтверждений существования христианских общин, как на территории Бет-Катрайе [4, с. 71].

Во время наступившего после свержения Хозроя II Парвиза политического кризиса в Персии, сопровождавшегося частой сменой правителей, господству Сасанидов в регионе начали угрожать арабы. Оман был потерян для Персии уже в 630 г.

Ишоаб III стал католикосом уже после того, как персидские войска были разгромлены арабами при Нехавенде. Главные центры несторианства оказались на подконтрольной арабам территории, но целостности её куда больше угрожало ослабление авторитета католикоса. То, что после 605 г. из-за придворных интриг несторианская церковь некоторое время оставалась без католикоса [3, с. 245], по всей вероятности, повлияло на рост самостоятельности местных иерархов, что не прекратилось вполне и после восстановления института католикосата.

Обращаясь к митрополиту Симеону Рев-Ардаширскому, который возглавил враждебные католикосу силы, Ишоаб III упоминает об упадке христианства в подконтрольных последнему областях: «Где дети твои, оотец детей покинутых? Где святилище твоё, о нерадивый священник? Где значительный тот мазунский народ...?» [7, с. 179], и далее в том же письме пишет об отступничестве жителей Бет-Мазунае от христианской веры, связывая это с борьбой между ним и Симеоном: «...в то время как две головёшки остывали от огня бесчестия, называвшиеся священниками, но бездействовавшие» [там же]. Далее же Ишоаб III указывает Симеону на упадок веры в Фарсе и Кермане. Сей упадок Ишоаб III связывает с незаконным рукоположением епископов со стороны митрополита Симеона [7, с. 180-181].

Вообще же причиной разногласий между католикосом и митрополитом Рев-Ардашира можно считать ограничение полномочий митрополитов Рев-Ардашира в отношении индийских земель. Крупнейшие христианские общины находились на Малабарском побережье Индии [8, с. 442]. Католикос Ишоаб II (628-643 гг.) учредил в Индии митрополию; местному митрополиту подчинялись примерно шесть или двенадцать епископов-суффраганов [8, с. 496]. Учреждение отдельной митрополии в Индии вызвало недовольство митрополитов Рев-Ардашира, что, по мнению Альфонса Минганы, и привело к расколу в несторианской церкви, и митрополит Рев-Ардашира пытался присвоить себе право назначать епископов Индии и Бет-Катрайе [8, с. 496-497].

Ишоаб III, чтобы прекратить раскол, написал ещё несколько писем, обращаясь к христианам Бет-Катрайе, призывая их отвергнуть незаконных епископов и обращаться по вопросам, касающимся назначения епископов, к католикосу. По мнению Минганы, когда католикос во втором из этих писем писал об ущербе для людей с «другой стороны» и народах, которые «живут за вами» [7, с. 190], то речь шла именно об Омани (поскольку тот лежит дальше к юго-востоку по отношению к Селевкии на Тигре, резиденции католикосов, чем Бет-Катрайе), где христианство пришло в упадок после арабского завоевания.

Судя по письмам Ишояба III, несторианское население Бет-Мазунайе руководствовалось скорее материальными интересами [7, с. 179] при отказе от христианства, к чему их побудила потеря части имущества (возможно, из-за введенных арабами налогов). Это может указывать на его весьма поверхностное распространение в данном регионе. Но несторианская община в Бет-Мазунайе просуществовала ещё несколько десятилетий после арабского завоевания, поскольку в соборе несторианской церкви в 676 г. присутствовал Стефан, епископ Бет-Мазунайе [5, с. 482]. Впрочем, в VIII в. епархии в Омани, вероятно, уже не существовало.

На территории современного Омани существовала несторианская община, с V в. управлявшаяся епископом, подконтрольным митрополиту Рев-Ардашира. В середине VII в., в результате арабского завоевания и распространения ислама, с одной стороны, и снижения авторитета вследствие распрей внутри церковной общины с другой стороны, несторианство в Омани пришло в упадок и исчезло к VIII веку.

Список литературы

1. Колесников А.И. Иран в начале VII века (источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления) [текст] / А.И. Колесников. – Л.: Издательство «Наука», 1970. – 143 с.
2. Мишин Д.Е. Хосров I Ануширван (531-579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха [текст] / Д.Е.Мишин. – М.: Издательство МБА, 2014. – 696 с.
3. Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI-VII веков [текст] / Н.В. Пигулевская. – М. Л.: Издательство АН СССР, 1946. – 289 с.
4. Carter R. A. Christianity in the Gulf during the first centuries of Islam [text] // *Arabian Archaeology and Epigraphy*. – 2008. – № 19. – P. 71-108.
5. Chabot J.B. *Synodicon Orientale ou Recueil de Synodes Nestoriens* [text] / J. B. Chabot. – Paris: Imprimerie Nationale, 1902. – 695 p.
6. Isoyahb Patriarhae III. *Liber epistolarum* / interp. Rubens Duval. – *Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores syri*. – Paris: Typographeo Republicae, 1905. – 222 p.
7. Mingana A. Early spread of Christianity in India [text] / A. Mingana // *Bulletin of the John Rylands Library*, 1926. – T. 10. – P. 435-510.
8. Fulayj – a late Sasanian fort on the Arabian coast [Электронный ресурс]. – Режим доступа к статье: dro.dur.ac.uk/22944/1/22944.pdf

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ КАТЕГОРИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Мостяев Ю.Н.¹, канд. ист. наук, доцент,

Минат В.Н.², канд. геогр. наук, доцент

¹ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»,
г. Рязань, РФ

²ФГБОУ ВО «Рязанский государственный агротехнологический университет
имени П.А. Костычева», г. Рязань, РФ
minat.valera@yandex.ru

Общеизвестно, что категории пространства и времени выступают как формы бытия материи. Наиболее общая характеристика пространства определяется свойством объекта быть протяженным, занимать место среди других, граничить с другими объектами. Понимание времени предполагает сравнение различных длительностей, выражающих скорость разворачивания процессов, их ритм и темп.

Человек и общество, выступающие объектами исследования многих наук, развиваются как во времени, так и в пространстве. Если принять за основу определение истории как науки «о людях во времени», выдвинутое представителем школы «Анналов» М. Блоком, то, скажем, географию можно определить как науку «о людях в пространстве». Тогда, в основании синтеза упомянутых наук, представленного исторической географией, должно лежать ее определение как науки «о людях в пространстве и времени». При этом, следует учитывать, что и в истории, и в географии, и в историко-географическом анализе каких-либо объектов и явлений, важное место всегда уделяется их отношению с естественной (географической) средой, частью (элементами) которой они в любом случае являются.

В современных исторических исследованиях «пространство перестает быть простым «фоном», на котором разворачиваются исторические «события и деяния», оно органически включается в картину мира, задавая существенные параметры «мироосмысления», новая локальная история «позволяет находить мультисоциальные и мультикультурные объекты исследования, использовать пространственно-временные модели, не отменяющие линейную хронологию, но выявляющие ее ограниченность» [2, с. 44].

При этом возникает вопрос, о каком пространстве идет речь? В настоящее время едва ли не каждая наука обосновывает свою категорию пространства – этнического, экономического, политического и т.д., наделяя их необходимыми свойствами, параметрами, закономерностями развития и пр. В частности, у каждого исторического исследования есть территориальные рамки. Они очерчивают пространство, на котором

происходят описываемые события, и называют его, тем самым, задавая определение происходящим процессам. Поэтому историки по праву выдвинули свою философскую познавательную категорию – историческое пространство, созданное социокультурной деятельностью людей, и считают его одним из ключевых в исторической науке.

Однако, на наш взгляд, приоритеты при учете фактора пространства принадлежат, без сомнения, географическим исследованиям, а в системе представлений о пространственно-временном континууме – синтезу географии и истории – исторической географии. Здесь речь идет, естественно, о географическом пространстве (геопространстве) – форме существования географических объектов и явлений в пределах географической оболочки; совокупность отношений между географическими объектами, расположенными на конкретной территории и развивающимися во времени. Как отмечают современные географы, «фактор пространства сопряжён с координатами времени и пространства, взаимодействием этих координат при выделении геопространственных объектов в обществе и в природной среде обитания человека (стран, ландшафтов и т.д.)» [3, с. 17].

В рамках геопространства выделяют социально-географическое пространство, которое можно определить как пространство общества в совокупности со всеми сферами географической среды, или пространство ойкумены. Оно непосредственно связано с историческим пространством, поскольку последнее продуцируется человеком на базе географического пространства и само отчасти является производным от времени. Историческое пространство, в отличие от географического, – продукт времени и человека во времени, и в то же время вместе со временем является параметром дальнейшего исторического развития человечества.

Таким образом, очевидно, что первичной основой любого научного восприятия и исследования пространственно-временной действительности (как в статике, так и в динамике, движении) должно являться непосредственно географическое пространство. Данную логическую позицию, по нашему мнению, можно считать исходной при учете фактора пространства в общественных науках.

Кроме того, можно разделить предметные сферы наук. Если изучение влияния времени на географическое пространство составляет предметную область ученых-географов, которым нужно реконструировать этот процесс, то «ученого-историка больше интересует влияние времени и географического пространства на человека на определенном этапе, без учета влияния времени на последнее, тем более что это влияние ничтожно в период существования политической истории человечества и может стать научным шумом при изучении аспекта» [1, с. 35].

Мы солидарны с мнением крымских ученых Р.А. Близнякова и Д.А. Малышева, ставящих задачу изучения влияния исторического прост-

ранства и времени на человеческую историю, в том, что «историческая наука в поиске выхода из методологического тупика неизбежно все больше внимания будет уделять пространственной характеристике исторического процесса, однако, изучая вопрос исторического пространства, необходимо избегать крена в сторону позитивистского перегиба» [1, с. 42]. При этом, совершенно справедливо предостережение о том, что изучение пространства ради пространства недорого стоит [2].

С позиции географии нельзя не отметить, что, науки об обществе, хотя и должны учитывать фактор географического пространства (прежде всего фактор неоднородности геопространства), делают это в ограниченной степени. В результате возникают и накапливаются систематические ошибки, которые далеко не всегда обнаруживаются исследователями и практиками – особенно с учетом того обстоятельства, что в науках об обществе обычно невозможен эксперимент, по крайней мере, как он понимается в естественных науках. Как отмечает М.П. Крылов, «... в науках об обществе географическое пространство обычно полагается внутренне однородным по своим качественным параметрам, слабо дифференцированным и, в конечном счете, не самым существенным из учитываемых факторов. Дискретность географического пространства, на которую ориентирован обычный рабочий инструментарий географов, нередко вызывает недоумение у обществоведов» [3, с. 19].

Таким образом, историческое пространство можно понимать и характеризовать (анализировать) как географическое пространство, наполненное человеком, его социокультурными смыслами. Тем более, что историки в рамках исторической географии обычно учитывают существенно более широкий круг явлений, по сравнению с теми, что традиционно изучаются географами.

Список литературы

1. Близняков Р.А. Историческое пространство – феномен истории и константа исторического развития / Р.А. Близняков, Д.А. Малышев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2017. – № 9 (83). – С. 35-43.
2. Казаков Р.Б. Историческая география в пространстве современного гуманитарного знания: от вспомогательной дисциплины к методу гуманитарного познания / Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева // в сб.: Пространство человека и человек в пространстве: материалы XXIII Междунар. Науч. конференции. – М., 2011. – С. 31-45.
3. Крылов М.П. Роль фактора пространства в науках об обществе и культурная география / М.П. Крылов // Известия РАН. Сер. Географическая, 2015. – С. 16-28.

ОБРАЗ ИМПЕРАТОРА КАЛИГУЛЫ В ОДНОИМЕННОЙ ПЬЕСЕ АЛЬБЕРА КАМЮ

Панасенко Д.А.,

Шенко Л.Г., д-р ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

dima.panasenko.1994@mail.ru

Осмысление хода истории неизбежно вызывает вопросы о роли личности в ней: изменила ли она ход исторических событий; было ли неизбежным такое изменение или нет; что случилось бы без этого деятеля? и т. п. Из очевидной истины, что именно люди делают историю, вытекает важная проблема о роли отдельных личностей в истории государств и их эволюции. Этот вопрос иллюстрирует важность разработки теории роли личностей. Историография данной проблемы освящена в статье Л.Е. Гринина, поэтому мы не будем подробно останавливаться на данном вопросе [2, с. 3-40].

Основными источниками являются сочинения Луция Аннея Сенеки, Иосифа Флавия, Гая Светония Транквилла и Диона Кассия. Все они настроены к императору весьма отрицательно. Сенека относился к Калигуле с неприкрытой неприязнью (Sen. M. Const. Sap. 18.1). Личность императора вызывает антипатию и у Иосифа Флавия (Flav. XIX. 1). Светоний, построивший биографию Калигулы на противопоставлении немногочисленных положительных деяний и обширного перечня зверств, нередко пересказывал слухи об императоре. Описанию Калигулы-чудовища он уделил вдвое больше места, чем перечислению заслуг императора (Suet. Cal. 27-42). Единственным автором, оставившим хронологически последовательное изложение событий в правление Калигулы, был Дион Кассий. Он относился к Калигуле резко отрицательно (Dio. Cass. LIX, 26). Несмотря на отрицательную характеристику Калигулы, которую дают античные историки, современные ученые признают интеллектуальные, управленческие и военные способности Калигулы. Тем не менее, исследователи подчёркивают его хитрость, коварство, жестокость, манию величия, безрассудство, жадность, дерзость, заносчивость, в некоторых случаях инфантильность [1, с. 105; 4, с. 268-270; 5, р. 158].

Сюжет пьесы Камю, над которой автор работал на протяжении 6 лет, основан на книге Светония «Жизнь двенадцати цезарей». Калигула – это человек бунтующий, осознавший абсурд мира и решивший выбраться из него любой ценой. Бунт Калигулы направлен не только против всемогущих богов, но, прежде всего, это бунт против изначального несовершенства мира, в котором вынужден жить человек. «Этот мир, такой, какой он есть, выносить нельзя. Поэтому мне нужна луна, или

счастье, или бессмертие, что-нибудь пускай безумное, но только не из этого мира» – говорит император [3, с. 286].

Ущербность жизни и ее неполнота, которую так трагически ощущает Калигула, заставляет его вносить новые, зачастую жуткие смыслы в окружающий мир. Власть для Калигулы – средство для достижения цели. Калигула занимает место судьбы, которую нельзя понять. И хотя он убивает, но убивает со смыслом. Философия Калигулы – это дойти в отрицании мира и человека до предельной трагической точки. «Я живу, я убиваю, я обладаю головокружительным могуществом разрушителя, рядом с которым могущество творца кажется жалкой пародией. Это и значит быть счастливым. И вокруг меня снова будет великая пустота, в которой сердце обретает покой» [3, с. 323-324].

Калигула терпит поражение: страшное и сокрушительное. Убивая Цезонию, он приходит в экстаз от необъятной радости безнаказанного убийцы и испытывает счастье от того что обрел абсолютную свободу и власть. «В настоящей страсти должна быть капля жестокости. А в любви – чуточку насилия» [3, с.323]. Но вскоре Калигула понимает, что пошел дорогой, которая никуда не ведет.

За четыре года своего правления император впал в «кесарево безумие» и стал требовать от своих подданных, чтобы его почитали как бога. «Есть только один способ сравняться с богами: достаточно быть столь же жестоким» [3, с. 306]. Убитый в результате третьего заговора трибунов, император оставил по себе столь дурную славу, что в Риме встал вопрос о возвращении к республиканской форме правления (Suet.Cal. 58-60). Камю выводит на сцену героя, стремящегося достичь невозможного. Император воспринимается как безумец, склонный к тирании и сладострастию, в результате пришедшим к полному нигилизму и внутреннему краху. «Ничего нет! Честь, совесть – как там ещё? – мудрость нации – все исчезло перед лицом страха! Страх – это прекрасное чувство; без примесей, чистое, бескорыстное чувство, одно из немногих благородных чувств» [3, с. 297].

Список литературы

1. Баррет Э. Калигула / Э.Баррет. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1999. – 432 с.
2. Гринин Л.Е. Личность в истории: современные подходы / Л.Е.Гринин // История и современность. – № 1. – РАН «Учитель», 2011. – С. 3-40.
3. Камю А. Избранное / А.Камю // Сборник. Пер. с французского. Составление и предисловие С. Великовского. – М.: Радуга, 1988. – 464 с.
4. Нони Д. Калигула / Д.Нони. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 352 с.
5. Ferrill A. Caligula: Emperor of Rome. – London: Thames and Hudson, 1991. – 185 p.

РОЛЬ ФРАНЦИИ В СОЗДАНИИ БАТАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1792–1806 гг.)

Приходько Д.С.,

Бредихин А.В., д-р ист. наук, профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

prihodko.daniil@gmail.com

Батавская республика, существовавшая с 1795 по 1806 гг., включала в себя большую часть нынешней территории Нидерландов. Батавия стала первой и самой прочной из братских республик революционной Франции. Название республики отсылает нас к батавцам, немецкому народу, который восстал против Рима в I веке, голландцы видят в них своих предков.

Батавская республика является кульминацией революционного движения, начатого в 1780-х годах. Городские элиты, объединенные под именем «патриоты», выступают против Вильгельма V из Оранской династии, которого они подозревали в желании превратить Республику Объединенных провинций в монархию. Это привлекло революции, развернувшейся в два этапа. Первое восстание закончилось поражением в 1787 г. А вторым этапом стало вторжение в конце декабря 1794 г. и начале января французских войск под командованием генерала Пишегрю, пересекшего замерзшее реки Маас и Рейн. Революционные комитеты захватывают власть в больших городах. 18 января Вильгельм V отправляется в изгнание в Англию, и в тот же день Амстердамский комитет берет под свой контроль муниципалитет города[1].

Прибывшие как освободители, французы вскоре ведут себя как оккупанты, и Комитет общественной безопасности отказывается признавать новую республику, пока не будет подписан мирный договор. Переговоры между батавскими посланниками и французской комиссией в итоге привели к Гаагскому договору, подписанному 16 мая. Он предусматривает наступательный и оборонительный альянс, передачу Зеландской Фландрии, Маастрихта и Венло, а также содержание французской армии в 25 тыс. человек и выплату 100 миллионов гульденов[2].

После окончания революции начались попытки принять конституцию. Голландия разделилась на «унитаристов» – сторонников централизованного государства и «федералистов» – сторонников максимальной независимости. Первым делом стоило заменить Генеральные штаты. Первое Батавское национальное собрание избирается в феврале 1796 года, состояло оно из 127 депутатов и являлось федералистским большинством. По большей части это были новые люди: только 34 имели политический опыт до революции. Разные проекты конституций были отвергнуты в ходе

дискуссий в правительстве или же по итогам референдума. Однако принята конституция будет только в 1798 году с помощью французских войск, арестовавших неугодных политиков. Законодательный орган разделен на две палаты – дискуссионную и совещательную – провинции упраздняются и заменяются департаментами [3].

Однако именно с этого времени Батавское содружество, именуемое так с 1801 года, начало обретать стабильность, имея при этом международное признание [4]. В октябре 1801 года Франция и Англия начали переговоры о мире, которые в итоге закончились подписанием Амьенского договора, в котором свою лепту внесла и Батавия.

Всё это, а также начавшаяся континентальная блокада поставили правительство Батавии в конфликт с Наполеоном, итогом этого стало введение в содружестве должности Великого пенсионария, на место которого был поставлен Рутгер Ян Схиммелпеннинк. Надеясь на его лояльность, французы смогли навязать новую конституцию, принятую в 1805 году, которая фактически наделяла Великого пенсионария неограниченной властью. Пробыв у власти чуть больше года, Схиммелпеннинк провел многочисленные реформы, состоялась первая попытка унификации голландского языка, были созданы департаменты агрокультуры и гидравлики, в 1806 году школьный закон основал национальную систему государственного начального образования, в июле 1805 года закон о местном управлении заложил голландскую систему государственного управления.

В начале лета 1806 года, устранив главную угрозу с востока, Россию, Наполеон начал делить Европу между своими родственниками. Батавская республика как государство была упразднена, а на её место пришло Королевство Голландия. Таким образом, можно сделать вывод, что Франция имела полную власть над всеми сферами политики Батавской республики.

Список литературы

1. Simon Schama. (1977), Patriots and Liberators. Revolution in the Netherlands 1780 – 1813, New York, Vintage books, P. 191.
2. Annie Jourdan et Joost Rosendaal, « La révolution batave à l'entrée du troisième millénaire : nouveaux problèmes, nouvelles approches, nouveaux objets », dans Annales historiques de la Révolution française, no 326, octobre/décembre 2001, pp. 1 – 23.
3. Arthur Elias, « La néerlandicité de la constitution de 1798 », dans Annales historiques de la Révolution française, no 326, octobre-décembre 2001, P.48.
4. Matthijs Lok. The Dutch Case: The Kingdom of Holland and the Imperial Departments // The Napoleonic Empire and the New European Political Culture. P. 102.

АНГЛО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1807–1809 гг. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Разумный В.В., канд. ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

razumnyi.vitalii@yandex.ru

Во внешней политике Османской империи в начале XIX в. сложно найти динамичность и предсказуемость. Реформы, проводимые султаном Селимом III, требовали внешней поддержки. Это факт способствовал активному поиску союзников, которые могли бы способствовать процессу модернизации Османского государства. Попытка найти союзника в лице Великобритании вызвала сопротивление со стороны Франции, которая отстаивала свои интересы на Балканах и на Ближнем Востоке. Противоречия между Парижем и Лондоном привели к военному столкновению между Великобританией и Оттоманской Турцией.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы изучить степень влияния англо-турецкой войны 1807–1809 гг. на внешнюю политику Османской империи в первой половине XIX века.

Данная проблема была частично рассмотрена в работах различных историков. Здесь следует выделить труды советских историков В.Н. Виноградова [1], Е.И. Петросян и Ю.А. Петросян [2]. Среди работ западных историков внимание заслуживает монография Керолайн Финкель, в которой изучалось влияние европейских держав на Османскую империю [3], а также исследование Роберта Гардинера [4].

В конце XVIII века в отношениях между Великобританией и Оттоманской Турцией не было антагонистических противоречий. Британское правительство всячески поддерживало султана Селима III в его борьбе против французских войск, которые вторглись в Египет в 1798 году. Год спустя, в 1799 году, Османская империя подписала англо-турецкий договор, который предусматривал участие во 2-й антифранцузской коалиции и позволял установить союзнические отношения с Россией. Новый военный союз позволил русскому и турецкому флоту освободить от французских войск Ионические острова в Средиземном море. В феврале 1799 году русский адмирал Ф.Ф. Ушаков и турецкий Кадыр-бей осуществили десантную операцию и штурмом овладели островом Корфу, где находился значительный французский гарнизон [3, с. 751].

Однако в начале XIX века ситуация стала кардинально меняться. Франция в 1802 году вывела свои войска из Египта и стремилась активно поддерживать Турцию в противостоянии с Российской империей. С началом сербского национального восстания в 1804 году Россия оказывала

поддержку повстанцам, которые взяли курс на отделение от Османской империи. Великобритания и Российская империя в тот момент были союзниками по 3-й антифранцузской коалиции. Поэтому Франция активно пыталась помешать созданию военного союза между Великобританией, Россией и Османской Турцией.

В конце 1805 года послом Франции в Константинополе стал генерал Орас Себастиани. Ему блестяще удалось выполнить сложную дипломатическую задачу. Турецкий султан Селим III согласился закрыть черноморские проливы для русских военных кораблей и отменить все привилегии, ранее предоставленные Петербургу и Лондону. В ответ опытный дипломат Себастиани обещал османскому правителю поддержку со стороны наполеоновской Франции в вопросе подавления сербского национального восстания, и даже возвращения территорий, которые Турция утратила в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

Не желая укрепления позиций Франции на черноморских проливах, британский посол в Константинополе Арбютнот безуспешно пытался нейтрализовать или хотя бы минимизировать франко-турецкий альянс. Он требовал удаления из Константинополя французского посла Себастиани, который удачно направил деятельность турецкого султана в русло наполеоновской политики. Потерпев дипломатическое поражение, посол Арбютнот был вынужден уехать из Турции.

В 1806 году, под влиянием французских советников, султан Селим III объявил войну Российской империи. В начавшемся XIX веке это была первая русско-турецкая война, которая длилась до 1812 года. Чтобы поддержать своего союзника по антифранцузской коалиции Великобритания стала блокировать пролив Дарданеллы. Этот момент стал стартовой точкой в англо-турецкой войне 1807–1809 гг.

В 1807 году британский флот под командованием адмирала Джона Дакворта форсировал плохо укрепленные Дарданеллы и вторгся в акваторию Мраморного моря. В феврале 1807 года британские корабли уничтожили турецкую эскадру возле порта Абидос и подошли непосредственно к столице Османской империи. Британский посол Арбютнот, находившийся на борту флагманского корабля, направил султану ультиматум, требуя прекращения Турцией военных действий против России, возобновления союза с Россией и Великобританией, а также удаления французского посла Себастиани из Константинополя [2, с. 87].

Однако турецкое правительство специально затягивало переговоры, и одновременно приступило с помощью французских инструкторов к возведению новых укреплений и батарей перед Константинополем и в Дарданеллах. Опасаясь оказаться в ловушке, британский адмирал Джон Дакворт приказал своим кораблям покинуть Мраморное море. При отходе через пролив британский флот подвергся обстрелу со стороны турецких береговых батарей, которые нанесли серьезный ущерб кораблям и

личному составу. Более 130 британских матросов были убиты и почти 200 ранены [4, с. 145].

Провал британской военно-морской миссии в Дарданеллах в 1807 году совпал с обидным поражением в Египте. После ухода французских войск британское правительство решило высадить десант в порту Александрии и захватить здесь важный плацдарм. Однако в августе 1807 года военные отряды Мухаммеда Али аль-Албани, которые формально подчинялись турецкому султану, нанесли сокрушительное поражение британским войскам и заставили их покинуть Египет [1, с. 92].

Война закончилась под влиянием внешнеполитических факторов. После поражения русской армии в 1807 году император Александр I вынужден был подписать Тильзитский мирный договор и присоединить к наполеоновской коалиции. Этот дипломатический шаг свидетельствовал о предательстве Наполеона в отношении данных обязательств перед Османской империей.

Мирные переговоры между Османской империей и Великобританией начались в ноябре 1808 в Дарданеллах, куда прибыл на военном корабле английский уполномоченный, бывший посол в Вене сэр Роберт Эдер. С турецкой стороны переговоры проводил ЭминВахид эфенди. 5 января 1809 года был подписан Дарданелльский мирный договор, который завершил англо-турецкую войну 1807–1809 гг.

Таким образом, военный конфликт между Великобританией и Османской империей был вызван внешнеполитическими факторами. Турецкая сторона считала себя победителем, хотя на самом деле попала под существенное влияние британской дипломатии. Этот факт стал более очевиден во внешней политике Турции в первой половине XIX века.

Список литературы

1. Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре / В.Н. Виноградов. – М.: Восток, 1991. – 152 с.
2. Петросян Е.И. Османская империи: реформы и реформаторы (конец XVIII–начало XX в. / Е.И.Петросян, Ю.А.Петросян. – М.: Наука, 1993. – 203 с.
3. Керолайн Финкель. История Османской империи. Видение Османа / Керолайн Финкель. – М.: АСТ, 2014. – 1190 с.
4. Robert Gardiner. The Victory of Seapower. Winning the Napoleonic War 1806—1814., ed. L.: Chatham Publishing, 1998. – P. 144–147.

ИСТОРИЧЕСКАЯ УРБАНИСТИКА В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

Рязанов К.М.,

Шенко Л.Г., д-р ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

kir2thegreat@mail.ru

Человечество начало строить города довольно давно. Однако города с разным статусом и в разное время имели разное социально-экономическое, политическое, культурное значение, трансформировались под влиянием технического и экономического прогресса. Они приобретали новый облик, функции, правовой статус в государстве и формировали новую социальную структуру населения. В 2018 году городское население достигло 4,2 миллиарда человек, или 55% населения мира [12].

Перед современной урбанистикой стоят задачи по решению вопроса перенаселенности некоторых городов, перегруженности коммуникаций, этно-социальные конфликты, низкая эффективность управления, нехватка определенных ресурсов и др. Все эти проблемы так или иначе имели место в прошлом, но в меньших масштабах. Поэтому изучив данный вопрос в развитии, возможно более эффективно решить проблемы дня сегодняшнего. Поэтому изучение города Раннего Нового времени имеет большую актуальность, в связи с тем, что именно в этот момент начинает свое формирование город более-менее современного типа, а также именно в этот момент города переживают генезис капиталистической системы производства, в который мы находимся и поныне [1].

Как отрасль науки историческая урбанистика оформилась в 70-е гг. XX в. в США, Великобритании и Канаде, научное сообщество городских историков институционализировалось как самостоятельное научное направления. В начале XXI в. проблемы города стали особенно актуальными для всего человеческого сообщества. В мультикультурном мире, когда город становится конгломератом техно-, этно-, конфессиональных и др. групп, с высокой вертикальной и горизонтальной мобильностью, особое значение приобретает проблема изучения форм социальной организации и развития общественного сознания в городском пространстве [3].

В науке продолжают дискуссии о процессах урбанизации. Особое место в них занимают города Западной Европы. Волнуют историков, например, вопросы: а) почему именно Европа в новое время стала городской цивилизацией, несмотря на то, что города Азии были больше и многочисленнее, б) последствия урбанизации в Европе. Также полемичным остается вопрос о том, какие критерии или оценки использовать для характеристики урбанизации Западной Европы: долю городского населения от всей численности населения или же количество

городов. Большинство ученых находит более 5 критериев, включая и предложенные, и используют в своих исследованиях [11].

Западноевропейский город в каждой из стран прошел свой путь развития, но при всем этом все пришло к современному типу города.

В XV-XVII вв. в активное развитие экономической сферы сопровождалось социальными и культурными преобразованиями, в т.ч. в системе регулирования правовых отношений и социального управления (отделения института управления, социальных органов управления и самоуправления); появлялись новые социальные институты и практики.

Значительно выросло вмешательство государства в различные сферы социальных отношений и общественной жизни. Являясь наиболее динамичной структурой своего времени, средневековый город передал эту динамичность всей западноевропейской цивилизации. Самоуправляющийся город Западной Европы стал местом формирования европейской демократии, парламентаризма, именно здесь зародились представления о правах человека, ориентация на личную свободу, светскую культуру. Городская система Западной Европы легла в основу складывания национальных централизованных государств и представительных органов власти [10]. Так, в Нидерландах города в XV-XVII вв. добивались монопольных прав и привилегий в торговле и производстве определенных товаров, при этом подавляя любую конкуренцию, зарождавшуюся в округе, иногда и силовым путем. А в связи с удаленностью от центра Испанской империи стали центром сепаратизма и буржуазной революции. При этом города Англии, не имели таких привилегий, находились в довольно сильной зависимости от короля, все же пытались с помощью лавирования добиваться определенных прав, что получалось с переменным успехом, так как король мог лишиться некоторых привилегий даже Лондон [6]. И всего этого нельзя сказать о городах Франции, которые имели парламенты и обладали сравнительно большей независимостью от короля, с которой он вынужден был считаться. Города Германии находились «между молотом и наковальней» в виде феодала и короля, что часто мешало им стремительно идти по пути стран соседей [8]. Все это говорит о многообразии, вариативности и сложности процесса урбанизации в этот период. Актуальность и востребованность разработки проблем исторической урбанистики демонстрирует авангардная роль Европы в культуре нового времени, когда происходят изменения в духовной жизни общества, меняются эмоционально-психологические установки человека, его менталитет. Дух традиционализма уступает место установкам на изменение и развитие.

Проблема города как социального пространства важна и в следующем аспекте. Многие стороны современной жизни рассматриваются и изучаются через проблематику идентичности. Стремительные общественные трансформации, нестабильность структуры общества,

усложнение социальных процессов, размывание границ взаимодействия обостряют самоопределение личности в обществе. И происходит все это главным образом в городском пространстве, город порождает вопросы «Кто я?» и «Кто мы?» [9]. История интереса к проблемам идентичности возникает в индустриальных, урбанизированных, обществах Западной Европы, отсчет которых идет с XVIII в.

Список литературы

1. Paul Claval La Logique des villes – Essaid’urbanologie, Litec, 1981. – Режим доступа: <https://www.erudit.org/fr/revues/as/1984-v8-n1-as504/006181ar/>
2. Агеев И.А. Методологический ресурс исторической урбанистики в современных исследованиях городских пространств // Вестник Томского государственного университета. 2014. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskiiy-resurs-istoricheskoy-urbanistiki-v-sovremennyh-issledovaniyah-gorodskih-prostranstv>
3. Баканов С.А. Рецензия. Историческая урбанистика в России заявляет о себе // MagistraVitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. №2. – С. 198-201. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-urbanistika-v-rossii-zayavlyaet-o-sebe>
4. Барабанов А.А. Урбанистика сегодня // Академический вестник УралНИИпроект РАААСН.2009. –Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/urbanistika-segodnya>
5. Городская культура: Средневековье и начало нового времени: Сборник статей / Под ред. В.И. Рутенбурга. М.: Наука, 1986.
6. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе: (Лондон XIV – начала XVI века) / Под ред. С.М.Стама. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983. – 232 с.
7. Мосолкина Т.В. Социальная история Англии XIV-XVII вв. / Т.В.Мосолкина. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 416 с.
8. Гутнова Е.В. Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе / Е.В.Гутнова //Социальная природа средневекового бюргерства 13-17 вв. / под ред. А.Н. Чистозвонова. –Режим доступа: https://historylib.org/historybooks/pod-red--A-N--CHistozvonova_Sotsialnaya-priroda-srednevekovogo-byurgerstva-13-17-vv-/3
9. Хамнаева А.Ю. Характеристики идентичности в меняющемся мире. // Аналитика культурологии. 2007. – № 2 (8). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/harakteristiki-identichnosti-v-menyayuschemsya-mire>
10. Хряков А.В. Проблема развития западноевропейского средневекового города в послевоенной истории ФРГ: автореф. дис... канд. ист. наук – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/problema-razvitiya-zapadnoevropeiskogo-srednevekovogo-goroda-v-poslevoennoi-istorii-frg>
11. Щербак А.Н. Парадоксы европейской урбанизации в раннее Новое время (1500–1800 гг.): структурный подход. Препринт М-66/18. – СПб., 2018. – 42 с. – Режим доступа:https://eu.spb.ru/images/M_center/M_66_18.pdf
12. Щербакова Е.М. Прогноз городского и сельского населения мира, 2018 // Демоскоп Weekly. 2018. № 773-774. –Режим доступа:<http://demoscope.ru/weekly/2018/0773/barom01.php><http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0775/barom01.php>

РОССИЯ И БОЛГАРИЯ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ В XXI ВЕКЕ

Савченко Л.М.

Антрацитовский факультет горного дела и транспорта ГОУ ВПО «Луганский
национальный университет имени Владимира Даля», г. Антрацит, ЛНР
pochta_lyuba@mail.ru

Российско-болгарские отношения начинали свое развитие с похода Святослава Игоревича (941-972 гг.) на Дунай. Именно с этого времени болгарский народ впервые совместно с русскими воинами сражался против Византийского владычества. Поэтому в дальнейшем болгары, осознав силу русского оружия, неоднократно обращались к братьям православным христианам за помощью.

Так, благодаря помощи русского народа в 1878 году Болгария была освобождена от Турецкого ига. Таким же образом совместными усилиями болгарских революционеров и советской армии София была освобождена от немецко-фашистских захватчиков в 1944 году.

С момента провозглашения Болгарии Народной Республикой (1946 г.) установились прочные советско-болгарские отношения, продлившиеся более пятидесяти лет. В результате этих взаимоотношений социальная сфера Болгарии и экономика Республики достигли наивысшего рассвета.

Однако в связи с переменами на международной арене, а так же перестройкой в России и Болгарии, происходит некоторое охлаждение в двусторонних отношениях, которое по большому счету длится до настоящего времени.

В связи с этим возникает вопрос, по каким причинам российско-болгарские отношения на протяжении стольких лет не смогли заложить прочный фундамент, для дальнейшего плодотворного сотрудничества, несмотря на общее историческое прошлое. На сегодняшний день, на наш взгляд, актуальной является необходимость определить возможные перспективы дальнейшего развития российско-болгарских отношений в XXI веке, в связи с важностью взаимовыгодного диалога между Софией и Москвой.

В 1989 году в Болгарии произошли два события, которые привели к коренной смене политического курса страны. Во-первых, энергетический кризис, который пагубно отразился на болгарской экономике. Во-вторых, внешнеполитические осложнения с Турцией, связанные с ассимиляцией турецкого населения в Болгарии [1]. В политических кругах болгарского правительства началась борьба за власть, которая мешала решению существующих проблем и создавала новые.

В свою очередь в России происходит аналогичная ситуация. Экономический кризис, перестройка и распад Советского Союза стали первоочередными проблемами, поэтому российско-болгарские отношения отошли на задний план и ограничились в основном энергетическим сотрудничеством.

Экономические трудности вынудили болгарское правительство взять курс на интеграцию со странами Западной Европы, которые в свою очередь были заинтересованы в Болгарии как в важном геополитическом партнере. Для оправдания прозападного курса в Болгарии внедрялось насаждение русофобских настроений, которые выражались в переписывании учебников истории, вытеснении русского языка из школ, переименовании улиц и т. д. На сегодняшний день аналогичную ситуацию можно наблюдать на Украине. Что в свою очередь не могло способствовать развитию российско-болгарских отношений.

В начале 2000-х годов российско-болгарские экономические отношения выходят на новый уровень. Между странами был заключен ряд взаимовыгодных соглашений, в результате которых значительно увеличился объем российских инвестиций. Параллельно происходит возрождение культурных связей.

Тем не менее, лояльность болгарского правительства к России, вовсе не означала изменение политического курса в сторону северного соседа. Подтверждением тому является вступление Болгарии в состав НАТО (2004 г.) и ЕС (2007 г.) что, безусловно, стало внешнеполитической победой Брюсселя.

Несмотря на противоречивое отношение России к политическому курсу болгарского правительства, двусторонние отношения продолжали развиваться. Подтверждением тому может служить подписание Соглашения между Россией, Болгарией и Грецией о сооружении нефтепровода «Бургас–Александруполис» в 2007 году, который предположительно должен был приносить ежегодный транзитный доход для Болгарии более чем 30 миллионов долларов [2]. Однако со временем по настоятельной рекомендации ЕС правительство Софии, сильно зависящее от европейского кредитования, отказалось от строительства нефтепровода.

Несмотря на предыдущие нереализованные проекты, российское правительство сделало перспективное предложение Болгарии в виде проекта «Южный поток» (2008 г.) для реализации прямых поставок газа в Европу независимо от стран-транзитов, в частности от Украины. Все же, являясь членом ЕС, Болгария была вынуждена прислушиваться к мнению Брюсселя, поэтому уже в 2014 году болгарское правительство приостанавливает работу проекта. Убедившись в непоследовательности и ненадежности болгарских партнеров, Москва отказалась от строительства «Южного потока» (2014 г.).

После того, как Болгария поддержала отмену антироссийских санкций, президент РФ В. Путин заявил о намерении дальнейшего

сотрудничества с Болгарией, несмотря на «сложности в реализации проектов» для поддержания мира и стабильности с братскими народами Балкан [3].

На сегодняшний день Болгария столкнулась с новой проблемой. Транзит российского газа по Трансбалканскому коридору планируют остановить в 2020 году. В этом случае, по предварительным оценкам, ежегодные потери Болгарии составят около 110 миллионов долларов [4].

В свою очередь Россия в качестве компенсации предложила провести ветку «Турецкого потока» через Болгарию. Однако с учетом предыдущих не реализованных проектов соглашение будет проходить на определенных условиях. Российский премьер-министр Д. Медведев заявил, что для строительства новой ветки необходимы гарантии не только со стороны болгарского правительства, а в частности со стороны ЕС.

В результате рассмотрения данного вопроса можно выделить несколько причин нестабильности в российско-болгарских отношениях в XXI веке. Основная причина заключается в экономической зависимости Болгарии от Западноевропейских стран. Не менее важным остается вопрос внутривластной борьбы, последствия которой негативно отражаются на национальных интересах болгарского народа.

Тем не менее, в настоящее время существует реальная возможность перспективного развития российско-болгарских отношений, что на наш взгляд, напрямую связано с усилением международного соперничества в борьбе за добычу и транспортировку углеводородов. Это связано с тем, что поставки российского газа, которые обходятся для Болгарии дешевле на 40-60 % сжиженного природного газа из США, Алжира и Кувейта, являются для экономики страны не только хорошей альтернативой, а просто экономической необходимостью. Кроме того, в Болгарии отсутствует специально оборудованный порт для приема сжиженного газа в больших объемах. В то же время не стоит забывать о заинтересованности России установить прочные отношения с Болгарией, как с геополитическим партнером.

Список литературы

1. Валева Е.Л. Болгария в XX веке: очерки политической истории / Отв. ред. Е.Л. Валева; Ин-т славяноведения. – М.: Изд. «Наука», 2003. – 463 С.
2. [Интернет ресурс] / <https://rg.ru/sujet/2892/>
3. [Интернет ресурс] <https://inosmi.ru/europe/20150823/229806539.html>
4. [Интернет ресурс] <https://riafan.ru/1162638-ekspert-rasskazal-o-posledstviyakh-ostanovki-tranzita-rossiiskogo-gaza-v-bolgariyu>

ИНТЕРЕСЫ США И РОССИИ В АРКТИКЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Скворцова Л.А., канд. ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры»,
г. Макеевка, ДНР
skvortsova.68@mail.ru

В XXI веке наблюдается устойчивый рост интереса к Арктическому региону со стороны США и Российской Федерации. Это обусловлено рядом фактов: во-первых, открытием и масштабом освоения энергетических и других полезных ресурсов прибрежного шельфа, морского и океанического дна. Здесь сосредоточен уникальный углеводородный потенциал страны: 1/5 часть нефтяных и 62% газовых ресурсов. Здесь есть крупнейшие месторождения угля, золота, редких металлов, а также огромные запасы водных биологических ресурсов. Во-вторых, ростом удельного веса «арктической» экономики в общем балансе страны и ее будущих перспектив. В-третьих, решение вопроса окончательного уточнения и закрепления международными актами границ континентального шельфа и линий разграничения экономических зон с остальными арктическими государствами. Арктика – одно из последних пространств мира, где еще остается ряд спорных вопросов в отношении водного (ледового) пространства, а также морского и океанического дна. Поэтому стратегическая задача обеспечения интересов США и России в Арктике сегодня является актуальной и своевременной.

Целью нашего исследования является рассмотрение в исторической ретроспективе вопроса обозначения национальной стратегии США и России в отношении данного региона.

В отличие от США для России Арктика столетиями оставалась неотъемлемой частью ее геополитического пространства, средой обитания значительного числа ее граждан, территориального величия и источником неисчерпаемых ресурсов. История освоения Россией полярных областей насчитывает более восьми столетий. Арктическая одиссея России восходит к экспедициям первопроходцев в XVI-XVII веках, географическими открытиями В. Беринга и других исследователей в XVIII-XIX веках [1].

Еще в 1616-1620 гг. царскими указами были закреплены исключительные права России в некоторых районах Арктики. Именно Россия положила начало хозяйственному освоению Аляски, после приобретения которой США стали арктическим государством. В 1821 г. «единственно российским подданным» были предоставлены права торговли, китовой и рыбной ловли и всякой промышленности на островах, в портах и заливах по всему северо-западному побережью Америки, Алеутским островам и по всем берегам Сибири [2, с. 188].

В ноте российского МИД от 4 сентября 1916 г. земли и острова, открытые экспедицией Б. Вилькицкого в 1913-1914 гг., объявлялись включенными в территорию России. Была подтверждена российская принадлежность всех заливов, бухт, рейдов русского побережья Северного Ледовитого океана, а также ранее открытых островов, которые «вместе с островами Новосибирскими, Врангеля и иными, расположенными близ азиатского побережья Империи... составляют продолжение к северу континентального пространства Сибири» [3].

Север не случайно стал важной составляющей внешней политики США и Российской Федерации. Территориальность всегда играла важную роль в конструировании политического сообщества США и России и служит ключевым маркером для США и российской государственности. В этот нарратив входили великие открытия, рассказы о подвигах и жертвах, легенды о форпостах цивилизации – но все это были лишь исторические предания, а не трезвый экономический расчет. Крайний Север в этом смысле отличается от Сибири, которая в колониальную эпоху была источником экспортного товара (такого как пушнина). Арктика же давала России рыбу, моржовый клык, мясо кита – но это были скорее товары регионального значения [4]. Для США важное значение имело освоение Аляски и Алеутских островов, в частности, разработка золотых месторождений в данном регионе. Как известно, США и Россия нашли в свое время мирный вариант решения вопроса, связанного с «русской Америкой».

Постановлением Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. территорией СССР были объявлены «все, как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем, земли и острова, не составляющие... признанной правительством СССР территории каких-либо иностранных государств, расположенные в Северном Ледовитом океане к северу от побережья СССР до Северного полюса» [5, с.190]. В Союзе было положено начало освоению и активной эксплуатации Северного морского пути (СМП).

С 1920-х по 1960-е годы Советский Союз развернул широкую программу развития Арктики, которая затем перешла в масштабную разработку месторождений нефти и газа. В эпоху «холодной войны» США и СССР также создали военную инфраструктуру (базы подводных лодок, аэродромы и станции слежения). Арктический сектор страны был закрыт для любой деятельности западных государств, находящейся вне его контроля.

Однако в последние годы существования и после распада СССР значение Арктики и масштаб ее территориального развития существенно снизились. Регион стал терять военное и стратегическое значение, что отразилось в резком сокращении финансирования арктической инфраструктуры. Военные объекты и шахты были заброшены, города и поселки опустели [6]. К концу XX столетия российская Арктика превратилась в гигантский обледеленый памятник советской эпохи.

С открытием в начале XXI века богатейших запасов углеводородов возрос интерес США и России к Арктике, а возможность появления там новых торговых маршрутов обусловило переоценку геополитического значения Арктики. Президент РФ В. Путин подписал несколько политических документов, в том числе Арктическую стратегию 2008 г., Стратегию Национальной безопасности 2009 г., новую редакцию Военной доктрины 2014 г., новую Морскую доктрину России 2015 г., которые ставят задачу обеспечения и защиты национальных интересов России в Арктике.

Как отметил секретарь Совбеза РФ Н. Патрушев «согласно "Основам государственной политики Российской Федерации в Арктике", важнейшими национальными интересами страны в этом регионе являются использование Арктической зоны в качестве стратегической ресурсной базы для социально-экономического развития страны, сохранение Арктики в качестве зоны мира и сотрудничества, сбережение уникальных экологических систем Арктики, использование СМП в качестве национальной единой транспортной коммуникации России в Арктике» [7].

Таким образом, США и Россия проявляли интерес к Арктике еще в те времена, когда о ресурсном богатстве ее шельфа не было и речи. Учитывая долю арктических пространств, на которые распространяется российская и американская юрисдикция, успешное решение современных проблем Арктики немыслимо без участия США и Российской Федерации.

Список литературы

1. Медведев С. Планы Кремля в Арктике: от амбиций к разочарованию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/PONARS-Eurasia/Plany-Kremlya-v-Arktike-ot-ambicii-k-razocharovaniyu-18448>
2. Международное право / Под ред. А.Н. Вылегжанина. – М.: Юрайт, Высшее образование, 2009. – С. 188-190.
3. Воронков Л.С. Интересы России в Арктике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/226453/>
4. Медведев С. Планы Кремля в Арктике: от амбиций к разочарованию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/PONARS-Eurasia/Plany-Kremlya-v-Arktike-ot-ambicii-k-razocharovaniyu-18448>
5. Международное право / Под ред. А. Н. Вылегжанина. – М.: Юрайт, Высшее образование, 2009. – С.188- 190.
6. Медведев С. Планы Кремля в Арктике: от амбиций к разочарованию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/PONARS-Eurasia/Plany-Kremlya-v-Arktike-ot-ambicii-k-razocharovaniyu-18448>
7. Патрушев: с развитием Арктики связаны национальные интересы России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20160901/1475850293.html>

МИРНЫЙ ПРОЦЕСС В СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ (1985 г.)

Скопылатова В.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
viktoryaist@gmail.com

Ольстерский конфликт разгорелся на почве политического, религиозного и национального противостояния двух общин – католической и протестантской – Северной Ирландии. Отправной точкой конфликта принято считать 1969 г. – начало беспорядков в Дерри, которые в итоге привели к введению прямого правления из Лондона в Северной Ирландии, а так же к серии арестов, избиений и смертей среди католического населения Ольстера и как реакция на это – резкое увеличение количества добровольцев Ирландской Республиканской Армии и серии террористических актов, как формы противостояния британскому правлению в Северной Ирландии.

Глубина и сила противоречий двух противоборствующих сторон, а также бескомпромиссность в отстаивании своих позиций отодвинули перспективу мирного урегулирования конфликта на долгие годы.

Истоки того, что стало известно как «североирландский мирный процесс», можно датировать подписанием в 1985 г. англо-ирландского соглашения между британским и ирландским правительствами [1].

В соглашении признается, что конституционный статус Северной Ирландии в составе Соединенного Королевства не может быть изменен без согласия большинства ее граждан, а правительству Республики Ирландия отводится консультативная роль в делах Северной Ирландии.

Однако самым важным результатом этого соглашения стало то, что оно положило начало постоянному, институционализированному сотрудничеству между двумя правительствами, направленному на достижение прочного мирного урегулирования в Северной Ирландии.

В течение следующих семи лет оба правительства пытались содействовать политическому примирению между конституционными политическими партиями Северной Ирландии, Республики Ирландия и правительством Великобритании.

Юнионистская оппозиция англо-ирландскому соглашению была более глубокой и продолжительной, чем ожидало британское правительство, и поэтому попытки созвать переговоры между партиями оказались бесплодными.

Изменения в республиканском движении, начиная с конца 1980-х годов, также имели центральное значение для развития мирного процесса. Широкий спектр факторов способствовал росту внутренних противоречий внутри республиканского движения по поводу его борьбы за воссое-

динения с Ирландией. Эти факторы включали в себя усталость от войны, воздействие массовых и все более изощренных британских стратегий безопасности, усиление нападений лоялистских военизированных формирований, эволюцию общества в Ирландской Республике в противоположную сторону от упрощенных понятий национализма.

Начиная с конца 1980-х годов, основная конституционная националистическая партия, Социал-демократическая и Лейбористская партия (СДЛП), а также британское и ирландское правительства пытались по отдельности вовлечь Шинн Фейн в политические переговоры.

Для обоих правительств это противоречило их публично заявленной политике маргинализации радикально настроенных группировок и партий. Крайне важно, что диалог развивался между главными действующими лицами конфликта – республиканским движением и британским правительством. Они также взаимодействуют друг с другом в рамках одной и той же парадигмы – как положить конец насильственной фазе конфликта [2], но без участия ШиннФейн, вести переговоры с Ирландской Республиканской Армией было бы проблематично, т.к. считалось, что политическое руководство ИРА осуществляла именно партия Шинн Фейн.

Англо-ирландское соглашение было отвергнуто юнионистами Ольстера, поскольку оно впервые предоставило Ирландской Республике роль в судьбе Северной Ирландии и поскольку они были исключены из переговоров по соглашению.

Ольстерская юнионистская партия (UUP) и Демократическая юнионистская партия (DUP) возглавили кампанию против соглашения, включая массовые митинги, забастовки, гражданское неповиновение и массовую отставку из британской Палаты общин всех представителей юнионистских партий. DUP и UUP совместно организовали 400 000 подписей в петиции против соглашения. Министр Северной Ирландии Том Кинг был атакован протестантами в Белфасте 20 ноября 1985 г. [3].

23 ноября 1985 года у здания мэрии Белфаста состоялся массовый митинг против соглашения, о котором североирландский историк доктор Джонатан Бардон сказал: «...ничего подобного не наблюдалось с 1912 года» [4].

Руководитель DUP Иан Пейсли обратился к собравшимся на митинге: «Откуда действуют террористы? Из Ирландской Республики! Вот откуда они берутся! Куда террористы возвращаются за убежищем? В Ирландскую Республику! И все же миссис Тэтчер говорит нам, что эта республика должна иметь право голоса в нашей провинции. Мы говорим – никогда, никогда, никогда, никогда!» [5].

Маргарет Тэтчер была поражена свирепостью реакции юнионистов, и в своих мемуарах она сказала, что их реакция была «хуже, чем кто-либо предсказывал мне» [6]. Тэтчер утверждала, что соглашение было в традиции британских правительств, воздерживающихся «от политики безопас-

ности, которая могла бы оттолкнуть ирландское правительство и ирландское националистически ориентированных католиков в Ольстере, в надежде завоевать их поддержку против ИРА», но в 1998 г. Маргарет Тэтчер заявила, что сожалеет о подписании англо-ирландского соглашения [7].

Англо-ирландское соглашение не привело к немедленному прекращению насилия в Северной Ирландии; оно также не привело к примирению двух общин, предусмотренное соглашением перераспределение полномочий правительства не станет реальностью в течение многих лет.

Тем не менее, соглашение улучшило сотрудничество между британским и ирландским правительствами, что стало ключом к созданию Соглашения Страстной пятницы тринадцать лет спустя в 1998 г.

На стратегическом уровне соглашение продемонстрировало, что британское правительство признало законным желание Республики Ирландия иметь отношение к процессам, происходящим в Северной Ирландии, а также продемонстрировало юнионистам, что они не могут политически наложить вето на британскую политику в отношении Ольстера через свое присутствие в Палате общин.

Список литературы

1. Anglo-Irish Agreement – Document. Режим доступа: <https://cain.ulster.ac.uk/events/aia/aiadoc.htm>
2. The Irish Peace Process – Chronology of Key Events (April 1993 – April 1998). Режим доступа: <https://cain.ulster.ac.uk/events/peace/bac.htm>
3. Ulster Protestants enraged by a 5-day-old Anglo-Irish agreement attacked.... upi.com Archives Nov. 20, 1985. Retrieved Dec. 25, 2016
4. Jonathan Bardon, A History of Ulster. Belfast: Blackstaff, 2005, p. 758.
5. Arthur Aughey, Under Siege. Ulster Unionism and the Anglo-Irish Agreement. Belfast: Blackstaff, 1989, p. 86.
6. Margaret Thatcher, The Downing Street Years. London: Harper Collins, 1993, p. 403.
7. «Enoch was right on Ireland, says Thatcher». BBC News. 23 November 1998.

УДК 94(44+6.03)"19"

ЭСКАЛАЦИЯ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ДОЛИНЕ НИЛА В КОНЦЕ XIX в.

Харьковский Р.Г., канд. ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Владимира Даля»,

г. Луганск, ЛНР

wwwryslans@mail.ru

14 августа 1894 г., бельгийский король Леопольд II заключил колониальный союз с Францией, что позволило значительно расширить границы государства Конго и открыло Третьей республике путь к

Верхнему Нилу. Это соглашение, безусловно устраивало обе стороны и формально ставило точку в Конголезском кризисе. Однако, на деле, договор между Францией и Бельгией вовсе не положил конец англо-французскому противостоянию на территории Чёрного континента. Современные российские исследователи отмечают, что договор Леопольда II с Францией не только не снял напряжение в англо-французских колониальных отношениях, но и существенно их обострил. Так, по мнению российского историка Е.В. Морозова, именно союз Леопольда II с Францией «сделал Фашодский кризис неизбежным» [4].

С точки зрения А.А. Айвазян, отчёт событий, приведших к франко-британскому столкновению в Фашоде, следует вести от обострения ситуации «на Нигере» в 1895 г. [2]. На наш взгляд, более обоснованным является утверждение Е.В. Морозова.

Именно франко-бельгийское сближение в колониальных вопросах в 1894 г., условно можно считать точкой не возврата на пути к англо-французскому столкновению в Фашоде (в 1898 г.). После вышеуказанных событий Великобритания и Франция начали переговоры по разграничению сфер влияния в Восточной Африке. Однако очень скоро стало понятно, что позиция Лондона в этом вопросе однозначна и непримирима. Установив в 1894 г. протекторат в Уганде, британские политики «мечтали» о продвижении к Фашоде [2].

Выражением этих стремлений стала известная речь Эдварда Грея, тогда заместителя статс-секретаря по иностранным делам, произнесённая им в конце марта 1895 г. в Палате общин. Это выступление (Грея), многие современники, не без оснований, связывали с сильно возросшей колониальной активностью Третьей республики в районе Верхнего Нила. Заместитель статс-секретаря по иностранным делам крайне жёстко отозвался о французских планах в отношении Восточной Африки и прямо заявил, что «британская и египетская сферы влияния покрывают весь бассейн Нила» [2]. Кроме того, он недвусмысленно дал понять, что деятельность в указанных районах французских экспедиций с «засекреченными инструкциями» в Лондоне будут считать «недружественным актом», после чего незамедлительно последуют ответные меры [2].

На другом берегу Ла-Манша достаточно остро отреагировали на это выступление. В Париже, безусловно, не собирались воевать с Великобританией из-за колоний, но были сильно встревожены общим тоном речи Грея, не предусматривавшей совместного (франко-британского) диалога по спорным вопросам, касавшимся районов Верхнего Нила. На Кэ д'Орсэ постарались сгладить ситуацию, и Аното предложил проект нейтрализации долины Нила посредством создания для этого международной комиссии, однако жёсткая оппозиция со стороны сторонников проведения Францией активной колониальной политики не позволила его реализовать.

В тоже время и без того непростые отношения Великобритании и русско-французского союза обострились из-за событий 1895–1896 гг. на

Востоке. Прежде всего, это было связано с армянским кризисом, в результате которого многие тысячи армян, подданных Порты, были истреблены. Зимой 1895-1896 гг. правительства Франции и России вели переговоры относительно Османской империи. В декабре 1895 г. министр иностранных дел России А. Б. Лобанов-Ростовский принимал у себя посла Франции Монтебелло [2].

Основным предметом разговора двух дипломатов было обсуждение вероятности войны на Востоке, и глава российской дипломатии выразил надежду, что Третья республика, в случае начала масштабного военного конфликта, выступит вместе с Россией против Великобритании. Российский министр акцентировал внимание своего коллеги на том, что Великобритания, которую «скорее всего», поддержат «Австрия и Италия», ищет повод «спровоцировать распад и раздел Османской империи» [2]. Руководитель французского МИДа Ф. Бертело уверял, что в Париже осознают «тяжесть» положения. Французский дипломат также напомнил о том, что в Париже заинтересованы в сохранении «нейтральности Суэцкого канала», «эвакуации» британского военного контингента «из Египта» и установлении «влияния в Сирии» [2].

В тоже время, на Кэ д Орсе давали понять своим российским коллегам, что Франция сможет оказать России военную помощь в Восточном вопросе, если только параллельно будет поднят вопрос пересмотра франко-германской границы 1870 г., что в «глазах французского народа» было бы «единственным достаточным оправданием для участия в военных действиях» [1].

Эта позиция Парижа оставалась неизменной и в дальнейших переговорах. Только ревизия «Франкфуртского договора», по мнению руководства Третьей республики, могла оправдать в глазах французского общества военную «помощь со стороны Франции на Востоке» [1].

Такое условие в тот период было практически неосуществимым и по сути представляло собой вежливую форму твёрдого отказа в оказании действенной помощи союзнице. Сложившаяся ситуация, хотя и несколько противоречила неформальным договорённостям русско-французского союза, имела в тот момент вполне логичное объяснение.

Несмотря на то, что основная политическая линия России и Франции на Ближнем Востоке была направлена на противостояние влиянию Великобритании и Германии в регионе, с чем, по словам А.З. Манфреда, русско-французская дипломатия справлялась с «успехом» [3], интересы двух союзных держав часто не совпадали. В тоже время, на берегах Сены понимали и другое: султан, как никогда, слаб, Лондон и Петербург сосредоточили все свое внимание на Константинополе. Складывалось впечатление, что момент для пересмотра египетского вопроса самый подходящий.

Однако надеждам французских политиков и дипломатов не суждено было осуществиться.

В 1896 г. умер Лобанов-Ростовский, и на его пост был назначен граф М.Н. Муравьев. Этот политик, от которого ждали тесного сотрудничества с Парижем, на деле оказался сторонником прогерманского курса. В результате уже через некоторое время на берегах Сены начали понимать, что даже в случае дипломатического столкновения с Великобританией русско-французский союз сможет оказать Франции лишь «моральную» поддержку.

Список литературы

1. ADF. Russie: politiqueétrangère, janvier 1896-janvier 1897. – P. 75-76.
2. Айвазян А.А. Египетский вопрос в международных отношениях в конце XIX – начале XX вв.: дис... канд. ист. наук: 07.00.00 : 07.00.03 / Айвазян Анна Арменовна; Федер. гос. бюджет.образоват. учреждение высш. проф. образования «Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова», [Ист. фак.]. – М., 2014. – 306 с.
3. Манфред А.З. Внешняя политика Франции 1871-1891 годов. – М., 1952. – С. 521.
4. Морозов Е.В. Колониальный фактор в формировании англо-французской Антанты: конец XIX – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / Морозов Евгений Вячеславович; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. – Санкт-Петербург, 2008. – 286 с.

УДК 353.8:94(4)»1945/...»

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (70-90 гг. XX СТОЛЕТИЯ)

Чугрина О. Р., канд. ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики», г. Донецк, ДНР

oksana_chygrina7@mail.ru

Во второй половине XX столетия в странах Западной Европы все более активное участие в процессах регионального развития стали принимать органы местного и регионального самоуправления, а также наднациональные органы управления, представляющие структурные фонды ЕС.

Системы местного самоуправления в Европе сформировались на основе бывших феодальных или имперских порядков. Однако нельзя утверждать, что современные региональные образования являются систематическим восстановлением провинций или земель, которые существовали до XIX в.; вместе с тем, нельзя считать их все искусственными образованиями. В Западной Европе регионализация возникла как поиск территориальных и институциональных границ более подходящих, чем государство для стимуляции экономического развития.

Она возникла так же, как ответ на требование автономии, исходящее от определённых групп населения, чья специфическая культура связана с

частью территории, которая имеет свою собственную историю. Органы субнационального (регионального и местного) самоуправления стали опираться на федеративные или унитарные основы.

Три типа историко-политических событий в Европе привели к возникновению её основной территориально-административной организации: во-первых, это переход от абсолютистского правления к правовой системе сдержек и противовесов, то есть системы взаимоограничения властей (появление «конституционализма»); во-вторых, это движение за общественный контроль, который был следствием введения всеобщего избирательного права и представительского правления; в-третьих, это попытка создать «общенародное государство» [1, с. 6-7]. Традиционные системы местного самоуправления на Западе, как правило, согласовывались с принципами либеральной идеологии, которая делает упор на минимальное вмешательство правительства в жизнь общества.

Начиная с 1950-х годов, органы местного самоуправления в Европе претерпели целый ряд изменений, которые сделали их более пригодными для функционирования в государствах всеобщего благоденствия. Позже возникла потребность в дополнительном изменении органов местного самоуправления с тем, чтобы справиться с проблемами интернационализации, особенно в связи с участием в Европейском Союзе.

В 70-80-х годах XX века во многих развитых странах были проведены реформы административно-территориального деления.

Так, например, в 1972 г. в Великобритании был принят новый Акт о местном управлении, реализация которого была начата в 1974 г. Его целью был переход к двух-трёхуровневой системе управления за счёт укрупнения местных территориальных единиц (в 1995 г. была пересмотрена система административно-территориального деления Англии). Административная структура регионов во Франции законодательно была определена в 1982 г., согласно которой было введено пятиуровневое территориально-административное деление на коммуны, кантоны, округа, департаменты и регионы, однако первые попытки регионализации относятся ещё к 50-60-х годам XX века. В это же время в Италии был осуществлён переход на трёхуровневое административно-территориальное деление на коммуны, провинции и области [2, 3].

Эти реформы характеризовались сокращением количества имеющихся территориальных единиц путём увеличения их размеров или созданием нового, укрупнённого звена административно-территориального деления – региона. В условиях унитарной формы государственного устройства создание и изменение этих единиц осуществлялось централизованно, в федерации соответствующие вопросы, как правило, решались на уровне субъектов. Кроме того, если речь идёт о федеративном государстве (ФРГ, Австрия, Швейцария, Бельгия), регион представляет собой барометр развития федеративных отношений.

В начале 80-х гг. XX века практически во всех странах ЕС значительные полномочия получили региональные и местные органы власти, а в Маастрихтских соглашениях был официально провозглашен принцип взаимосвязи между наднациональным объединением и субнациональным разделением (регионализация) и предусмотрены гарантии политических прав регионов со стороны европейских институтов.

Так, в 1985 г. Совет Европы принял Европейскую хартию местного самоуправления, которая предлагала общие европейские стандарты для определения и защиты прав местных органов власти, «обязывая стороны применять основные нормы, гарантирующие политическую, административную и финансовую самостоятельность местных органов власти» [4]. В документе подчеркивается, что степень самоуправления, которым пользуются местные органы власти, является краеугольным камнем настоящей демократии. Хартия стала первым многосторонним юридическим документом, который определял и защищал принципы местной автономии.

После подписания Маастрихтского договора, был создан специальный управленческий отдел, который призван регулировать специфические проблемы территорий. В 1994 г. был создан Конгресс местных и региональных властей Европы, состоящий из Палаты местных властей и Палаты регионов. Он был создан в качестве консультативного органа Совета Европы с тем, чтобы помочь новым государствам-членам Совета Европы выполнять практические задания, осуществление которых необходимо для установления истинной местной и региональной автономии [5].

Нынешняя Европа имеет общегосударственную форму правления, то есть государственную власть, в виде комплекса учреждений, предоставляющих услуги по всей стране. При такой общегосударственной форме правления политические решения формально могут разрабатываться в центре, а толковаться и реализовываться на субнациональных уровнях. Такая форма управления сложилась в результате модернизации и интеграции органов местного самоуправления.

В целом, европейские субнациональные системы относятся к одному из трех основных типов: 1) интегрированные системы, которые в наибольшей степени контролируются центральной властью (например, интегрированная система существовала во Франции до реформ 1980-х годов, однако некоторые ее элементы продолжают существовать в Нидерландах, Италии, Турции и Португалии); 2) дуальная система (является типичной для местного самоуправления в Англии); 3) система расщепленной иерархии представляет собой смесь интегрированной и дуальной систем (применяется в Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции, а также в некоторых странах Центральной Европы).

Список литературы

1. Агранофф Р. Огляд європейських традицій місцевого самоврядування / Р. Агранофф // Саєнко Ю., Ткачук А., Привалов Ю. Місьцеве самоврядування в Україні: проблеми і прогнози. – К.: Ін-т соціології, 1997. – С. 3-24.

2. Бусыгина И.М. Региональная политика Европейского Союза на рубеже веков: новые тенденции и вызовы / И.М. Бусыгина // Европа на пороге XXI века: Ренессанс или упадок? – М.: ИНИОН РАН, 1998. – С. 110-118.
3. Зіллер Ж. Політико-адміністративні системи країн ЄС: Порівняльний аналіз: Пер. з фр. / Ж. Зіллер. – К.: Основи, 1996. – 420 с.
4. Европейская Хартия местного самоуправления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rm.coe.int> > Display DCTM Content
5. Конгресс местных и региональных властей Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echr.ru/coe/CIrae.htm>

УДК 903.023

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА НА ПОСЕЛЕНИЯХ БОСПОРА

Шенко Л.Г., д-р ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

ppakra@mail.ru

Боспор располагал благоприятными условиями и ресурсами для развития различных видов производства. Наиболее распространенным среди ремесел Боспорского царства в VI-II вв. до н. э. было гончарство. Изделия из глины разнообразны: керамика была включена во все сферы жизни человека.

С учетом новых археологических материалов, методик и технологий изучения артефактов предлагается обратить внимание на лепную керамику, которая встречается практически на всех известных поселениях.

Тема лепной керамики, ее изготовителей и пользователей занимает отдельное место в кругу проблем, связанных с изучением этносоциальной структуры и выявлением социально-правового статуса ремесленников. На протяжении десятилетий она остается дискуссионной.

Разнофункциональная продукция местных мастерских заслуживает самого пристального внимания как материал, характеризующий общество, для которого она предназначалась. Не менее важен вопрос об организации этой отрасли ремесла и его характере.

Керамическое ремесло Боспора характеризует различные формы производства. Производство керамики осуществлялось не только на городищах, но и в сельских усадьбах. В домашних условиях, очевидно, производили лепную керамику кухонную посуду, пряслица, пирамидальные грузила. На ближайшую округу была ориентирована деятельность мастерских, где не выдерживалась строгая специализация.

Продолжительное время лепная керамика на боспорских памятниках рассматривается в контексте греко-варварских отношений и привлекается для характеристики этнического состава. Изучение варварского окружения греческих колоний и присутствие на поселениях лепных сосудов вызвало

появление предположения о том, что данная категория керамики является маркером присутствия местного населения.

В последние годы в специальной археологической литературе снова появились работы, посвященные лепной керамике, в которых звучит тезис о необходимости более дифференцированного подхода и взвешенной оценке этнической характеристики лепной посуды. В таком контексте публикуются и анализируются керамические комплексы, происходящие с территории Таманского полуострова, Крымского Приазовья [1–6]. Важен вывод о том, что греческие колонисты могли самостоятельно изготавливать лепную посуду. Не менее значимым является тезис об информативной многозначности этой категории артефактов.

В данном контексте следует рассмотреть лепную керамику отдельных поселений Боспора. В качестве примера могут выступать материалы приазовских поселений Восточного Крыма, Заветное-V (Ленинский р-н, Крым), таманских (Артющенко-1, Вышестеблиевская-11, Ахтанизовская-4).

Следует отметить сравнительно высокие процентные показатели кухонной лепной керамики заветнинского комплекса (ок. 34,5 %). В материалах усадьбы присутствует достаточное количество косвенных фактов, позволяющих утверждать о наличии здесь собственного керамического производства.

Анализ коллекции лепной керамики, датируемой вт. пол. III – пер. пол. II в. до н. э. из раскопок поселения Артющенко-1 (1999–2006 гг.), позволяет говорить о местном производстве лепной посуды для собственного потребления, а также о подражании гончарным формам столовых сосудов [8]. В общем удельный вес лепной посуды в керамическом комплексе этого памятника составлял более 20 %, на поселении Волна-1 этого же времени лепная керамика также составляла ок. 20 %. В Вышестеблиевской-11 в керамическом комплексе трех ям последней четверти V в. до н. э. лепная керамика составляла почти треть находок без учета амфор – 29,9 % [7].

Процент лепной посуды в общей массе керамических находок, приазовских поселений Европейского Боспора IV – первой трети III в. до н.э. немного превышает 10 %. В целом в лепном керамическом производстве преобладали античные традиции [5, с.126]

Анализ лепных керамических комплексов памятников сельскохозяйственной территории позволяет отметить следующие обстоятельства. Лепная керамика присутствует практически на всех боспорских памятниках, в разном объеме и %-ном соотношении. Процент лепной посуды в общей массе керамических находок, без учета амфорной тары, колеблется на разных памятниках в пределах от 10 до 35 %.

Обращаясь к лепной керамике как источнику решения социально-исторических проблем античного Боспора, необходимо учитывать

характер памятника и его место в пространственно-хозяйственной структуре государства. На настоящий момент в массиве поселений Боспора доримского периода выделяются различные типы поселений – от города до культового места. Функциональная заданность поселенческого комплекса и продолжительность его жизнедеятельности предопределяет состав населения и особенности материальной культуры.

Другое немаловажное обстоятельство – это степень исследованности объекта. Насколько репрезентативно представлена лепная керамика в общем керамическом комплексе в определенной мере зависит от методики учета артефактов, исследованной площади объекта, от характера открытых помещений, что во многих случаях характеризуется неоднородными показателями.

Сравнительные исследования лепной посуды североопонтийских греческих центров показали ее генетическую разнородность. В лепном керамическом комплексе Северного Причерноморья выделяется более 10 групп, среди которых определенное место занимает боспорская группа, несвязанная с аборигенным населением Северного Причерноморья. Уже первые греческие колонисты изготавливали собственную лепную керамику (греческая группа)[1].

Новые возможности демонстрируют современные археометрические исследования. Изучение химического состава глиняной посуды, включая лепную [6], факторов изменения технологических приемов [3] не только уточняют технологию гончарства, но и позволяют решить вопросы состава и происхождения населения, организации производства и процессов социальных развития.

Список литературы

1. Гаврилюк Н.О. Липна кераміка античних центрів Північного Причорномор'я як Джерело для вивчення етнічної та економічної історії / Н.О.Гаврилюк // Археологія. – 2014. – № 4. – С. 30–50.
2. Клемешова М.Е. Некоторые особенности керамического комплекса конца II-I вв. до н.э. поселения Ахтанизовская-4 / М.Е.Клемешова, Г.А.Ломтадзе // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. – СПб., 2018. – С. 310–317.
3. Клемешова М.Е. Традиции и инновации в изучении лепной керамики античного Боспора / М.Е.Клемешова // XIX Боспорские чтения Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Симферополь–Керчь, 2018. – С. 219–224.
4. Кононов В.Ю. Остатки гончарного производства на античной усадьбе хоры Горгииппии / В.Ю.Кононов // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. – СПб., 2018. – С. 317–32.
5. Крайнева А.А. Лепная керамика поселений «царской» хоры Европейского Боспора / А.А.Крайнева, А.А. Масленников // ПИФК. – 2009. – С.90–130.
6. Моммзен Г. Археометрические исследования происхождения керамики / Г.Моммзен, Д.В.Журавлев, У.Шлотцауер // Древние эллины между Понтом

- Эвксинским и Меотидой. К 10-летию Боспорской археологической экспедиции. – М., 2016. – С. 90–93.
7. Рогов Е.Я. Керамический комплекс из хозяйственных ям поселения Вышестеблиевская–11 на юге Таманского полуострова / Е.Я.Рогов, С.В.Кашаев, Й. Форназир // БИ. – 2005. – Вып. VIII. – С.193.
8. Стоянов Р.В. Лепная керамика второй половины III – первой половины II вв. до н. э. из раскопок поселения Артющенко I (1999 –2006 гг.) / Р.В. Стоянов // БИ. – 2009. – Вып. XXII. – С.274–276.

УДК 902.6

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Шульга Д.П., канд. ист. наук

Сибирский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», г. Новосибирск, РФ
alkaddafa@gmail.com

В ранний период развития человеческого общества охота играла важную роль в обеспечении людей пищей (наряду с собирательством). Естественно, что преследование живой добычи часто становилось основной темой доисторических художников. Множество оленей и коз достоверно воспроизведены в наскальных рисунках Внутренней Монголии [2] и Синьцзяна [1], а в петроглифах на юге КНР немало изображений обезьян и буйволов. Некоторые из представленных животных уже вымерли. Наскальные изображения животных являлись отображением жизни первобытного человека и, возможно, объектом поклонения. Помимо религиозно-мифологической составляющей, наскальные рисунки, вероятно, были древнейшим способом фиксировать события (в том числе и после перехода к производящему хозяйству).

Целью настоящей работы является краткое описание и введение в научный оборот (в рамках русскоязычного исследовательского сообщества) тех петроглифов, которые могут стать источником в изучении хозяйственной деятельности древнего и средневекового населения Центральной и Восточной Азии (с возможностью привлечения аналогий из иных регионов).

Наскальные изображения охоты в Китае распространены как на севере, так и на юге. Разнообразием отличаются как орудия звероловов, так и их количество (одиночные, парные и коллективные сцены).

Наскальные изображения одиночной и парной охоты встречаются чаще всего. Их можно увидеть на наскальных рисунках в Ганьсу, Цинхае, Синьцзяне и Юньнани. Например, на наскальных изображениях в Юньнани (в Цаньюане) есть композиция, где человек поражает леопарда, также есть

изображение убийства оленей копьём. Среди наскальных рисунков с парной охотой вспоминается находка с гор Иньшань (АР Внутренняя Монголия), где два лучника стреляют в горных коз с длинными рогами. Одна стрела уже «попала» животному в голову, другая «впилась» в середину груди. Примечательно, что в обоих случаях «поражены» жизненно важные точки на теле «жертв». Сравнительно недалеко обнаружено изображение дикой лошади, также «утыканное стрелами». Возможно перед нами воплощение желаний охотников, вид магического действия.

Нельзя забывать и того, что животное (а точнее зооморфное божество) могло выступать как объект поклонения. Если в петроглифах интерпретаций зачастую гораздо больше одной [5], то в гадательных надписях все гораздо конкретнее. Еще не утратившие полностью черт пиктографики иероглифы на шанских «цзягувэнь» (甲骨文) показывают обезьяноподобную фигуру «Куи» (夔). Гадательные записи о нем можно разделить на несколько видов. В одних ему приносят жертвы. В других молят о богатом урожае. Также данный дух может ниспослать бедствие на поля или даже правителя.

Появление наскальных рисунков, демонстрирующих выпас скота, естественно, относится к более поздней эпохе, наступившей вслед за переходом к производящему хозяйству. На таких наскальных рисунках люди и животные куда менее экспрессивны, стадо расположено гораздо более упорядоченно. Тем не менее, многие черты здесь наследуются от старой, «охотничьей» традиции изображений.

Земледелие в Китае возникло довольно рано, и тем более удивительно, что в наскальном искусстве не так много примеров, которые демонстрируют оседлый сельскохозяйственный труд [4]. Как мы видим, многообразие природных зон Китая (и, как следствие, способов хозяйствования в древности [3]) всецело нашло отображение в петроглифических памятниках.

Список литературы

1. Wang Binghua. The Polychrome Rock Paintings in the Altay Mountains // Silk Road. 2005. №3 (1). Pp. 16–23.
2. Ань Ли. Бэйфанцао юаньянь хуаюйгудайюмуньцзю [安丽. 北方草原岩画与古代游牧民族//岩画研究] Петроглифы северных степей и древние скотоводы // Яньхуаньцзю (2012–2013). Иньчуан: Нинсянь хуаяньцзю чжунсин, 2013. С. 62–70.
3. Ван Лянфань. Гуйчжоуяньхуа [王良范. 贵州岩画] Петроглифы Гуйчжоу. Гуйян: Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ, 1997. 163 с.
4. СяоДунфа, ГаоЛилай. Яньхуагуянь [肖东发、高立来. 岩画古韵] Традиционное чтение петроглифов. Пекин: Сяндайчу баньшэ, 2014. 165 с. (на кит.яз.)
5. Тун Юншэн, ХуэйФупин. Чжунгюаньхуа дэ шиляоцзячжи [童永生、惠富平. 中国岩画的史料价值//图书与情报] Ценность петроглифов Китая как исторического источника // Туши юйцинбао, 2011, №1. С. 140–144.

Отечественная и региональная история

УДК 94(477)(477:6):622.2"1991"

ПЕРЕХОД УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОГО И ЗАПАДНОГО ДОНБАССА В ЮРИСДИКЦИЮ УКРАИНЫ (1991 г.): КЛЮЧЕВЫЕ МОМЕНТЫ

Агапов В.Л., д-р ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

agapov_donetsk@mail.ru

История базовой отрасли Донбасса – угольной является одной из проблем, плодотворно исследуемых учеными региона. И если дореволюционный и советский этапы ее развития изучены более-менее основательно, то новый этап, наступивший после провозглашений суверенитета Украины, только начинает исследоваться. Целью данной публикации является выяснения процесса перехода угольной промышленности (далее – УП) Донбасса сначала в юрисдикцию Украины, а со временем и ее огосударствления.

Органы государственной власти УССР предметно занялись проблемами УП в конце 1990 г., когда стало известно о том, что в Москве подготовлен проект постановления Верховного Совета (далее – ВС) СССР «Об особенностях управления в 1991 г. электроэнергетикой, нефтяной и газовой промышленностью» (постановление было принято 28 декабря 1990 г.) [1]. В документе в перечне отраслей, составлявших единый производственно-технологический комплекс, УП не значилась. Было известно также о том, что в проекте союзного бюджета на 1991 г. предполагается дотация УП УССР в размере, который был вдвое меньше минимально необходимых потребностей (6 млрд руб.) [2]. Такая экстраординарная ситуация сложилась после того, как ВС РСФСР принял «Основные направления бюджетной политики на 1991 г.». В соответствии с ними российские власти отказались перечислять в союзный бюджет прибыль, полученную предприятиями РСФСР. Угольный Донбасс лишился централизованного финансирования. В этой ситуации 26 декабря 1990 г. ВС УССР принял принципиальное для себя решение: органы власти УССР берут на себя ответственность за судьбу отрасли и начинают процесс, который должен завершиться переподчинением УП правительству УССР. Юридическим основанием для реализации такого намерения были Закон СССР «О разграничении полномочий между СССР и субъектами федерации», Закон «Об экономической самостоятельности УССР». В принятом 25 декабря 1990 г. постановлении ВС УССР «Об основных

направлениях экономического и социального развития УССР на 1991 гг.» предусматривалось финансирование народного хозяйства республики в размере 17,52 млрд руб., из которых 6 млрд руб. направлялись на нужды УП. Благодаря разделению полномочий между Центром и республикой в УССР оставались деньги подоходного налога, 70% налога с продаж. В целом в УССР оставалось 16 млрд руб. Эта сумма позволяла Совету Министров (далее – СМ) УССР самостоятельно заниматься проблемами отрасли. Выполняя поручение ВС УССР, украинское правительство 2 января 1991 г. отправило в Москву письмо «О передаче объединений, предприятий и организаций металлургии и угольной промышленности, расположенных на территории УССР, из общесоюзного в республиканское подчинение». В послании содержалась просьба о том, чтобы Минуглепром СССР подготовил необходимые документы, включая разделительные, передал украинскому правительству производственные и финансовые планы. Власти УССР, решая вопрос о переводе отрасли в украинскую юрисдикцию, в отношениях с союзным правительством действовал с позиции силы. В день отправки письма в Москву генеральные директора 11 производственных объединений по добыче угля Донецкой области поддержали инициативу некоторых шахт Донецка в случае дальнейших проволок с определением расчетных цен на уголь прекратить с 10 января отгрузку угля потребителям [3]. Не вызывает сомнения, что ультиматум генеральных директоров стал результатом их договоренностей с Председателем Госкомитета по УП УССР Н. Сургаем, который ранее был руководителем Главдонецкугля. Только этой договоренностью объясняется тот факт, что аналогичного ультиматума не предъявили Москве генеральные директора других областей, например, Луганской, которые испытывали те же проблемы.

Стремление украинских властей взять под свою юрисдикцию угольную отрасль поддержки в Москве не получило. 7 января в ЦК КПСС состоялось совещание с участием министров союзного правительства. Партийное руководство потребовало от Кабинета Министров СССР взвешенного подхода к отмене отраслевого управления промышленностью. Позиция ЦК КПСС в определении принципов управления народнохозяйственным комплексом определялась не только экономической целесообразностью. Накануне союзного референдума о судьбе СССР ему было крайне важно укрепить позиции Центра, сохранить Минуглепром как союзное министерство. Вскоре министр УП М. Щадов подтвердил свои полномочия. В приказе «Об особенностях применения Закона СССР «О предприятиях в СССР» в угольной промышленности» он закрепил за министерством управление собственностью подведомственных структур. 20 января 1991 г. союзное правительство проинформировало работников отрасли о том, что Минуглепром СССР продолжает функционировать, как союзное министерство. Шахтеры Донбасса

оказались между двумя центрами власти, находившимися в отношениях друг с другом, говоря словами горняка, «в состоянии гражданской войны». Финансирование осуществлялось из Киева, а управление из Москвы. В ответ 1 февраля 1991 г. ВС УССР принял постановление «О передаче предприятий и организаций металлургической и угольной промышленности, находящихся на территории Украины, в собственность республики», которым обязал правительство В. Фокина сделать эти отрасли достоянием УССР. Для реализации проекта нужно было не только получить согласие Президента СССР, ВС СССР и Кабмина СССР на передачу УССР доли государственной собственности.

ВС УССР и правительство, реализуя эту программу, действовали во многом вопреки политике союзных органов. Были проигнорированы требования IV Съезда народных депутатов СССР, который обязал руководство республик резко уменьшить размеры дотаций. Программа СМ УССР не была согласована с МУП СССР, что вызвало обращение министра М. Щадова в Комитет конституционного надзора ВС СССР с протестом по поводу действий украинского правительства. Н. Сургай был вызван в Москву, где получил выговор. Отношения между Госкомитетом по УП УССР и МУП СССР в шахтерской среде квалифицировались как «междоусобная война». 6 июня 1991 г. было принято постановление ВС Украины «О переходе в юрисдикцию Украинской ССР государственных предприятий и организаций союзного подчинения, расположенных на территории республики». Цель, поставленная ВС УССР в конце 1990 г., была достигнута. 19 августа 1991 г. начались события, связанные с провозглашением ГКЧП. 22 августа был издан Указ Б.Н. Ельцина «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР». Согласно указу все предприятия, располагавшиеся на территории РФ, переходили в подчинение правительству РФ. 10 сентября ВС Украины, со своей стороны, принял Закон «О предприятиях, учреждениях и организациях союзного подчинения, расположенных на территории Украины».

Таким образом, в первой половине 1991 г. началось перераспределение общегосударственной собственности между Москвой и Киевом. Действия политического руководства УССР на первоначальном этапе во многом были вынужденными в связи с прекращением централизованного финансирования отрасли. Но уже с лета 1991 г. действия украинских властей становятся все более решительными. Тем не менее, украинские власти не являлись инициаторами ликвидации союзной собственности на своей территории.

Список литературы

1. Госархив ДНР.Ф. Р. 2794. Оп. 2. Д. 6166. Л. 208 – 209.
2. ЦГАВО Украины. Ф. Р – 2. Оп. 15. Д. 1858. Л. 3.
3. Милько П. Отгрузка угля не прекращается / П. Милько // Соц. Донбасс, 1991. – 10 января.

РАЗВИТИЕ ПОЖАРНО-СПАСАТЕЛЬНОЙ ОХРАНЫ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ МЕСТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ДОНБАССЕ В 1930-х гг.

Борбачева Л.В.¹, канд. ист. наук, доцент,

Рощина Л.А.², канд. ист. наук, доцент

¹ГОУ ВПО «Академия гражданской защиты» МЧС ДНР, Донецк
zipiki@inbox.ru

²ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, ДНР
ist@donntu.org

В 1930-е годы в Советском государстве продолжалось становление пожарно-спасательного дела, начатого в 1920-х годах. В 1931 г. пожарная охрана была переведена в ведение ОГПУ и начался процесс ее централизации [1]. Главной задачей пожарной охраны было недопущение загораний и пожаров. Вся организационная работа Управления пожарной охраны, личного состава пожарных команд была подчинена этой задаче. На предприятиях проводились обследования состояния противопожарной безопасности: по плану, перед советскими праздниками, в период подготовки к летнему и зимнему периоду и в ходе проведения республиканских и областных конкурсов по противопожарной безопасности, участия пожарных команд в стахановском движении. В 1932 г. в Донбассе действовало 40 предприятий местной промышленности: заводы – машиностроительный в г. Мариуполе, кирпичные, шлакобетонный, мелопомольный, силикатный, известковый, канатный; швейные фабрики, стеклозавод, типографии, кондитерские и макаронные фабрики, пивзаводы, Азоврыбтрест. В работе пожарной охраны главным был вопрос предупреждения пожаров самим населением. Разовые кампании заменялись массовыми профилактическими мероприятиями. Все вновь поступающие на работу на фабрики и заводы в обязательном порядке стали проходить пожарно-технический минимум. На объектах проводилась профилактическая противопожарная работа. В 1934 г. на предприятиях местной промышленности были проведены 32 генеральных и 67 контрольных обследований, в ходе которого была проверена работа 608 предприятий.

Так, на Артемовском алебастровом заводе была 1 пожарная команда, 1 обходной пост, 3 боевых расчета, 4 конных хода. Было оборудовано пожарное депо стоимостью 8 202 руб. Инвентарь был в надлежащем порядке, отсутствовала текучесть кадров и в итоге в 1933 и 1934 гг. пожаров не было. В полном порядке находилась пожарная служба на полиграфическом комбинате – также штат был укомплектован, в пожарной охране служили 22 человека. В наличии были 2 пожарные машины, 24 химических огнетушителя, 60 пожарных рукавов, 4 брандспойта,

6 спасательных поясов и остальные средства – топоры, багры, ведра и прочее [2]. Опасными в пожарном отношении были признаны типографии, швейные фабрики и стекольная промышленность. Руководители этих объектов за допущенные нарушения правил пожарной безопасности были привлечены к ответственности.

Причиной пожаров часто было невыполнение дирекцией требований проверяющей бригады по актам обследования. Директора предприятий получали взыскания, выплачивали штрафы. После пожара на Сталинской швейной фабрике директор получил взыскание и был оштрафован на 200 руб. Непринятие мер по устранению аварии на высоковольтной линии, подведенной для работы моторов Артемовской швейной фабрики, было наказано взысканием с директора предприятия штрафа в размере 300 руб. На такую же сумму был оштрафован начальник цеха стекольного завода за невыполнение предложений по актам обследования [3].

Старые, часто малоприспособленные к растущему производству здания фабрик, устаревшее оборудование, старая электропроводка и другие хозяйственные проблемы могли стать причинами пожаров. На риске пожарной опасности сказывалась нехватка кадров, недостаток противопожарной техники на предприятиях. Поэтому пожары происходили часто. Так, в IV квартале 1934 г. произошло два пожара – на Макеевской швейной фабрике (350 руб. убытка) и на Мариупольской чулочной фабрике (1000 руб. убытка). В I квартале 1935 г. произошли пожары на Сталинской швейной фабрике (убыток 490 руб.), Артемовском стекольном заводе (убыток 50 руб.), и 2 пожара в Азовском тресте «Донрыба» (убыток 540 руб.) [4]. Одной из постоянных причин пожаров была неисправность техники. По этой причине в 1933 г. Первой государственной текстильной фабрике был нанесен убыток в 9956 руб. В 1934 г. только на Луганщине из-за неисправности технического оборудования было зафиксировано 6 загораний [5].

Таким образом, процесс развития пожарной охраны на предприятиях местной промышленности был сложным. Важнейшим решением Советской власти было создание государственной централизованной пожарной охраны.

Список литературы

1. Скипский А.Г. История пожарной охраны: Курс лекций / Под ред. проф. В.В. Запарий. – Екатеринбург: Уральский институт ГПС МЧС России, 2006. –188 с.
2. Госархив ДНР. Ф. Р-1064. Оп. 1. Д. 22. Л. 64.
3. Там же. Д. 18. Л.12.
4. Там же. Д. 18. Л.25.
5. Там же. Д. 22. Л. 144.

РАЗВИТИЕ САМОДЕЯТЕЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА В ГОРОДАХ ДОНБАССА В ГОДЫ ДОВОЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК

Врублевская Е.Е.,

Агапов В.Л., д-р ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

vrublevskya1998@gmail.com

Годы первых пятилеток вошли в историю не только как время грандиозных преобразований в народном хозяйстве СССР, Донбасса, в частности, но и как период крупных изменений в духовной сфере, ставших следствием реализации целей и задач культурной революции. Цель публикации – проанализировать направленность проводимой ВКП(б) политики по развитию самодеятельного художественного творчества трудящихся, результаты этой политики в городах промышленного Донбасса.

Самодеятельное художественное творчество – это форма народного творчества, включающая в себя создание и исполнение художественных произведений силами любителей, выступающих коллективно (кружки, студии, народные театры) или в одиночку (певцы, танцоры, и музыканты). Условия жизни 1930-х обусловили развитие культурного процесса в стране преимущественно вширь. Это нашло выражение в приобщении широких масс, трудящихся к культурным ценностям, создании условий для проведения культурно-массовой работы. Художественная самодеятельность в Донбассе рассматривалась как одно из мощнейших массовых движений в области культуры. Ее смысл состояли в непосредственном приобщении широких слоев населения к народному и профессиональному художественному творчеству. Наиболее широко эти тенденции проявились в Донбассе, крупном промышленном центре страны. Руководство процессом развития сети культурно-массовых учреждений, движения участников самодеятельного художественного творчества было возложено на профсоюзные органы. В период 1923-1930 гг. высшим органом профсоюзов в Донбассе был окружной съезд профсоюзов, а между съездами текущие вопросы рассматривались на пленумах окружного совета профсоюзов, которые созывались, как правило, ежеквартально. На пленумах рассматривались и вопросы культурно-массовой работы. Одной из болезненных проблем был дефицит кадров, людей с необходимым уровнем профессиональной подготовки, которым можно было бы поручить отдельные направления культурно-массовой работы. Особенно остро ощущался дефицит хореографов и баянистов.

В ведении профсоюзов в 1935 г. было более 10 тыс. клубов, домов и дворцов культуры, 3 тыс. красных уголков, около 3 тыс. массовых

библиотек. Первичной ячейкой культработы профсоюзов являлись культурные комиссии при фабрично-заводских местных комитетах (ФЗМК). Под руководством профсоюзных организаций на предприятиях действовали советы рабочей самодеятельности и кружков театральной деятельности. По линии профсоюзов развивались хоровые, музыкальные, танцевальные кружки, духовые оркестры. В 1935 г. в коллективах художественной самодеятельности участвовало около 400 тыс. чел. Профсоюзы не упускали из виду проблему повышений профессионального уровня руководителей самодеятельных коллективов. В этом же году в Сталино, в частности, был проведен семидневный семинар руководителей детских секторов клубов и дворцов культуры. За 1934-1936 годы на курсах было подготовлено 2 тыс. человек – хормейстеры, баянисты, танцоры, руководители драматических кружков и духовых оркестров [1]. С целью повышения мастерства участников самодеятельных коллективов организовывались культурные походы в театры, на концерты профессиональных исполнителей, проводились творческие встречи с артистами и деятелями искусства. Эти мероприятия были направлены на то, чтобы оказать помощь в повышении качественных характеристик улучшении культурно – массовой работы. Широкой популярностью среди молодых рабочих пользовались такие объединения как клубы любителей поэзии, музыки, живописи. Практиковались выставки работ самодельных мастеров живописи и прикладного искусства.

Серьезное внимание уделялось вопросам повышения идейного содержания репертуара. Например, ансамбль танца Рутченковского ДК подготовил к смотру хореографическую композицию «Навстречу жизни» о революционных традициях и героическом труде шахтеров Донбасса. Однако, данный процесс не был безболезненным. Результаты достигались зачастую благодаря админресурсу, психологическому давлению на ответственных за организацию культурно-массовой работы. Так, подвергался критике профком Сталинского металлургического завода, на котором «недостаточно работали по вопросам культуры» [2].

Таким образом, в результате предпринятых мер осуществлялось приобщение трудящихся Донбасса к культурным ценностям, что вело к повышению их общекультурного уровня.

Список литературы

1. Госархив ДНР. Ф. р-920. Оп.2. Д.1516. Л.64.
2. Там же. Д.242. Л. 98.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАЛИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УКРАИНСКОГО МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМ. АРТЕМА В 1927-1948 гг.

Горбатенко Е.А.,

Людоровская Т.Ю., канд. ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

t.ludorov@mail.ru

Театральная деятельность выполняет ряд важнейших функций: формирует мировоззрение, играет воспитательную роль, и тем самым способствует формированию качеств, необходимых для жизни в условиях того или иного общества. В г. Сталино в 1920-е годы было организовано сразу несколько театров, которые осуществляли перечисленные выше функции: Летний театр, Государственный театр драмы Управления зрелищных предприятий, Первый Советский театр, Областной театр юного зрителя, Театр кукол. Важное место в театральной жизни Донбасса занимал Сталинский государственный украинский музыкально-драматический театр, начало деятельности которого относится к 1927 г., когда в г. Харькове был создан Украинский театр, получивший название «Харьковский Краснозаводский театр». В сентябре 1933 г. театр был переведен в г. Сталино и уже в 1944 г. ему присвоено имя известного революционера – Артема. Целью этой работы является изучение становления и развития Сталинского государственного украинского музыкально-драматического театра им. Артема в 1927-1948 гг.

Сталинский государственный украинский музыкально-драматический театр им. Артема находился в непосредственном подчинении областного управления культуры Министерства культуры УССР. Его основной задачей была постановка и показ зрителям лучших образцов отечественной и зарубежной драматургии, ежегодные гастроли по стране, которые включали в себя культурно-шефскую работу в сельской местности [1]. Театр работал на правах аренды в помещении Донмузтеатра. Общее количество мест в театре составляло 1137, количество работников – 140. Реклама театра в этот период была довольно обширной: афиши, фотореклама, сообщения по радио, объявления в двух газетах, таких как «Социалистический Донбасс» и «Новый Донбасс». Также была учреждена специальная должность – уполномоченный по организации зрителей на дневные спектакли. Населению г. Сталино было доступно посещение театра как по расположению, так и по цене, поскольку с 1947 г. цены на билеты были снижены. При средней заработной плате в 625 руб. билет в театр в среднем стоил 5–6 руб. Театру им. Артема, который ежемесячно работал 20 дней на клубных площадках

шахт и заводов области, требовалось соответствующее обеспечение грузовым транспортом, необходимым для перевозки декораций. У театра была одна автомашина ЗИЗ-5, которая обеспечивала транспортировку всего необходимого для спектаклей. Однако театр не снабжался в плановом порядке ни запчастями, ни резиной. Горючего отпускали недостаточно, поэтому его хватало на 10-12 дней работы. Жестко поставленная цензура в лице Областного отдела искусств утверждала репертуар театра или снимала спектакли.

Во время Великой Отечественной войны театр разделился на два коллектива. Одна часть эвакуировалась в казахстанский город Кзил-Орда, а другая часть труппы, вместе с актерами Горловского театра. Работали в киргизском Джолал-Абаде. Об этом периоде известно не очень много, но, например, за март-май 1942 г. труппа дала 26 концертов в госпиталях, 27 концертов на призывных пунктах, 8 – на железной дороге, 1 – в автошколе. В иные дни артисты давали по 3-4 концерта, причем выступления сопровождались длительными переездами с одной площадки на другую [2]. В начале 1944 г. в г. Сталино вернулись из эвакуации два театра Донбасса: им. Артема (г. Горловка) и Сталинский драмтеатр. Представляет интерес отчет о проведенной театром работе на шахте «Центральная» треста Красноармейскуголь в период с 19 по 22 апреля 1948 г. В клубе шахты было дано 3 спектакля, на которых присутствовало 912 человек, а также дан шефский концерт, который посетили 350 зрителей [3].

Публицистика не обходила своим вниманием деятельность театра. В статье газеты «Новый Донбасс» от 22 апреля 1948 г. говорилось: «С большим успехом проходят в нашем районе гастрели Сталинского музыкально-драматического театра им. Артема. Под художественным руководством заслуженного артиста УССР тов. Лазуренко в клубах шахты им. Дмитрова, «Центральная» и в клубе железнодорожников театр показал спектакли «Взаимная любовь», «Глубоки корни». Сегодня и завтра театр даст заключительные спектакли «Суэта» Тобилевича и «Шельменко-денщик» Квитки-Основьяненко» [4].

Таким образом, театр им. Артема играл важную роль в культурной жизни не только Донбасса, но и всего СССР.

Список литературы

1. Госархив ДНР. Ф.Р.- 6403. Оп 1. Д.7. Л. 4.
2. Там же. Д.18. Л. 22.
3. Центральная история города Сталино. Новое прочтение / Интернет-ресурс <http://infodon.org.ua/stalino/teatralnaya-istoriya-goroda-stalino-novoe-prochтение>
4. Госархив ДНР. Ф.Р. – 6403. Оп 1. Д.18. Л. 24

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ 1985-1991 гг.:
ИХ ВЛИЯНИЕ НА ИЗМЕНЕНИЯ В ДОХОДАХ И БЮДЖЕТАХ
ЖИТЕЛЕЙ ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ**

Дмитриевский А.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
dmitryjewski@mail.ru

В отличие от предшествовавших периодов эпоха Перестройки ознаменовалась значительным количеством новых социально-экономических и политических процессов в советском обществе, оказывавших влияние на материальное положение граждан. Применительно к Донбассу из них наибольшее внимание исследователей привлекло массовое рабочее движение [1]. Тем не менее, нужно отметить что детализация проблемы в аспекте влияния на доходы и бюджеты населения авторами ранее опубликованных работ в качестве приоритетной задачи не ставилась.

В документах Государственного архива Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР) основными процессами такого рода в регионе в изучаемое время называются следующие:

1. Опережение темпов прироста денежных доходов населения над темпами прироста производительности труда и товарооборота, что приводило к накоплению денежной массы, не обеспеченной реальными товарами и услугами, а к началу 1990-х гг. – и превращение инфляции в неконтролируемый процесс [2].

2. Диспропорции в оплате труда: несоответствие размера материального поощрения трудозатратам, нагрузкам и возлагаемой на работника ответственности. Это выразилось в следующих явлениях:

а) внешняя кадровая миграция в виде текучести, отсутствие притока и перехода сотрудников на предприятия и в отрасли с лучшими условиями [3];

б) внутренняя кадровая миграция в виде перехода специалистов на нижестоящие, но лучше оплачиваемые должности внутри предприятия [4];

в) падение авторитета и престижа руководящих должностей среднего и младшего звена, а также лиц, их занимающих, что создало кадровый дефицит в этом сегменте [5].

3. Перевод промышленности на самофинансирование и самоуправление. Главным результатом стало снижение доходов лиц, занятых в горно-металлургическом комплексе, так как резко сократились внешние дотации на производимую ими продукцию. В большинстве случаев предприятия оказывались не готовы к хозяйствованию в новых условиях, кроме того выборность руководства привела на соответствующие

должности на целом ряде производств лиц, неспособных к управленческой работе, что также негативно отразилось фонде заработной платы [6].

4. Антиалкогольная кампания. Ожидаемых положительных изменений в семейные бюджеты в целом не внесла так как снижение потребления спиртного в основном достигалось снижением физических объёмов его продаж, а меры стимулирования здорового образа жизни и культурного досуга оказывались недостаточными. Также она вызвала дефицит спиртных напитков, рост самогонварения и возникновение «чёрного рынка» алкоголя [7].

5. Кампания по борьбе с нетрудовыми доходами. В документах ГА ДНР, относящихся к изучаемому периоду, упоминаются следующие категории правонарушений такого рода:

- а) спекуляция;
- б) использование служебного положения в корыстных целях;
- в) коррупция, преимущественно в виде взяточничества;
- г) подпольное предпринимательство (т.н. «цеховики»);
- д) мелкие хищения на предприятиях (т.н. «несуны»);
- е) использование личного имущества в целях наживы;
- ж) контрабанда.

Борьба с нетрудовыми доходами оказалась столь же декларативной, как и антиалкогольная кампания: она по сути не оказала особого влияния на условия жизни руководящих работников, а также не поборол спекуляцию и коррупцию, негативно сказывающиеся на семейных бюджетах простых граждан [8].

6. Возникновение предпринимательства. Основной его формой в эпоху Перестройки вначале была индивидуальная трудовая деятельность, чуть позднее – массовое кооперативное движение. К концу изучаемого периода также возникли феномены «комсомольской» и «партийной» экономик, ставших некоторым прообразом ныне широко распространённых на постсоветском пространстве процессов слияния бизнеса и власти. Так как развитие предпринимательства в позднесоветское время пошло не по пути создания материальных благ, а по пути их перераспределения и де-факто оно вылилось в узаконенную спекуляцию, то положительного значения для благосостояния абсолютного большинства жителей региона оно не имело. В то же время для некоторой части руководящих и ответственных работников это открыло возможность к быстрому обогащению [9].

7. Массовое рабочее движение. Главным результатом выступлений становилось кратковременное и незначительное улучшение благосостояния работников отдельных отраслей промышленности, прежде всего – угольной, а также членов их семей. В то же время средства для выполнения требований участников акций зачастую перенаправлялись из фондов, выделенных на развитие других отраслей экономики. Ещё одним

результатом выполнения требований становилось резкое опережение прироста оплаты труда над приростом её производительности, как на предприятиях, так и в целом по отрасли [10].

Кампании по борьбе с пьянством и нетрудовыми доходами не достигли заявленных целей и практически не оказали положительного влияния на благосостояние граждан, а возникновение предпринимательства усилило имущественное расслоение и положило начало расслоению социальному. Нездоровые процессы в экономике и неготовность многих предприятий к хозяйствованию в новых условиях также отрицательно сказались на доходах занятых на них людей, что привело к широкому недовольству и появлению массового рабочего движения. Однако результаты протестных акций становились паллиативной мерой, приводившей к кратковременному улучшению ситуации на отдельных участках, но никак не влиявших на общую тенденцию.

Список литературы

1. Лихолобова З. Липневiстрайки 1989 року в шахтарських мiстах Донбасу / З.Лихолобова, К. Кузiна // Україна ХХ столiття: культура, iдеологiя, полiтика. 2009. Вип. 15(1). С. 155-170.; Кузiна К.В., Лихолобова З. Г. Соцiально-економiчнi процеси у монопрофiльних шахтарських мiстах Донбасу (1950-1980-тi роки) [Текст]: монографiя / К. В. Кузiна, З. Г. Лихолобова. Донецьк: [б. в.], 2010. 335 с.; Агапов В. Л. Шахтарськi колективи в умовах кризи 1976—1991 рр. Монографiя. / В.Л. Агапов. Донецьк: Свiт книги. 2012. 663 с.
2. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 123. Д. 47. Л. 28.; Оп. 136. Д. 7. Л. 15.; Д. 296. Л. 5.; Оп. 139. Д. 68. Л. 13-14, 29, 32.; Ф. Р-4249. Оп. 7. Д. 8013. Л. 3.
3. Там же. Ф. 326. Оп. 134. Д. 20. Л. 35; Д. 20. Л. 80.; Оп. 123. Д. 23. Л. 44.; Д. 93. Л. 10; Оп. 133. Д.13. Л.40.; Оп. 136. Д. 7. Л. 61. Ф. Р-4249. Оп. 7. Д. 6309. Л. 4-5.; Д. 8695. Л. 7.
4. Там же. Ф. 326, Оп. 123. Д. 23 Л. 28.; Оп. 133. Д. 7. Л. 42-43, 87.; Оп. 134. Д. 20. Л. 25, 31.
5. Там же. Оп. 123. Д. 23. Л. 59.
6. Там же. Оп. 133. Д. 10. Л. 37-38, 47, 60, 97-99.; Д.13. Л. 128.; Д. 142. Л. 1.; Оп. 134. Д. 20. Л. 88.
7. Там же. Ф. Р-4249. Оп. 7. Д. 8716. Л. 14.; Ф. 326. Оп. 123. Д. 85. Л. 2, 13-14, 18, 21.; Оп. 133. Д. 10. Л. 28.; Д.13. Л. 13.; Д.140. Л. 22.; Д.139. Л. 77, 87.; Оп. 134. Д. 31. Л. 36.; Д. 20. Л. 19.
8. Там же. Ф. Р-4249. Оп. 7. Д. 8716. Л. 6.; Д. 8724. Л. 27-28.; Ф. 326. Оп. 133. Д. 7. Л. 22.; Д.139. Л. 18.; Оп. 123. Д. 23. Л. 17.; Д. 91. Л. 26.; Д. 93. Л. 111.; Оп. 134. Д. 31. Л. 31.; Оп. 136. Д. 314. Л. 23.
9. Там же. Ф. 326. Оп. 133. Д. 10. Л. 24.; Д.13. Л. 88.; Д. 142. Л. 48; Д.13. Л. 56.; Оп. 127. Д. 54. Л. 108.; Д. 58. Л. 10-11.; Оп. 136. Д. 296. Л. 39.; Д. 4. Л. 70.; Д. 299. Л. 33.; Д. 4. Л. 87.; Д. 7. Л. 31.; Оп. 136. Д. 314. Л. 61-62.; Оп. 139. Д. 71. Л. 32.
10. Там же. Оп. 136. Д. 7. Л. 48.

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ ПРИАЗОВЬЯ (XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Дмитриченкова Е.А.,

Людоровская Т.Ю., канд. ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

eliseeva_rina@inbox.ru

Актуальность данной темы обуславливается тем, что на современном этапе, как и в историческом прошлом, существовали и существуют различные формы религиозных организаций, поэтому государству необходимо учитывать идеологические принципы и особенности их внутреннего устройства, чтобы наладить отношения и избежать возможных конфликтов на межконфессиональной почве. Целью данной работы является рассмотрение причин и сущности межконфессиональных конфликтов среди немецкоязычного населения Приазовья.

Внутренняя жизнь немецких поселений отличалась религиозностью. Атмосфера, в которой находились немцы-колонисты, порой наполнялась жестокими конфликтами, что требовало вмешательства власти для преодоления их негативных последствий. Вместе с тем, государство максимально ограничивало влияние колониетского духовенства на русское население. Этому способствовала позиция православной церкви, которая отрицательно относилась к попыткам распространения влияния других религиозных конфессий на этих территориях [1, с. 15]. В религиозном плане немецкие поселенцы были неоднородными: среди них были лютеране, католики, меннониты, баптисты, штундисты, адвентисты, евангелисты и др. История немецких колониетов-лютеран и католиков характеризовалась не только партнерством с обществом и другими конфессиями, но и конфликтами, борьбой с различными церковными группировками. Возникновение религиозных конфликтов объясняется действием таких факторов: культурно-исторического (степенью совпадения границ государства, этноса и вероисповедания), конфессионального, социетального (влияние процессов, происходивших в социуме, на религиозную подсистему), архетипового (наличие «структурных» и «анти-структурных» тенденций в развитии системы) [2, с. 19].

Острые противоречия между духовной и светской властью в колониях привели к расколу меннонитского общества на сторонников строгого изоляционизма от светских нововведений и толерантно настроенных меннонитов. Внутренние проблемы религиозной жизни меннониты пытались решать собственными силами, стараясь не впутывать в свои дела правительство. Для этого в качестве третейских судей все спорные вопросы рассматривали представители других общин. В случаях,

если дела о «религиозных недоразумениях» в меннонитских общинах не могли решиться собственными силами «ко взаимному удовольствию», они предоставляли их к рассмотрению в органы опеки, а затем лично министру внутренних дел. Он был вынужден полагаться на мнение Генеральной консистории Лютерано-Евангелистской церкви в России. В результате, чиновники экстраполировали на религиозную жизнь меннонитов понятия, которые были присущи только Лютеранской церкви [3, с. 92].

С образованием первых религиозных сообществ и виде общин конфликт вышел на уровень структур: Церковь вошла в конфликт с общиной. С этого момента конфликт стал необратимым [4, с. 10]. С развертыванием антигерманской кампании (1890–1917 гг.) немецкие общины Приазовья начали испытывать трудности в вопросах создания новых общин, церквей и молитвенных домов, религиозных собраний в местах. Особые сложности чувствовали баптисты, адвентисты и братские меннониты, за которыми укрепилась слава «совратителей православных» [5, с. 16]. Епархиальный миссионер А.Я. Дородницын предложил распространить закон 1894 г. о преследовании штундистов и братских меннонитов, которые были наиболее «ярыми распространителями штундизма» среди православного населения [6, с. 468]. Немцев обвиняли в попытках онемечивания своих соседей с помощью распространения новых религиозных вероучений – штундизма, баптизма, евангелизма, адвентизма.

В целом, религиозная жизнь немецких колонистов Приазовья была достаточно бурной и насыщенной внутренними противоречиями, и конфликтами.

Список литературы

1. Белікова М.В. Менонітські колонії Півдня України (1789-1917 рр.): / М.В. Белікова. Автореф. дис. канд. іст. наук. – Запоріжжя, 2005. – С.13-18.
2. Ним Е.Г. Специфика появления конфликтности и деструкции в религиозной жизни общества / Е.Г. Ним: автореферат дис. ...канд. социол. наук. – Барнаул, 1999. – С. 19.
3. Безносова О.В. Меннонитская община-церковь в царской России: особенности устройства и взаимоотношений с государством в колонистский период (1786-1874) / О.В. Безносова // Мат. XI междунар. конф. «Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII-XXI вв.)». (Москва, 1-3 ноября 2006). – М., 2007. – С. 90-100.
4. Дик Й. Суть главных религиозных конфликтов в России во второй половине 19 века: взгляд изнутри / Й. Дик // Вопросы германской истории. – Днепропетровск, 2007. – С.10.
5. Кальнев М.А. Немцы и штундобаптисты. По поводу найденного протокола одной из конференций, состоявшейся 21-23 мая 1882 г. в немецкой колонии Рикенау Таврической губернии / М.А. Кальнев. – М., 1897. – С.16.
6. Дородницын А.Я. Штунда и так называемое «Крестящее по вере соединенное менонитское братство» / А.Я. Дородницын // Екатеринославские епархиальные ведомости, 1896. Сентябрь, №19-20. – С.465-475.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ СЛАВЯНОСЕРБИИ

Дробот А.Н.

ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет», г. Луганск, ЛНР
istoria@lnau.lg.ua

В середине XVIII столетия Российское правительство для того, чтобы положить конец бесконечным набегам татарских орд на южные рубежи государства, решило создать мощный заградительный рубеж с использованием военных поселений. В качестве основного комплекующего ядра предполагалось использовать выходцев из Балкан, православных сербов и создать поселения для решения ряда важных задач. При создании заградительного рубежа, который впоследствии стали называть Славяносербия, правительство ставило следующие задачи:

1. Политическая задача состояла в усилении контроля над стратегически важной территорией между Крымским ханством, Слобожанщиной и Всевеликим Войском Донским.

2. Военная задача заключалась в охране и защите границы с Крымским ханством, создании боеспособных подразделений и частей легкой гусарской кавалерии по европейскому образцу.

3. Колонизационная задача предполагала заселение пустующей территории пограничных районов Юга России, развитие их в экономическом отношении.

В конце XVII – начале XVIII века в Донецких степях, когда образовывались населенные пункты, характерной особенностью большинства этих поселений было то, что их население преимущественно было из беглого люда. Их увеличение являлось следствием социально-экономических изменений внутри русского и украинского обществ.

Поэтому в начале XVIII века в Поддонцовье начали вестись дебаты между донским казачеством и населением Изюмского слободского казачьего полка по поводу земель в долинах рек Бахмут, Жеребец и Красная. Этот спор имел не столько территориальную, сколько политическую подоплеку: к началу XVIII века Донская земля посредством развития экономических и политических связей постепенно интегрировалась в Российскую империю, превращалась во внутреннюю её область. Поэтому Москва считала необходимым окружить Донское войско землями, подконтрольными государству Российскому. Исключением были территории Северского Донца, которые не были заселены по причине опасности татарского вторжения.

Расширению соледобычи способствовал рыбный промысел, который требовал достаточного количества соли. На реке Бахмутке – притоке

Северского Донца – стали варить соль. Возле таких соляных промыслов вырос городок Бахмут (известен с 1663 г.) [2, с. 200]. Таким образом, в этот район и устремились переселенцы с Дона и Слобожанщины, и, начиная с 1703 года, начались взаимные противостояния, грабежи и убийства. Коренные изменения произошли во время Булавинского восстания (1707-1708 года). Именно восстание, помимо остальных его задач, разрешило территориальные и социальные проблемы.

Начиная с середины XVII века, в Европе начали происходить перемены в политической и социальной жизни ряда стран. Особое внимание общественности стала привлекать Османская империя с ее внутренними проблемами и обострившимися отношениями с развитыми государствами, в том числе с Российской империей, Германией, Францией и Великобританией. Измученные народы Балканского полуострова издавна надеялись, что православная Россия принесёт им освобождение от турецкого порабощения. Решение этой проблемы обоюдно было найдено в единстве религии – православии: «... чему учит и чего придерживается Православная церковь, направлено к одной цели – соединение с Богом через обновление и уподобление Ему» [1, с. 6]. Апостол Лука, автор одного из четырёх Евангелий и Деяний святых апостолов, говорил, что Царство небесное – это не столько место, сколько внутренне состояние самого человека (Евангелие от Луки 17, 21). Именно православие является основой русского характера и мировоззрения. Таким образом, в основе идеи переселения сербов лежали общность интересов российского и сербского народов в борьбе против турецкого порабощения, единство православной христианской религии, а также сходство языка и этническое родство русских, украинцев и сербов [3, с. 213]. Как отметила ученый Лариса Цвижба, в 50-х годах начинается интенсивное заселение юга России иностранными выходцами, образуются новые административные деления. По указу императрицы Елизаветы Петровны в 1752 г. была создана Новая Сербия из поселенных двух пехотных полков. Тогда же и объявлено «сделать в нынешнем году земляную крепость, которую именовать крепость Святые Елисаветы», а в 1753 г. – Славяносербию из команд генерал-майоров Райко де Прерадовича и Ивана Шевича, которые отмечены на многочисленных картах, составлявших в этот период практически каждый год [4, с. 452].

Планами заселения Новой Сербии и Славяносербии предусматривалось открытие приходских школ, обучение детей грамоте, письму, арифметике, Закону Божьему, а по желанию – иностранному языку и другим наукам. Примечательно то, что в одном из параграфов плана говорилось о том, что сироты и дети неимущих родителей должны содержаться за казенный счет, состоятельные платят за свое содержание сами, но обучение должно быть для всех бесплатным. Для сирот, калек, а также для «приносимых» детей должны быть основаны за казенный счет

особые дома, чтобы во всем селении ни нищенствующих, ни младенцев без призрения не находилось. Командиры Славяносербских полков, а потом Бахмутского гусарского полка, прилагали немало усилий для развития культуры и религии в Славяносербии. Крупными землевладельцами стали семьи де Прерадовичей, Шевичей и Штеричей. Офицеры, наделенные землей, привлекали для ее обработки вольных людей из других краев, селили их на своих землях. Развивались ремесла и зарождались мануфактуры. Командиры Славяносербских полков, а потом Бахмутского гусарского полка, прилагали немало усилий для развития культуры и религии в Славяносербии. Первые поселенцы начали торговать с Турцией, Крымом, донскими казаками, везя туда изделия чугунной и железной посуды, гвозди, канат, холст, масло и рогатый скот, получая взамен овечью шерсть, хлопчатую бумагу, ладан, фрукты, вина и оружие. Развитие культуры земледелия быстро изменяло облик края, который, по воспоминаниям современников, во второй половине 50-х годов восемнадцатого столетия преобразовался с Дикого поля в «обжитую провинцию».

Таким образом, этот период вошел в историю как эпоха подъемов и упадков взаимоотношения Балканских стран и Российской империи. Выработанные нормы и правила оказали огромное влияние на жизнь всего народа. С появлением очагов сопротивления укрепляются связи балканского народа с российской империей. Именно с этим связаны первые военные поселения в середине XVIII века. Попытки освобождения балканского народа от Османской империи и укрепления связей между Российской империей были достигнуты. Многие личности, выходцы из Балкан, сыграли немаловажную роль в истории Российской империи. Они внесли большой вклад в развитие Российской армии.

Список литературы

1. Закон Божий / Сост. О. Голосова, Д. Болотина. – М.: Лепта Книга, 2014/ – Изд. 2-е испр. – 720 с.
2. История (история Донбасса от древности до современности): учебное пособие / под общей редакцией проф. Л.Г.Шепко, проф. В.Н.Никольского. – Донецк: ДонНУ, 2017. – 730 с.
3. Подов В. Поселение сербских гусарских полков Шевича и Прерадовича (Славяно-сербия, 1753–1764). СеобаСрба у Руско царство половином 18. века: зборник радоваса Међународног научног скупа у Новом Саду. Нови Сад. 2005. – С. 213-221.
4. Цвижба Л. Картографические документы по истории Новой Сербии в фондах Российского государственного военно-исторического архива. СеобаСрба у Руско царство половином 18. века: зборни крадоваса Међународног научног скупа у Новом Саду. Нови Сад. 2005. – С. 449-460.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ (1929-1941 гг.)

Дукин А.А.,

Удалова Т.М., канд. ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

aleksei.dukin@mail.ru

В условиях спада в результате военных действий промышленного производства на территории Донбасса требуется разработать политику республиканского уровня, направленную на скорейшее восстановление промышленного потенциала ДНР. Показательным примером в реализации ускоренных темпов в промышленном секторе является этап индустриализации на территории Сталинской области.

Историография проблемы достаточно обширна. В частности, в исследовании А. Хоменко была сделана попытка проследить изменения в структуре населения занятого в промышленности и сельском хозяйстве в условиях индустриализации [5]. В исследовании А. Гиршфельда прослежена особенность миграционных процессов в Донецком бассейне в изучаемый период [2]. Также стоит отметить исследование Л.В. Борбачевой, которая проследила особенности кадрового обеспечения в Донбассе [1].

Хронологические рамки научного исследования охватывают период с конца 1929 г. по июнь 1941 г. что объясняется временем проведения политики индустриализации.

Источниковой базой послужили документы Государственного архива Донецкой Народной Республики.

Процесс индустриализации в СССР начался в конце 20-х гг. XX в. провозглашением первого пятилетнего плана. Его основная задача заключалась в том, чтобы «догнать и перегнать западные страны» в экономическом отношении. Первоочередной задачей было развитие тяжелой промышленности. В связи с этим высокие темпы промышленного строительства требовали такого же ускоренного процесса по подготовке и укомплектованию квалифицированных кадров для нужд экономики [1].

Хотелось бы выделить, что в годы первой пятилетки одним из важнейших путей подготовки специалистов для нужд тяжелой индустрии, сельского хозяйства, учреждений образования, культуры было сотрудничество советских республик в сфере кадрового обеспечения. Данное сотрудничество в исследуемый период индустриализации имело серьезное значение, в связи с чем велась работа с представителями национальных меньшинств всего СССР. Для них расширялась сеть рабфаков, школ-семилеток, хозяйственных техникумов и соответствующих национальных отделений при вузах. Данные меры коснулись и всего

Донбасса. Стали функционировать училища, техникумы, филиалы институтов, в которых преподавание велось на языках национальных меньшинств [1].

Когда проблема кадров была решена, работа руководства в рамках политики индустриализации была направлена на ликвидацию отставания угольной, металлургической, коксохимической и других отраслей промышленности. Угольная промышленность являлась основной и ведущей – это и определяло значение Донецкого региона как основной и первой топливной базы страны, ведь уголь на то время занимал господствующую роль в топливном обеспечении, так как именно на угле работали электростанции и заводы. В связи с этим, от промышленного потенциала региона зависело успешное осуществление темпов развития всего социалистического народного хозяйства [3, Л. 11].

С 1930 по 1935 г. в угольную и горнорудную промышленность было вложено около 1 млрд. руб. Благодаря чему помимо нового шахтного строительства проводилась огромная работа по механизации угольного производства. Сотни тысяч отбойных и врубовых машин, бурильных молотков, электросверл, разного вида конвейеров, электровозов и электробуров были введены в угольную промышленность Донбасса. Все эти механизмы работали на электроэнергии. Большевицкий размах электрификации и механизации угольной отрасли дал значительное увеличение добычи, особенно механизированной, однако, из-за плохого освоения техники, план не выполнялся. Для решения этой проблемы развернулась программа по техническому обучению кадров. Соцтехэкзаменом были охвачены десятки тысяч угольщиков [3, Л. 12].

В 1934 г. впервые за послевоенные годы Донбасс годовой план выполнил на все 100 %. Данные о суточных добычи угля свидетельствуют, что по всему региону добыча в августе 1932 г. составляла 22 тыс. т, а в декабре 1934 г. она возросла до 192 тыс. т., то есть, средняя добыча угля выросла больше чем на 40%.

В то же время количество рабочих увеличивалось на 3,6 %. За 8 лет процент механизированного производства вырос с 7,8 % до 30 %. Наш угольный край прошел тот путь, на который Америка затратила 36 лет, а Рурский бассейн в Германии – 14 лет [3, Л. 12].

За 4 года в металлургическую отрасль Донецкого бассейна капиталовложения составили около 1 млрд. руб. Большая часть этой суммы была направлена в Сталинскую область. В частности, было реконструировано 7 доменных печей на Сталинском и Енакиевском металлургических заводах. На «Азовстали» была введена в эксплуатацию крупнейшая механизированная 250-тонная мартеновская печь. В Макеевке был построен и освоен блюминг мощностью 1,2 тыс. т, в связи с чем Макеевский завод им. Кирова был превращен в один из крупнейших металлургических заводов Советского Союза [6, Л. 17]. Возросло трубное

производство на Мариупольском комбинате им. Ильича со 115 тыс. т. в 1931 г. до 190 тыс. т в 1934 г. Также в процессе строительства в Мариуполе находился новый металлургический гигант «Азовсталь», на котором работали 2 домны и 1 мартен [2, Л. 17].

Следует подчеркнуть, что на металлургическую промышленность Сталинской области в СССР приходилось чугуна – 38 %, стали – 24,5 %, проката – 35 %. Заводы в 1934 г. выплавили свыше 4 млн. т. чугуна – это столько, сколько в 1929 г. дал весь Советский Союз. Для сравнения, Америке потребовалось для этого 12 лет, Германии 15 лет, Франции 18 лет, Англии 45 лет. [2, Л. 17].

1930-1934 гг. – это период борьбы за создание передовой коксохимической промышленности. Были построены гиганты коксохимической промышленности, такие как Рутченковский, Горловский, Макеевский заводы, заканчивалось строительство Енакиевского коксохимического и Мариупольского заводов. Был запущен процесс строительства коксохимического завода в Краматорске. Реконструировались почти все старые комбинаты.

Постепенно Сталинская область превращалась в центр крупной химической промышленности. Из небольших заводов Сталинская химия выросла в мощную промышленность, основанную на последних достижениях техники. Свыше 100 наименований химических изделий производилось на местных заводах, чему способствовали капиталовложения в эту отрасль, составившие 1,4 млрд. руб. [4, Л. 27].

Таким образом, исходя из вышеизложенных фактов, стоит отметить, что Сталинская область в рамках политики индустриализации была приоритетной в сфере развития тяжелой промышленности. Это дало возможность построить колоссальную индустриальную базу, которая в дальнейшем сыграла важную роль в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Борбачева Л.В. «Особенности кадрового обеспечения индустриализации в Украине на этапе сотрудничества республик (1926 – 1932 гг.) [Электронный ресурс] / Л.В. Борбачева. 2013. Режим доступа: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/86937/02-Borbacheva.pdf?sequence=1>
2. Гиршфельд А. Миграционные процессы на Украине / А. Гиршфельд. Харьков., 1930. – 87 с.
3. Госархив ДНР. Ф. Р2794. Оп. 2. Д. 84. Л. 110.
4. Там же. Ф. Р4804. Оп. 3. Д. 4. Л. 46.
5. Там же. Д. 2. Л. 185.
6. Хоменко А. К вопросам наплыва населения в Донбасс / А.Хоменко // Вестник статистики Украины. – 1928. – №3. – С. 100-104.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КАДРОВОГО СОСТАВА И ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЙ РАБОТЫ «СЛАВЯНСКОГО СОЛЕВЫВАРОЧНОГО ЗАВОДА» В 1943-1945 гг.

Коваленко А.К.,

Людоровская Т.Ю., канд. ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

anya.kovalenko.5952@gmail.com

Одним из крупнейших заводов по выпариванию соли в СССР был «Славянский солевыварочный завод», который относился к предприятиям выварочной группы. По данным архива, способ производства соли был основан на выпаривании NaCl из рассолов, извлекаемых из недр земли Славянского месторождения. Актуальность исследования состоит в том, что необходимо восполнить пробелы в истории соляной промышленности Донбасса с привлечением ранее неопубликованных архивных материалов и для дальнейшего развития проблемы в современных условиях.

Целью работы является рассмотрение процесса восстановления кадрового состава жилищно-коммунальной работы «Славсоли» в 1943-1945 гг.

Важнейшее значение имел кадровый состав, так как значительная часть отрасли промышленности была основана на ручном труде. По данным архива, начиная с октября 1943 г., штат работающих на солезаводах «Вакуум» и «Большевик», принятых на неопределенный срок, составил 130 чел. Предприятия «Славсоли» не располагали штатом рабочих, соответствующим запросам производства. Такое состояние, в котором заводоуправление пребывало, характеризовало качество работы. Рабочие места вовсе не были заполнены, работа осуществлялась в три смены. Заводоуправление вынуждено было проводить частые переводы производительных и строительных рабочих на погрузочно-разгрузочные работы, во время подачи вагонов на погрузку соли или разгрузку угля. Это приводило к тому, что налаженный ритм работы срывался, следовательно, снижалась интенсивность и производительность труда [4,22].

Известно, что недостаток работы в условиях военной обстановки широко практиковалась замена мужчин, ушедших в армию, на женщин, что значительно увеличивало удельный вес их на заводах. Женский труд в производственной деятельности был предоставлен в количестве 40 чел., что составляло 67,9 %. Общее количество рабочих в восстановительных работах: 52 женщины или 44,4 %. Всего на 169 рабочих – 92 женщины, 54,5 %. Следует отметить, что женщины-рабочие с успехом заменяли мужчин на любых участках работ, включая и наиболее тяжелые в физическом отношении, например, в погрузочно-разгрузочных работах. Из

числа женщин было 8 стахановок и 25 ударниц, неоднократно премированных за образцовую работу [2, с. 15].

Значительное внимание уделялось вопросу поднятия трудовой дисциплины. Кроме массово-разъяснительной работы в отдельных случаях применялись меры административного и судебного воздействия. Следует отметить большое недовыполнение плана по жилищно-коммунальному хозяйству, что объяснялось отсутствием стройматериалов и рабочей силы [3, с. 40].

По данным архива, большинство работающих на «Славсоли» жили в своих горкоммуновских квартирах. Дома в основном были одноэтажные с небольшой жилой площадью, старые постройки до 1917 г. Капитальный ремонт отдельным домам был не рентабелен, так как они подлежали списанию в силу естественного износа. Для оздоровления жилого фонда, а также удовлетворения трудящихся осуществляли строительство нескольких новых жилых домов. Следует отметить, что некоторые заводские квартиры были восстановлены и отремонтированы. Правда, некоторая часть квартир желала лучшего ремонта, но «Славсоль» на то время сделала всё, что можно было сделать, не останавливалась перед оказанием помощи в ремонте домов и квартир. К зиме 1944 г. квартиры были уже подготовлены. Учитывая, что большинство рабочих находилось под гнетом немецко-фашистской оккупации, семьям фронтовиков «Славсоль» оказывала большую поддержку и помощь. Для работающих одиночек имелось общежитие на 12 чел., которое было обеспечено всем необходимым инвентарем, а также койками, постельными принадлежностями, радио, светом и прочим. Для всех рабочих в сезон зимы 1945 г., было роздано 231 тон. угля. Начиная с 1945 г. «Славсоль» восстановила баню и создала детский сад [1, с. 55].

Известно, что общественное питание через столовую проходило без перебоя и было на удовлетворительном уровне. Перебоев в снабжении хлебом не было. А торговая сеть ОРС с обслуживанием прикрепленного контингента справлялась. Снабжение рабочих мясом, рыбой, жирами, крупами и сахаром происходило в основном за счёт выделяемых фондов Главурсом и частично дополнялось для стимулирования работ из фондов НКПП СССР. Отоваривание продуктовых карточек производилось полностью, за исключением сентября и декабря месяцев, когда некоторым рабочим не были отоварены мясо, рыба и жиры из-за отсутствия их на базах снабжения в области. Овощами, такими как огурцы, капуста, помидоры, рабочие были обеспечены за счёт своего подсобного хозяйства и привоза с колхозов через торговую сеть ОРС. Продавали в среднем по 150 кг на работающего, и производилась заготовка, в том числе картофеля на зиму в количестве, обеспечивающем полностью общественное питание до нового урожая [2, с. 37].

Следует сказать, что наряду с снабжением работающих «Славсоль» оказывала возможную помощь семьям военнослужащих, инвалидам

отечественной войны и демобилизованным. На конец отчетного 1945 г. в «Славсоли» числилось 139 семей военнослужащих, инвалидов ВОВ – 17 и демобилизованных 40 чел. Помимо фондов снабжение, «Славсоль», как правило, особо нуждающимся оказывала материальную помощь. В основном выдавали обувь, костюмы, платья, фуфайки, постельные принадлежности и пр. [4, с. 29].

Огромное значение на ведущих предприятиях Советского Союза имели социалистические соревнования за выполнение и перевыполнение производственных заданий. По данным архива, на «Славсоли» социалистическим соревнованием были охвачены все работники производства. Принимаемые социалистические обязательства, отражали основные задачи социалистического соревнования: борьбу за повышение качества продукции и снижение себестоимости, за экономию сырья и материалов, топлива и электроэнергии, за правильное и максимальное использование внутренних резервов, внедрение новой техники и передовой технологии, за дальнейшее повышение производительности труда и культуры производства.

Проводили ряд мероприятий по расширению естественной и искусственной вентиляции, термоизоляции теплоизлучающих поверхностей, расширение вытяжных устройств, значительно улучшен температурный режим отдельных производственных участков. Сверхурочные работы, как правило, не допускались, труд подростков не превышал шести часов. Женщины работали только на легких работах, все рабочие полностью использовали тарифные отпуска [4, с. 113].

Таким образом, руководство Славянского солевыварочного завода уделяло большое внимание не только количественному составу кадровых работников, но и их профессиональному обучению. Особое значение уделялось жилищно-коммунальной и культмассовой работе, что позволило в дальнейшем получить почетное звание «Предприятие отличного качества».

Список литературы

1. Горшков В.П. Соль земли Донецкой – (Каменная соль Донбасса) / В.П. Горшков, А.В. Грищенко. – Донецк: Редакционно-издательский отдел областного управления по печати, 1992. – С. 205.
2. Госархив ДНР. Ф.3305. Оп. 1. Д. 3. Л. 73.
3. Там же. Д. 6. Л. 88.
4. Там же. Д. 10. Л. 132.

ДОСУГ СОВЕТСКОЙ СЕМЬИ В ДОНБАССЕ В 1920-1930-х гг.

Людоровская Т.Ю., канд. ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

t.ludorov@mail.ru

Культурные преобразования, начавшиеся сразу с установлением советской власти, дали толчок появлению культурного досуга у жителей Донбасса, поскольку на территории края до 20-х гг. XX в. практически не было культурных учреждений. Несомненный интерес представляет собой региональный опыт реализации государственной политики в области развития культуры и досуга среди семей трудящихся Донбасса в 1920-1930-е гг. Изучаемая тема актуальна по причине того, что досуговая сфера советских семей в рассматриваемый период на территории нашего края только зарождалась, поэтому важно рассмотреть ее возникновение и особенности развития. Цель исследования предполагает рассмотрение зарождения семейного досуга в Донбассе и его развития в течении 1920-30-х гг. Источниковая база исследования: журнал «КультСО» [1], журнал «Просвещение Донбасса» [2] – один из старейших периодических изданий края, который освещал вопросы просвещения, образования, развития культуры и досуга рабочих Донбасса. Среди исследователей, которые занимались данной проблематикой, можно выделить статьи Трубниковой Л.С., Хюрениной И.Ю. [3] и др. Статья «Развлекательная культура рабочих Донбасса (конец XIX – начало XX вв.)», авторами которой являются Гончаров В.В. и Койнаш В.В., описывает обстановку, в которой оказалась культура и досуг на начало XX в., что явилось предпосылками к культурному и досуговому строительству [4].

Условия жизни рабочих семей Донбасса в 1920-1930-х гг. повлияли на развитие досуга и культуры. Для обслуживания культурных нужд рабочих и их семей в Донбассе в данный период было начато обширное клубное строительство: в 1923 г. в городах и рабочих поселках края действовало 127 рабочих клубов, а в 1925 г. – уже более 200. Членами клуба была примерно треть рабочих [5, 131]. В клубах демонстрировали спектакли и концерты, проводили вечера самодеятельности, устраивали детские утренники и вечера молодежи. Еще одним видом досуга при клубах стали семейные вечера, которые помогали трудящимся преодолевать отсталость, замкнутость и отчужденность, воспитывали умение правильно вести себя в семье и обществе. Наблюдалось увеличение членов клуба среди женского населения. Это было обусловлено тем, что все чаще мужчины брали своих жен для совместного времяпрепровождения в клубах: «Вон рабочий и работница под ручку идут» [6, 28]. В течении трех месяцев в 1928 г. (январь-февраль-март) спектакли и концерты были

проведены 179 клубами, семейные вечера были организованы в течении трех указанных месяцев 132 клубами, детские утренники были организованы 115 клубами [7, 127]. Большинство таких мероприятий организовывались собственными силами рабочих либо местными рабочими кружками, и проводились преимущественно бесплатно.

В марте 1925 г. на V Донецком губернском съезде профсоюзов было принято решение о строительстве клубов-театров, которые позже получили название «Дворцы культуры». В первую очередь, таковые были построены на 8 крупнейших рудниках – Горловском, Щербиновском, Краснотворческом (Рутченково), Петровском, Брянском, Енакиевском, Гришинском и Рыковском. За сезон 1926-1927 гг. построено 12 дворцов культуры. Ядром дворцов культуры являлся театр, молодые супружеские пары часто посещали спектакли: «Зала преогромная. Народу рабочего целая тысяча... Третий звонок. Занавес открыт. Идет пьеса из рабочей жизни. Артисты-рабочие, артистки-рабочие. Играют хорошо» [6, 28]. Чаще всего такие спектакли демонстрировали борьбу рабочего класса и всех трудящихся за социалистическую перестройку хозяйства, за индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства, новый быт и культуру. Значительным достижением театрального и музыкального творчества масс было возникновение в исследуемый период рабочих оперных студий и музыкально-драматических коллективов, которыми были представлены такие постановки, как «Князь Игорь», «Евгений Онегин», «Фауст» [8, 123-126]. Такие мероприятия посещали семьями.

У рабочих семей появилась возможность смотреть кинофильмы, поскольку быстрыми темпами развивалась киносеть региона. Большой популярностью пользовались среди трудящихся киносеансы. Специальных кинотеатров в Донбассе в исследуемый период было немного, однако кинопередвижки работали даже в самых маленьких населенных пунктах, картины демонстрировали в клубах. По инициативе комсомольцев в 1925 г. был построен летний кинотеатр в г. Снежном, работали кинотеатры также в г. Мариуполе. Количество киноустановок в крае выросло со 159 в 1925 г. до 821 в 1933 г. В 1939 году, например, было закончено строительство Кинотеатра им. Т.Г. Шевченко в г. Сталино, который был одним из первых в Советском Союзе многозальных кинотеатров. По вечерам семьи рабочих посещали кинотеатры и клубы для просмотра различных кинолент: «Свечерело. Звезды загорелись. Свежий ветерок повевает со стороны сада, рабочие пошли в кино. Кино помещается в большом зале театра, на тысячу с лишним человек. Тут же рабочий буфет...» [6, 28]. Рабочие семьи также могли проводить свой досуг за прослушиванием радио: «Верно, радио у них на славу. В саду, около вновь строящегося большого театра на тысячу с лишним человек установлены две мачты по 45 метров, тут же антенна натянута. Громкоговоритель орет здорово, передавая концерты и речи» [6, 42].

Еще одним положительным достижением развития досуга рабочих семей Донбасса становится негласная борьба с пьянством. Известно, что ранее среди трудящихся наблюдалось всеобщее и ежедневное пьянство, поскольку таким образом рабочие отдыхали после тяжелого трудового дня, что пагубно влияло на взаимоотношения в семье [9, 25-26]. Нельзя сказать, что пьянство в 1920-1930-х гг. искоренилось совсем, но ощущались позитивные тенденции к этому: «Раньше, до революции, у нас среди рабочих были страшные грубости... кулачные бои, пьянство, матерщина. Хамье кругом, да пьяные рожи пахабные песни поют. А теперь, погляди-ка вон как ходят, гуляют, по порядку» [6, 28].

В 1920-1930 гг. в досуге рабочих семей Донбасса происходят позитивные изменения, этому способствовало строительство клубов, дворцов культуры, кинотеатров. Все чаще семейные пары проводят свой досуг вместе, просматривая спектакли, слушая радио, посещая семейные вечера и т.п. В этот период как раз и происходит приобщение рабочего класса Донбасса к образованию и просвещению, что оказало позитивное влияние не только на развитие досуга, но и на развитие культуры в Донбассе в целом. Полностью меняется направленность культурных учреждений, они становятся более ориентированы на рабочих – шахтеров и металлистов. Культурные учреждения работали в патриотическом духе.

Список литературы

1. «КультСО». – 1934. №11; 1935. №27, №29.
2. «Просвещение Донбасса». – 1924. – № 5-6.
3. Трубникова Л.С. Культурные процессы в 20-30 гг. /Л.С. Трубникова // Новые страницы в истории Донбасса: сб. статей. – Донецк: Донбасс, 1992. – С. 70–90; Хюренина И.Ю. Культурные процессы и формирование общественного сознания при сталинизме / И.Ю.Хюренина // Новые страницы в истории Донбасса: сб. статей. – Донецк: Донбасс, 1997. – С. 102-113.
4. Гончаров В.В. Развлекательная культура рабочих Донбасса (конец XIX – начало XX вв.) / В.В. Гончаров, В.В. Койнаш // Наука. Релігія. Суспільство. – 2013. – №1. – С. 24-27.
5. Курдюмова Е.А. Донбасс на подъеме (1921-1925 гг.): Исторический очерк / Е.А. Курдюмова. – Донецк: Донбасс, 1976. – 143 с.
6. Нечунаев К.Е. В гостях у донбассовцев. Записки избача-крестьянина / К.Е. Нечунаев. – М.: Типо-Литограф, 1927. – 55 с.
7. Либерман Л.В. Труд и быт горняков Донбасса прежде и теперь / Л.В. Либерман. – М.: Мосполиграф, 1929. – 135 с.
8. Даниленко В.М. Рабочий класс и культурная революция на Украине / В.М. Даниленко. – К.: Наукова думка, 1986. – 215 с.
9. Гончаров В.В. Развлекательная культура рабочих Донбасса (конец XIX-начало XX вв.) / В.В. Гончаров, В.В. Койнаш // Наука. Религия. Общество. – Донецк-2013. – № 1. – С. 24-27.

МЕЖДУ РОССИЕЙ И УКРАИНОЙ: НОВОРОССИЯ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Мебония Э.В.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва, РФ
ester.mebonia@mail.ru

Революционные события 1917 года оставили тяжелые следы на развитии украинского и русского самосознания. Одним из камней распутия исторически складывающегося славянского мировоззрения в рассматриваемый нами период времени стала Новороссия. В данной статье мы рассмотрим проблему соотношения украинских национальных идей и интересов жителей Новороссии; проследим, какие тенденции развития Донецко-Криворожской республики оказываются актуальными и для современной войны на Украине; наконец, придем к выводу, к какому берегу должно причаливать судно общественных настроений современных Донецкой и Луганской народных республик. В целом, проблема исторически сложившегося, особого положения Новороссии для России и Украины очень актуальна для сложившихся ныне геополитических реалий Восточной Европы и содержательной части Русского мира.

В первую очередь, затронем проблему украинского национализма как политическую идеологию и общественное мышление в конкретный промежуток времени. Идеи самых знаменитых мыслителей украинских национальных взглядов, таких как Костомаров, Грушевский, Шевченко, то есть выдвижение на первый план украинского языка и культурной самобытности, радикализировались до требований о создании национального государства к 1917 году. Политически процесс борьбы за подобное образование отразился в ряде документов. Так, например, Первый Универсал, ставший итогом перипетий Центральной Рады и Временного правительства, заключал в себе разрешение революционной власти решать «украинские проблемы» силами украинцев, однако без отделения от России в целом: «Хай буде Україна вільною...»¹. Второй Универсал также не требовал отделения Украины от России, и так как созревала тяжелая ситуация для Временного правительства, то положение Центральной Рады об открытии Генерального Секретариата стало определенным компромиссом между желающей получить автономию Украиной и Российским государством. С захватом власти большевиками в Петрограде, распространением большевистских социалистических взглядов были выпущены Третий и Четвертый Универсалы, ознаменовавшие создание

¹ https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/3/38/1st_Universal.jpg

Украинской народной республики, но если Третий все еще формально поддерживал идею сохранения своих границ в рамках России, то Четвертый уже объявлял: «Отныне Украинская Народная Республика становится самостоятельной, ни от кого не зависимым, свободным, суверенным государством украинского народа»². Однако победа большевиков в борьбе за установление власти на Украине, хотя и досталась большим трудом, но была достаточно объективной: радикальные и оперативные действия красного правительства не оставили шансов украинской Центральной рады, однако никакой нагрузки для развития национальной украинской идеи победа Советов не принесла. Другой пример носителей национальных взглядов Украины – это анархисты, так называемые «зеленые», развивавшие идею примитивного крестьянского социализма. Они, в свою очередь, отражали идеи той части населения, на который не делал упор почти никто из противоборствующих сторон: ни большевики, бывшие в первую очередь на стороне рабочих и солдат, ни интеллигенты украинского политического представительства. Можно ли сказать, что национальные украинские идеи в целом соответствовали потребностям общества рассматриваемого периода? Мы считаем, что нет – узконациональные интересы не решали вопросы, которые возникали в связи с общим кризисом государственного управления в рамках разрушенной империи. И уж тем более, не охватывали самобытное развитие юго-востока Украины.

Какое же место занимала Новороссия в затрагиваемых событиях? В развивавшейся кровопролитной войне Добровольческой армии, объединения казаков и Красной армии победу одержали силы Советов как на военном, так и на политическом фронтах. Большевики Луганщины взяли полностью регион под свой контроль, начались социалистические преобразования в различных сферах общества [1]. Как уже упоминалось ранее, с разгромом армии противника была организована Донецко-Криворожская республика, в основу которой легла власть трудящихся и вошли земли Харьковской и Екатеринославской губерний, Криворожье Херсонской губернии, часть уездов Таврической губернии и промышленные районы Области Войска Донского. Она принесла в себе идею настоящего прогресса, развития, решения различные социально-экономических проблем, и на ее фоне украинская национальная идея резко сдавала позиции по уровню важности [2]. Хотя и противоречия, в ходе обсуждения которых принималась резолюция «О выделении Донецкого бассейна», затрагивали проблему разумности выделения республики по экономическому принципу, будущий глава Донецко-Криворожской республики, Ф.А. Сергеев (Артём), сказал представителю - «агенту украинского ЦИК»: «Почему вы стремитесь к Киеву? Потому что Советская республика не по национальному признаку для вас более крепкий орех, чем национальная» [2]. При этом федеративное

² https://uk.wikisource.org/wiki/Четвертий_Універсал_Української_Центральної_Ради

устройство Советских Украины, России и Донецко-Криворожской республики гарантировало бы автономию последней в рамках построения политических взаимоотношений. Этот политический проект, однако же, имел недолгую, но смелую судьбу и практическую реализацию: национализация заводов (и тем самым – спасение их от банкротства), введение политики ликбеза, бесплатное обучение детям бедноты. Однако же введение Украинской народной республики оккупационных войск и последующие события, на которых мы не будем концентрировать наше внимание, привели к постановлению В.И. Ленина от 17 февраля 1919 года о ликвидации Донецко-Криворожской республики [3].

Однако память о Донецко-Криворожской республике жива и по сегодняшний день. Недаром в 2014 году, когда история дала новый виток разъединения украинских и русских интересов, Народным советом Донецкой народной республики был создан Меморандум Донецкой Народной Республики об основах государственного строительства, политической и исторической преемственности³, заявлявший об «исторической связи государственных образований Донецко-Криворожской Республики и Донецкой Народной Республики». Таким образом, можно предположить, что исторически сложившийся, действительно верный путь развития Новороссии – современных Донецкой и Луганской народных республик – лежит в признании политической автономии, или же во включении их в состав России на федеративной основе. Донбасс, как составная часть Русского мира (то есть несущая в себе русскую культуру, историю и язык), в условиях нашего мира должен иметь фундаментом южно-русский горнопромышленный комплекс и то построение общественных взаимоотношений, которые, к сожалению, в условиях капиталистического мира воссоздать фактически невозможно, а именно - власть в руках трудящихся, отсутствие социальной несправедливости и прочие благие составляющие социалистических достижений.

Список литературы

1. Климов А.О. История Луганского края: монография / А.О.Климов, В.С.Курило, И.Ю.Бровченко. – Луганск, 2008.
2. Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика: расстрелянная мечта / В.В.Корнилов. – СПб.: изд-во «Питер», 2017.
3. Корнилов В.В. 15 мифов и правда о Донецко-Криворожской Советской Республике / В.В.Корнилов // Еженедельник «2000». – 2011. – № 8(547).

³ <https://dnrsovet.su/155-memorandum-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-osnovah-gosudarstvennogo-stroitelstva-politicheskoy-i-istoricheskoy-preemstvennosti/>

РОЛЬ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ ДОНБАССА В БОРЬБЕ С НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В 1941-1943 гг.

Метейко М.А.,

Удалова Т.М., канд. ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

mariya.meteyko@mail.ru

22 июня 1941 г. – день, который оставил отпечаток, неизгладимый в сознании каждого гражданина СССР. Прошло немало времени с тех пор, как закончилась Великая Отечественная война. Красная Армия стала готовиться к обороне своего Отечества, а жители Донбасса начали эвакуацию предприятий в тыл. Те, кто не смог эвакуироваться и призваться на фронт, стали защищать свои города, участвуя в подпольно-партизанских движениях.

Актуальность данной темы заключается в том, что до сих пор существует интерес к событиям Великой Отечественной войны, к подвигам подрастающего поколения, принесшее вклад в Победу. Не исследован целый пласт документов того периода, что и объясняет повышенный интерес к данной тематике. Появляются новые данные, рассекречиваются ранее запрещенные документы, издаются мемуары и воспоминания детей войны, жителей захваченных областей и регионов, что предоставляет возможность исследователю изучать социальную сферу, психологические истоки тех или иных действий.

Тема детей-партизан частично затрагивалась в таких работах общего и специального характера, как «Война глазами детей. Воспоминания» Гладневой О.А. [7], «Детство военных лет (1941-1945 гг.): проблемы и перспективы изучения» Кринко Е.Ф. [8] «Память. Воспоминания работников Донецкого национального университета о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Избранное» Подмаркова В.И. [10], региональными исследователями данной тематики являются Овчинникова Я.С. [9], Соловей М.А. [11], Удалова Т.М [12].

Хронологическими рамками научного исследования охватывает период с конца октября 1941 г. по 8 сентября 1943 г., что объясняется началом оккупации Донбасса и освобождением края от немецких захватчиков.

Источниковой базой послужили документы Государственного архива Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР), а именно списки и протоколы допросов участников подпольно-партизанских организаций, воспоминания детей войны и т.д.

Лемешко И.Г., родившийся в 1922 г. вспоминает, что после того, как в 1939 г. Германия напала на Польшу, а после последовала и капитуляция

многих европейских стран, было очевидно, что Советскому Союзу не избежать войны, пакт Молотова-Риббентропа лишь отсрочил её. В стране началась большая подготовительная работа среди населения, особенно среди молодёжи. Уже со школьной скамьи дети умели стрелять, оказывать первую медицинскую помощь при ранениях, закалялись в беге, плавание, ходьбе на лыжах. Каждый старшеклассник должен был сдать нормы на значок «Готов к труду и обороне», значок «Ворошиловский стрелок», значок «Готов к медицинской помощи» и другие [10; 66].

Гринко Л.Е., родившаяся в 1927 г., оказывала помощь в операциях по поджогу гаража, по уничтожению госпитальных палаток, по подрыву средств связи внутри города, по сбору разведывательных данных и работу по освобождению военнопленных из лагерей [3].

Сикачев В.И., 1926 г.р. вспоминал, что в феврале 1942 г. была организована молодежная подпольная группа. Они слушали запрещенные оккупантами передачи из Москвы, записывали и передавали сводки боевых действий с фронтов, распространяя эту информацию среди населения, проводили мелкие диверсии: рвали кабели для немецкой связи, пробивали бочки из-под бензина. Для бежавших из плена красноармейцев доставали документы и одежду [6].

Безкорвайная Р.Г. 1923 г.р., была представлена к награде и получила медаль «За доблестный труд в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг.». По заданию подпольной группы работала регистратором в Краснолиманской городской поликлинике, где была возможность установить расположение вражеских войск, их наличие и планы, после чего передавала сведения в партизанский отряд. Также, она многим из молодежи выдала справки о непригодности их для угона в Германию на работы, оказывала помощь местному населению в бесплатном лечении, распространяла среди них листовки и газеты, выпускаемые партизанским отрядом [5].

Сафронов А. учился в 2-м классе на момент начала оккупации г. Артемовска. Его старший брат Алексей был связан с подпольной группой партизанского отряда Чаплина. С февраля месяца 1943 г. стал активным участником в работе группы. Он должен был похищать у немцев патроны и передавать их на квартиру тов. Колпаковой А.А., руководителю подпольной организации города, с чем он осторожно и умело справлялся. Также, Толя ходил по городу вместе с Колпаковой А.А., и они, используя все возможности, расклеивали за ночь от 90 до 100 листовок, призывающих к уничтожению фашистских захватчиков. Дальнейшая судьба Анатолия неизвестна [2].

Корниенко К.В., Пасечников И.И. и Торченко В.Ф. (все 1924 г.р.), были бойцами партизанского отряда «За Родину», действовавшего на территории Харцызского и Амвросиевского районов. Принимали активное участие в операциях отряда, взорвав железнодорожный мост через реку

Миус, подорвав железнодорожное полотно, пустившие под откос вражеский вагон с техникой. Молодые подпольщики погибли при тяжелых пытках гестапо, оставшись верным своей партизанской клятве. Им была присвоена медаль «Партизану Отечественной войны» I степени посмертно [4].

Партизан Семен Скоблов перед своей смертью оставил такие слова: «Друзья, мы погибаем за правое дело. Не складывайте рук, вставайте, вступайте в партизанские движения, бейте врага на каждом шагу...бей немца. Прощай, русский народ, борись и не гневайся...» [1].

Таким образом, на основании вышеизложенных фактов, засвидетельствованных в архивных документах, мы можем утверждать тот факт, что дети-партизаны играли важную роль в освобождении Донбасса от оккупантов, а также героическими поступками способствовали приближению Победы, осознавая тот факт, что им грозит смерть. Изучение источниковой базы по данной проблематике содействует во всецелом освещении данного вопроса, что поможет составить целостную картину борьбы населения Донбасса в период немецко-фашистской оккупации Донбасса в 1941-1943 гг.

Список литературы

1. Госархив ДНР. Ф.5000. Оп. 1. Д. 1. Л. 161.
2. Там же. Д. 126. Л.84-86.
3. Там же. Д. 193. Л.23.
4. Там же. Д. 202. Л. 33-37.
5. Там же. Д. 206. Л. 20.
6. Там же. Д. 404. Л. 1-7.
7. Гладнева О.А. Война глазами детей. Воспоминания. Д.: Апекс, 2011. 252 с.
8. Детство военных лет (1941-1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // Кринко Е.Ф. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/detstvo-voennyh-let-1941-1945-gg-problemy-i-perspektivy-izucheniya>
9. Добров П.В. Дети и подростки Донбасса в условиях Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Монография / П.В.Добров, Я.С.Овчинникова. – Д.: Донбасс, 2012. 298 с.
10. Память. Воспоминания работников Донецкого национального университета о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Избранное / ред. кол.: В.И. Подмарков и др.; вступ. стат. В. И. Подмарков. – Донецк: Юго-Восток, 2011. – 318 с.
11. Соловей М.А. Детские дома Донбасса 1943-1965 гг. [Текст]: автореф. дис...канд. ист. наук (07.00.02) [Текст]: автореф. дис...канд. ист. наук (07.00.01) / Соловей Мария Александровна; ДонНУ. Донецк, 2009. – 20 с.
12. Удалова Т.М. Помощь тружеников Донбасса фронту в годы Великой Отечественной войны [Текст]: автореф. дис...канд. ист. наук (07.00.01) / Удалова Татьяна Михайловна; ДонНУ. Донецк, 2006. – 19 с.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ДОНБАССА В ПЛАНАХ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ (1941–1943 гг.)

Муравьёва В.О.,

Удалова Т.М., канд. ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

murawiewa.valerya@gmail.com

В военных условиях нацистской Германией был разработан специальный план «Ост», согласно которому закреплялось господство рейха в Восточной Европе. Не исключением стали земли Донбасса. В первую очередь оккупантов интересовали угледобывающие предприятия – шахты, которые в силу объективных причин пребывали в плачевном состоянии. «Ценой любых усилий и затрат промышленность должна быть возрождена в самый короткий срок, начиная от гигантов-предприятий и кончая самым маленьким производством. Мы должны помнить, что речь идет о судьбе нас самих и наших детей», – сказано в первом номере газеты «Донецкий вестник». Одна из первостепенных и самых существенных проблем проявлялась в недостатке квалифицированных кадров. Наряду с оставшимися на оккупированной территории шахтёрами привлекались на работу в угледобывающую сферу и местные жители, не имеющие опыта и навыков работы, а также горные специалисты из других регионов [1, 177].

Эксплуатация каменноугольных копей края приобретала для немецких органов все большее значение, прежде всего потому, что позволяла уменьшить подвоз угля из Германии. Сначала организовывать и осуществлять эксплуатацию каменноугольных месторождений был уполномочен экономический штаб «Восток», с подчиненной экономической инспекцией «Юг». В марте 1942 г. эти функции переняло горно-металлургическое общество «Восток», основанное в августе 1941 г. как монопольное объединение по представительству имперского министерства экономики, райхсгруппы торговли и экономической группы горной и железодобывающей промышленности. Руководителем горно-металлургического общества «Восток» Герман Геринг назначил генерального директора акционерного общества «Райхсверке АГ» и председателя президиума Имперского объединения угля П. Пляйгера [2, 242]. Во время оккупации из крупных шахт Горловки работали только: шахта № 5, шахта № 19-20, Рудуч, шахта им. Калинина и до десяти мелких шахт. Максимальная добыча по Горловским и Калининским шахтам составляла около 1740 т [3].

Пуск доменных и мартеновских печей был связан с большими трудностями и решался только после восстановления ветродувных машин, которые в основном количестве были разрушены при отступлении

Красной Армии. В интервью для газеты «Донецкий вестник» главный инженер (позднее директор) Сталинского металлургического завода К.В. Мессерле утверждал, что, на тот момент, важнейшими задачами в восстановлении были: помощь от рабочих в деле выявления и собирания дефицитных деталей и инструментов, необходимых для агрегатов завода; тщательная охрана завода, установление строгого порядка для того, чтобы прекратить попытки воровства и причинения вреда. При восстановлении производства аналогичные задачи решало немецкое руководство всех металлургических заводов Донецкого края [4, 45].

После того, как советские войска прорвали немецкий фронт на р. Миус и приступили к освобождению Донбасса, фашистским командованием предписывалось: «Весь Донецкий бассейн восточнее позиции «Черепаша» должен быть эвакуирован в хозяйственном отношении и полностью разрушен. Разрушению подлежат водонапорные и электрические станции, деревни, дома. Разрушения провести не в последний момент во время боя, а своевременно» [5].

Таким образом, планы гитлеровского командования относительно ресурсного потенциала Донбасса носили исключительно эксплуатационный характер. Целью оккупантов было добыча полезных ископаемых для нужд и потребностей нацистской Германии, эксплуатация объектов промышленного назначения, бесцеремонное хищение советского имущества и вывоз ценного оборудования в рейх. Все отрасли промышленности (угледобывающая, металлургическая, химическая и т.д.) были вынуждены работать на нужды вражеского режима. Чувствуя крах, оккупанты безжалостно разрушали и без того истощённую промышленность края.

Список литературы

1. Донбасс в Великой Отечественной войне (1941 – 1943 гг.): известные и неизвестные факты и события / Под ред. Доброва П.В. и авторского коллектива. – Донецк: ООО "Издательско-полиграфическое предприятие «ПРОМІНЬ», 2014. 420 с.
2. Опыт нацистской оккупации в Донбассе: свидетельствуют очевидцы / Авт.-сост. Титаренко, Д.Н., Пентер, Т. – Донецк: Мир книги, 2013. –465 с.
3. Госархив ДНР. Ф. Р1838. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.
4. Народная война в тылу фашистских оккупантов (1941 – 1944 гг.). Книга первая / Под ред. Немятого Д.Ф. и авторского коллектива. – Киев: «Научная мысль», 1985. 312 с.
5. Госархив ДНР. Ф. Р1838. Оп. 1. Д. 41. Л. 57.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ДОНБАССА 1932-1933 гг.: СОВРЕМЕННАЯ ТРАКТОВКА ПРОБЛЕМЫ

Никольский В.Н., д-р ист. наук, профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

nicols46@mail.ru

История так называемого «голодомора» имеет достаточно длительную эволюцию. В октябре 1992 г. бывший секретарь Центрального Комитета компартии Украины по идеологии, ставший первым президентом страны Л.М. Кравчук инициировал проведение мероприятий, в память о погибших от голода в 1932-1933 гг. В Киеве была организована серия мероприятий, включая открытие первого памятника на Михайловской площади, научная конференция, выезд областных делегаций в г. Лубны Полтавской области, где также был открыт мемориал памяти жертв якобы целенаправленной политики Москвы. В годы руководства страной третьего президента В.А. Ющенко, эти мероприятия выросли до уровня основного звена политики в отношении Российской Федерации. В основу идеологии этих действий были положены материалы расследования международной комиссии (1990 г.), разработчиком которых были американские историки Джеймс Мейс и Роберт Конквест [1]. Основная мысль этой пропагандистской кампании заключалась в короткой формуле – голод (позднее названный голодомором) был составляющей частью организованного советским руководством геноцида украинского народа. Автор этих тезисов принимал участие, как один из представителей донецкой делегации, в мероприятиях в Киеве в октябре 1992 г. В 2006 г. при Донецкой областной администрации была создана редколлегия, которой было поручено организовать сбор материалов (архивные документы, воспоминания очевидцев), связанных с указанным трагическим событием [2]. 28 ноября 2006 г. президент Украины В.Ющенко подписал «Закон України «Про Голодомор 1932-1933 років в Україні» [3].

Нужно, ради справедливости отметить, что голод 1932-1933 гг. действительно является историческим фактом. Количество погибших людей достоверно неизвестно (исследователями приводятся цифры от 2 – до 10 млн. чел.). Отметим, что фактом, вокруг которого ведутся споры ученых, были масштабы самой трагедии. Но украинские политики решили использовать материалы о бедах населения в своих целях, развешивая, образно говоря, ярлыки, основной из которых звучит так «это был геноцид, организованный московским (сталинским) руководством для уничтожения украинского крестьянства».

Не все зарубежные исследователи согласны с этим утверждением. Так, известный историк, занимавшийся изучением фактов голода в других странах, Марк Теугер писал: «Голод грянул в 1931-1933 гг., прежде всего, по причине природных катаклизмов – погодных условий и прочих событий. И это был вовсе не результат действий власти. Та политика власти, которую некоторые считают геноцидом, стала ответной реакцией на происшедшие события, борьбой по преодолению комплексного и кризисного голода, угрожавшего сорвать обеспечение продовольствием миллионов людей. Действия советского руководства были сложными и включали не только заготовки зерна в деревнях, но и поставки продовольствия в эти же деревни...» [4]. Российский исследователь, д.и.н. В.В. Кондрашин (Пензенский госпедуниверситет), в статье в «Журнале российских и восточноевропейских исторических исследований» [5] детально рассматривает голод, охвативший в указанные годы Северокавказский край, Нижно-Волжский край, Центрально-Черноземную область, Средне-Волжский край, Татарскую АССР, а также – Казахскую АССР и другие регионы Р.Ф.

Однако вернемся к Украине и непосредственно – к Донецкой области. С целью как-то доказать свой тезис о геноциде украинского крестьянства, руководство республики дало негласное указание – архивным работникам по фондам областных подразделений органов ЗАГС составить списки умерших от голода в 1932-1933 гг., включив в них ВСЕХ умерших в эти годы. В каждой области были изданы официальные материалы. В Донецкой области вышли два тома памятных сборников [6]. В статье «Від обласної редколегії», заместитель главы Донецкой обгосадминистрации, председатель областной редколлегии А.Л. Третьяк писал, что обработка архивов ЗАГСа уже проведена, составлены списки 105000 человек, которые умерли в указанные годы (в нынешних границах). Но отмечает, что списки, к сожалению, неполные. И заканчивает свое обращение словами «Мы убеждены, что всю правду о Голодоморе 1932-1933 годов должны знать наши потомки» [7].

Таким образом, с помощью подмены понятий, была произведена фальсификация фактов. Неискушенный читатель не поймет, что его откровенно «водят за нос».

Автор данных тезисов, выделил в приведенных «диагнозах» (причинах смерти) такие группы: 1) граждане, у которых причиной назван ГОЛОД, 2) люди, умершие из-за недостатков в питании и связанных с этим болезней, 3) умершие из-за иных заболеваний (сердечных), инфекционных, детских, 4) те, у кого причинами смерти являются «внешние воздействия».

Мы получили следующие результаты:

Всего в опубликованных списках по городам Сталино, Артемовск, и по Амвросиевскому району значатся 65 611 умерших (то есть 62,5% от объявленных 105 000 чел.). Не указан диагноз у 4 170 чел., умерли от

старости, дряхлость, маразм) – 828 чел., от болезней, связанных с недостатками в питании (понос, кровавый понос) – 89 чел., расстройство пищеварения – 136 чел., пищевая интоксикация – 141 чел., истощение – 91 чел., желудочно-кишечные заболевания – 89 чел., воспаления – 50 чел.; всего 10 021 чел. «Внешние воздействия»: автоавария – 10 чел., попали под трамвай – 8 чел., под трактор – 3 чел., под поезд – 100 чел., пулевые ранения – 28 чел., убиты – 62 чел., авария в шахте – 67 чел., от удара молнией – 12 чел., от удара электрическим током – 38 чел., различные травмы – 158 чел., отравления (газом, угорели, кислотой, грибами, не указано) – 44 чел., от ожогов – 24 чел., зарезаны – 2 чел., самоубийство – 19 чел., повешены – 25 чел., замерзли – 7 чел., от алкоголя – 23 чел. Всего – 630 чел.

Таким образом, автор надеется, что читатели данных тезисов поняли механизм фальсификации данных относительно количества умерших от голода в 1932-1933 гг. в Донецкой области.

Отметим, что обвинения об украинском геноциде в Донбассе легко снять, назвав фамилии умерших. Среди них были: Циммер Адольф Давидович, Балджи Петр Константинович, Бутузов Владимир. Здесь, я понимаю, слова о геноциде голодом УКРАИНСКОГО крестьянства неуместны.

Изложенные выше материалы будут детализированы и расширены в большой статье, которую готовит автор для одного из научных журналов.

Список литературы

1. Международная комиссия по расследованию голода на Украине 1932 – 1933 годов. Итоговый отчет 1990 г. Киев, 1992. 191 с.; Конквест Роберт. Жнива скорботи. Радянська колективізація і голодомор. Київ. Вид. «Либідь». 1993. 384 с.; Міжнародна наукова конференція «Геноцид українського народу: історична пам'ять та політично-правова оцінка (Київ, 25 листопада 2000 р.). Програма.
2. Автор данных тезисов был включен в состав редколлегии готовившегося издания.
3. См. «Закон України «Про Голодомор 1932-1933 років в Україні»/ Гірка пам'ять. Голодомор 1932 – 1933 років на Донеччині. Донецьк. 2008. С.3-5.
4. Таугер Марк. Голод, голодомор, геноцид. Голод, сельское хозяйство и советская сельскохозяйственная политика / Марк Таугер. – Киев. Еженедельник «2000» Издательство «Довіра», 2008. –С.14-15.
5. Голод 1932-1933 гг. в Российской Федерации // Журнал российских и восточно-европейских исторических исследований. – №1. Апрель-июнь 2010 г. – С.6-20.
6. Національна книга пам'яті жертв голодомору 1932 – 1933 років в Україні. Донецька область. Донецьк. Частина перша. – 2008. – 784 с.; Частина друга. – 784 с.
7. Там же. Частина перша. – С. 6.

ОРГАНЫ НАРОДНОГО КОНТРОЛЯ НА ДОНЕТЧИНЕ (1960–1970-е гг.): ПОСТАНОВКА И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Никольский В.Н., д-р ист. наук, профессор,
Ревенко А.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
nicols46@mail.ru , *croton2018@mail.ru*

Большевистская революция 1917 г., декларированная как социалистическая, предполагала, привлечение широких народных масс к решению основополагающих политических, экономических и социальных проблем. В статье «Как нам реорганизовать Рабкрин», написанной накануне XII съезда ВКП (б) (23 марта 1923 г.), В.И. Ленин предлагал с целью борьбы против бюрократии и опасности раскола партии, установить тесную организационную связь между руководящим органом государственного (Рабоче-крестьянская инспекция) и партийного (Центральная контрольная комиссия) контроля. При этом он придавал принципиальное значение включению рядовых рабочих и крестьян в ЦК и ЦКК, с целью оздоровления обстановки в партии, уменьшения раскола и бюрократизации аппарата [1]. Но этот вопрос не был включен в повестку дня съезда и не обсуждался.

Забегая вперед, отметим, что органы партийного и государственного контроля в СССР продолжали функционировать в довоенный период. В 1963 г., после довольно частых структурных изменений, был создан Донецкий областной комитет народного контроля. Отметим, что деятельность этого органа и подведомственных ему структур в Донбассе, до настоящего времени не была объектом исследовательских интересов.

Один из авторов данных тезисов в 70-х – 80 гг. прошлого века довольно длительный период времени участвовал в деятельности народного контроля: после службы в армии, работая в проектно-институте, был рекомендован комсомольской организацией внештатным сотрудником Ворошиловского (в г. Донецке) районного комитета народного контроля, а, после получения высшего образования в Донецком госуниверситете, работая учителем, а затем заместителем директора общеобразовательной школы, как молодой коммунист, был рекомендован районным комитетом Компартии Украины на должность заведующего внештатным отделом науки, культуры, учебных заведений и здравоохранения Куйбышевского (в г. Донецке) районного комитета народного контроля. Занимал эту должность в течение десяти лет. Опыт практической работы в органах народного контроля позволяет утверждать,

что эта структура, с научной и практической точек зрения заслуживает специального исследования.

В Государственном архиве ДНР находятся 49 фондов органов народного контроля за период 1963-1973 гг. – фонд Донецкого областного комитета народного контроля (Ф.Р-3425, состоящий из 1499 дел). Структура фонда включает «Положение об областном комитете партийно-государственного контроля и его органов на местах [2]. Среди документов отдельным разделом в описи выделены директивные документы различных руководящих структур (ЦК КПСС, ЦК Компартии Украины, Комитетов народного контроля СССР и УССР). Отдельные разделы фонда включают протоколы заседаний комитета, планы, отчеты, информации о работе областного, районных, городских комитетов, групп и постов народного контроля. Специальный раздел фонда состоит из информации, докладных записок, справок проверок выполнения организациями и предприятиями области постановлений партийных и советских органов, государственных планов развития народного хозяйства [3].

Значительный массив документов органов народного контроля находится в 48 фондах (включают 3719 дел) районных и городских комитетов народного контроля. В них сосредоточены протоколы заседаний, планы и отчеты о работе комитетов, групп и постов народного контроля, акты, информации, справки проверок выполнения постановлений партии и правительства, государственных планов развития народного хозяйства, работы предприятий бытового и коммунального обслуживания учреждений народного образования и здравоохранения.

Изучение опыта работы органов народного контроля, кроме всего прочего, обусловлено созданием в Российской Федерации общественного движения «Общероссийский народный фронт», и созданием в Донецкой Народной Республике правящим общественным движением «Донецкая Республика», народного контроля. По мнению авторов, следует изучать предшествующий опыт деятельности народного контроля, в том числе, и на территории Донбасса, чтобы использовать достижения прошлых лет и избегать допущенные ошибки и недочеты.

Список литературы

1. Ленин В.И. Как нам реорганизовать Рабкрин / В.И.Ленин // Полн.собр. соч. – Т.45. – С.383-388.
2. Государственный архив ДНР. Ф.Р-3425 (1963 г.).
3. Там же. См. Оп. 1, архивного фонда Ф.Р-3425.

ПРЕДПОСЫЛКИ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ГОРНОСПАСАТЕЛЬНОГО ДЕЛА НА ТЕРРИТОРИИ ДОНБАССА В 20-х – 30-х гг. XX ВЕКА

Павлова А.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

angelina.pavlov@yandex.ua

Традиционно основой топливно-энергетического комплекса Донбасса является угледобыча. Угольная промышленность продолжает оставаться одной из самых опасных отраслей не только в Донбассе, но и во всем мире. История развития спасательного дела в Донбассе неразрывно связана с историей горноспасательного дела как отдельной отрасли горного дела.

Целью научного исследования является анализ состояния горноспасательной службы, а также выявление проблем по организации безопасной добычи угля на шахтах Донбасса в 20-х – начале 30-х годов XX века на основе источниковой базы, исторической и специальной научной литературы. Объектом научного исследования является эволюция спасательного дела в Донбассе на примере горноспасательного дела. Предмет исследования – изучение общегосударственной политики в горноспасательном деле и ее влияние на социальные процессы развития гражданского общества. Отечественными историками-краеоведами какой-либо фундаментальной и системной работы по проблеме проведено не было, только в диссертационном исследовании М.Н. Касьяновой рассмотрен период с конца XIX в. по 1913 год [4]. Частично проблематика данного научного исследования нашла свое отражение в трудах представителей отечественной горной науки, российских ученых, которые рассматривают проблему безопасности горных работ в Донбассе в контексте деятельности горноспасательной службы России [4].

Во время Гражданской войны горноспасательные станции (далее – ГСС) были практически разрушены. Одновременно с восстановлением горной промышленности осуществлялось и возрождение ГСС по «активной системе», то есть с постоянным персоналом специально обученных людей. Главным недостатком постановки горноспасательного дела в эти годы было то, что все станции по существу были разобщены между собой, подчинялись различным трестам горной промышленности и не имели постоянного централизованного руководства [2]. Бурное развитие угольной промышленности в советский период, и особенно в годы форсированной индустриализации страны, характеризовалось ростом количества шахт, увеличением их мощности и переходом большинства угольных предприятий на разработку более глубоких горизонтов. Все это требовало значительного усиления горноспасательного дела. В 1922 году

ГСС были не только восстановлены, но и производили работы по ликвидации подземных пожаров [1, 2]. Однако разобщённость ГСС не давала полной возможности координировать и эффективно направлять их работу по быстрдействию и совершенствованию горноспасательного дела. Постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее – ВЦИК) и Совета Народных Комиссаров (далее – СНК) «О горноспасательном и испытательном деле в РСФСР» от 06.07.1922 г., опубликованным в «Известиях» ВЦИК от 09.07.1922 года № 151/1590, утверждается и вводится в действие новая система управления, структура и подчиненность всех горноспасательных и испытательных станций РСФСР и союзных республик. 13.07.1922 года было введено в действие Положение о горноспасательном и испытательном деле, организовано Центральное Управление Горноспасательными Станциями (ЦУГС), которое затем вошло на правах отдела в Центральное Управление Горного Надзора при Главном Управлении Горной Промышленности Донбасса. Спасательные станции были выведены из подчинения обслуживаемых предприятий и переданы в ведение Высшего Совета Народного Хозяйства (далее – ВСНХ) по Главному Управлению Горной Промышленности (далее – ГУГП). ГСС получили статус государственных структур, создаваемых на принципах централизованного управления и структурно подразделялись на три типа: рудничный горноспасательный пункт; групповой горноспасательный пункт; районная горноспасательная станция [1]. Благодаря централизации управления спасательными станциями, с момента организации ЦУГС сеть спасательных станций быстро разрастается. В 1924 году на территории Донецкого каменноугольного бассейна насчитывалась 21 ГСС (в сравнении с 1920 г. – 14 ГСС), из которых: центральных – одна (Макеевская), районных – 4, групповых – 10, рудничных – 6. Активно действующий персонал составлял 426 человек: освобожденных от работы в шахтах – до 195 человек и в резервно-вспомогательных командах – до 231 человек [3]. Механическими мастерскими Макеевской спасательной станции по ремонту аппаратуры и изготовлению запчастей было отремонтировано и приведено в боевое состояние 285 респираторов и 28 аппаратов искусственной вентиляции легких. К 1924 г. в ГСС Донбасса имелось: лошадей – 76 единиц; автодрезин – 6 единиц; автомобилей – 2 единицы [1]. В 1926 г. Центральная Макеевская ГСС преобразовывается в Центральную спасательную и научно-исследовательскую станцию [4].

В период 1926-1927 гг. спасательное дело было децентрализовано и станции переданы трестам. Однако опыт этот показал нецелесообразность такого способа организации, в результате Постановлением СНК СССР от 19.05.1927 г. была произведена передача надзора за безопасностью горных работ Наркомтяжпрому СССР, а на Горнотехническую инспекцию возложено ведение научно-исследовательской работы по вопросам безопасности горных работ и горноспасательного дела [4].

Провозглашенный курс на форсированную индустриализацию всей страны потребовал разработки плана оздоровительных мероприятий горной промышленности Донбасса – с 07.06.1929 г. к работе приступила Межведомственная правительственная комиссия в составе представителей СНК, Наркомтруда, ВСНХ, ВЦСПС СССР. В результате обследования 24 шахт Сталинского округа, 17 шахт Луганского и 14 шахт Артемовского округов, комиссия сделала вывод о том, что значительная помощь, которая оказывалась Правительством горноспасательному делу, не реализовывалась, так как станции были подчинены трестам, а научно-исследовательской работой в данном направлении фактически никто не занимался [3]. В итоге совместным Постановлением СНК СССР и Наркомтруда СССР от 31.07.1931 г. в составе объединений и трестов были выделены специалисты по горноспасательному делу, на которых было возложено управление и руководство всеми спасательными станциями и пунктами Донбасса [1].

Таким образом источники свидетельствуют о том, что наличие специалистов по горноспасательному делу в трестах и объединениях не улучшило состояние быстро развивающегося горноспасательного дела, и потребовались более радикальные меры в виде централизации и военизации горноспасательных частей. В результате в 1931 году Правительством СССР было принято решение о централизации управления горноспасательными станциями при Управлении Противовоздушной обороны и военизированных специальных частей Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР (УПВО и ВСЧ НКТП СССР).

Список литературы

1. Горноспасательное дело в СССР (исторический обзор). Сборник рукописей и материалов школы командного состава ВГСЧ Донбасса. Фонд НТБ НИИГД «Респиратор» МЧС ДНР. С. 15-36.
2. Госархив ДНР. Ф. Р-28. Оп.1. ДД.1-24.
3. Желтов И. Итоги обследования каменноугольной промышленности Правительственной комиссией / И.Желтов // Горный журнал, 1929, № 11. – С. 1863-1887; Труды 1-го Донецкого Съезда по безопасности горных работ. – М.: Центральное управление печати ВСНХ СССР, 1926.– С.6, 34-35, 67.
4. Касьянова М.М. Гірничорятувальна служба в Донбасі (к. ХІХ ст. – п. ХХ ст.): диссер... Донецьк, 2008. – 220 с.; Пашковский П.С. Основные этапы развития отечественного респираторостроения / П.С.Пашковский, Г.Д.Галдобин, А.П. Снитко. – НИИГД «Респиратор». – Донецк: Норд-Пресс, 2008. – С. 12-15; Щаблов Н.Н., Виноградов В.Н., Гаврилова О.В. Становление и развитие горноспасательного дела в России / Н.Н.Щаблов, В.Н.Виноградов, О.В. Гаврилова // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. – № 4 (21).– Спб., 2013. – С. 58-68.

БРАЧНОСТЬ В ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ (1959–1989 гг.)**Панчук Г.Н.**, канд. ист. наук

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР

grazsport@yandex.ru

Брачность – это демографический процесс образования супружеских пар. Исторические аспекты этой проблемы раскрыты недостаточно. Единственной крупной работой является исследование В.П. Чухно «Общество и семья: вчера, сегодня, завтра», изданная в Донецке в 1990 г. [1]. В докладе разговор пойдет о браке, который закреплён и оформлен документально. Такая форма сожительства жителей Донецкой области в изучаемый период являлась больше принятой и занимала основную часть брачных отношений (более 90 %), и только задокументированные отношения между мужчиной и женщиной поддаются статистическому исследованию численности, состава, функционирования. Для изучения выбран период 1959-1989 гг., когда наблюдался интенсивный процесс формирования состава населения в регионе в связи с широким промышленным строительством. Этот период обозначен общими переписями населения. Обработка их материалов стала основой исследования проблемы. В них рассматриваются изменения в динамике брачных отношений, численность и состав семей Донецкой области. Динамика брачно-семейных отношений представлена в таблице. Видно, что на протяжении исследуемого периода численность населения области увеличилась на 24%, но численность браков значительно уменьшилось.

Таблица

Численность браков в Донецкой области в период 1959-1989 гг. [2]

Год	Численность жителей в области тыс. чел	Численность браков		Численность разводов		% разводов к численности браков
		Всего	На 1 тыс. чел.	Всего	На 1 тыс. чел.	
1959	4302,0	66 684	12,1	8 680	2	14,3
1979	5171,8	58 341	11,3	25 559	4,9	43,8
1989	5335,7	49 605	9,3	25 178	4,7	50,7
1989 в % к 1959	124,0	81,7	65,9	290	235,0	354,5

Семьи бывают разные: «полные» и «неполные». На численность неполных семей негативно влияет численность разводов. Анализ показывает, что в 1959 г. их было 14,3 % от числа браков, а в 1989 г. 50,7 %. Рост разводов составил 354,5 %. Какова причина такого факта?

После войны постепенно пополнялась численность населения, нормализовалась половая диспропорция, увеличивалась численность браков. Особенно интенсивно этот процесс проходил в Донецкой области. Сюда прибывали на восстановление хозяйства тысячи юношей и девушек репродуктивного возраста, создавали семьи. Но эта тенденция не была устойчивой. В 60-х она значительно уменьшилась. На снижение численности браков повлияло стремление молодежи получать образование, миграция населения в разные районы СССР. Безверие, которое насаждалось долгое время привело к бездуховности населения и негативно повлияло на отношения в самой маленькой, но самой главной ячейке общества. Брачность снизилась во всех возрастных группах. В целом, за период между переписями 1959-1989 годов семейные пары составляли большую часть населения, но размер семьи становился меньше. Для Донбасса характерны этнично-смешанные супружеские пары. Такие браки чаще наблюдались у представителей народов, близких культурой и бытом (русско-украинские, белорусско-русские, белорусско-украинские). Но имелись группы, которые не были склонны к заключению смешанных браков (евреи, цыгане). Возможно, это связано с религиозными традициями. Вследствие уменьшения смертности населения преклонного возраста и увеличения продолжительности жизни увеличилась продолжительность брака.

Таким образом, семья – это корни каждого человека. Семейная традиция в нашем регионе в рассматриваемый период подвергалась серьезным испытаниям. Рост образовательного и культурного уровня населения, повышение уровня материального благосостояния людей осуществлялись с одновременным процессом разрушения семейных связей и уз. Негативные для семьи процессы активизировались в годы «перестройки», когда активно стала пропагандироваться идеология либерального индивидуализма. Проблема, предлагаемая для рассмотрения в данной статье, является актуальной в современном обществе в преддверии переписи населения Донецкой Народной Республики.

Список литературы

1. Чухно В.П. Общество и семья: вчера, сегодня, завтра. Историко-социологическое исследование / В.П. Чухно. – Донецк: Донбасс, 1990. – 232 с.
2. Текущий архив Донецкого областного статистического управления. Динамические ряды основных показателей развития народного хозяйства: Население Донецкой области (по данным Всесоюзной переписи населения 199 г.) // Статистический бюллетень. – Донецк, 1991. – С.3-8.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕТИ ОХРАНЫ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В 1930-е гг. НА ПРИМЕРЕ СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Пичугина А.В.,

Людоровская Т.Ю., канд. ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

ist.pav@yandex.ru

В 1930-е гг. перед правительством стояла новая задача – создать благоприятные условия для дальнейшего привлечения женской части населения к развитию экономики государства. Одним из таких условий было улучшение социальных условий труда. Цель данной работы – оценить степень реализации социальных преобразований 1930-х гг. в Донбассе на примере сети Охраны материнства и детства Сталинской области.

В 1930-е гг. происходит расширение и улучшение сети Охраны материнства и детства. Это было связано с тем, что 15 апреля 1929 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок», в котором основной задачей провозглашалось вовлечение женщин в социалистическое строительство, и для этого необходимо было создать благоприятные условия. Также это было связано с результатами демографического исследования 1934 г., которое выявило стойкое падение рождаемости в стране. Так, в 1930-е гг. государство делает ставку на институт семьи, укрепляя сформировавшийся образ «работающей матери». Материнство представляется как высшее право женщины при социализме, социальная ответственность женщин перед государством, которой нельзя избежать [3; 49-50]. После обнаружения демографической проблемы, правительство со всей строгостью подошло к ее решению, что сразу дало результаты. Уже в 1934 г. произошло увеличение больничных заведений в Сталинской области [1]. В 1938 г. функционировало 66 женских консультаций. Необходимо отметить, что они в основном находились вместе с детскими [2].

С середины 1930-х гг. женские консультации должны были выполнять 2 основные задачи: во-первых, привлечь, как можно раньше, беременную женщину, во-вторых, наблюдать за состоянием здоровья женщины во время родов и после них. Таким образом, к 1938 г. консультации развернули уже довольно широкую деятельность по обслуживанию женщин в положении. Во время беременности посещение консультаций происходило в среднем в 50 % случаях (53,9 – по городу, 23,7 – по селу), но после родов за консультацией обращались намного реже – 13,5 % (13,9 – по городу, 7,7 – по селу) [1].

На протяжении 1933-1937 гг. стало больше и родильных домов, но они были не единственными учреждениями, где могли появиться на свет дети. Еще в клиниках и больницах существовали отведенные родильные койки. Анализ показателей дал основания утверждать, что с 1933 г. прослеживается тенденция увеличения коек (в 1933 г. в больницах городов – 608, в селах – 230, в 1937 г. – 1789 и 531 соответственно). На территории Сталинской области в 1939 г. было уже 35 родильных домов в городах и 26 роддомов в селах. На селе отмечается малая загруженность родильных домов, что можно объяснить нехваткой врачебных кадров. Например, в 1938 из 14 сельских роддомов лишь только в Старо-Кременчугском имелось 2 врача [1]. Особое значение в 1930-е гг. уделялось расширению сети детских яслей, что было обусловлено политикой «работающей матери», о которой уже упоминалось выше. В 1934 г. количество яслей значительно увеличивается, как в городах, так и в селах. В 1937 г. уже в городе 324 яслей, а в селе – 166.

Таким образом, на основе изучения статистических показателей установлено, что с 1934 г. наблюдается увеличение количества больничных и ясельных учреждений и их посещение на территории области, поскольку правительству необходимо было поддерживать образ «работающей матери». Тем не менее, изучив отчеты по здравоохранению области, можно выделить и негативные явления: во-первых, существовала значительная разница в развитии сети материнства и детства городов и сел. Так, в городе существовало большее количество больничных заведений, и они были лучше укомплектованы. В селе стоял вопрос об острой нехватке квалифицированных медицинских работников и низком качестве обслуживания людей. Во-вторых, не смотря на рост сети Охраны материнства и детства, сельские женщины не переставали ходить за консультациями, а еще хуже – абортами к так называемым «бабкам-повитухам», а в городе необходимо было пересмотреть расположение учреждений сети Охраны материнства и детства, поскольку к концу 1930-х гг. появилось много малорентабельных заведений. В-третьих, почти в каждом отчете областного уровня отмечается, что в больничных заведениях небрежно относятся к своим административным функциям, в частности плохо ведется документация. Поэтому, несмотря на все положительные моменты развития сети материнства и детства, еще необходимо было упорно работать над исправлением недоработок и улучшением качества обслуживания женщин и их детей.

Список литературы

1. Госархив ДНР. Ф. Р.-4249. Оп. 1. Д. 261. Л. 203-242.
2. Там же. Д. 120. Л. 2-6.
3. Советская социальная политика 1920-х – 1930-х годов. Идеология и повседневность / Под ред. П.Романова, Е.Ярской-Смирновой. – М.: ООО «Вариант», ЦГПГИ, – 2007. 430 с.

**ПРИМЕНЕНИЕ КИНО В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ
В СИСТЕМЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ДОНЕЦКОГО РЕГИОНА В 1954-1964 гг.**

Полякова М.А.

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР
polyakova.mariya.93@mail.ru

Изучение системы образования, в частности педагогического, невозможно без рассмотрения методического аспекта. Вопрос применения «не стандартных» методов преподавания и методики организации учебного процесса находились в центре внимания педагогов и ученых. Учебное кино – один из таких методов. Рассматриваемая тема актуальна ввиду возможности извлечения опыта полезного для организации учебного процесса в наше время. Целью исследования является описание роли и методики применения кино в процессе подготовки педагогических кадров Донецкого региона в 1954-1964 гг.

К середине 1950-х годов создатели учебного кино накопили достаточный опыт. Можно выделить несколько периодов становления и развития этого направления в российском и советском кинопроизводстве:

1. 1850–1896 годы, когда создавались предпосылки учебного фильма.
2. 1896–1930 гг. – зарождение учебного фильма.
3. 1930–1940 гг. – введение учебных фильмов в образовательный процесс.
4. 1940 г и последующие годы – военный и послевоенный период.

В каждом из вышеперечисленных периодов развития учебного фильма выделяются несколько этапов становления учебного фильма в соответствии с идеологическими задачами того периода, с особенностями социально-экономической ситуации в стране. В послевоенный период дидактическими функциями учебных фильмов оставались наглядная, пропагандистская и просветительская, ведущей дидактической функцией стала функция формирования у зрителей практических навыков, необходимых для обеспечения жизнедеятельности страны. Вопрос применения кино в педагогическом процессе занимал не только методистов и педагогов, но и государство, а именно Министерства просвещения СССР и УССР. Так, в 1954 г. вышел приказ Министерства просвещения УССР «Об улучшении кинообслуживания учеников школ, студентов педагогических ВУЗов и слушателей педагогических училищ УССР», согласно которому директора педагогических и учительских институтов должны были обеспечить на своих киноустановках бесплатную демонстрацию фильмов [1]. Реакция учебных заведений не заставила себя ждать, вопрос кинофикации был внесен в повестку дня Ученых советов и отражен в отчетах о работе учебных заведений. В протоколе заседания Совета

«Горловского института иностранных языков» №4 от 26.12.1956 г. была отражена тема использования кино в учебном процессе. В ходе обсуждения Совет постановил обеспечить использование кино в учебном процессе, а также уделить внимание методике использования учебного кино при изложении курса педагогики [2]. В свою очередь в отчете о работе Сталинского педагогического института за 1955-1956 уч. г. отмечено, что «дело кинофикации обстоит плохо» [3].

В целях популяризации учебного кино регулярно организовывались совещания преподавателей учебного кино [4]. В 1956 также состоялось совещание преподавателей педагогических институтов по вопросу использования кино в профессиональной подготовке учителя средней школы [5]. Как следствие принятых решений каждый студент, проходящий практику с отрывом от производства, должен был провести не менее одного мероприятия с применением кино [6]. Однако, государство осуществляло контроль за использованием кино, в директивах Министерства просвещения УССР за 1957 г. отмечено, что «что некоторые преступные элементы в некоторых вузах организуют прокат фильмов, не демонстрируемых в советских кинотеатрах», а также настаивается на осуществлении контроля над демонстрацией кино со стороны директоров учебных заведений [7]. В 1960 г. согласно Постановлению Совета Министров СССР от 19.07.1959 г. высшие учебные заведения обязывались разработать план изготовления учебных фильмов [8].

Следовательно, в соответствии с потребностью государства в организации и обеспечении высокотехнического производства в 1950-х – 1960-х гг. в СССР, началось внедрение интерактивных методов обучения в учебный процесс, таких как кино. С целью популяризации применения учебного кино в учебные заведения направлялись директивы с рекомендациями о необходимости применения кино, организовывались совещания по методике его применения, а также разрабатывались планы изготовления учебного видеоряда.

Список литературы

1. Госархив ДНР. Ф. Р-3765 Оп. 1. Д. 294. Л. 26
2. Там же. Ф. Р-4660. Оп. 1. Д. 32 Л.47
3. Там же. Ф. Р -3765. Оп. 1. Д. 262. Л.3
4. Там же. Д. 305. Л.34
5. Там же. Л.169
6. Там же. Л.330
7. Там же. Л.245
8. Там же. Д. 385. Л.82

О ХИЩЕНИЯХ В ЗЕМСКОЙ КАССЕ МАРИУПОЛЬСКОГО УЕЗДА (1914–1917 гг.)

Разумная Н.Н., канд. ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

nnrazumnaya@mail.ru

Тема повседневной жизни населения Донбасса в годы Первой мировой войны является недостаточно изученной. Вопросы доходов и расходов местных уездных земств в этот исторический период были, практически, оставлены без должного внимания со стороны историков. Целью данного доклада является изучение отдельных финансовых проблем в деятельности Мариупольской уездной земской управы. Автором использованы материалы фондов Республиканского краеведческого музея и Государственного архива ДНР.

На обсуждение Мариупольского уездного собрания в 1914 г. был вынесен вопрос о взломе земской кассы и похищении из нее денег. В ночь с 28 на 29 сентября злоумышленники, взломали главную стальную огнеупорную кассу Мариупольской уездной земской управы. Данная касса обеспечивала выдачу денег, в ней до этого времени хранились финансовые документы и суммы, полученные управой из казначейства. На момент взлома кассы в ней находилось: 10 000 рублей кредитными билетами, полученные Председателем уездной земской управы от уполномоченного по Екатеринославской губернии Председателя Губернской уездной земской управы К.Д. фон Гесберга. Деньги предполагались для уплаты фирме «Трегубов и Гофф» за поставку муки для армии; 2479 руб. 36 коп. кредитными билетами, серебром и медью, принадлежащих Уездному земству; различного рода залоги подрядчиков в процентных бумагах. Из всего этого похищены были указанные 10 000 рублей и 2397 руб. 33 коп., остальные т.е. процентные бумаги и 82 руб. 3 коп. серебром и медью, остались в других не взломанных отделениях.

Как оказалось, хранение денег таким способом в стальных кассах было вполне обычным явлением, с самого основания земства. Председатель управы, таким образом, хранил их в течение всего 23-летнего срока своей общественной деятельности. Другой возможности, а именно сдавать деньги в банк было практически невозможно. Поскольку необходимо было оставлять в земской кассе крупные суммы ежедневно, так как с введением всеобщего начального образования и развитием школьного строительства к 1914 г., кроме этого в связи с постройкой больниц и ветлечебниц кассиру приходилось осуществлять расчеты на крупные суммы с подрядчиками. Деньги в кассе накапливались постоянно: осенью крестьяне-заемщики целыми партиями, иногда в количестве 150-

200 человек в день, приезжали и погашали ссуды. В результате в кассе собиралось до 40 000 рублей в день, а принимали иногда до глубокой ночи, что не позволяло сдать деньги сразу в банк, или следующий день был не рабочим в управе или банке. В объяснение сложности в работе кассы называется сумма в 300-400 тысяч рублей, которая составляла бюджет кассы до осени 1914 года. К тому времени объем необходимых расходов и поступлений в земскую кассу существенно возрос. Бюджет Мариупольской уездной кассы к осени 1914 г. увеличился до 1 258 755 рублей. Председателю управы руководить кассой было достаточно сложно и при этом исполнять другие обязанности. Это пытались учесть и земское собрание, которое в 1912 г. в основу бюджета заложило сумму на приглашение кассира для работы в уездном земстве. Кассира так и не взяли на работу, поскольку теснота помещения управы не позволяла отвести ему отдельную комнату [1].

Дальше, как оказалось, ситуация с денежными хищениями только усугубляется, как сообщает уже следующий источник 1917 года издания. В 1917 г. в связи с проведением ревизии в середине июня в кассе мелкого кредита Мариупольского уездного земства Ревизионная комиссия, избранная 15 мая 1917 года, уведомила о предстоящей проверке кассира Е.Д. Овощникова. После чего кассир неожиданно уехал из Мариуполя. Вернулся он 23 июня и приступил к работе. Ревизионная комиссия установила наличность кассы и пыталась приступить к ревизии документов, но председателю уездной земской управы Н.К. Гвоздику бывшими членами управы И.И. Виниоли и Д.П. Шаповаловым и кассиром Е.Д. Овощниковым 27 июня были предъявлены следующие документы: 1) заявление бывшего председателя Мариупольской уездной земской управы А.И. Гозадинова и бывших членов уездной земской управы И.И. Виниоли и Д.П. Шаповалова от 27 июня о крупной недостаче в кассе мелкого кредита. Поскольку бывший член земской управы П.Ю. Апанасенко, заведующий кассой мелкого кредита, систематически в течение нескольких лет производил хищение денег и скрывал это путем неправильных записей в книгах; 2) заявление счетовода кассы мелкого кредита Е.Д. Овощникова от 27 июня о растрате денег из кассы мелкого кредита бывшим членом правления кассы П.Ю. Апанасенко в сумме до 200 000 рублей.

В тот же день по просьбе управы было немедленно созвано экстренное совещание правления Мариупольского Уездного земского комитета с участием управы. После обсуждения поступивших заявлений правление исполнительного комитета постановило: 1) по вопросу пресечения способов уклонения подозреваемых лиц: бывшего члена управы П.Ю. Апанасенко, счетовода кассы К.Д. Овощникова и помощника счетовода Е.М. Дащенко от следствия и суда избрать домашний арест. Обеспечение доказательств виновности данных лиц поручить главному комиссару г. Мариуполя и уездному комиссару милиции провести обыски

в их квартирах и опечатать документы, относящиеся к данному делу. По вопросу об обеспечении возврата растроченной суммы просить старшего нотариуса Таганрогского окружного суда не утверждать сделки на недвижимое имущество П.Ю. Апанасенко, а местные банки и кредитные учреждения просить не выдавать денег по вкладам на сроки и текущим счетам, означенных выше подозреваемых лиц, прося сообщить об этом другим отделениям банков. Опечатать кассу мелкого кредита и все книги, и делопроизводство, прекратив операции кассы на неопределенное время помещение, сообщив об этом Мариупольскому уездному земскому собранию. О случившемся телеграфировали Прокурору Таганрогского Окружного суда с просьбой немедленно назначить судебного следователя для проведения следствия по данному делу. Донное постановление немедленно было приведено в исполнение. Считая недостаточным домашний арест как меру пресечения, исполнительный комитет дополнительно постановил о переводе подозреваемых в помещение при городской милиции, а затем в тюрьму с 1 июля числились уже за следователем Иващенко. В дальнейшем Е. М. Дашенко и Е. Д. Овощников были уволены с занимаемых должностей в Мариупольском земстве. Докладывая об этом уездному земскому собранию, управа просила земское собрание: 1) одобрить действие управы по настоящему делу; 2) на основании 1085 статьи Уст. уг. Суд. Возбудить вопрос об ответственности за преступление по должности бывших членов управы П.Ю. Апанасенко, счетовода кассы Е.Д. Овощникова и помощника счетовода Е.М. Дашенко. 3) переизбрать Поверочный совет кассы мелкого кредита. 4) открыть кредит кассе мелкого кредита на расходы по данному делу в 10 000 рублей [2].

Таким образом, исходя из проанализированных материалов земского делопроизводства следует, что в течение нескольких лет земская касса подвергалась хищениям, что в условиях войны могло негативно отразиться на деятельности местного самоуправления на территории Мариупольского уезда.

Список литературы

1. Доклад Уездной земской управы о взломе земской кассы и похищении из нее денег // Журналы Мариупольского уездного собрания 46-й очередной сессии 1914 г. – Мариуполь. Эл.-Тип. Бр. Э. и А. Гольдрин. 1916. – С. 524.
2. Доклад о растрате и подлогах в земской кассе мелкого кредита Мариупольского уездного земства // Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. Мариуполь, тип. «Печатное искусство», 1917 г. – С. 30-35.

**АППАРАТНЫЙ КОНФЛИКТ МЕЖДУ ВОЕННЫМИ И
ГРАЖДАНСКИМИ ВЛАСТЯМИ В ХОДЕ РЕОРГАНИЗАЦИИ
РЕВВОЕНТРИБУНАЛА ДОНТА В ВОЕННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ДОНЕЦКОГО ГУБРЕВТРИБУНАЛА**

Руденко М.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
m.rudenko@odsd.ru

Изменение внутренней обстановки в советских республиках в 1921 году, связанное с окончанием Гражданской войны, введением новой экономической политики, упорядочиванием системы органов советской власти, потребовало перемен в том числе и в проведении государственной карательной политики. Летом 1921 г. начался масштабный процесс реорганизации ревтрибуналов РСФСР и УССР. Не везде эти преобразования проходили гладко. Рассмотрение процесса реорганизации ревтрибуналов на конкретном примере развития ситуации в Донецкой губернии позволяет понять сложившиеся к тому времени особенности взаимоотношений, выявить трения и конфликты между подсистемами революционных военных трибуналов и гражданских губернских ревтрибуналов, между военными и гражданскими властями в целом. Ценность изучения опыта становления органов советской власти в переходный период, возрастает на фоне современного процесса становления и развития органов государственной власти Донецкой Народной Республики.

Цель настоящего исследования – изучить аппаратный конфликт между военными и гражданскими властями в ходе реорганизации Революционного военного трибунала Донецкой трудовой армии (РВТ ДонТА) в военное отделение Донецкого губернского революционного трибунала (ВО ДГРТ), произошедший в 1921 году. К задачам исследования относятся: выявить причины конфликта, раскрыть его ход, проанализировать результаты.

Следует отметить, что данная тема впервые была кратко рассмотрена в научных публикациях О.К. Михеевой [1]. Источниковой базой исследования являются документы Государственного архива Донецкой Народной Республики из фонда Р-2470 «Донецкий губернский революционный трибунал». Ряд из них вводится в научный оборот впервые.

Вопрос о присоединении РВТ ДонТА к ДГРТ впервые был поставлен по инициативе губернских властей на заседании Президиума Донецкого губисполкома 3 июня 1921 г. [2]. Поначалу данная инициатива не вызывала возражений со стороны руководства подсистемы революционных военных трибуналов УССР. В частности, известна позиция председателя Реввоен трибунала ВСУ от 3 июля 1921 г.,

указывающая на то, что он в курсе «...ближайшего слияния РВТ ДонТА с Донецким губтрибуналом, на что мною дано уже принципиальное согласие...» [3].

Вопрос перешел в практическую плоскость 23 июля, когда было принято постановление Президиума Донецгубисполкома о слиянии ДГРТ и РВТ ДонТА. Однако на состоявшемся в этот же день заседании Коллегии ДГРТ временно исполняющий должность (ВРИД) председателя РВТ ДонТА Виноградов заявил о предоставлении ему возможности переговорить по прямому проводу с председателем Реввоен трибунала всех Вооруженных Сил на Украине и в Крыму (РВТ ВСУК) Сорокиным для получения соответствующих директив из центра [4].

12 августа 1921 г. из ДонТА было направлено письмо в ДГРТ с просьбой назначить представителей в состав комиссии по слиянию РВТ ДонТА с губернским ревтрибуналом [5]. Это свидетельствует о том, что данная реорганизация к середине августа 1921 г. еще не была завершена.

Решающее значение для проявления рассматриваемого аппаратного конфликта имел приказ № 1098-397 от 19 августа 1921 г. командующего ВСУК, уполномоченного Реввоенсовета Республики Фрунзе, в котором шла речь об организации при Донецкой дивизии войск ВЧК на Украине отдела Реввоен трибунала Харьковского военного округа (ОРВТ ХВО). Причем создание вышеуказанного отдела должно было производиться путем реорганизации РВТ ДонТА, и за счет аппарата последнего [6].

20 августа председатель РВТ ВСУК Сорокин направил на имя Виноградова выписку из приказа № 1098-397 с предложением выполнить его в трехдневный срок [7]. Таким образом, Виноградов на основании вышеупомянутого приказа мог фактически проигнорировать постановления Президиума Донецкого губисполкома и Коллегии ДГРТ. РВТ ДонТА в случае реорганизации в отдел РВТ ХВО при Донецкой дивизии войск ВЧК, оставался в подсистеме революционных военных трибуналов, а Виноградов сохранял независимость от губернских властей.

30 августа 1921 г. Виноградов направил письмо на имя председателя ДГРТ в котором сообщил, что «на основании приказа Командвойск Украины от 19-го августа 1921 г. за № 1098-397 и предписания РВТ ВСУ и Крыма от 27-го августа 1921 года № 695623 с сего числа РВТ ДонТА, ныне переименованный в Военный отдел Губрев трибунала, мною переформировывается в Отдел Реввоен трибунала ХВО при Донецкой дивизии войск ВЧК» [8]. Местные власти быстро отреагировали на письмо Виноградова и уже 1 сентября 1921 г. в Харьков Наркому юстиции Буздалину была направлена соответствующая телеграмма № 5381 [9].

К сожалению, объем доклада не позволяет подробно остановиться на всех перипетиях данного аппаратного конфликта. Отметим, что благодаря своевременному вмешательству и активности ставшего в сентябре председателем ДГРТ И.С. Ганже, при поддержке губисполкома и губкома,

центробежные тенденции, нашедшие воплощение в деятельности Виноградова, удалось преодолеть. В начале октября произошло окончательное слияние РВТ ДонТА с ДГРТ. В связи с этим основная структура и штаты ДГРТ претерпели значительные изменения [10].

Подводя итоги исследования, следует отметить, что линия поведения Виноградова вероятно отражала определенную конкуренцию, имевшую место на начальном этапе становления советской судебной системы между подсистемами гражданских губернских революционных трибуналов и революционных военных трибуналов, и обострившуюся на территории УССР на фоне организационных изменений, вызванных образованием единого Верховного Трибунала при ВУЦИК в 1921 году и ликвидации большинства реввоенрибов. Если смотреть на происходящее шире, данный эпизод является свидетельством характерной для переходного периода конкуренции между различными, по сфере компетенции и уровням, советскими органами власти, взаимоотношения между которыми не были до конца урегулированы, а функции в некоторых аспектах деятельности пересекались. В данном случае одна из основных линий аппаратного конфликта, разворачивающегося на фоне окончания Гражданской войны и связанного с этим снижения значимости вооруженных сил, проходит между местными гражданскими и республиканскими военными властями.

Список литературы

1. Руденко М.В. Отражение истории Донецкого губернского революционного трибунала в работах отечественных исследователей / М.В. Руденко // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – № 3 (62). – 2017. – С. 12-14.
2. Госархив ДНР. Ф. Р-2470. Оп.1. Д.8. Л.14.
3. Там же. Д.421. Л.16.
4. Там же. Д.8. Л.18.
5. Там же. Л.7.
6. Там же. Л.2.
7. Там же. Л.25.
8. Там же. Л.1.
9. Там же. Л.9.
10. Руденко М.В. Изменения в структуре и штатах Донецкого губернского революционного трибунала в октябре 1921 года / М.В. Руденко // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Международной научной конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.). Том 7: Социально-политические и исторические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – С.112-114.

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ КАК ФАКТОР РЕВОЛЮЦИОННОГО ЭКСТРЕМИЗМА НА ПРИМЕРЕ СУДЬБЫ М. О. МЕНЬШИКОВА

Санькова С.М., д-р ист. наук, профессор
ФБГОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»,
г. Орел, РФ
s_sankova@mail.ru

Введение. События последних десятилетий не раз демонстрировали пренебрежение нормами существующих законодательных систем как внутри отдельных государств, так и на международном уровне. Эти явления сделали популярным определение «политика двойных стандартов», которое, на наш взгляд, призвано больше скрывать, чем раскрывать суть явления. Так как само понятие «стандарт» предполагает, что ему будут следовать, таким образом можно проследить для двух разных «стандартов» два соответствующих алгоритма действия. Мы же имеем дело в современной политике с бесконечно множасьими «стандартами», что девальвирует сам смысл этого понятия, и как следствие с бесчисленными алгоритмами, которые сиюминутно меняются. На наш взгляд именно такое гиперплюралистическое отношение к нормам государственного и международного законодательства можно классифицировать как правовой нигилизм. И то, что этот нигилизм проявляется на уровне политических институтов, призванных по сути своей быть гарантами права, катализирует распространение правового нигилизма в обществе, т.е. среди человечества в целом. Правовой нигилизм, в свою очередь является благодатной почвой для появления экстремизмов любого толка.

Цель работы показать зачастую неосознаваемую ответственность публичных деятелей, в частности, популярных публицистов за формирование в сознании общества эмоционального, а не рационального отношения к правовой системе, что является одним из условий возникновения правового нигилизма. Данный тезис будет обоснован на примере судьбы ведущего публициста одной из самых массовых газет начала XX в. «Новое время» Михаила Осиповича Меньшикова.

Основная часть. Начав свою деятельность в «Новом времени» в начале XX в., Меньшиков первоначально проводил государственнические идеи и даже осуждал идеи Л. Н. Толстого (поклонником которого он ранее являлся) именно за то, что они направлены против государственной системы. В первую очередь это касалось выступлений Толстого против участия России в русско-японской войне [1]. В годы первой русской революции Меньшиков горячо поддержал идею создания парламента и так

же горячо осуждал черносотенцев, выступавших против учреждения парламента, призывая их не быть «больше католиками, чем сам папа» [2, с. 51] и смиренно принять волю монарха, раз они почитают себя монархистами.

Сам Меньшиков принял активное участие в создании Всероссийского национального союза, который, по его мысли, должен был стать подлинной монархической опорой создаваемой новой государственной системе. Публицист со временем так увлекся националистической составляющей программы этой партии, что развернул на страницах нового времени активную критику евреев, проживавших на территории Российской империи, чье засилье объявлялось одной из важнейших причин бедственного положения русского народа. Кульминацией антисемитских выступлений Меньшикова стало его освещение печально знаменитого процесса по делу Бейлиса.

Меньшиков лично уверовав в то, что Андрея Ющинского убили евреи в ритуальных целях, стремился всячески оказать воздействие на ход судебного процесса, призывая не обращать внимание на какие-либо факты или улики, которые шли в разрез с данной позицией. Показательно следующее его замечание в печати: «Требовать от прокуратуры, чтобы она собирала каждый раз неопровержимые улики, — это равносильно отрицанию суда» [3, с. 403]. Он высказывал надежду, что присяжные не станут руководствоваться буквой закона, а будут выносить приговор, руководствуясь исключительно сердцем [подробнее см. 4].

Такое пренебрежение российским законодательством вызвало полемику с товарищем Меньшикова по партии В. В. Шульгиным. Последний, живя в Киеве и хорошо изучив все стороны дела Бейлиса, настаивал на том, что при вынесении приговора ни в коем случае не должны быть нарушены процессуальные или иные законы. Напоминая, что приговоры выносятся именем монарха, он предупреждал, что эмоциональный приговор, не основанный на доказанных фактах, скомпрометирует в первую очередь государственную власть. В конечном счете, так и произошло. Хотя Мендель Бейлис и был оправдан, но суд определил убийство как ритуальное, а подлинные убийцы найдены и наказаны не были.

Именно отсутствие справедливого государственного осуждения, которое могло бы поставить в этом деле точку, привело к тому, что часть общества пожелала сама восстановить справедливость. Все подозреваемые изначально в убийстве Ющинского, умерли насильственной смертью. Как вспоминал Шульгин: «Поубивали в свое время всех, кто имел какое-либо касательство к процессу Бейлиса. Этот процесс... как какой-то сатанинский ветер, поднял смерч ненависти, еще и до сих пор не заглохший» [5, с. 563].

Разразившиеся в 1917 г. события стали, по сути, кульминацией проявления правового нигилизма, перешедшего в стадию революционного экстремизма, сопровождавшегося «красным» и «белым» террором. Одной из первых жертв «красного террора» стал М. О. Меньшиков. Приговорившие его к расстрелу и расстрелявшие революционные экстремисты, руководствовались призывом самого Меньшикова, судить не по закону, а по сердцу. Сам Меньшиков осознавал, что будет убит за свои антисемитские статьи. В одном из предсмертных писем семье он писал: «Члены и председатель чрезвычайной следственной Комиссии евреи и не скрывают, что арест мой и суд – месть за старые мои обличительные статьи против евреев... Обвинение сплошь ложно, но они ищут не правды, а мести» [6, с. 230–231].

Заключение. Дихотомия законность-справедливость, помещенная на эмоциональную почву, с неизбежностью вызывает к жизни идею о возможности действий в разрез с существующим законодательством при необходимости восстановить справедливость, что, в свою очередь, всегда чревато деструктивными событиями. Задача представителей средств массовой информации, политических и общественных деятелей помнить, что их популистские действия или слова могут отозваться разрушительной волной большего или меньшего масштаба.

Список литературы

1. Меньшиков М. О. Лев Толстой, Менделеев, Верещагин // Меньшиков М. О. Выше свободы. – М.: Современный писатель, 1998. – С. 109 – 113.
2. Правые партии. 1905-1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. 1905—1910 гг. – М.: РОССПЭН, 1998. – 720 с.
3. Меньшиков М. О. Маленький Золя / Меньшиков М.О. Письма к русской нации. – М.: 2005. – С. 398 – 404.
4. Санькова С. М. М. О. Меньшиков и дело Бейлиса: к вопросу о влиянии периодической печати на ход судебного процесса // История государства и права. 2008. № 19. – С. 21 – 23.
5. Шульгин В. В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. – 588 с.
6. Меньшиков М. О. Материалы к биографии // Российский архив. Вып. IV. – М.: Студия «ТРИТЭ», 1993. – 271 с.

ПРОМЫШЛЕННИКИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ ДОНБАССА В РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.

Скоков А.С.

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Владимира Даля»,
г. Луганск, ЛНР
dahl.univer@yandex.ru

В истории Донбасса есть немало эпизодов, которые постоянно приковывают к себе внимание исследователей. Одним из таких непродолжительных во временном отношении, но крайне важных для понимания сущности социальных отношений в регионе в начале XX века, является двухлетний период 1905-1907 гг., когда по просторам Российской империи прокатилась первая русская революция. Выяснить отношение экономической элиты Донбасса к разворачивавшимся событиям и является целью данной статьи.

К началу XX в. у буржуазии Юга Российской империи возникла необходимость определения отношения к существующему политическому строю, перспективам развития государства и общества, характеру взаимоотношений с другими социальными слоями. Как отмечали современники, предприниматели к началу XX в. сохраняли лояльность к самодержавию и не отваживались становиться к нему в открытую оппозицию, а их представительские организации не выходили за отведенные правительством рамки деятельности [1]. В таких условиях торгово-промышленные слои не имели возможности брать пример с западноевропейской буржуазии, которая обладала богатым опытом борьбы с феодальными монархиями. Положение начинает меняться во время первой русской революции. Крупные промышленники Российской империи, в то числе и ее юго-западных губерний, в состав которых входила и территория Донбасса, начинают открыто протестовать против политики самодержавия.

Необходимо отметить, что буржуазия Юга России исторически, экономически и финансово была тесно связана с промышленными группами Санкт-Петербурга, что и определило на длительный срок ее политические позиции. Среди факторов, которые обусловили ориентацию промышленников Донбасса на Петербург, следует отметить широкую правительственную поддержку промышленности региона, обслуживание ее интересов преимущественно столичными банками, расположение в столице правлений крупных акционерных обществ, тесные деловые связи с ее чиновниками и фондовой биржей [2].

На начальном этапе революции произошли кардинальные изменения в политическом сознании предпринимателей Юга России. Впервые в истории Российской империи промышленники выступили не на стороне

правительства. Формой протеста стала подача многочисленных записок. 12 марта 1905 г. докладную записку от южнорусских предпринимателей подписало 18 членов Совета съездов горнопромышленников и 11 крупных предпринимателей Юга России. 30 марта председатель Совета съездов горнопромышленников Юга России Н.С. Авдаков передал ее министру земледелия и государственных имуществ Н.Н. Кутлеру. Горнопромышленники выступали за установление четкой правовой системы и стабильно власти. В частности, в записке отмечалось, что «Промышленность может развиваться только при условии существования крепких законов и сильной власти, которую все уважают и признают. Она может процветать только среди народа, способного потреблять ее изделия. При существующем бюрократическом режиме в создании и отмене законов существует полный произвол» [3]. Одновременно с запиской Н.С. Авдаков послал императору Николаю II письмо, в котором благодарил за объявленную в рескрипте от 18 февраля законодательную реформу.

Наивысшей точкой оппозиции представителей крупного капитала к самодержавию стал всероссийский торгово-промышленный съезд, который состоялся в Москве 4 – 6 июля 1905 года, в котором приняли участие 23 представительские организации буржуазии, среди которых были и представители Съездов горнопромышленников Юга России. Решения съезда продемонстрировали важную трансформацию политического самосознания буржуазии. Съезд потребовал снять с предприятий все административные ограничения и запреты. Делегаты также призывали принять активное участие в выборах в Государственную думу. Делегаты от горнопромышленников Юга России поддержали позицию большинства и выступили за двухпалатный законодательный орган.

Оглашение Манифеста от 17 октября 1905 года было воспринято буржуазией как своеобразная форма приспособления монархии к капитализму. 10 ноября 1905 года Совет съездов горнопромышленников Юга России направил главе правительства С.Ю. Витте телеграмму, подписанную представителями более 100 фирм региона, с выражением полного доверия к политике его кабинета и надеждами на скорое осуществление реформ в духе Манифеста от 17 октября 1905 года. В предпринимательских кругах росла уверенность, что революция выполнила свое задание, поскольку обеспечила легальные возможности для политической деятельности и добилась гражданских свобод.

Представители горнопромышленников Юга России принимали непосредственное участие в организационном оформлении «Союза 17 октября» (октябристов). На совещании основателей партии, которое состоялось 4-5 ноября 1905 г. в Петербурге, в числе 23 известных деятелей промышленности, торговли, земского и городского самоуправления присутствовали представители южнорусской буржуазии Ф.Е. Енакиев и И.А. Лихачев. Позднее они вошли в состав центрального комитета

октябристов [4]. В 1907 г. в состав руководящего органа «Союза» вошел и Н.С. Авдаков. На этапе расширения деятельности партии октябристов наибольшее участие в нем принял Ф.Е. Енакиев. В частности, он высказывался за необходимость пересмотра закона от 12 октября 1905 г., обеспечивавшего право на свободные собрания, обращал внимание на тот факт, что в результате массовых забастовок значительная часть рабочих находится в тяжелом материальном положении.

Предприниматели Юга России, в частности их ведущая группа, представленная горнопромышленным капиталом, отмежевывалась от идеи формирования политической партии на базе своих корпоративных структур. XXX съезд горнопромышленников региона в 1906 г. констатировал: «Съезд горнопромышленников не является политической организацией. У нас есть групповые интересы, отстаивать которые мы призваны, и мы будем их отстаивать предоставлением точных и мотивированных ходатайств, и таким образом будем влиять на тех, в чьих руках будет судьба государства» [5].

Таким образом, в политической деятельности буржуазии Донбасса во время революции необходимо выделить два условных этапа. Первый – январь – октябрь 1905 г. Этот этап характерен проявлениями осторожной конструктивной оппозиции, появлением докладной записки, в которой впервые была отражена политическая позиция буржуазии, и одобрительным отношением к Манифесту 17 октября 1905 года. Второй этап начался в ноябре – декабре 1905 г. и определялся трансформацией поведения промышленников. Произошло их возвращение на платформу сотрудничества с правительством и отход от революционного процесса.

Список литературы

1. Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время / П.А.Берлин. – М.: Книга, 1922. – С. 276-278.
2. Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности / И.Ф. Гиндин // История СССР. – 1963. – № 2. – С. 70.
3. Ерманский А.В. Крупная буржуазия в 1905-1907 гг. / А.В.Ерманский. – СПб., 1910. – С. 37.
4. Шелохаев В.В. Партия октябристов в период первой русской революции / В.В.Шелохаев. – М.: Наука, 1987. – С. 33.
5. Труды XXX съезда горнопромышленников Юга России. – Т. 3: Стенографические отчеты. – Х., 1906. – С. 372.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ И РЕОРГАНИЗАЦИИ ОРГАНОВ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СССР (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1920-х гг.)

Стадник В.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

ayah19@rambler.ru

Органы контроля в СССР являлись важнейшим компонентом партийного руководства и государственной власти в стране. Непосредственным направлением деятельности органов контроля являлась проверка исполнения решений и постановлений партийных и государственных органов во всех сферах общественной жизни страны: в управлении, промышленном производстве, сельском хозяйстве, культуре, науке. В каждом периоде становления советского общества органы контроля уделяли особое внимание деятельности государственного и хозяйственного аппарата.

Основы функционирования, направления деятельности, компетенции контролирующих органов были определены В.И. Лениным. Совершенствование советского государственного аппарата В.И. Ленин рассматривал как первоочередную задачу в строительстве социалистического государства, привлечении трудящихся к управлению страной и беспощадной борьбе с проявлением бюрократизма и волокиты [1].

К началу 1920-х гг. в стране существовало три системы контроля: Наркомат госконтроля, ведомственные контрольные органы и рабочие инспекции. Однако, каждая структура действовала самостоятельно, что порождало дублирование и бюрократическую неразбериху в деятельности контролирующих органов. Вследствие этого перед РКП(б) и руководством страны встал вопрос об объединении всех трех систем в единый орган государственного контроля [2].

7 февраля 1920 г. ВЦИК постановил преобразовать Наркомат государственного контроля в Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ), за которым были закреплены все функции государственного контроля. Для работы в аппарат НК РКИ привлекались рабочие промышленных предприятий, служащие, крестьяне, которые делегировались трудовыми коллективами и сельскими сходами на временной или постоянной основе [3].

После победы в Гражданской войне и введения НЭПа стали более резко проявляться серьезные недостатки в работе РКИ. Выяснилось, что используемые НК РКИ принципы работы не могут обеспечить качественное функционирование госаппарата. Сам государственный аппарат в начале 1920-х гг. был еще очень громоздким, дорогим,

неповоротливым, что вызывало серьезную озабоченность В.И. Ленина, который указывал, что удешевление и упрощение советского аппарата, совершенствование его организации является важнейшей задачей партийного строительства [4]. В свою очередь РКИ все еще являлась контрольно-ревизионным органом, ее работа сводилась, главным образом, к выявлению отдельных недочетов и злоупотреблений. В.И. Ленин неоднократно указывал, что со своей главной задачей – совершенствование государственного аппарата РКИ не справлялась. К 1922 г. недостатки органов РКИ стали очевидными [5].

Важнейшим этапом формирования государственного аппарата являлось создание и органов партийного контроля: Центральная Контрольная Комиссия (ЦКК) и контрольных комиссий на местах [6]. Создание контролирующих органов в РКП(б) обуславливалось необходимостью сохранения единства и сплоченности в Центральном комитете, недопущения отхода от генеральной линии партии, соблюдения партийной дисциплины, борьбы с бюрократизмом, карьеризмом, злоупотреблениями партийным и служебным положением, что могло препятствовать становлению централизованного советского государственного аппарата. По предложению В.И. Ленина члены Контрольной комиссии должны были избираться съездом партии и быть более независимыми, чем члены Оргбюро. Это позволяло иметь большую самостоятельность в принятии решений и выполнении задач, которые находились в компетенции членов Контрольной комиссии. Контрольная комиссия создавалась наряду с ЦК и должна была увязывать с ним свои действия. К персональному составу КК предъявлялись особые требования – длительный партийный стаж, авторитет и доверие со стороны других членов РКП(б) [7].

Рекомендации В.И. Ленина стали основой резолюции IX партконференции «Об очередных задачах партийного строительства», в которой был сформулирован принцип создания структуры партийного контроля, состоявшего из Контрольной комиссии в центре и специальных партийных комиссий при всех губернских комитетах партии [8].

Следует отметить, что первоначально новый орган назывался по-разному: Контрольная комиссия при ЦК РКП(б), партийно-контрольная комиссия. Уже в ноябре 1920 г. встречается в документах то название, которое окончательно утвердилось после X съезда РКП (б) – Центральная контрольная комиссия (ЦКК) [9].

Зимой 1922-1923 гг. были составлены последние статьи и письма В.И. Ленина («Письмо к съезду», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше»), которые стали своего рода политическим завещанием молодому Советскому государству. В этих работах был изложен план построения социалистической системы, одной из составляющей которой был принцип организации системы партийно-государственного контроля и план его перестройки. В.И. Ленин обосновал

идею создания четкой системы единого, постоянно действующего, компетентного партийно-государственного контроля с привлечением для участия в нем широчайших групп трудящихся – прежде всего пролетариата и крестьянства. Для этого необходимо было объединить руководящий орган государственного контроля – НК РКИ, после его реорганизации, с высшим органом партийного контроля – ЦКК [10].

Особое внимание уделялось факту «обновления аппарата выдвиженцами из рабочих и крестьян на общую постановку этого дела» [11]. План реорганизации Рабкрина был принят пленумом РКП(б) (21-24 февраля) и утвержден XII съездом РКП(б) (17-25 апреля 1923 г.)

В результате была создана уникальная система, при которой была создана структура контролирующих органов, основные задачи которых состояли в совершенствовании госаппарата и в контроле за его работой; подготовке и расстановке кадров из трудящихся; предупреждении и борьбе с должностными преступлениями.

Список литературы

1. Чугунов А.И. Контроль в социалистическом государстве (1920-е – начало 1930-х годов) / А.И.Чугунов // Вопросы истории. – 1985. – №1. – С.95-97.
2. Гусев К.В. Краткий очерк истории органов партийно-государственного контроля в СССР / К.В. Гусев; Академия общественных наук при ЦК КПСС. – Москва: Мысль, 1965. – С.12.
3. Иконников С.Н. Организация и деятельность РКИ в 1920-1925 гг. / С.Н.Иконников. – Москва: Изд-во АН СССР, 1960. – С.28.
4. Ленин В.И. Президиуму V Всероссийского съезда профессионального союза соработников, 22.XI.1922 г. / В.И. Ленин. Полное собрание сочинений: в 50 т. – Т.45: Март 1922-март 1923. – Изд.5-е. – Москва: Политиздат, 1964. – С.310.
5. Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше. – Там же. – С.393.
6. Ленинская система партийно-государственного контроля и его роль в строительстве социализма (1917-1922). – Москва: Мысль, 1965. – С.64.
7. Ленин В.И. Речь об очередных задачах партийного строительства 24 сентября / В.И. Ленин. Полное собрание сочинений: в 50 т. – Т.41: Май-ноябрь 1920. Изд.5-е. Москва: Политиздат, 1963. – С.289.
8. Об очередных задачах партийного строительства: Резолюция девятой Всероссийской конференции РКП(б), 22-25 сентября 1920 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986): в 16 т. – Т.2: 1917-1922. – М.: Политиздат, 1983. – С.302.
9. Москаленко И.М. ЦКК в борьбе за единство и чистоту партийных рядов. – Москва: Политиздат, 1973. – С.15.
10. Ленин В.И. Как нам реорганизовать Рабкрин / В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. – Т.45. – С.384; Он же. Лучше меньше, да лучше. – Там же. – С.396.
11. Госархив ДНР. Ф.Р-129. Оп.1. Д.1. Л.6.

«БОЛЬШАЯ ЧИСТКА» СРЕДИ СПЕЦИАЛИСТОВ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНБАССА В 1937-1938 ГОДАХ: КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Струченков А.В., канд. ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики», г. Донецк, ДНР
virtus12@yandex.ru

Неотъемлемым атрибутом любого тоталитарного режима являются политические репрессии. С их помощью вождь и его окружение внедряют в массовое сознание образ Врага, который необходим для перекладывания ответственности за многочисленные просчёты и ошибки, вызывающие социальную напряжённость в обществе. Лозунг поиска врагов используется как повод для борьбы с явной и мифической оппозицией. В конечном итоге политические репрессии становятся одним из способов социальной мобильности в тоталитарном обществе.

В теории и практике сталинизма насилие и террор являются одним из механизмов управления государством. Одна из самых больших волн политического террора пришлась на 1937-1938 годы, получив название «большая чистка». Однако массовые репрессии против технических специалистов угольной промышленности Донбасса начались гораздо раньше. Уже в сентябре 1935 года была инициирована кампания по поиску саботажников стахановского движения. По обвинению в сопротивлении движению новаторов до конца года были уволены 156 специалистов. В 1936 г. преследования техперсонала приобрели грандиозные масштабы. Под суд были отданы почти 1000 ИТР, половину из которых признали виновными во вредительстве и саботаже [1].

Разворачиванию массовых репрессий против специалистов угольной промышленности способствовал показательный процесс над техперсоналом кемеровской шахты «Центральная», который прошёл 19-22 ноября 1936 г. Подсудимых обвинили в организации взрыва 23 сентября, в результате которого погибло 10 шахтёров. Кемеровский процесс имел далекоидущие последствия. С помощью сфальсифицированных доказательств и самооговоров был подтверждён миф о существовании в СССР разветвленной сети тайной троцкистской организации, которая связана с иностранными разведками и осуществляет подрывную террористическую деятельность. Насаждение в массовом сознании После второго Московского процесса и февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) (1937 г.) начался массовой террор против технической интеллигенции. Одним из главных вопросов, затронутых на них, был саботаж, осуществляемый во всех отраслях экономики. Гибель в первой половине

1937 г. многих инженеров и хозяйственных руководителей лежит на совести первого секретаря Донецкого обкома КП(б)У С.А. Саркисова, который стремился переложить ответственность за кризис в угольной промышленности на своих подчинённых. В мае 1937 года он был смещен с должности первого секретаря Донецкого обкома, а через два месяца арестован и после недолгого следствия расстрелян. На протяжении «большой чистки» партийное руководство Донецкой области дважды сменялось. С мая 1937 г. по апрель 1938 г. должность первого секретаря обкома занимал Э.К. Прамнэк, а с апреля 1938 г. – А.С. Щербаков. Смена руководства сопровождалась очередным усилением репрессий. Осенью 1937 г. дела были возбуждены против специалистов трестов «Артемуголь» и «Будённовуголь». С 31 июля по 6 августа 1938 г. в Сталино, Макеевке, Горловке и Кадиевке были проведены показательные процессы против руководителей и специалистов трестов «Будённовуголь», «Макеевуголь», «Советскуголь», «Артемуголь», «Сергоуголь». В.Н. Никольский подсчитал, что органы госбезопасности арестовали 443 инженерно-технических (без десятников) и хозяйственных руководителей отрасли, из которых 293 человека (66,1%) были расстреляны [4].

Биографические справки на арестованных граждан, опубликованные в серии книг «Реабилитированные историей», позволяют уточнить состав техперсонала угольной промышленности, которые стали жертвами «большого террора». Нами выявлено, что в 1937-1938 гг. в Донецкой и Луганской областях было арестовано не менее 488 ИТР-горняков, в т.ч. в 1937 г. – 207, в 1938 г. – 281 ИТР [4, 5]. Они составляли 28,5 % всех арестованных специалистов. Подсчёты, проведенные относительно генеральной совокупности 1710 репрессированных ИТР, полностью валидны относительно техперсонала (вероятность ошибки по методике В.И. Паниотто 5 % – $p \leq 0,05$). По возрасту арестованные распределяются так: до 30 лет – 5,1 %, 31-40 лет – 35,7 %, 41-50 лет – 40,3 %, старше 50 лет – 18,8 %. Таким образом, жертвами террора в одинаковой мере были представители как дореволюционной, так и советской интеллигенции. 40,4 % репрессированных ИТР были украинцами, 29,2 % – русскими, 7,4 % – поляками, 6,7 % – евреями, 4,8 % – немцами, 2,3 % – греками. Эти данные коррелируются с национальным составом технической интеллигенции Донбасса, кроме поляков, немцев и греков. Большую часть арестованных составляли лица с высшим (33,4 %) и средним (34,3 %) образованием. Коммунистов и комсомольцев было 22,5 %, бывших членов КП(б)У – 4,2 %, беспартийных – 72,6 %. Таким образом, маховик террора обрушился, в первую очередь, против беспартийной интеллигенции, которая всегда вызывала подозрение со стороны карательных органов.

Характерной чертой репрессий 1937-1938 годов является вынесение приговоров внесудебными органами с грубым нарушением процессуального законодательства. В более чем трети случаев (38,9 %) дела ИТР

рассматривали тройки НКВД, в 15 % случаев – Особое совещание при НКВД. Решение по 4,6 % дел вынесли НКВД и Прокурор НКВД (так называемые «двойки»). Лишь треть дел рассмотрели судебные органы, в т.ч. Военная коллегия Верховного суда СССР (15,4 % дел), трибунал Харьковского военного округа (7,5 % дел), областной суд (4,3 % дел), линейные суды Северодонецкой и Южнодонецкой железных дорог (2,7 % дел). В каждом десятом случае (9,4 %) не указан орган, который решал судьбу арестованного специалиста. В 1937-1938 гг. осуществлялось целенаправленное уничтожение всех специалистов, вызывавших хотя бы наименьшее подозрение в нелояльности. Две трети арестованных ИТР (64,8 %) были расстреляны. По срокам заключения в исправительно-трудовых лагерях техперсонал распределялся следующим образом: 1-5 лет – 2,4 %, 6-10 лет – 14,6 %, 11-15 лет – 2,7 %, более 15 лет – 2,7 %. Лишь каждый восьмой специалист, который попал в застенки НКВД, был освобождён и реабилитирован.

Террор оказался неэффективным способом управления экономикой. Очередная волна массовых арестов обезглавила руководство угольной промышленности Донбасса, дезорганизовала управление шахтами, усилила текучесть кадров ИТР. Как следствие, увеличилось количество аварий и несчастных случаев, не выполнялись планы угледобычи. Только отступление от политики массовых репрессий в ноябре 1938 г. позволило частично стабилизировать политическую и социально-экономическую ситуацию в Донбассе

Список литературы

1. ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.6.Д.439. Л.99
2. Там же.
3. Нікольський В.М. Репресії 1937-1938 рр. у вугільній промисловості Донеччини: узагальнення кількісних показників [Текст] / В.М. Нікольський // Реабілітовані історією. Донецька область. Книга восьма. – Донецьк: вид-во КП «Регіон» – «ФО-П Колесніченко», 2011. – С.23-24.
4. Реабілітовані історією. У двадцяти семи томах: Донецька область. Донецьк: вид-во КП «Регіон» – «ФО-П Колесніченко», 2004-2011.
5. Реабілітовані історією. У двадцяти семи томах: Луганська область. – Луганськ, 2004-2013.

СОВЕТСКАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В 20–30-х гг. XX ВЕКА

Терзи Е.С., канд. юрид. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия», г. Макеевка, ДНР

andrey.terzi@mail.ru

В период 1920–1930-х гг. в регионе происходили большие перемены, вызванные новой экономической и национальной политикой, индустриализацией и коллективизацией, что существенным образом изменило этносоциальную ситуацию. Это во многом предопределило политику правового, экономического и культурного обеспечения потребностей национальных меньшинств, рост их национального самосознания. Цель данных тезисов – анализ мероприятий, проводимых центральными и местными органами советской власти по решению проблем самоуправления национальных меньшинств, развитию их хозяйственной и культурной деятельности.

Благодаря индустриализации, Донецкий край за короткое время стал многонациональным. По итогам переписи 1926 г. в Донбассе проживали представители 50-ти национальностей и народностей, в том числе 26,1 % русских, 64,1 % украинцев. Среди других национальностей наиболее многочисленными были греки (3 %), немцы (2,2 %), евреи (1,9 %) [1]. Миграционное перемещение представителей национальных меньшинств имело неравномерный характер. В городах и промышленных центрах проживали в основном русские (до 64 %) и татары (до 2,8 %). Наиболее урбанизированными были евреи (90 %) и поляки (85 %). В сельской местности проживали греки, болгары и немцы. Наибольший процент сельского населения Донбасса составляли греки (83 %) и немцы (87 %) [2].

Благодаря НЭПу стране удалось уже к 1925 г. выйти из кризиса, поднять материальный уровень жизни населения. Успехи в восстановлении экономики позволили руководству СССР и УССР приступить к предоставлению определенных прав национальным меньшинствам. Стремясь заручиться поддержкой нерусского населения, с целью расширения социальной опоры на окраинных территориях, РКП(б) на XII съезде (1923 г.) провозгласила новую межнациональную политику, которая должна была осуществляться двумя путями: коренизацией и созданием национально-территориальных органов самоуправления в местах компактного проживания этнических меньшинств [3]. В июне 1923 г. ЦК КП(б)У объявил о начале украинизации. Важнейшая роль отводилась Наркомату просвещения УССР. При нем в начале 1924 г. был основан Совет национальных меньшинств с немецким, польским, еврейским, болгарским, греческим, армянским и молдавским национальным бюро, а при окружных отделах наркомата работали их представительства [4]. Считается, что в

УССР украинизация развернулась после принятия декрета ВУЦИК и СНК УССР от 1 августа 1923 г. «О мерах обеспечения равноправия языков и о содействии развитию украинского языка» [5]. С целью реализации планов украинизации и национального районирования были созданы специальные государственные и партийные органы. Так, 29 апреля 1924 г. вместо Отдела национальных меньшинств НКВД УССР была учреждена Центральная комиссия по делам национальных меньшинств (ЦКНМ) при ВУЦИК. В округах и районах эту работу призваны были выполнять национальные комиссии, бюро и секции при парткомах и исполкомах местных советов [6]. В начале 1930-х гг. был практически разрушен ЦКНМ и его местный аппарат. В Сталинском округе, например, из 12 нацменработников ОБНМ после реорганизации округов лишь 5 остались на прежнем месте работы [7]. В 1932 г. в связи с образованием Донецкой области было изменено административно-территориальное деление, в результате чего были ликвидированы и присоединены к Мариупольскому городскому совету Сартанский и Мангушский греческие районы [8]. В 1933 г. началось сворачивание украинизации в сфере языка и культуры национальных меньшинств под предлогом их защиты. Стали осуществляться гонения на представителей национальных меньшинств. До конца 1930-х гг. все национальные районы и сельсоветы были упразднены и присоединены к обычным.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы: во-первых, развитие национально-политических процессов в Донбассе проходило противоречиво; во-вторых, возможности решения проблем этнических меньшинств в форме образования национальных административно-территориальных единиц были реализованы лишь частично и на короткое время; в-третьих, процесс сворачивания национальных административных единиц был ускорен коллективизацией что привело к росту эмиграционных настроений среди немцев, евреев других представителей этнических групп.

Список литературы

1. ЦГАВО Украины. Ф. 413. Оп. 1. Д. 453. Л. 42.
2. Там же. Д. 382. Л. 41.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1954. Изд. восьмое. Т. 2. М., 1970. С. 716–717.
4. Отчет ЦКК КП(б) Украины и НК РКИ УССР за период с VII по VIII партконференцию КП(б)У (апрель 1923 – апрель 1924 гг.). Харьков, 1924. 112 с.
5. Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду за 1923 рік. Харків, 1923. № 29. Арт. 435.
6. ЦГАВО Украины. Ф. 413. Оп. 1. Д. 50. Л. 72.
7. Там же. Д. 488. Л. 16.
8. Госархив ДНР. Ф.Р-2109. Оп. 1. Д. 310. Л. 1–2.

СОВЕТСКАЯ УКРАИНИЗАЦИЯ ДОНБАССА: ПРОВОДНИКИ И ПРОТИВНИКИ

Федоровский Ю.Р., канд. ист. наук

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени В. Даля», г. Луганск, ЛНР
zonnenberg@lds.net.ua

Процессы украинизации 1920-х гг. не пользовались вниманием советской историографии. Только в 1980-х гг, особенно в период «перестройки» начали появляться работы украинских историков (Р. Дашкевич, В. Лозицкий, М. Панчук), после 1991 года превратившись в бурный поток на ставшую востребованной тему. Определенным итогом стала коллективная монография под редакцией В.Смолия «Українізація» 1920-30-х років: передумови, здобутки, уроки (2003). В региональном разрезе Донбасса выходили работы Т. Нагорняк, Т. Анпиловой, Л. Демина. Однако в целом данный аспект остался довольно малоисследованным. Ибо Донбасс даже в период нахождения в составе независимой Украины был регионом, где «державна мова» не являлась доминирующей. Политика киевских правительств, стремившихся навязать Донбассу украинскую парадигму, привела к сегодняшней ситуации, когда руководство провозглашенных Народных Республик пытается выправить негативные последствия многолетнего силового насаждения украинского языка и культуры в исторически русскоязычном регионе «Новороссия». Поэтому актуализируется интерес к эпохе первой украинизации 1920-х гг.

Целью работы является, таким образом, освещение процессов советской украинизации Донбасса и конкретно Луганщины в период 1920-х – начала 1930-х гг. на базе архивных и опубликованных данных, проработанных автором в течении 2019 года.

Начало Советской украинизации было положено еще в годы гражданской войны, когда 9 марта 1919 года 3 Съезд Советов УССР принял постановление об изучении в школах украинского языка, истории и географии. Но старт интенсивной процессу дал в апреле 1923 года XII съезд РКП(б), принявший резолюцию о политике коренизации государственно-партийного аппарата в нерусских республиках. На Украине эта политика естественно получила форму «украинизации». Июньский пленум ЦК КП(б)У утвердил положение про «дві загальноживані мови», а 1 августа вышло постановление ВУЦИК та СНК УССР «Про заходи забезпечення рівноправності мов і про допомогу розвиткові української мови», закрепившее положение: «Мови всіх національностей, що є на території України, оголошуються рівноправними... Відповідно до переважного числа населення, що говорить українською мовою, вибрати, як переважаючу для офіціальних зносин, українську мову».

Поскольку правящая коммунистическая партия опиралась преимущественно на городской русифицированный пролетариат, после создания в декабре 1922 года Союза Советских Социалистических Республик принятие такого решения для завоевания симпатий национальных окраин было вполне объяснимым. Включенные в состав УССР Новороссия с Донбассом, регионы преимущественно русские, согласно линии партии, должны были укрепить Советскую власть на территории Украины, которая в годы гражданской войны пережила ряд национально-самостоятельных режимов. В порядке уступки этим тенденциям оказались востребованными и многие из национальных политиков, оставшиеся или добровольно вернувшиеся на советскую Украину. Кроме того, в УССР оказались тысячи выходцев с Западной Украины, оккупированной Польшей. Они находили здесь свой идеал: независимую украинскую державу. Грушевский оценивал число людей, переехавших из Галиции в УССР в 1920-х годах в 50 000 человек. Все они стали активными проводниками украинизации. Впрочем, далеко не все большевистские лидеры были фанатами этой политики. Назначенный в мае 1923 первым секретарем ЦК КП(б)У Эммануил Квиринг скептически высказывался: «Каждый шовинист-украинец будет вопить о принудительной русификации аж до того времени, пока останется хоть один профессор музыки или гистологии, который читает лекции на русском языке» и предупреждал, что украинизация – «долговременный, постепенный процесс», требующий «ещё не одного пятилетия» [1].

Постановлением СНК УССР 29.08.1924 «О выделении национальных районов и советов» Донбасс определялся как регион с исторически сложившимся многонациональным составом населения. Это давало возможность местным властям лавировать для решения проблем путем разделения Луганского округа на украинские и русские районы. Из 159 сельсоветов Луганского округа 109 были украинские, 45 русские, 5 немецкие. Из 24 поселковых советов было 5 украинских и 19 русских [2]. Последние освобождались от необходимости украинизации, проведение которой было начато протокольным Постановлением Президиума Луганского Окрисполкома №6 §6 от 12.02.1924 [3]. Активное участие в украинизации края принял родной племянник основоположника украинской самостийнической историографии М.Грушевского – Сергей Грушевский. «Сосланный» из Полтавы в новоорганизованный в Луганске Донецкий институт народного образования, он был в 1925 г. утвержден на постах проректора института по учебной части, декана факультета социального воспитания и профессора кафедры истории классовой борьбы на Украине. Его стараниями ДИНО уже в 1926 г. был украинизирован на 60 % [4], а затем более чем на 80%, что было лучшим показателем среди всех высших учебных заведений Донбасса. 19.11.1927 он докладывал окружной комиссии: «Діловодство ІНО повністю провадиться українською

мовою» [5]. За свои заслуги в работе он был избран в мае 1929 на XIII окружном съезде Советов кандидатом в члены Окрисполкома.

Другим активистом был окружной инспектор по украинизации соваппарата Д. Литвиненко (1926), неоднократно выступавший с соответствующими публикациями в «Луганской правде». Аналогичную работу вели также руководители окркомиссии по украинизации: Николай Зверьяка (1926-28), он же зампред. Луганского окрисполкома, председатель комиссии по празднованию 10-летия Октября, будущий Почетный гражданин Луганска; Александр Цюпак (1926), экс-председатель Старобельского окрисполкома; Пащенко (1928), Пелех (декабрь 1928-1929), Титаренко (1930), председатель Луганского горсовета и городской комиссии по украинизации Александр Довбыш (1930-1931).

Однако стихийное сопротивление украинизации продолжалось на различных уровнях. Из Луганской трудовой школы имени 5 годовщины Октябрьской Революции на вопросник инспектуры наробразы отвечали: «Школа не имеет украинизированных групп, т.к. потребности в этом со стороны родителей и детей не наблюдалось. Почему и надобности в проведении украинизации не ощущалось. Заведующий Соловей» [6]. На 2 Луганской городской партконференции в июле 1931 при участии самого Н.Скрыпника во время выступления тов. Жуковой председатель горсовета А.Довбыш выкрикнул: «Говорите по-украински», на что женщина смело ответила: «Тов. Довбыш, я буду говорить по-украински тогда, когда вы тут выступите на украинском языке, после вас я буду говорить по-украински» [7]. Имеется даже анекдотичный случай, когда Луганский Окружной суд требовал привлечь к ответственности за отказ выступать на заседаниях по-украински некую гражданку Гитлер из Совпартшколы [8].

Таким образом, навязываемый сверху правительством курс «украинизации» вызывал со стороны народа Донбасса естественное сопротивление в самых разнообразных формах.

Список литературы

1. Квірінг Е. Крутий поворот чи розгортання попередньої роботи // Червоний шлях. 1923. №4-5. С.109.
2. Госархів ЛНР. Ф. Р-243. Оп.1. Д.991. Л.147.
3. Там же. Д.5. Л.12 об.
4. Госархів ЛНР. Ф. П-34. Оп.1. Д.292. Л.145.
5. Там же. Ф. Р-243. Оп.1. Д.426. Л.208.
6. Там же. Р-401. Оп. 1. Д.72. Л.23.
7. Там же. Ф. П-5. Оп.1. Д.32. Л.150.
8. Там же. Ф. Р-243. Оп.1. Д.426. Л.197.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В 1920-е гг.: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Чеботарева А.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
abc5071@mail.ru

Изучение исторического события, явления и процесса невозможно без обращения к первоисточникам, которые являются связующим звеном между прошлым и результатом исследования. Одним из важнейших источников для изучения советской государственной кадровой политики 1920-х гг. являются материалы центральных и региональных периодических изданий.

Пресса играет важную роль в жизни общества. Обладая богатым и разнообразным материалом, помогает раскрыть важные направления и механизмы принятия решений по кадровым вопросам.

В советско-партийной периодике представлены хроники деятельности партийных организаций, официальные биографические справки на представителей региональной политической номенклатуры, информация о кадровых назначениях и перестановках в высших эшелонах региональной власти, официальные выступления и заявления партийных и советских лидеров, а также статистическая информация о работе системы партийного просвещения.

На страницах местных газет, «Всесоюзная кочегарка» – орган Донецкого губкома КП(б)У и губисполкома, «Молодой шахтер» – орган губкома комсомола, «Диктатура труда» (г. Сталино), «Кочегарка» (г. Горловка), «Большевик» (г. Славянск) и др., содержится фрагментарные, но важные сведения о процессах ротации кадров партийно-советских органов. Именно официальные сведения в газетах сообщали об утверждении нового ответственного секретаря окружкома РКП (б)-ВКП(б) и очередного председателя окружного исполкома. Биографические сведения о новых руководящих кадрах имеют большое значение для воссоздания их социально-профессионального облика.

В периодических изданиях под специальными рубриками публиковались сведения о результатах выборов и перевыборов членов местных Советов. Например, 6 апреля 1920 года газета «Известия» – орган бюро губкома КП(б)У и Донецкого губревкома, выходившая в Луганске, сообщила, что в Луганский Совет избрано 93 коммуниста, 11 беспартийных, 1 меньшевик, 1 эсер [1]. Газета «Кочегарка» (печатный орган Донецкгубкома КП(б)У, губисполкома, ВСГ и УГКП) 7 декабря 1924 года, опубликовала информацию о перевыборах сельсоветов по Луганскому

округу, где помимо количественных характеристик давалась социальная (пол, возраст, социальное положение) секретарей, депутатов [2].

В комплексе материалов периодики информативного характера большой интерес представляют официальные сообщения и заметки-отчеты о партийном контроле руководящего состава. На контрольные органы возлагалась задача выявления не только «враждебных» режиму, но и не справлявшихся с работой управленцев. Так, в газете «Кочегарка» от 9 декабря 1924 г. (г. Бахмут) размещалась информация о предстоящем «обследовании парторганизации Секретариата губкома» [3], результатами таких проверок стали отчеты, которые регулярно публиковались на страницах местной газеты. Заметки-отчеты содержат информацию о проступке (взяточничество, служба у белых, пьянство, аморальное поведение, религиозные предрассудки, преступления по должности и др.), и виде наказания – партийные взыскания, начиная от строгого выговора и заканчивая исключением из партии [4]. В целом, заметки, о контроле партийно-советской номенклатуры, позволяют более детально и объективно проанализировать поведение управленческих кадров.

На страницах местной прессы 1920-х гг. содержится информация о практике выдвижения на руководящие должности в партийно-государственный аппарат. Так, например, регулярно о ходе выдвиженчества в административно-хозяйственный аппарат информировала своих читателей газета «Кочегарка» [5].

Вместе с тем сведения, полученные в результате исследования партийной прессы, требуют критического переосмысления, поскольку главной их целью являлось регулирование общественного мнения, пропагандирование определенного образа власти.

Значительный информационный потенциал имеют материалы размещенные в сводно-официальном изданиях, таких как, «Справочник партийного работника», который содержит постановления съездов партии, пленумов и конференций, а также отдельные решения ЦК, важнейшие постановления СНК СССР, принятые в 1920-е гг., материал располагается по соответствующим тематическим разделам [6]. Для изучения кадровой политики большевиков и кадровых вопросов исследуемого периода информативны первый и второй выпуски справочника. Их материалы использовались при разработке критериев отбора для создания идеального представителя советской номенклатуры. Использование материалов справочника дает возможность выделить приоритетные направления государственной кадровой политики.

Для исследования политического просвещения и воспитания регионального чиновничества интерес представляют периодические издания идеологических отделов местных партийных комитетов. Печатным органом Донецкого губкома компартии (отдел агитации и пропаганды) являлись журналы «Спутник партийного работника

Донбасса», «Спутник донецкого пропагандиста», «Донецкий коммунист». В периодических изданиях данного рода публиковались материалы в помощь идеологическому активу, лекторам, пропагандистам. Так, на страницах журнала «Донецкий коммунист» в 1921 году размещался методический материал для сети партийной учебы [7].

Советская пресса в регионе была представлена газетами «Известия» ЦК КП(б), «Известия» ЦК КП(б)У, «Донецкие известия». Информация данного типа периодики освещала текущую работу Оргбюро, Секретариата, отделов и комиссий ЦК через публикации их важнейших постановлений и решений, отчетов об их работе за месяц, квартал, год. В статьях, обзорах давалось предварительное и последующее освещение основных вопросов партийной жизни.

Подводя итоги, можно сказать, что содержащийся в материалах периодической печати широкий спектр общественно-политической информации, существенно дополняет другие виды исторических источников по данной теме. С точки зрения изучения реализации кадровой политики на региональном уровне дает разнообразную и вместе с тем мозаичную, фрагментарную информацию, однако эти сведения, требуют критической оценки, поскольку подача полной, достоверной информации является далеко не единственной (даже не главной) целью газетных публикаций.

Список литературы

1. История городов и сел Украинской ССР: В 26 т. Ворошиловградская область / АН УССР. Ин-т истории; Гл. редкол.: П.Т. Тронько (пред.) и др. – К.: Гл. ред. Укр. сов. энцикл. АН УССР, 1976. – С.86.
2. Газета «Кочегарка. Орган Донецгубкома КП(б)У, губисполкома, ВСГ и УГКП» г.Бахмут. 1924. 7 декабря. №281 (1281).
3. Газета «Кочегарка. Орган Донецгубкома КП(б)У, губисполкома, ВСГ и УГКП» г.Бахмут. 1924. 9 декабря. №282 (1282).
4. Газета «Кочегарка. Орган Донецгубкома КП(б)У, губисполкома, ВСГ и УГКП» г.Бахмут. 1924. 19 декабря. №291 (1291).
5. Газета «Кочегарка. Орган Донецгубкома КП(б)У, губисполкома, ВСГ и УГКП» г.Бахмут. 1924. 18 декабря. №290 (1290).
6. Спутник партийного работника. Вып. 2. – М.: Издательское отделение Ц.Р.К.П., 1922. – 336 с.
7. Журнал «Донецкий коммунист. Орган губернского комитета компартии». – 1921. июль. №2.

История России и славянских народов

УДК 94(367):929.5«13»

РАЗРЕШЕННАЯ СТЕПЕНЬ РОДСТВА ВО ВНУТРИ ДИНАСТИЧЕСКИХ БРАКАХ РЮРИКОВИЧЕЙ XII в.

Абуков С.Н., канд. ист. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

legusha@list.ru

Изучение внутри династических браков древнерусских князей еще не получило комплексного исследования, при том, что без них невозможно представить не только междукняжеские отношения Рюриковичей, но и политическую историю Руси в целом. Брачные союзы князей – важнейший индикатор политических отношений среди правящей элиты, в период феодальной раздробленности представлявшей правителей крупных государственных образований. Заключение подобных браков не было спонтанным, имело свои традиции и ограничения. В первую очередь, речь идет о разрешенной степени родства между женихом и невестой правящей на Руси династии. Только в последнее время проблема внутри династических браков древнерусских князей приобрела актуальность среди ученых. Особый интерес вызывает у специалистов именно близкородственные браки потомков Рюрика, о чем говорит серия работ, вышедших в последние годы, хотя исследователи и не пришли к единому мнению по данной проблематике [1; 2].

Согласно византийским церковным канонам, принятым и на Руси, действовали запреты на близкородственные браки. Допустимой для брака между женихом и невестой считалась восьмая степень родства. При этом с оговорками возможным был брак и в седьмой степени родства [3]. Рассмотрим первые известные примеры браков в этой степени родства среди русских князей. Итак, с кон. XI в. Рюриковичи стали вступать в браки между собой. Первый достоверный пример брака между двумя линиями потомков Владимира Святославича: Изяславичами и Ярославичами был заключен в восьмой степени родства между Глебом Всеславичем и Анастасией Ярополковной [4, стб. 492].

В нач. XII в. внутри династическая брачная активность Рюриковичей выходит на новый уровень. Это были уже сами потомки Ярослава Мудрого. Что касается предполагаемого Л.Е. Махновцом [5] более раннего брака между Давыдом Игоревичем, внуком Ярослава и дочерью Ростислава Владимировича, правнучкой Ярослава, а это пятая степень родства, то оно основано только на известии В.Н. Татищева [6] и представляется крайне сомнительным. В 1112 г. был заключен брак между

Ярославом Святополчицем и его троюродной племянницей, внучкой Владимира Мономаха [8, стб. 273]. Таким образом, мы видим седьмую степень родства, которая не подлежит сомнению.

Следующий известный брак датируется 1113 г. Он был заключен между сыном Мономаха Романом и дочерью перемышльского князя Володаря Ростиславича [4, стб. 276]. Как видим, это также седьмая степень. В 1116 г. дочь Мономаха Агафья вышла замуж за Всеволодка Городенского [4, стб. 284]. Последнего обычно считают сыном Давыда Игоревича. Такая трактовка является ошибочной. Не вдаваясь здесь в аргументацию, которая приведена в другой статье, отметим, что по нашему мнению, Всеволодко – сын племянника Давыда Игоревича Мстислава Всеволодовича [7]. Это также седьмая степень родства. Причем обратим внимание, что брак заключен между троюродной тетей и племянником. Подтверждение такому возможному соотношению сторон в XII в. будет показано ниже. В 20-е гг. XII в. был заключен брак между дочерью Мстислава Марией и Всеволодом Ольговичем [4, стб. 308]. Здесь мы снова имеем дело с седьмой степенью родства.

Как видим, все эти браки выходили из круга Мономаха и его семьи. Мы знаем из «Поучения» князя о его религиозности и соблюдении церковных правил [8, стб. 240-247, 251-256]. К тому же, как грек по матери, он знал о византийской традиции. Тем не менее, князь допустил подобные браки своей семьи. Однако. Очевидно, что в описываемый период для древнерусских князей позволительной для внутри династического брака являлась седьмая степень, то есть браки между троюродными дядями (тетями) и племянниками (племянницами).

Что касается якобы известия о браке Святослава Давыдовича и Анны Святополковны (шестая степень), то это сообщение Н.А. Баумгартена, хотя и принимается историками, но остается предположением [9]. Вообще, как можно будет убедиться ниже, некоторые признанные в научной литературе внутри династические браки Рюриковичей остаются на самом деле дискуссионными.

Следующая группа наиболее близкородственных браков все более расходящихся в родстве Рюриковичей не менее интересна, так как они заключаются уже внутри отдельных линий Ярославичей. Это обстоятельство значительно увеличило частоту союзов между князьями, однако правило долгое время действовало прежнее. Показательны два примера внутри Мономашичей и Ольговичей. Это брак 1187 г. малолетних: дочери Всеволода Большое Гнездо и сына Рюрика Ростиславича, так подробно описанный в Ипатьевской летописи [4, стб. 658]. В 1193 г. состоялся семейный альянс Давыда Ольговича и дочери Игоря Святославича Новгородсеверского (вновь седьмая степень) [4, стб. 668].

Оставляя за скобками вероятные причины таких союзов внутри линий Ярославичей, обратим внимание на браки троюродных теток с

племянниками. Как не трудно заметить, этот факт не смущал древнерусских князей.

Таким образом, следует признать, что изначально Рюриковичи в случае близкородственных браков ограничивались седьмой степенью родства. Именно такими были точно установленные семейные альянсы древнерусских князей с нач. XII в., связанные с династическими браками семьи Владимира Мономаха. Появление в дальнейшем шестой степени родства для заключения внутри династических браков не опирается на надежные источники. Во втор. пол. XII в. мы имеем примеры родственных альянсов в шестой степени, что связано с деятельностью Рюрика Ростиславича, выдавшего двух своих дочерей за их троюродных братьев. Однако для Рюриковичей на протяжении поколений именно седьмая степень родства остается наиболее близко допустимой в браках Рюриковичей.

Список литературы

1. Литвина А.Ф. Внутридинастические браки между троюродными братьями и сестрами в домонгольской Руси / А.Ф.Литвина, Ф.Б.Успенский // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. – №3 (49). – С. 45-68.
2. Либуркин В.Н. Проблема реальности существования близкородственных браков Рюриковичей в новейшей отечественной историографии / В.Н.Либуркин // Современные проблемы науки и образования [Электронный ресурс]. – 2015. – № 1 / Режим доступа URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18380> (дата обращения: 11.08.2019).
3. Мейендорф Иоанн. Христианский брак в Византии: каноническая и литургическая традиция / Режим доступа URL: http://www.pravoslavie.ee/docs/christian_marriage.pdf (дата обращения: 20.09.2016).
4. ПСРЛ. Т. 2. – М.: ЯРК, 2001. – 648 с.
5. Махновець Л.Є. Літопис руський / Л.Є. Махновець. – К.: Дніпро, 1989. – 591 с.
6. Татищев В.Н. История Российская / В.Н.Татищев. – Т.2. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. – 352 с.
7. Абуков С.Н. К вопросу о происхождении городенских князей / С.Н.Абуков // Вестник Нижегородского университета. – 2016. – №3. – С. 9-14.
8. ПСРЛ. Т. 1. – М.: Языки славянской культуры. – 2001. – 762 с.
9. Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siècle // *Orientalia Christiana*. Roma, 1927. – Т. 35. – 96 p.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНДОЕВРОПЕИСТИКИ В РОССИИ КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Азаркова М.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

satokha@mail.ru

История становления и развития интеллектуальной истории в российском социально-гуманитарном знании насчитывает более двадцати лет [1]. Преодолев вызовы постмодернизма и доказав отличие исторического сочинения от литературного, историки всего мира попытались вернуть себе объективность, повсеместно создавая «новые истории», в том числе новую интеллектуальную историю, переориентируя фокус исследования с истории «чистых» идей на личность самого интеллектуала, на изучение обстоятельств, влияющих на исследователя, и автора, влияющего на контекст времени [2]. Вопросы о происхождении индоевропейцев, локализации их прародин и этапов расселения, уже более двух столетий остаются предметом наиболее противоречивых, и, в то же время, интереснейших дискуссий. Сама же индоевропейская проблематика нередко приобретала острую политическую окраску с явными тенденциозными трактовками и служила предметом жарких идеологических споров.

Цель данной работы – показать перспективы изучения истории идей ученых-индоевропейцев в России в качестве новой исследовательской парадигмы интеллектуальной истории на современном этапе.

В мировой историографии конца XX – начала XIX вв. утверждается постнеклассический принцип предпочтения контекстуальных подходов в изучении истории идей. В историю идеи возвращается биография автора, его цели, переживания и, в конечном итоге, – контекст времени, социальные, политические, религиозные, культурные обычаи и существовавшая письменная традиция. Контекстуальный поворот помогает правильнее понимать изучаемый объект, а также ответить на вопрос: почему именно в это время, именно в этой стране, городе, социальном институте, сословии, семье появилась та или иная идея.

Так, один из основоположников русской индологии, Г.С. Лебедев, будучи музыкантом-исполнителем, жаждал посетить Бенгалию. Там, согласно молве, было много места для деятельности «наиболее смелого рода предприимчивых людей», в число которых он включал и себя [3]. Будущий лингвист обратился с просьбой о протекции к цесаревичу Павлу Петровичу и его жене Марии Фёдоровне. В качестве цели путешествия Герасим Степанович указал изучение этой неизвестной страны и её языков, самообразование, принесение посильной пользы Отечеству.

Результатом его пребывания в Индии явился сбор и публикация материалов, вошедших в «Грамматику чистых и смешанных восточно-индийских диалектов...» [4], в которой автор попытался объединить европейскую и индийскую грамматические традиции – наряду с европейскими грамматическими терминами приводил санскритские в бенгальском произношении [5].

Один из ведущих специалистов российского сравнительно-исторического языкознания О.Н. Трубачев, по воспоминаниям современников, заинтересовался причудливой схожестью некоторых таврических и индийских местных названий после рассказа об этом друга-реставратора Воронцовского дворца, талантливого художника и краеведа Л.М. Тимофеева в начале 1970-х гг. Занявшись изучением индоарики, Олег Николаевич обнаружил малоизвестные труды некоторых западноевропейских историков и филологов на эту тему [6]. Не будучи первооткрывателем индоарийских древностей в Северном Причерноморье, он безусловно стал самым видным представителем данного направления.

Таким образом, возвращение в историю идеи биографии автора, позволяет по-новому взглянуть на уже имеющиеся проблемы, извлечь из известных источников новую информацию или освятить лишь определенную сторону реальности прошлого.

Становление и развитие индоевропеистики может быть представлено как исследовательское поле интеллектуальной истории, как «междисциплинарный фокус, соединяющий историю языков, историю науки, культурную и социальную антропологию и историю идей и идеологий».

Список литературы

1. Зверева Г.И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления / Г.И. Зверева // Преподаватель XXI век. – № 4. – 2018. – С. 288-302.
2. Ноздринов В.В. Перспективы интеллектуальной истории в рамках новых направлений историографии / В.В. Ноздринов // Научная мысль Кавказа. – № 1. – 2017. – С. 87-90.
3. Лебедев Г.С. Меморандум / Публ., примеч., статья К.А. Антоновой // Исторический архив. – 1956. – № 1. – С. 161-169.
4. Воробьев-Десятовский В.С. Русский индианист Г.С. Лебедев (1749-1817) / В.С. Воробьев-Десятовский // Очерки по истории русского востоковедения. – М., 1956. – Т. 2. – С. 36-73.
5. Агаркова М.И. Лингвистическая компаративистика в России: история становления / М.И. Агаркова // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Междунар. научн. конф. (Донецк, 25 октября 2018 г.). – Том 7: Социально-политические и исторические науки. – Донецк: ДонНУ, 2018. – С. 128-130.
6. Шапошников А.К. Indoarica в Северном Причерноморье. Памяти академика О.Н. Трубачева / А.К. Шапошников // ВЯ. – № 5. – М., 2005. – С. 30-67.

КИТАЙСКАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В ДОНБАСС В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Даниленко Е.Г.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, ДНР
gddgtu@gmail.com

В современном мире миграция стала глобальной проблемой, она оказывает влияние на экономическое, социальное и демографическое развитие каждого государства. Донбасс же – это особый регион: на протяжении многих веков население Донбасса формировалось миграционными потоками, складывалось как переселенческое общество. И в этом процессе китайские рабочие мигранты в период Первой мировой войны были необходимой частью экономики Донбасса.

Первые немногочисленные китайские мигранты начали появляться на территории Донбасса еще в годы Русско-Японской войны. Однако массово китайцы стали прибывать сюда именно в годы Первой мировой войны. Резкое сокращение рабочих рук в связи с военными действиями, ростом военной промышленности и мобилизацией, особенно с весны 1915 г., поставило экономику Донбасса перед угрозой срыва военных поставок на фронт. Дефицит рабочих на горных и металлургических производствах Донбасса породил вопрос о возможности массового использования труда китайцев уже в начале 1916 года. Так, например, в отчете Совета Съезда XXXXXI Съезду горнопромышленников юга России за 1915-1916 отчетный год указывалось, что «общий недостаток рабочих на горнопромышленных предприятиях юга России сравнительно с потребностью в их продуктах, можно определить в размере около 100.000 человек» [1]. Второй, не менее важной, причиной массового привлечения труда иммигрантов в этот период стала необходимость в более дешевой рабочей силе. В центральный военно-промышленный комитет неоднократно поступали запросы о найме рабочих-китайцев. Труд китайских рабочих использовался на металлургических и горнопромышленных предприятиях Донбасса.

Для организованного ввоза иностранных рабочих уже весной 1915 г. был распространен циркуляр Совета Съезда горнопромышленников Юга России от 9 апреля 1915 г. За № 24 за подписью Председателя Совета Н.Ф. Фон-Дитмара «О желательности ввоза китайских рабочих для работы на шахтах и заводах Юга России в связи с недостатком рабочей силы» [2]. К докладу Совета Съезда горнопромышленников Юга России также прилагались два документа: «Правила о порядке использования инородцев, привлекаемых по реквизиции для работы внутри империи на государственную оборону» и «Правила о найме и перевозке рабочих

желтой расы». Осенью 1915 г. центральным военно-промышленным комитетом было разослано циркулярное сообщение (за № 4754), согласно которому всем губернаторам, градоначальникам и начальникам областей, было приказано «допустить беспрепятственный пропуск в пределы Империи тех китайских подданных, а также корейцев, кои приглашены на работы в наших металлургических или каменноугольных предприятиях, при условии предъявления этими лицами своих национальных паспортов, снабжённых визой наших консульств». Этот циркуляр был опубликован в газете «Известия центрального военно-промышленного комитета» 19 ноября 1915 г. [3]. В визе должны были быть указаны: имя и фамилия лица, отправляющегося в Россию, возраст, подданство, сведения о том, на какой именно завод или на какие именно рудники это лицо приглашено. Все прочие паспортные формальности, ограничивавшие проезд китайцев в Россию и их пребывание в стране, были признаны «необязательными» [4]. Вербовка рабочих на территории Китая была организована ещё в 1915 г. Занимались этим как специальные посреднические компании, так и отдельные агенты. По некоторым данным, только в течение 1915 г. было завербовано и уехало через г. Харбин в Россию 7212 чел. [5].

На проходившем в ноябре-декабре 1916 г. 40-м Совете Съездов горнопромышленников Юга России была выражена мысль, что важным мероприятием по устранению недостатка рабочих является привлечение в широком масштабе китайских рабочих. Советом Съезда были возбуждены ходатайства по вопросам об облегчении условий найма и перевозки китайцев. В отчёте Съезда было указано, что на горнопромышленных предприятиях Донбасса работало около 1100 человек [6]. Занимались китайцы преимущественно тяжёлым неквалифицированным трудом на шахтных рудниках и заводах. В июле 1917 г. временное правительство приняло решение о прекращении ввоза в Россию всех, в том числе и китайских, иностранных рабочих.

Список литературы

1. Отчет Совета Съезда XXXXI Съезду горнопромышленников юга России за 1915 – 1916 отчетный год, 1916. – С. 38. [Электронный ресурс] // Режим доступа URL: <http://gpntb.dlibrary.org/ru/nodes/3250-otchet-soveta-sezda-xxxxi-sezdu-gornopromyshlennikov-yuga-rossii-za-1915-1916-otchetnyy-god-harkov-1916#mode/inspect/page/6/> (дата обращения: 25.08.2019).
2. Там же.
3. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР). – Ф-6. Оп. 1. Д. 11. Л. 107.
4. ГА ДНР. – Ф. Р-2109. Оп. 1. Д. 139. Л. 10.
5. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. – М.: Восточная книга, 2009. – С. 66–67.
6. ГА ДНР. – Ф. Р-2109. Оп. 1. Д. 138. Л. 39.

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕФОРМЫ ВОСЬМОЙ ПЯТИЛЕТКИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ДОНБАССА (1967–1968 гг.)

Денисенко А.П.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

denisenko.gp18@gmail.com

Нововведения в промышленности провозглашены на сентябрьском (1965 г.) пленуме ЦК в докладе председателя правительства СССР А.Н. Косыгина «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленных предприятий». В нем речь шла о сочетании централизации руководства с расширением оперативно-хозяйственной самостоятельности предприятий. Процесс перехода промышленности на новые условия хозяйствования в Донбассе, как и в целом по стране, происходил постепенно. За счет улучшения качества продукции, снижения брака, улучшения организации труда себестоимость товара снижалась, сверхпланово получали прибыль. Контроль за работой предприятий «по-новому» со стороны руководящих областных работников усиливался. И к 1967 году промышленность развивалась наиболее эффективно.

Цель – обобщить положительный опыт работы, направленной на увеличение эффективности работы промышленных предприятий Донбасса в 1967-1968 гг.

В основе подхода А.Н. Косыгина к руководству народным хозяйством лежала идея о необходимости дополнения партийно-административных рычагов управления элементами рыночной экономики. Производитель ставился в непосредственную зависимость от спроса на свою продукцию. Зарплата определялась уровнем рентабельности производства, перевыполнением планов. Итоги хозяйствования измерялись размерами прибыли. За счет отчислений от прибыли предприятия создавали фонды развития производства и материального поощрения. Работа промышленных предприятий строилась на основе Положения о промышленном предприятии, утвержденном в октябре 1965 г. В 1967 г. в СССР по новой системе работало уже 7 тыс. предприятий с занятостью свыше 10 млн человек. На их долю приходилось около 40 % всей промышленной продукции [1]. В Донецкой области в 1966 г. на новые условия работы перешли 13 предприятий, в 1967 г. – 92 и к середине 1968 г. – 85 предприятий [2].

Исходя из требований Программы КПСС и решений XXIII съезда партии о систематическом повышении качества продукции, Донецкий обком КПУ в 1967 г. вел последовательную работу по мобилизации трудящихся на дальнейшее повышение технического уровня выпускаемой

продукции, улучшения ее качества, надежности и долговечности. Были определены меры по совершенствованию уровня технологических процессов и культуры производства. Процент выплаты премии колебался от 10 до 25 % [3]. Велась работа по снятию с производства устаревших машин, модернизации ранее выпущенного оборудования, по разработке и внедрению новых высокопроизводительных машин, внедрению НОТ – научной организации труда. Большую работу в организации коллективов заводов по внедрению НОТ оказывали областной комитет партии, городские и районные комитеты, научно-исследовательский и проектно-технологический институты [4]. На заводах действовали 9 университетов технического прогресса, в 30 факультетах которых обучалось 2,5 тысячи слушателей. Всеми видами учебы было охвачено 36, 5 тыс. человек [5].

Положительные результаты дал перевод участков и цехов на хозяйственный расчет и создание дополнительного поощрительного фонда предприятий за счет экономии материалов в соответствии с решениями сентябрьского пленума (1965 г.) ЦК КПСС. В частности, на пленуме подчеркивалось, что одним из условий улучшения экономики предприятий является бережливость и экономное расходование материалов. В 1966 г. на новую систему планирования и экономического стимулирования были переведены шахты № 8-8 бис треста «Красногвардейскуголь» и № 2 треста «Шахтерскантрацит». Проводимая работа по укреплению трудовой дисциплины в коллективах угольной промышленности г. Макеевки (№ 3, № 10 треста «Советскуголь», № 8-8 бис, Бутовская-Северная треста «Красногвардейскуголь» и др.) способствовала увеличению угледобычи: за 10 месяцев 1967 г. было выдано «на-гора» 434,5 тыс. тонн сверхпланового угля [6].

Важных успехов достигли рабочие на Краматорском металлургическом заводе им. Куйбышева, выполняя постановление ЦК КПСС от 17 сентября 1966 г. по ускорению ввода в действие производительных мощностей черной металлургии. 5 января 1967 г. они задули доменную печь с годовой производительностью 420 тыс. тонн чугуна. Впервые в мировой практике была произведена надвижка собранной доменной печи, строители приобрели прогрессивный опыт современного домностроения.

В 1967 г. была проведена подготовка и осуществлен переход на новую систему планирования и экономического стимулирования на заводах им. Ильича и «Азовсталь», что заметно улучшило их работу. За 9 месяцев 1967 г. было произведено в счет Донецкого юбилейного процента 41,4 тыс. тонн чугуна, 36,7 тыс. тонн стали, 69,2 тыс. тонн проката, 11,3 тыс. тонн труб, 9,8 тыс. тонн кокса. Производительность труда на металлургических заводах превысила плановый показатель на 0,4%. Всего выпущено сверхплановой продукции на 3 млн 807 тыс. рублей. На заводе Ильича в 1968 г. планировалось строительство цеха белой жести, на заводе «Азовсталь» – стан «3600» [7].

На строительстве в г. Донецке нового угольного предприятия рудника «Октябрьский» проходческая бригада А.В. Саламатки, применив высокопроизводительную отечественную горную технику, в октябре 1967 г. перекрыла ранее установленный Всесоюзный рекорд по прохождению околоствольных выработок угольных шахт.

В.И. Дегтярев, первый секретарь Донецкого обкома КПУ, в июне 1968 г. так оценил обстановку по области в связи экономической реформой: «У нас в области 888 предприятий, из них переведено и на сегодня работают в новых условиях 190 предприятий или 21,5 % к общему количеству». По отраслям ситуация складывалась такой: ни одно из 19 энергетических предприятий не работало по-новому, из 199 угольных шахт – только 2. В черной металлургии перешли на новые условия работы – 9 из 39 предприятий; в цветной металлургии – 6 из 7 предприятий, химической промышленности – 4 из 14, в машиностроении и металлообработке – 39 из 202 предприятий, в лесной и деревообрабатывающей – 7 из 26, в отрасли стройматериалов – 13 из 117, стекольной – ни одного из 7 предприятий не переведено; в легкой промышленности – 12 из 77, пищевой – 52 из 119 и т.д. Предприятия, работавшие в условиях реформы, за 4 месяца получили прибыли более чем на 200 млн. руб., что на 34,2 млн. руб. превышало показатель предыдущего 1967 г. Средний месячный заработок вырос на 10,5% и составил 121 руб.

В связи с принятым решением Министерства перевести на новые условия работы предприятия комбината «Донецкуголь» с 1 июля 1968 г. перед нами стоят большие задачи, подчеркнул В. И. Дегтярев. Для организации действенного контроля за осуществлением перевода предприятий на новую систему планирования и экономического стимулирования при обкоме КПУ 11 июня 1968 г. были созданы специальные комиссии. Их работа строилась по территориальному принципу [8].

Список литературы

1. Барсенков А.С. История России. 1917–2009 / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин. – 34-е изд., расш. и перераб. – М.: Аспект Пресс, 2010. – С.518-519.
2. Государственный архив ДНР. Ф.326 Оп. 15. Д. 819. Л. 2.
3. Государственный архив ДНР. Ф.326 Оп. 15. Д. 606. Л.123-129.
4. Государственный архив ДНР. Ф.326 Оп. 15. Д. 606. Л.96-104.
5. Государственный архив ДНР. Ф.326 Оп. 15. Д. 606. Л.130-131.
6. Государственный архив ДНР. Ф.326 Оп. 15. Д. 646. Л. 22-28; Л.47-50.
7. Государственный архив ДНР. Ф.326 Оп. 15. Д. 647. Л. 34; Л.112; Л.72.
8. Государственный архив ДНР. Ф.326 Оп. 15. Д. 819. Л. 1-3.

РАЗВИТИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА (ВОЛОНТЕРСТВА) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Елисеев А.Л., канд. ист. наук, доцент
Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, РФ
eliseev@orel.ranepa.ru

В процессе становления российской правовой государственности в современном гражданском обществе приходит понимание того, что активизация гражданского участия людей в жизни страны путем волонтерства просто необходима для его дальнейшего цивилизованного развития. Деятельность современных международных организаций и практический российский опыт, несомненно, подтверждают данную мысль, еще раз доказывая, что путем добровольчества можно объединить силы творческих инициативных людей и различных институтов гражданского общества для достижения социально-полезных целей, как то: уменьшение бедности; помощь социально незащищенным гражданам и лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации; преодоление социального неравенства и дискриминации, а также при решении многих социально-правовых проблем. На любом этапе развития человеческой цивилизации всегда существовали в той или иной форме волонтерские инициативы, которые оказывались либо одним человеком, либо группой лиц. Этих людей во все времена объединяет то, что они помогают бескорыстно, вообще без какой бы то ни было прибыли или заработка. В мировой практике термин «волонтерство» используется для характеристики добровольческого труда как вида деятельности, которая осуществляется людьми добровольно на безвозмездной основе и преследует достижение социально значимых целей, а также решает насущные проблемы гражданского общества. Всплеск организованного молодежного волонтерского движения в России произошёл в период зимней Олимпиады в Сочи в 2014 году. Была создана Ассоциация волонтерских центров как продолжение волонтерской программы «Сочи-2014». Она стала катализатором развития добровольческого движения в России. На данный момент насчитывается уже более 100 центров в 56 регионах страны. Работу центров координируют комитеты по делам молодежи, вузы, структуры министерства образования.

По данным федерального агентства по делам молодежи «Росмолодёжь» показатель вовлеченности населения в добровольческую деятельность увеличился более чем в 2 раза и в 2018 году составил более 14 млн. человек. В 2018 году количество зарегистрированных пользователей в ЕИС «Добровольцы России» составило 487000 человек (в

2017 году – 30000 человек), количество зарегистрированных мероприятий и проектов в системе составило более 22000 от 12000 организаций [1].

Волонтерское движение готовит кадры для общественных и неправительственных организаций. Добровольцы имеют неоценимый опыт социального взаимодействия в выбранной ими сфере деятельности. Работа в качестве добровольца способствует формированию лидеров, которые готовы принять участие в деятельности государственных и общественных структур, ответственных за работу в социальной сфере.

Развитие добровольчества в России является одним из актуальных и перспективных направлений. Работа добровольцев востребована во многих сферах, таких, как спорт, культура, социальное обеспечение, здравоохранение, экология, патриотическое воспитание и многие другие. Среди ведущих направлений российского волонтерства выделяются: патриотическое волонтерство, нацеленное на формирование гражданской идентичности; социальное волонтерство, ориентированное на оказание помощи незащищенным слоям населения; событийное волонтерство, направленное на организацию значимых государственных событий спортивного, образовательного, социального, культурного, туристического характера; медицинское волонтерство – добровольное профессиональное медицинское сопровождение волонтерских проектов на безвозмездной основе; культурно-просветительское волонтерство – организация мероприятий по сохранению культурного наследия, приобщение к культурным ценностям, интеграция городских жителей в социально-культурные мероприятия; серебряное волонтерство (волонтерская деятельность граждан в возрасте от 50 лет с активной гражданской позицией, имеющих практический опыт в реализации добровольческих инициатив); экологическое волонтерство – деятельность по защите окружающей среды и решению экологических проблем; корпоративное волонтерство (волонтерские практики, организуемые крупными бизнес-корпорациями, сотрудники которых активно участвуют в их разработке и реализации); виртуальное волонтерство, позволяющее молодым людям, не располагающим свободным временем, помогать в решении общественно значимых проблем, проявляя свою социально-культурную активность в сети Интернет.

Согласно исследованию ФОМ в 2017 г. 5 % россиян являлись участниками добровольческого движения, они имеют опыт работы в некоммерческих организациях или общественных объединениях, а также «опыт участия в политике», 30% – это локальные активисты, включенные в решение проблем по месту жительства, в жизнь местных общин. Почти столько же (29 %) помогли незнакомцам или людям из близкого окружения либо жертвовали деньги на благотворительность [2]. Согласно результатам инициативного всероссийского опроса «ВЦИОМСпутник», наиболее распространенными формами волонтерской активности россиян

за последние годы стали: участие в благоустройстве территорий (72 %), перечисление денег непосредственно нуждающимся (51 %), участие в сборе пожертвований нуждающимся в помощи (47 %). Еще треть россиян (35 %) оказывали финансовую помощь благотворительным фондам, общественным организациям, чуть больше четверти опрошенных помогали социально уязвимым группам, используя свои профессиональные навыки (28 %), пятая часть россиян (22 %) подключалась к благотворительным мероприятиям и почти столько же принимали участие в просветительской работе (19 %) и были задействованы в проектах, связанных с личным общением с социально уязвимыми группами (18 %); меньшую популярность имеют протестные акции для привлечения внимания к проблеме (6 %) [3]. Наиболее активные волонтеры – это преимущественно молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет. При этом молодежь в возрасте 18-24 лет активнее других включается в волонтерские проекты, не направленные на конкретные группы (35%), и лично участвует в реализации мероприятий, контактируя с благополучателями (23 %). В то же время исследователи отмечают и наличие в России большого потенциала пока не востребованных в полной мере добровольческих ресурсов. Так, по данным ВЦИОМ, в ближайшие 1-2 года готовы участвовать в программах помощи другим людям на условиях безвозмездной поддержки, волонтерства 68 % россиян, а в возрастной группе 18-24 лет – 80 %. Россияне готовы помогать вещами и продуктами (46 %), оказывать финансовую поддержку (34 %), участвовать в волонтерских мероприятиях (благоустройство территории, донорство и другое) – 27 %, лично общаться с представителями групп, нуждающихся в поддержке, – 18 %, становиться участниками благотворительных мероприятий (без личного общения) – 11 %. Обозначенные выше количественные показатели, несмотря на положительную динамику, диктуют необходимость целенаправленных усилий по поддержке и развитию добровольческого движения. В настоящее время в России отмечается значительный уровень зависимости добровольчества, так же, как и других общественных институтов, от политики государства.

Список литературы

1. Росмолодёжь. [Электронный ресурс]. URL: <https://fadm.gov.ru/docs>
2. Результаты исследования гражданского общества в рамках проекта «Соц-ФОМ» фонда «Общественное мнение» (ФОМ) с 2007 по 2017 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/619941/tekst-rozhkovo>
3. Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник» Корпоративное волонтерство: реалии и потенциал роста [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru>

КУЛЬТУРНО-МАССОВАЯ РАБОТА НА КИРОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Зеленская Ю.Н., канд. ист. наук

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет», г. Петрозаводск, РФ
yulia-zelenskaya2008@yandex.ru

Протянувшись вдоль линии Карельского фронта, Кировская железная дорога в годы Великой Отечественной войны решала сразу несколько задач. Во-первых, по путям магистрали осуществлялись переброска войск, поставки оборудования и медикаментов с востока на запад. С запада на восток осуществлялись эвакуация материально-технической базы и населения региона, транзит иностранных грузов, поступавших в порт г. Мурманска. В этой связи была велика роль Сорокско-Обозерской железнодорожной линии. Коллектив дороги, перенося все тяготы и лишения, обеспечил бесперебойную работу магистрали, осуществлял сбор средств на строительство танковой колонны «Железнодорожник Кировской магистрали», вел изготовление боеприпасов и вооружения

Не вызывает сомнений, что слаженная, организованная, нацеленная на победу над врагом, работа железнодорожников оказала незаменимую помощь фронту.

Особое значение в годы Великой Отечественной войны приобрели учреждения культуры и спорта, целью которых было поддержание боевого духа и веры в неминуемую победу над врагом.

В ходе налетов вражеской авиации разрушению подверглись многие культурные и спортивные объекты Кировской железной дороги. Пожары уничтожили клубы и библиотеки на станциях Мурманск, Лодейное Поле, Масельская, красные уголки на узлах и линейных станциях дороги. По своему прямому назначению не использовались спортзалы и стадионы. Они вместе со спортивным инвентарем (лыжи, велосипеды, мотоциклы) были переданы воинским частям или превратились в складские помещения железной дороги [1].

Несмотря на трудности военного времени, учреждения культуры и спорта выполняли агитационно-пропагандистскую, контролирующую, информационную и развлекательную функции.

Выступления творческих коллективов, танцы, киносеансы превращались для железнодорожников в настоящий праздник. Культурные мероприятия позволяли отвлечься от рабочих будней, на короткий срок вернуться к мирной жизни, ощутить радость общения. Коллектив станции Ковда писал в своем отзыве: «Мы выносим благодарность Правлению

клуба Кандалакша и членам бригады культвагона за их культурное обслуживание... Мы просим Правление клуба в следующем рейсе увеличить количество дней стоянки, также чаще бывать на нашей станции» [2].

Работники культуры и участники спортивных мероприятий, выезжая на отдаленные станции, проверяли жилищно-бытовые условия жизни железнодорожников, контролировали ход социалистических соревнований. Нередко в составе концертных бригад находились врачи, которые оказывали медицинскую помощь больным, осматривали детей [3].

В годы войны культурно-массовые мероприятия проводились не только на крупных узлах и отделениях, но и на линейных станциях. Культурные и спортивные учреждения являлись проводниками государственной идеологии. К клубам, творческим коллективам, спортивным командам прикреплялись лекторы и докладчики, которые открывали своими выступлениями все проводимые мероприятия.

Сведения о финансировании культурно-спортивных учреждений встречаются только за 1943-1945 гг. Архивные источники позволяют проследить динамику ассигнований. В 1943 г. было потрачено 63 тыс. руб., 1945 г. – 615 тыс. руб. Выделяемые денежные средства шли на приобретение коллективами художественной самодеятельности музыкальных инструментов, бутафории, пошив костюмов и т.д. Спортивные секции закупили 345 пар лыж, спортивные костюмы и оборудование (брусья, турники, кольца). Однако выделяемых средств было недостаточно. Требовались деньги на ремонт разрушенных объектов и их оснащение [4]. Тем не менее, увеличение финансирования культурно-спортивных учреждений в рассматриваемый период подтверждает их особое значение в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1750. Л. 55 об, 66.
2. НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1750. Л. 57.
3. Культ-вагон на полевых станциях // Кировская магистраль. 8 сентября 1942. – № 82. – С. 2.
4. НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1750. Л. 61 об, 65, 67.

«...ЗА РОССИЮ И СВОБОДУ ДО КОНЦА...»: 1917 ГОД В СУДЬБАХ ОФИЦЕРОВ КОСТРОМСКОГО ГАРНИЗОНА

Ковба В.И., канд. воен. наук, доцент,

Чугунов Е.А., канд. ист. наук, доцент

Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени

Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко г. Кострома, РФ

viktorkovba@yandex.ru, E.A.Chugunov@yandex.ru

Русский офицерский корпус в 1917 г. представляет собой значительный не только научный, но и политический интерес, поскольку именно офицерство сыграло важную роль в революционных событиях, надолго определивших историческую судьбу России.

Объективно исследовать политические симпатии и поведение офицеров невозможно без всестороннего учета изменений в русской армии, произошедших в годы Первой мировой войны [1], когда офицерский корпус претерпел глубочайшие качественные изменения. В первые же ее месяцы погибло более 50 % его кадрового состава. К 1915 г. эти потери составили до 2/3. В целях восполнения потерь была создана целая сеть офицерских училищ и школ прапорщиков, а в «русскую армию был возвращен упраздненный ранее чин прапорщика...» [2]. Это обеспечило армию в период с декабря 1914 по осень 1917 г. 220 000 офицеров (при общей численности офицерского корпуса к осени 1917 г. в 250 000 чел.). Осенью 1917 г. в среднем на пехотный полк приходилось 96 % офицеров, получивших погоны в военное время. Среди них до 80 % были выходцами из крестьян, 4 % – из дворян, остальные – из интеллигенции (студенты, служащие и т. п.).

Численно доминирующий разночинный состав офицерского корпуса в 1917 г. стал в масштабах всей империи ареной ожесточенной борьбы различных политических сил, участвовавших в революционных событиях. В этом смысле не были исключением и офицеры Костромского гарнизона [5]. Весной 1917 г., будучи либерально настроенными в массе своей, они приветствовали Февральскую революцию, давшую россиянам свободу и надежду на избавление от ужасов бесконечно затянувшейся войны, на достойное будущее.

Начальник гарнизона полковник Б.Н. Владычек отказался арестовать по требованию губернатора созданный в Костроме Временный революционный комитет и был поддержан офицерским собранием. 3 марта офицеры вывели войска на демонстрацию к зданию Городской управы и стали участниками создания военной комиссии при Костромском губернском объединенном комитете общественной безопасности (орган власти Временного правительства). Председателем комиссии был избран

поручик А. Фоминский (эсер), заместителем – военврач А. Городков (кадет), начальником охраны города – унтер-офицер Н. Огибалов (социал-демократ). В состав комиссии вошли и солдаты.

Офицеры гарнизона не препятствовали созданию ротных, батальонных и полковых комитетов. 4 марта за подписью начальника гарнизона вышло даже специальное постановление о порядке выборов в такие комитеты [4]. Соотношение офицеров и солдат в комитетах войск гарнизона было 1:2, тогда как в других гарнизонах Московского военного округа – 1:4 [5].

В мае в среде офицеров стали активно работать военные организации политических партий [6]. Вследствие этого офицеры утрачивают имевшее место в первые месяцы революции единство и втягиваются в политическую борьбу, разделяясь на сторонников социал-демократов, эсеров, кадетов, анархистов. Стараясь политически сплотить офицеров, командование гарнизона содействует созданию их общественно-политических организаций (Костромское отделение «Союза Георгиевских кавалеров» и др.).

Почти одновременно состоялось и создание Совета военных депутатов, к которому перешли функции Военной комиссии при Комитете общественной безопасности. Совет возглавили поручик А. Фоминский и военврач А. Городков. Ряд политически активных офицеров заняли значимые административные должности. Меншевик прапорщик А. Касаткин, будучи одновременно заместителем губернского комиссара Временного правительства, стал начальником милиции г. Костромы. Прапорщик Широкий возглавил Костромской уездный Совет крестьянских депутатов, затем был избран комиссаром того же уезда. Несколько офицеров вошли в состав Костромской Городской Думы. Офицеры гарнизона принимали активное участие в культурной жизни губернии. У истоков создания военного музея в Костроме стоял штабс-капитан Жохов. Офицеры Познанский и Близняков редактировали уездную газету «Галичанин».

Мятежное корниловское выступление в августе костромское офицерство приняло весьма сдержанно. Оно не поддержало его, но и, в отличие от солдатской массы, никак не осудило, что породило сначала взаимное недоверие, а затем – и открытое противостояние. Одним из примеров тому явилась выходка пьяных солдат, ворвавшихся в госпиталь и отобравших у находящихся на излечении офицеров оружие, включая именное, награды, личные вещи и др. Такого рода инциденты были неоднократными [7]. Попытки начальника гарнизона и офицерского собрания стабилизировать ситуацию успехом не увенчались [8].

Октябрьскую революцию костромское офицерство встречало, уже будучи разобщенным в плане политической ориентации. Большая его часть выступила против советской власти. В ходе разгоревшейся гражданской войны многие офицеры, служившие ранее в Костромском

гарнизоне, вступили в армии А.В. Колчака, А.И. Деникина, П.Н. Врангеля и т. д., что впоследствии стало причиной для их гибели в водовороте репрессий 1930-х гг.

Часть офицеров встала на сторону Советской власти, что сделало их врагами бывших сослуживцев, навсегда разделив на «красных» и «белых». Так, например, известно, что бывший прапорщик Г. Буриченков командовал 1-м Костромским советским полком и впоследствии даже стал генералом. Высокие должности в советский период занимал и бывший унтер-офицер Н. Огибалов [9] и т. д.

Следует заключить, что социально-профессиональный и возрастной состав, политические симпатии, недовольство затянувшейся войной обусловили в целом лояльную позицию офицеров Костромского гарнизона по отношению к Февральской революции 1917 г., признав которую они пытались включиться в созидание новой России и ее армии. Однако революционные события весны-осени политически разобщили их, а Октябрьская революция и вовсе разделила на два непримиримых лагеря. «...И вот вчерашние друзья, а иногда и братья, люди одного мышления, одного измерения... стали врагами не на жизнь, а на смерть...» [10] не только в масштабе одного гарнизона, но всей страны.

Список литературы

1. 100-летие начала Первой мировой войны (военное искусство и военно-технические аспекты). – М., 2014.
2. Иванцов Д.С. От России императорской к России советской: ряд штрихов к осмыслению вопроса кадровой преемственности в военном и культурном строительстве / Д.С.Иванцов, Е.А.Чугунов // 1917 год: от империи Романовых к советской империи. – Кострома: КГУ, 2017.
3. Ковба В.И. Костромской гарнизон в 1917 г.: хроника событий в контексте революционного процесса в провинции / В.И.Ковба, Е.А.Чугунов // Гуманитарные проблемы военного дела. Военно-научный журнал. – 2018. – № 4.
4. Торопов Л.Н. Солдатские комитеты Центральной России весной 1917 г. / Л.Н.Торопов // Вопросы истории. – 1957. – № 10.
5. Народная свобода. – 1917. – 5 июля.
6. Воля народа. – 1917. – 29 апреля.
7. Мариюшкин А. Трагедия русского офицерства / А.Мариюшкин // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. Российский военный сборник. – Вып. 17. – М., 2000.
8. Октябрь в Костроме. – Кострома, 1957.
9. В памяти народа. – Ярославль, 1988.
10. ГАКО. – Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 3. Л. 215.

ФАЛЕРИСТИКА КАК ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

Колбин В.Г., канд. ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкая государственная музыкальная академия
имени С.С. Прокофьева», г. Донецк, ДНР
avraimoff@gmail.com

Предмет истории – человек, человеческое общество.

Успехи и достижения исторической науки много в чём связаны с развитием вспомогательных исторических дисциплин. К ним относится фалеристика. Фалера (от латинского слова «phalera» – большая медаль или бляха с каким-либо изображением) была наградой за мужество. Её носили на груди римские легионеры как символ личного достоинства и отваги.

Фалеристика наряду с нумизматикой (наукой о монетах), геральдикой (наукой о гербах), сфрагистикой (наукой о печатях) – вспомогательная историческая дисциплина, изучающая награды.

Люди ещё не привыкли одеваться, но награды уже существовали: первобытная татуировка воина говорила о его подвигах и мужестве. С помощью наград человечество отмечало более достойных своих представителей.

Особые знаки, указывающие на храбрость владельца, возникли, по мнению учёных, в древней Греции. Там существовали округлые бляхи, которые крепились к уздечке коня. От древней Греции пошёл обычай награждать победителей Олимпийских игр.

Римская империя, опорой которой была могучая профессиональная армия, позаимствовала греческие награды и разработала на их основе гармоническую систему. Первой римской наградой был венец. Высшим венцом империи была «Корона Триумфале» («корона» в переводе с латинского языка – венец). Его получал только полководец-триумфатор. Сначала венец был лавровым, но позже листья изготавливались из золота. Он стал прототипом королевских и княжеских корон. «Корона цивка» из дубовых листьев вручалась тому, кто спас в бою товарища. «Корону валарис» вручали тому, кто захватил вражеский лагерь. Существовали венцы гражданских заслуг: Миртовый и Оливковый [1].

Во времена средневековья, возникают духовно-рыцарские ордена (от латинского «ордео» – организация), в которых чётко разработанная иерархия. Принадлежность к какому-либо ордену приводила к желанию продемонстрировать особенности в одежде. Одевание Тевтонского ордена было белым. На нём красовался вытянутый по вертикали чёрный крест с лучами, расширяющимися на концах. Тамплиеры носили серую мантию с красным прямым крестом на плече. Иоанниты надевали чёрную мантию с

белым «мальтийским крестом», концы которого раздвоены, как хвост ласточки.

На Руси своеобразные награды возникли в раннем средневековье, называли их гривнами. Это был, своего рода, шейный браслет из драгоценного металла. В русских княжествах она приняла наградные функции. Летописные данные двенадцатого столетия свидетельствуют о том, что в то время гривна и золотая цепь были особенными знаками. В Московской Руси обычай награждать цепью с крестом просуществовал довольно длительное время. Позже появился даже характерный термин, касающийся награждённого – «златоносец».

С приходом ко власти Петра I, наградная система приобрела новые черты. Появились многочисленные медали, связанные с событиями Северной войны («За взятие Шлиссельбурга», «За взятие Нарвы», «За победу при Лесной», «За Полтавскую баталию» и т.д.) [2]. Основывается особый русский орден Андрея Первозванного. Идея его создания позаимствована на Западе Петром I и приспособлена к российской действительности. Дело в том, что в Шотландии издавна существовал рыцарский орден Чертополоха. На цепи ордена был изображён колющий чертополох и девиз ордена: «Никто не коснётся меня безнаказанно». Учреждая этот орден Пётр I решил, что он будет выдаваться за «заслуги чрезвычайные». Первым кавалером ордена в 1699 году стал адмирал Ф. Головин. Лично Пётр I вместе со своим сподвижником А. Меншиковым в 1703 году получил этот орден за взятие двух шведских кораблей. Всего при жизни Петра I орденом Святого Андрея было награждено тридцать восемь человек.

В 1769 году императрица Екатерина II учредила «Военный орден Святого великомученика и Победоносца Георгия» (Святой Георгий издавна почитался на Руси как покровитель воинов). Знак являл собой золотой крест с белой финифтью и золотой обводкой по краям. В середине находился герб Москвы: на красном поле Святой Георгий в серебряном панцире. За всю историю России первая степень ордена (всего степеней было четыре) вручался только двадцать пять раз. Среди награждённых были: прославленный адмирал Ф. Ушаков, полководцы А. Суворов, П. Румянцев, Г. Потёмкин, Г. Орлов. Лишь двое из российских императоров удостоились этого ордена: Екатерина II, как учредительница, и Александр II, который сам себя наградил по случаю столетия ордена.

В 1807 году появился новый знак – «Знак отличия военного ордена для нижних воинских чинов», повторявший форму Георгиевского ордена. Этому знаку, известному в истории России под названием «Георгиевский крест», было суждено стать самой известной русской наградой. В 1856 году этот знак разделился на четыре степени: первые две – золотые, третья и четвёртая – серебряные. Про награждённого четырьмя крестами говорили – «полный георгиевский кавалер» или имеет «полный бант».

Георгиевский крест (официально так этот знак стал называться лишь в 1913 году) не следует путать с Георгиевским орденом. Орден предназначался только для награждения офицеров, крест же был чисто солдатской наградой.

В бывшем СССР был 21 орден и более 60 медалей. Особый интерес имеет высший военный орден страны – орден «Победа», утвержденный 8 ноября 1943 года.

Знак ордена представляет собой звезду диаметром 72 мм., лучи которой изготовлены из рубинов, имеющих обводку из бриллиантов. В центральном круглом медальоне были помещены золотые листья (дубовые и лавровые), обрамляющих стены и башни Кремля, а под ними – Мавзолей В.И. Ленина. Орден изготавливался из платины, вес бриллиантов – 16 каратов. Орден «Победа» №1 в 1944 году был вручен маршалу Г.К. Жукову. За годы Великой Отечественной войны было произведено 19 награждений орденом «Победа». Дважды им награждались генералиссимус И.В. Сталин, маршалы Г.К. Жуков и А.М. Василевский [3].

В истории фалеристики существует множество наград, которых не было и быть не могло. Это награды несуществующих государств или отчеканенных к событиям, которые не произошли. Были награды, выдуманные ради шуток или вследствие ошибки.

Можно вставить так называемые «бородовые знаки» времен Петра I. Это небольшие медали с изображением бороды и усов и надписью «пошлина взята» давались тем, кто откупился от бритья бороды – символа старого мира.

Через сто с лишним лет в Орловской губернии во время маневров войска ненароком вытоптали капустный огород местного помещика. Помещик чрезвычайно возмутился и пожаловался самому императору Николаю I. Царь отправил офицера для выяснения вопроса о компенсации убытков. Потерпевший отказался от денег и заявил. Что желает получить орден за свои страдания. Николай, не обделенный чувством «черного» юмора, приказал изготовить из железа пятифунтовую (чуть больше двух килограммов) медаль с надписью: «За капусту» и вручить пострадавшему, с предписанием носить ее на шее постоянно.

Список литературы

1. Всеволодов И.В. Беседы о фалеристике. Из истории наградных систем / И.В.Всеволодов. – М.: Наука, 1990. – С.13-14, 29-30.
2. Кузнецов А.А. Чепурнов Н.И. Наградная медаль / А.А. Кузнецов. – В 2-х. т. Т.1. – М.: Патриот, 1992. – С. 17-30.
3. Ионина Н.А. 100 великих наград / Н.А.Ионина. – М.: Вече, 2002. – С. 373-376.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР ЕДИНЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Крутова Л.А., канд. ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

krutova_l@mail.ua

После распада СССР в странах Прибалтики, на Украине, в Молдавии, Грузии и других республиках Союза местные националистические силы взяли курс на строительство мононациональных государств. К концу XX века в них уже сформировались полиэтнические и поликонфессиональные общества, что усложняло реализацию объявленных планов. Этим объясняется политика разрушения новыми властями сложившегося многоязычия и провозглашение языка так называемой титульной нации единственным государственным языком. Сложнее бороться с исторической памятью, отражающей пройденный общий путь преодоления трудностей и достижения побед советского общества. Она напоминает о приобретенном опыте совместного проживания разных народов в рамках одного большого государства и его преимуществах.

Общество (население), проживающее постоянно на определенной территории, является одним из основополагающих признаков государства. Важнейшая задача государственных деятелей заключается в обеспечении единства этого общества. Участвовать в решении данной задачи призваны политики, общественники, ученые, прежде всего гуманитарии, профессиональные историки.

Историческая память формируется на протяжении длительного времени, это не сиюминутный продукт. Принципиально важно, чтобы она формировалась как продукт научной деятельности исследователей, а не произвольного толкования исторических событий. В этом залог преемственности понимания гражданами истории своего государства, своего общества.

Показателен в этом контексте современный процесс изучения курса истории в Украине. Взят курс на разрыв каких бы то ни было связей с Россией, в частности, разрушение исторической памяти о единстве русского и украинского народов. Украинскими политиками, общественными деятелями и государством поддерживаются как истина в последней инстанции мифические утверждения об украинской нации как древнейшей в истории, об Украине – древнем центре цивилизации [1]. Переоценивание исторических фактов с ног на голову и распространение в обществе подобных знаний не могут обеспечить единения населения этой страны [2].

Прежде всего, старшее поколение современного общества Украины формировалось в иных условиях, когда история как предмет преподавания и как научная отрасль знаний базировалась на общепризнанных среди профессионалов методологических основах, что, однако, не ограничивало ученых в научных дискуссиях, в отстаивании своего взгляда на ход событий истории. При этом можно смело утверждать, что поколения советских граждан владели основными представлениями об отечественной истории, почитали героев своего Отечества и открыто демонстрировали им свое признание. Знали и имена недругов, врагов, предателей Родины, отношение к которым было если не откровенно враждебное, то нейтральное. Постепенно эти знания и представления передавались из поколения в поколение. В таких условиях историческая память выступала цементирующей, объединяющей силой общества.

В 1990 годы и особенно в начале XXI века молодежь Украины на всех стадиях своего взросления получила вместо объективной, последовательной и научно обоснованной истории своего Отечества гремучую смесь украинского интегрального национализма и русофобии [3]. У них сформировалось предвзятое представление о том, что во всех бедах Украины виноваты соседние народы. Национальными героями они называют теперь тех, кто боролся за господство («панування» – укр.) украинцев, сознательно уничтожая всех, кто не принимал такой идеологии: своих соседей – не украинцев и соотечественников.

Укрепившиеся в правительстве национал-радикалы, общественные активисты добиваются, чтобы школьный учебный процесс был нацелен на формирование украинского моноэтнического общества. Для этого и необходимо, с их точки зрения, разорвать, разрушить общую историческую память народов, сложившуюся за годы советской власти. Этой цели подчинена задача ее «исправления».

Итогом внедрения такой идеологии стал глубокий разрыв исторической памяти представителей старшего и молодого поколений современного украинского общества. Расходятся они и в оценках нынешних событий на Украине и вокруг нее.

В оценке сложившейся ситуации нужно учитывать также исторический фактор. Украина как государство исторически формировалось из разных территорий, на протяжении веков они находились в составе противоборствующих соседних государств. Население каждого региона, вошедшего впоследствии в состав Украинского государства, привнесло с собой особые, несколько отличительные от центрального украинского «ядра» языковые, бытовые и религиозные традиции, мировосприятие, даже способы ведения хозяйства. Эти особенности сохранились и до наших дней. Перечеркнуть их не удастся. Это значит, что у населения этих регионов сохраняется, и будет сохраняться своя, родная и понятная историческая память, свое отношение к историческим праздникам, героям и предателям.

Взятый украинскими политиками курс на утверждение в обществе националистической идеологии и русофобии, не способен объединить граждан. Наоборот, этот курс ведет к углублению противоречий как между поколениями, так и между населением разных регионов страны [4]. Одной из причин разобщенности современного общества Украины является разрушение общей исторической памяти. Именно она является существенным фактором, способной наряду с другими, объединять, а не разделять общество. Отсутствие общественного консенсуса никак не способствует становлению Украинского государства. Ведь без единства общества не может существовать государство как таковое.

Развитие современных событий требует защиты исторической памяти от попыток правых радикалов насильно разрушить ее. Неоценимый вклад в это благородное дело может и должно внести непосредственно общественность, та часть ее, которой дорого сохранения правды для последующих поколений.

Список литературы

1. Бебик В. Христос, Будда, Тутанхамон, Чингисхан – великие украинцы! И только Пушкин – еврей.../ [Электронный ресурс] :/ <https://rusvesna.su/authors/bebik-valeriy.html>. (дата обращения: 07.03.2015); Магомедова М. «У нас украли наше название. Как раз мы – русские» / [Электронный ресурс] :/ <http://www.vz.ru/world/2015/8/21/456991.html>. (дата обращения: 22.08.2015).
2. Спицын Е. Украинская историография как диагноз / [Электронный ресурс] :/ <https://rusvesna.su/authors/spicyn-evgeniy> (дата обращения: 08.09.2014).
3. Поубиваем всех в Кремле: обучающие книги на Украине с детства воспитывают русофобов / [Электронный ресурс]:/ <https://www.e-news.su/in-ukraine/296598-poubivaem-vseh-v-kremle-obuchayuschie-knigi-na-ukraine-s-detstva-vospityvayut-rusofofov.html> (дата обращения: 11.09.2019); По следам Оруэлла: в Украине предложили переписать учебники истории, в которых Россию называют другом/ [Электронный ресурс]:/ <https://www.e-news.su/in-ukraine/297075-po-sledam-oruella-v-ukraine-predlozhili-perepisat-uchebniki-istorii-v-kotoryh-rossiyu-nazyvayut-drugom.html> (дата обращения: 14.09.2019).
4. Иванова И. Сенсационная правда об украинском госперевороте из уст Коломойского / [Электронный ресурс]: / <http://www.voicesevas.ru/news/analytics/15462-sensacionnaya-pravda-ob-ukrainskom-gosperevorote-iz-ust-kolomoyskogo.html>. (дата обращения: 08.07.2015).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕХАНИЗМА «ИМПЕРИЯ-РЕГИОН» В ДОСТИЖЕНИИ ЕДИНСТВА И СТАБИЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Крылова В.К., канд. искусствоведения

ФГБУН «Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных
народов Севера. Сибирское отделение РАН», г. Якутск, РФ
kvkrepressgur@mail.ru

Ни для кого не секрет, что регионы реформирующейся Российской империи именно как самостоятельно сложившиеся территориальные единицы имеют огромное значение в ее развитии, так как в них сосредоточена вся ее жизнь, тогда как в столице соединено управление различными по уровню потребностей территориями. По отношениям между центром и территориями можно судить о том, в какой стадии развития находится государство. Соответственно, наилучшее управление государством, возможности его поступательного развития зависят от правильности отношений центра к периферии.

На примере совершенствования механизма управления восточной окраины Российской империи показать приоритетное значение административно-правовой организации в сравнении с её хозяйственным освоением.

Для России XIX век, начавшийся с кардинальных реформ, это время, когда «внутренняя «раздробленность» страны требовала от центра принятия серьезных мер по реформированию государственного устройства и обусловила усиление административной роли центральных органов в стимулировании процесса интеграции субъектов» [1]. Регионализация, как правило, не может быть не «связана с формированием и эволюцией сложных, основанных не только на организации, но и самоорганизации территориальных общностей и их структур, начиная с субрегиональных подсистем национально-государственных комплексов и заканчивая суперрегиональными образованиями. Потому что регион – это культурно-цивилизационное понятие. Являясь относительно самостоятельным, в то же время, он вовсе не самодостаточен как подсистема глобальной целостности. Вне ее взаимосвязи и взаимообусловленности он представляет собой просто территорию. Это обуславливает проблему способов межрегиональных взаимосвязей» [2].

Такой подход позволял стабилизировать социальные отношения в отдельной присоединенной окраине, осуществить взаимодействие власти-территории-народов, поэтому не удивительно, что «символы власти, а не освоение территории или плоды ее хозяйственной эксплуатации являлись свидетельством присоединения территории. Построение управленческой вертикали, доходящей до каждого жителя отдаленного населенного

пункта, заполнение властного вакуума являлось первым шагом «приобретения» нового пространства. В дальнейшем повышение управляемости регионами предполагало сокращение административной дистанции между органами, принимающими решение, и сферой его реализации. Эффективным решением этой проблемы стала деконцентрация власти, когда полномочиями наделялись традиционные институты самоуправления местного населения, при сохранении за ними определенной степени самостоятельности и базовых принципов формирования (выборность, коллегиальность, отчетность исполнительных органов перед представительными) [3].

Одним из знаменательных знаков того, что Российская империя перешла к реформированию системы управления, служил Манифест от 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права, который, в свою очередь был вызван уже устоявшимися формами имперского правления в таких странах, как Англия, Франция, Испания и др. Вместе с тем, вступив на путь создания рынка позже ведущих европейских стран, Россия широко использовала накопленный ими опыт организации производства. А создание системы местного самоуправления, введение института губернаторства положительно сказалось на решении многих хозяйственных и иных вопросов. Важнейшим шагом по пути обновления стали реформы 1860-80-х гг. – судебная, земельная, денежная, финансовая, кредитная, образовательная, местного самоуправления. С введением в 1897 г. золотого стандарта, российский золотой рубль обеспечил устойчивость российских денег. В 1882 г. был учрежден «Крестьянский поземельный банк», который выдавал ссуды крестьянам для покупки земли. В 1883-1886 гг. – отменена душевая подать. Несмотря на это в Восточной Сибири и, в частности, в Якутии вследствие обширности территории, природных, климатических условий, обременение ссудкой, результативность отдачи не была пропорциональна эффективности принятых мер правительством. Крестьянство постоянно не собирало требующихся от него налогов, в 1894, 1896 и 1899 гг. правительство предоставляло крестьянам льготы, полностью или частично прощая недоимки. Однако эти налоги крестьяне не выплачивали, хотя они и не были чрезмерными.

Образовательная реформа не только дала возможность открыть школы, но и учебные заведения с профильным образованием, расширить сеть университетов. В частности, Томский университет давал возможность молодому поколению сибиряков и, в частности якутянам, получить высшее образование с меньшими затратами.

В конечном итоге «опыт радикальных социально-экономических, культурных и общественно-политических преобразований, накопленный Россией, неоспоримо свидетельствует о том, что взаимовыгодные, динамично развивающиеся межрегиональные связи и отношения являются одним из важнейших условий социально-экономического роста страны,

общественно-политической стабильности и территориальной целостности государства» [4].

В свое время сибирские областники, среди которых В. Вагин, Г.Н. Потанин, Н.Н. Козьмин выступая с идеей реформы административно-территориального устройства страны, настаивали на разграничении полномочий центра и регионов, исходя из того, что Сибирь представляет собой экономически обособленную область, которая противопоставлялась современной России, а значит и государственному центру. Рассуждая о местных интересах, Г.Н. Потанин, подразумевал под ними «автономию провинции» [5].

Таким образом, к началу XIX в. система государственного управления в России в итоге имела много общего с так называемой континентальной моделью, прежде всего с французской системой административного и муниципального управления. В частности, характер отношений между выборными органами и центром определялся схожим порядком предоставления полномочий местным органам и осуществления административного контроля. В то же время, российское реформирование тем и отличалось от зарубежных стран, что шло сверху. По сути дела, это и обусловило его особенность. Результатом стало разработка комплексного регионально-территориального законодательства с учетом всех специфических особенностей края и создание особого «Учреждения для управления Сибирских губерний», действовавшего вплоть до начала XX в., позднее Первого и Второго Сибирских комитетов.

Список литературы

1. Суслов В.И. Российской империи Межрегиональные экономические отношения в годы реформ: состояние и перспективы / В.И.Суслов, Ю.С.Ершов, Н.М.Ибрагимов и др. // Регион: экономика и социология. – 2002. – № 1. – С. 17-31.
2. Байдаров Е.У. Центральная Азия: проблемы и противоречия интеграции / Е.У.Байдаров // Регионоведение Regionology. – 2011. – № 2. – С. 6.
3. Суворова Н. Г. Оформление низовой административно-территориальной структуры Сибирского региона Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в. 2001 Эл. журнал Сибирская заимка. Режим доступа: <http://zaimka.ru/suvorova-administration/>.
4. Астапов К.Л. Законодательное регулирование инвестиций в Российской Федерации на федеральном и региональном уровнях / К.Л.Астапов // Законодательство и экономика. – 2004. – № 5. – С. 35-43.
5. Волчек В.А. Осуществление имперской политике на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Автореф. дисс. д.и.н. – Томск. 2007. – С. 4-5.

ДОНЕЦКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ – ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ

Кузнецов Д.А.

ГУК «Донецкий республиканский краеведческий музей», г. Донецк, ДНР
archaeodon@gmail.com

2019 г. – юбилейный год для Донецкого краеведческого музея. 95 лет – практически вековой юбилей. Главная миссия музеев – сохранение культурного наследия, изучение, хранение и экспонированием памятников естественной истории, материальной и духовной культуры. Это неотъемлемая часть существования и развития человечества. XVII сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1972 г. зафиксировала, что «Повреждение или исчезновение любых образцов культурной ценности представляет собой пагубное обеднение достояния всех народов мира» [1].

Мировое сообщество по следам массовых разрушений объектов культурного наследия во время Второй мировой войны приняло в 1954 г. Гаагскую конвенцию о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, один из основополагающих принципов которой гласил, что «ущерб, наносимый культурным ценностям каждого народа, является ущербом для культурного наследия всего человечества, поскольку каждый народ вносит свой вклад в мировую культуру».

Вооруженные конфликты последнего времени только подтверждают актуальность защиты культурного наследия в период военных действий. И, к сожалению, это касается и нашего края.

Не менее важным является сохранение памяти об актах вандализма, документирование произошедших событий, так как в условиях современных информационных войн существует опасность искажения событий. Это и является целью данной работы. Накопление информации особенно о современном этапе музея также делает актуальным создание полноценной, обстоятельной истории музея.

В настоящее время состояние многих объектов культурного наследия Донецкой Народной Республики характеризуется как критическое. Причиной являются боевые действия, которые продолжаются по сегодняшний день. Одним из примеров может служить Донецкий Республиканский краеведческий музей, культурное наследие которого пострадало в ходе боевых действий.

Донецкий Республиканский краеведческий музей, (ДРКМ, ранее Донецкий областной краеведческий музей) был основан 24 декабря 1924 г. За время своего существования, музей постоянно пополнялся различными объектами культурного наследия региона. В фондах музея хранились более чем 150 тыс. экспонатов: коллекции палеонтологическая,

археологическая, нумизматическая, этнографическая, старопечатных книг и культовых предметов XVIII-XIX вв. и многое другое [2].

В 14, 20 и 23 августа 2014 г. Донецкий краеведческий музей, хранитель истории Донбасса, подвергся артиллерийским обстрелам ВСУ. Здание музея серьезно пострадало. В результате первых обстрелов была повреждена крыша и выбиты стёкла, наиболее пострадал зал этнографии, в экспозиции которого были выставлены иконы и украинские национальные костюмы. 20 августа 2014 г. были разрушены кровля и стены. Серьезным разрушениям подверглось северо-западное крыло здания. Здесь располагалась самая посещаемая экспозиция музея, посвященная растительному и животному миру Донецкого края. Под завалами перекрытий были погребены ценнейшие коллекции археологии и зоологии. Фотографии Антона Баешко задокументировали трагедию музея [3].

Еще один музейный объект, хранящий народную память, пострадал в результате артобстрела ВСУ. 18 июля прямое попадание мины разрушило внешнюю стену Музея 62 (8) Боевой Гвардейской Славы Армии Маршала Чуйкова В.И. (ул. Щорса, 69а.). Колоссальный урон нанесён экспозиции музея, пострадали стенды с фотографиями и экспонаты [4].

К спасавшим краеведческий музей сотрудникам подключились волонтеры и сотрудники МЧС. Удалось разобрать заваленные в ходе обстрелов фонды и изъять из-под завалов большее количество материалов, которые там хранились. В результате удалось сохранить материалы, представляющие огромное культурно-историческое значение не только для музея. В дальнейшем происходила реставрация отдельных, разрушенных в ходе обстрелов экспонатов. Другие экспонаты из поврежденных залов были убраны и упакованы, крупные предметы законсервированы, обмотаны тканью или специальной бумагой; их наиболее хрупкие части по возможности защищены – на случай новых обстрелов. Несмотря на сложную ситуацию, работа не прекращалась ни на день. Так, 90-летний юбилей музея отмечался в Военно-историческом музее Великой Отечественной Войны, расположенном в мемориале «Твоим освободителям Донбасс». Центральным мероприятием юбилея было открытие выставки из фондовых коллекций музея «Сокровища Земли Донецкой».

Одной из первых созданных выставок о современной войне стала выставка «70 лет спустя – борьба с фашизмом продолжается». В отдельном выставочном стенде были собраны вещественные доказательства обстрелов музея. Концепция выставки представляла совмещение целых и разрушенных объектов Республики на одном иллюстративном изображении. Предметный план представлял на нижнем ярусе выставки осколки снарядов и уничтоженные экспонаты музея (разорванные чучела, разбитые объекты археологии) [5].

Выставка была представлена в музейных учреждениях Российской Федерации и получила сочувственные отклики от жителей. «Маленькая

выставка о большом человеческом горе... Выставка представляет собой 19 фотографий на стендах. И это лишь малая часть зафиксированных на фотоаппарат свидетельств войны... На стендах серо-бордовые изображения разрушенных домов и социальных объектов. Рядом – их же цветные изображения, но в мирное время. Именно благодаря этому противопоставлению эмоциональная нагрузка на фотографии намного сильнее. Мирные улочки и дома сменяются разрухой. Зеленые деревца и трава засыпаны камнями и землей. Конечно, я буду советовать посетить эту маленькую выставку, которая несет в себе большой смысл. Равнодушным она не оставит никого» (Россия, Курск) [6].

На XIX Международном фестивале «Интермузей», который проходил в Москве в мае 2017 г. была представлена презентация «Археологическая реконструкция в музейной экспозиции». Восстановленные коллекции силами музейных работников были презентованы в момент, когда была актуальна тема восстановления археологических памятников Пальмиры.

В данный момент здание краеведческого музея полностью восстановлено. Открыто 12 новых, современных экспозиционных залов. Таким образом, пример ДРКМ показывает, что сохранение культурного наследия возможно только лишь при отсутствии негативно влияющих факторов, которые могут уничтожить те самые объекты, которые представляют ценность.

Список литературы

1. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 16 ноября 1972 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. – М., 1991. – Вып. XLV. – С. 482.
2. Донецкий Республиканский Краеведческий музей – Режим доступа: <https://drkm-dnr.ru/>
3. Разрушения Донецкого краеведческого музея в фотографиях – Режим доступа: <http://mincult.govdnr.ru/news/razrusheniya-doneckogo-kraevedcheskogo-muzeya-v-fotografiyah>
4. В Донецке при обстреле разрушен музей боевой славы – Режим доступа: [https://www.youtube.com > watch](https://www.youtube.com/watch)
5. В Донецком Республиканском Краеведческом музее открылась выставка «70 лет спустя, борьба с фашизмом продолжается» – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/v-donetskom-respublikanskom-kraevedcheskom-muzee-otkrylas-vystavka-70-let-spustya-borba-s-fashizmom-prodolzhaetsya>
6. «Маленькая выставка о большом человеческом горе... – Режим доступа: https://otzovik.com/review_4500715.html

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ КАК ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ: ВЗГЛЯДЫ ГЕОГРАФА И ИСТОРИКА

Минат В.Н.¹, канд. геогр. наук, доцент,
Соколов А.С.², д-р ист. наук, профессор

¹ ФГБОУ ВО «Рязанский государственный агротехнологический университет,
имени П.А. Костычева», г. Рязань, РФ

² ФГБОУ ВО «Рязанский государственный радиотехнический университет»,
г. Рязань, РФ

minat.valera@yandex.ru

В исторических исследованиях, посвященных формированию начальных государственно-территориальных образований Руси, используются такие, бесспорно, географические понятия как «эволюция территориальной структуры» (в частности, Котышев Д.М., 2015) или «территориальная организация» (Батулин Н.К., 2015), что, на наш взгляд, должно только способствовать углублению синтеза обеих наук, результатом которого является историческая география. Географами территориальная структура определена как «совокупность таких связей и между такими элементами, где обязательным условием их (связей) реализации является преодоление пространства (геопространства), а один из резервов оптимизации связей кроется в сокращении пространственных затрат энергии» [1].

В принципе территориальных структур может быть выделено сколько угодно, а проблема поиска территориальных структур – одна из задач современной географии.

Учитывая выдвинутый выше тезис, попытаемся, раскрыть территориальную структуру целостной системы под названием «государственная территория Древней Руси (Древнерусского государства)» в разрезе ее пространственно-временной эволюции. Однако, предварительно, на основе накопленного опыта исследования территориальных структур, отметим ряд важных моментов.

Первый. Территориальную структуру следует воспринимать и изучать не в качестве наглядной иллюстрации, а как объективно существующий структурный инвариант географической системы (геосистемы) – своего рода ее «территориальную константу» [2].

Второй. Государственная территория является географической системой, характеризующейся территориальной структурой, т.к. «... обладает хорошо различимыми системными характеристиками: внутренними (размещение и «мозаика» природных условий и ресурсов, населения, хозяйства, административного устройства и т.д.) и внешними

(характер географического и территориально-политического контакта с соседними государствами, размещение в региональной и глобальной системе территориально-политического размежевания, положение относительно различного рода межгосударственных группировок, важнейших центров мировой экономики и культуры, крупнейших международных коммуникаций, очагов военной и политической напряжённости)» [3].

Третий. Поскольку территориальная структура образно может быть определена как «слепок исторического развития» [4] всех объектов, явлений и процессов, происходящих на данной территории за определенное время, то государственная территория обязательно будет эволюционировать в рамках пространственно-временного континуума. Это означает, что «при всём многообразии подходов, которые так или иначе связаны с исследованием государственной территории, правомерно выделять особую, объектно-предметную познавательную область, где территория государства, являясь пространственной данностью особого рода, выступает в качестве объекта изучения, а соответственно, предметом изучения является её координатная, положенческая, площадная и конфигуративная эволюция» [5].

На основе комплексного использования системно-структурного и историко-географического подходов, нами было осуществлено исследование эволюции государственной территории Древнерусского государства, итогом которого стали некоторые результирующие выводы.

Во-первых, функциональное назначение государственной территории Древней Руси состоит в том, что она постепенно (с конца IX в.) становится сектором геосреды, в пределах которого конкретный социум (славянские, финно-угорские и другие местные племена и пришлые народы – условно «варяги») организационно отделив себя (окончательно в конце X – начале XI вв.) от иных, схожим образом организованных, человеческих сообществ, руководствуясь своими интересами, проводит территориальную деятельность (до второй трети (середины) XII в.).

Во-вторых, территория Древнерусского государства однозначно имеет первичный тип. Ее уникальность проявляется в объективном выборе ювенального (первородного) подтипа, хотя на определенных стадиях рассматриваемого нами столетнего хронологического отрезка, характерен мимотический (подражающий) подтип.

В-третьих, определяется наличие единой цели формирования государственной территории и осуществляемых в ее пределах объединяющих функций: политической, военной (захватнической, оборонительной), экономической (дань, налоги, хозяйство, торговля), транспортной (на «великих» путях) и т. д.

В четвертых, ярко выражен принцип компонентности государственной территории Древней Руси как целостной сложной территориальной системы, состоящей из элементов (государственная

граница, центры различного подчинения (столица, центры в системе полюдьа), территории и ареалы различного политико-административного подчинения, пути сообщения (реки, дороги и т.п.), оборонительные рубежи и др. Причем все указанные компоненты находятся в неразрывной связи, обеспечивая территориальную целостность государства.

В-пятых, структура государственной территории Древней Руси характеризуется пространственно-временной динамической устойчивостью в исследуемый хронологический промежуток с конца IX до второй трети (середины) XII вв.

В-шестых, целостность государственной территории Древней Руси как территориальной системы обуславливает ее обособленность, отграниченность от внешней среды, следовательно – выявление границ (принцип пространственного членения), в соответствии с принципами существования и эволюции целостной системы и внешней среды.

В-седьмых, нами выявлено формирование опорного каркаса государственной территории Древней Руси, отражающим главные, наиболее выпуклые черты, присущие государственной территории на данном этапе ее эволюции. Такими чертами в рамках «полиединой» территориальной структуры нашего объекта изучения выступают, например, система расселения, городские поселения, пути сообщения и иные вещественные элементы, связанные с развитием колонизации территории Древнерусского государства.

В завершении краткого обзора отметим, что осуществлена параметризация структуры государственной территории, которая, по нашему мнению, не может быть выполнена на основе строго определенных процедур и во многом определяется опытом и интуицией исследователя (т.е. носит эвристический характер). В итоге дана положительная оценка результативности динамики государственной территории Древней Руси, поскольку страна, прирастившая свою территорию (страна-реципиент), реализует тем самым какой-либо свой интерес или сразу несколько интересов. Данный итог для неё оказывается, несомненно, положительным.

Список литературы

- 1 Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь / Э.Б. Алаев. – М.: Мысль, 1983. – С. 62.
- 2 Полян П.М. Территориальные структуры в науке и практике / П.М. Полян, А.И. Трейвиш. – М.: Знание, 1988. – С. 8.
- 3 Шведов В.Г. Основы объектно-предметного изучения государственной территории / В.Г. Шведов // Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов, 2013. – № 2. – С. 86.
- 4 Полян П.М. Указ. труд. – С.8.
- 5 Шведов В.Г. Указ. труд. – С. 87.

ИДЕЯ СЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА В ПУБЛИЦИСТИКЕ И МЕМУАРАХ А.И. ГЕРЦЕНА

Молодова А.И.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва, РФ
arinamolodova@gmail.com

Проблема единства славянских народов, прежде всего восточных, возникает в современных реалиях. Геополитические направления в восточной Европе и вооруженный конфликт на Донбассе все больше его актуализируют. Для чего необходимо это объединение и необходимо ли оно вообще?

Вопрос о единстве славян возник еще в XIX веке, когда встала проблема приобретения славянскими народами самостоятельности и независимости. Идея славянского единства начала проникать в умы представителей данной этноязыковой общности в конце XVIII – начале XIX века, в связи с формированием их национального самосознания, возвращения к поиску своих корней и общей исторической памяти [7]. Отражение этих настроений начало появляться в произведениях известных публицистов того времени. В данной статье мы рассмотрим мнение об идее славянского единства такой масштабной личности как Александр Иванович Герцен.

А.И. Герцен – влиятельнейшая фигура второй трети XIX века, родоначальник народнической мысли, автор идеи русского социализма, его поистине можно назвать диктатором общественного мнения того времени. В его работах, особенно в тех, где он рассматривает ситуацию с Польшей, неоднократно поднимается вопрос славянского объединения.

Герцен считал, что славянские народы близки, исходя из их происхождения: «Славянский мир, в сущности, не так разнороден, как кажется. Под внешним слоем рыцарской, либеральной и католической Польши, императорской, порабощенной, византийской России, под демократическим правлением сербского воеводы, под бюрократическим ярмом, которым Австрия подавляет Иллирию, Далмацию и Ванат, под патриархальной властью Османлисов и под благословением черногорского владыки живет народ, физиологически и этнографически тождественный» [2]. Обращаясь к данной цитате, мы видим, что Герцен выделяет и еще одну общую черту, он пишет о несвободе славянских народов, все они по-разному, но были подвержены гнету.

Однако есть разница в этом угнетении. И из списка славянских государств тут выпадает Россия, которая не зависима от других держав. В Российской империи ситуация другая, она заключается в том, что начиная с Петра I, на российском престоле сидят «немцы». В этом мнении Герцен

сходится со славянофилами, и говорит о том, что именно с правления Петра Великого в умах народа начинает созревать идея национального самосознания. В «Былом и думах» Искандер об этом пишет так: «Славянизм, или русицизм, не как теория, не как учение, а как оскорбленное народное чувство, как темное воспоминание и верный инстинкт, как противудействие исключительно иностранному влиянию, существовал со времени обриту первой бороды Петром I» [1].

В 1859 году появляется статья А.И. Герцена «Русские немцы и немецкие русские», где автор подробно описывает ситуацию на русском престоле и в приближенном к нему кругу, несколько раз упоминая о том, что страной правят иностранцы, неспособные понять истинного желания, настроения народа: «все правительствующие немцы относятся одинаким образом к России – с полным презрением и таковым же непониманием» [3]. Из такого отношения выходит неспособность подобрать особый, характерный для России, для ее славянского народа путь развития, вместо этого был выбран путь западный, который пришлось насильно навязывать. «В самом деле, коли эти формы были хороши для таких аристократов, как французы, шведы, немцы, как же им не быть хорошими для русских мужиков; стоит сначала приневолить, обрить, посечь, и все пойдет как по маслу» [3], – пишет Искандер о методах навязывания чужеродных для русского народа идей.

Итак, возвращаясь к идее славянского единства в работах Герцена, стоит сказать, что Россия занимает в ней особое положение. Обращаясь к вышеизложенным цитатам, отметим, что главное место, по мнению Искандера, она займет, лишь освободившись от оков правителей – «иностранцев», освободившись от крепостного права. Об этом Александр Иванович говорит в письмах «Россия и Польша»: «Нам кажется, что Польша и Россия могут рука в руку идти одной дорогой к новой, свободной социальной жизни». И в этом же письме: «Если Россия, освободивши крестьян с землею, действительно взойдет в ту новую фазу жизни, о которой мы говорили, я не думаю, чтоб Украина захотела отделиться от нее. Она тогда не будет иметь тех причин, которые заставляли ее в половине XVII столетия бросаться к татарам, к Москве от дворянски-католического ига Речи Посполитой, а при Петре I отдаться шведам» [4].

Из приведенных цитат мы можем выделить следующее: если Россия станет на свой собственный путь развития, не вторя западным государствам, если она освободится от оков крепостничества и встанет на путь к построению социализма, то славянские государства потянутся за Россией, союз славян сможет возникнуть. Вот что пишет Герцен относительно значимости России для славян: «...вне России нет будущности для славянского мира; без России он не разовьется, он расплывается и будет поглощен германским элементом; он сделается австрийским и потеряет свою самостоятельность. Но не такова, по нашему мнению, его судьба, его

назначение» [2]. Таким образом, Россия должна была стать для славян тем «ковчегом», на котором другие славянские народы смогут спастись от «потопа» иностранных захватчиков и угнетателей.

На каких же началах Герцен предлагал построить этот союз? Александр Иванович не раз писал о том, что славянские народы должны соединиться в федерацию. «Славянский мир стремится к единству; это стремление обнаружилось тотчас после наполеоновского периода. Мысль о славянской федерации уже зарождалась в революционных планах Пестеля и Муравьева. Многие поляки участвовали в тогдашнем русском заговоре» [2], – пишет Герцен в статье «Русский народ и социализм».

Сам Герцен являлся ярким противником централизованного союза («Глубоко ненавидя всякую централизацию, я убежден, что соплеменные федерализации дают среду государственную несравненно более широкую, чем раздробление одного рода на отдельные части» [4]), тем более, союза славян под современной ему властью в России: «Само собою разумеется, что мы говорили о вольном союзе равных; мы никогда не говорили ни о завоевании, ни о рабском присоединении к России, мы вообще не говорили ни о каком соединении с Россией, пока в ней будет продолжаться Петербургское правление» [5]. Здесь мы снова видим отсылку к уже сказанному мнению Герцена по поводу неподходящего правительства, не видящего особого русского пути развития государства.

Обосновывая свой выбор в пользу федеративного объединения славян, Александр Иванович пишет об их свободолюбии, стремлении к равноправию и союзу на свободных началах: «Централизация противна славянскому духу; федерализация гораздо свойственнее его характеру. Только сгруппировавшись в союз свободных и самобытных народов, славянский мир вступит, наконец, в истинно историческое существование» [2].

Таким образом, мы понимаем, что Герцен был абсолютно за объединение славянских народов на федеративном уровне и свободных началах. Но интересен и еще один вопрос: какую роль играет Запад в славянском мире? Должны ли славяне жить автономно, полагаясь на себя, или же в этом союзе есть место представителям других этноязыковых групп? Мнение Герцена здесь однозначно, несмотря на разочарование его в западных идеях. Он считает, что «Будущее России зависит не от нее одной. Оно связано с будущим Европы» [2], то есть, абстрагироваться от западного мира не стоит, необходимо с ним контактировать, однако перенимать его идеи, его пути славяне не должны. По мнению Герцена, путь, который Россия прошла в послепетровский период – это опыт, который был «научением», однако от него пора уйти.

Итак, «славяне, – здоровая телом и душой раса» [6] должны объединиться, по мнению А.И. Герцена, и объединение это должно произойти в форме образования федерации, вхождение в которую должно обуславливаться свободой и желанием народов в нее вступить. Однако для

этого необходимо кардинально изменить всю систему управления и срубить под корень крепостничество в России. Идея Герцена, безусловно, интересна и имела право на существование, однако исходя из реалий того времени, она была утопичной.

Идея славянского единства обеспечивает выживание, сохранение славянских народов и стран, дает им возможность для дальнейшего мирного существования и созидательного развития. Эта идея была актуальна во времена А.И. Герцена, и остается таковой в современных реалиях.

Список литературы

1. Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 1-5. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1962
2. Герцен А.И. Русский народ и социализм [Электронный ресурс]. URL: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/le-peuple-russe-et-le-socialisme/russkij-narod-i-socializm.htm>
3. Герцен А.И. Русские немцы и немецкие русские [Электронный ресурс]. URL: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/kolokol-1857-1860/article-159.htm>
4. Герцен А.И. Россия и Польша. Письмо второе [Электронный ресурс]. URL: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/kolokol-1857-1860/rossiya-i-polsha-2.htm>
5. Герцен А.И. Россия и Польша. Письмо четвертое [Электронный ресурс]. URL: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/kolokol-1857-1860/rossiya-i-polsha-4.htm>
6. Герцен А.И. Du développement des idées révolutionnaires en Russie (О развитии революционных идей в России) [Электронный ресурс]. URL: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/idees-revolutionnaires-en-russie/vi-vi-panslavisme-moscovite-et-europisme-russe-vi-moskovskij-panslavizm-i-russkij-evropeizm.htm>
7. Лециловская И.И. Идеи общности славян в культурах славянских народов (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997

УДК 93/94+355/359

«СОРОК ПЯТЬ МИЛЛИМЕТРОВ»: РОДНЫЕ, СОВЕТСКИЕ

Новиков М.С., канд. ист. наук

Омский автобронетанковый инженерный институт – Филиал ФГКВОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева»

Министерства обороны РФ», г. Омск, РФ

bonid89@inbox.ru

Важным элементом современной информационной войны является принижение роли советских, а по сути российских, конструкторов артиллерийских орудий и боеприпасов в укрепление обороноспособности Отечества. Для этого используются обвинения их в копировании иностранных образцов и использовании дореволюционного наследства. Подобного рода утверждения встречаются как в зарубежной, так и в российской литературе, расходятся по интернету, в том числе и на патриотических ресурсах. Не редко подобный пропагандистский ход заявлен как восстановление «исторической справедливости» и часто

отправной точкой становится формальное сходство или близость калибров, знакомство советских конструкторов с зарубежными образцами. Наиболее явным образцом подобного подхода является история калибра 45-мм, применяемого в противотанковых, танковых и зенитных орудиях в 1930-1940 гг. Этот калибр был универсален и эффективен до начала Великой Отечественной войны.

Цель написания статьи заключается в опровержении основных утверждений, используемых для дискредитации советских, а по сути российских конструкторов.

Существует ряд утверждений, связанных с советским калибром 45-мм:

1. появился путём переделки дореволюционного калибра 47-мм;
2. заимствован у французов или американцев;
3. создан как максимально мощный, из пригодных для модификации немецкой 37-мм противотанковой пушки обр. 26.

Разберём первое утверждение. 47-мм орудия «Гочкинс» стояли на вооружение флотов стран Антанты и ограничено применялись в годы Первой мировой и Гражданской войны в России, для вооружения речных судов, бронепоездов, броневых автомобилей и в качестве зенитного оружия [1]. Однако всегда указывались следующие недостатки орудий: очень слабое осколочно-фугасное воздействие чугунной и стальной гранаты, которое часто ограничивалось выбиванием взрывателя; сложность наблюдения за попаданием снаряда; большая настильность, не позволяющая вести огонь по противнику, находящемуся за укрытиями [2]. Это предопределило начало работ в Советской России по калибру 45-мм, в рамках создания батальонной артиллерии. Наиболее успешными стали конструкторы Ф.Ф. Лендер представивший качающуюся часть орудий «малой» и «большой» мощности уже в 1923 г. и А.А. Соколов, представивший качающуюся часть орудий «малой» мощности в 1925 г. [3]. Орудия уже имели ряд значительных отличий от орудия «Гочкинс» и его снарядов: осколочно-фугасные гранаты и бронебойные снаряды, имели разный вес и начальную скорость; угол вертикальной наводки составлял до 40°; лафеты позволяли перекатывание силами расчёта. Утверждение о переделке калибра 47-мм в 45-мм базируется на том основании, что такое происхождение, имел снаряд Б-241 входивший в выстрел УБ-241М-579, 1 пункт номенклатуры из 13[4]. Однако пояснение о том, что со снаряда был снят ведущий поясок указывает на то что выстрел предназначался для отработки приёмов работы с орудием, снаряд не имеющий поясков не может получить вращение. Следовательно, мы имеем дело всего лишь с разумной утилизацией старых боеприпасов, а не с изготовлением нового калибра на основе старого. Первое утверждение не выдерживает критики.

Разберём второе утверждение. В трудах советских военных экспертов, упоминается 45-мм пушка завода Сен-Шамон (Франция), ещё одной пушкой калибром 45-мм французской разработки является Nordenfelt M1923. Исследование доступных источников по французским

орудиям 1920–1940 гг. не подтверждает их существования в Вооружённых силах Франции. Характеристики, наиболее похожей 45-мм пушки «малой мощности» Ф.Ф. Лендера, существенно отличаются от характеристик 45-мм французских пушек [5]. Найти подтверждение существованию американских полевых орудий калибра 45-мм даже в американской литературе не удалось, их минимальный калибр 75-мм. Американские танковые пушки указанного периода имели калибр 37-мм либо 57-мм [6]. Второе утверждение то же не выдерживает критики.

Разберём третье утверждение. На 28 августа 1930 г. когда советское и немецкое руководство подписывают секретный договор, по которому в СССР попадёт 37-мм противотанковая пушка обр. 26, на вооружении Рабоче-крестьянской Красной армии уже стоят 130 45-мм батальонных гаубиц обр. 1929 г., такое название при приёме на вооружение получила пушка «малой» мощности Ф.Ф. Лендера [7]. По сути, мы приходим к тому, что калибр 45-мм появился в СССР как минимум за полдесятилетия до 37-мм противотанковой пушки обр. 26. Описание процесса доработки 37-мм противотанковой пушки обр. 26. в 45-мм противотанковую пушку обр. 1932 г. как, «укрепление лафета...вставление в кожух новой трубы калибра 45-мм», выглядит фантастично [8]. Используемые в пушках снаряды отличаются по массе в 2,1–3,3 раза, а орудия имеют серьёзные конструктивные отличия. Советское орудие, созданное А.Г. Гинзбургом отличалось от прибывшего из Германии:

- использованием полуавтоматики вместо четверть автоматики, хотя первые пять лет полуавтоматика работала только с бронебойными снарядами;
- вертикальным затвором вместо горизонтального;
- разными принципами работы затворов немецкий – механического типа работал за счёт энергии отката, советский – инерционного типа работал за счёт инерции отката [9].

Третье утверждение не выдерживает критики.

В результате анализа утверждений и их проверки, на основе имеющейся отечественной и зарубежной литературы можно сделать вывод, что советский калибр 45-мм:

1. был оригинальной разработкой советских инженеров, достаточно далёкой по параметрам от дореволюционного калибра 47-мм;
2. не носил заимствованный характер;
3. создавался вне связи с немецкой 37-мм противотанковой пушкой обр. 26.
4. послужил основой для достаточно отличающегося от навязанного немецкого «предка» семейства противотанковых, танковых и зенитных пушек.

Список литературы

1. Широкопад А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии / под общ. ред. А.Е. Тараса. – Минск: Харвест, 2000. – С. 574.

2. Там же. – С. 346-347.
3. Лосик А.В. Деятельность Комиссии особых артиллерийских опытов (КОСАРТОПа) по созданию миномётного вооружения (1918–1927 гг.) / А.В. Лосик, К.В. Черенцова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12-3 (74). – С. 91-92.
4. Широкопад А.Б. Указ. труд. – С. 599.
5. Широкопад А.Б. Указ. труд. – С. 582; Zaloga S. J. T-26 light tank. Backbone of the Red Army (New Vanguard) / S. J. Zaloga. – Oxford: Osprey Publishing, 2015. – P. 392; Zaloga S. J. US Field Artillery of World War II (New Vanguard) / S. J. Zaloga. – Oxford: Osprey Publishing, 2007. – P. 54.
6. Zaloga S. J. Early US Armor: Tanks 1916–40 (New Vanguard) / S. J. Zaloga. – Oxford: Osprey Publishing, 2017. – P. 6-9.
7. Широкопад А.Б. – Указ. труд. – С. 579.
8. Шалковский А.Г. Создание противотанкового вооружения Красной армии / А.Г. Шалковский // Известия Российской Академии Ракетных и Артиллерийских Наук. – 2016. – № 4 (94). – С. 184–185.
9. Широкопад А.Б. Указ. труд. – С. 591-593.

УДК 94(477.6)«1941/1945»-053.4/6(093.3)

ОБРАЗ СРАЖАЮЩЕГОСЯ РЕБЕНКА В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Носков В.Ю., канд. ист. наук

ГОО ВПО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры»,
г. Макеевка, ДНР
n.v.vladimir@gmail.com

Великая Отечественная война явилась не только геополитическим, военно-техническим, экономическим, внешнеполитическим, но и ментальным, мировоззренческим, идеологическим противостоянием. Неотъемлемой частью Второй мировой войны стали пропагандистские технологии, направленные на мобилизацию вооруженных сил и населения, влияние на вражескую армию и жителей занятых территорий. С началом военных действий содержание советской пропаганды претерпело существенные изменения. Теоретические установки уступили место эмоционально насыщенным, художественно ярким образам. В этом контексте детские темы, сюжеты и мотивы превратились в одни из ведущих во всех формах и средствах пропаганды. Историческая, культурологическая и религиозная обусловленность заботы родителей о ребенке была и остается одним из ключевых системообразующих факторов воздействия на общественное сознание.

В условиях современных острых идеологических дискуссий, а также под влиянием характерного для 2000-х гг. масштабного применения манипулятивных практик закономерно вырос интерес отечественных исследователей к содержанию советской пропаганды периода Великой

Отечественной войны. В работах Е. С. Сенявской, О. В. Рябова, предметом исторического исследования стали образы врага [1], Родины [2] и т.д. Однако систематического анализа использования детских образов, в частности сражающегося ребенка, советской пропагандой 1941–1945 гг. еще не проводилось.

Цель работы – проанализировать особенности образ сражающегося ребенка в советской пропаганде 1941–1945 гг. Реконструировать его позволяют такие источники, как сообщения Совинформбюро [3], советские агитационные плакаты, мемуары участников Великой Отечественной войны и т.д.

Советская пропаганда первых месяцев войны инерционно использовала характерные для 1930-х гг. сюжеты об участии детей в поимке вражеских шпионов, диверсантов и парашютистов. Так, сообщение Совинформбюро от 2 июля 1941 г. рассказывало о бдительном житомирском пионере, выявившем и доставившем в милицию вражеского агента. Первое сообщение Совинформбюро о вооруженном сопротивлении несовершеннолетнего фашистам от 8 сентября 1941 г. описывало историю потерявшего семью 14-летнего А. Тышкевича. Подросток отомстил оккупантам за гибель семьи, уничтожив гранатой машину с немецким офицером, однако и сам погиб в результате ее взрыва. Вскоре после выхода сообщения П. Г. Антокольский положил его сюжет в основу «Баллады о мальчике, оставшемся неизвестным» [4]. Автор описал подвиг, но не называл имени деталей гибели героя, создав обобщенный образ.

Уже осенью 1941 г. начинаются существенные изменения в структуре пропагандистских детских образов. В 1942–1944 гг. Доминирующим становится образ ребенка-жертвы, много места уделяется образам ребенка-труженика и опекаемого ребенка, а вот образ ребенка, сражающегося с фашизмом, становится наиболее неоднозначным, фрагментированным среди других детских пропагандистских образов. Это положение сложилось неслучайно и обусловлено комплексом причин. Во-первых, такой подход диктовался формальной необходимостью для СССР в условиях войны соблюдать международные конвенции. Так, в ходе совещаний в Совинформбюро внимание редакторов специально обращалось на недопустимость публикации материалов, идущих вразрез с международными договорами и конвенциями. Во-вторых, явно сказывались соображения контрпропагандистского порядка. Советская сторона всячески отрицала обвинения противной стороны в мобилизации несовершеннолетних в РККА [5]. В-третьих, существовали и психологические причины. Проиллюстрировать их можно, обратившись к фрагменту документальной повести Е. Долматовского «Мгновения жизни Раи Балаговой». Писатель, будучи корреспондентом газеты Юго-Западного фронта, 7 апреля 1942 г. опубликовал заметку о подвиге девочки, спасшей эшелон в сильный мороз, но ошибся в ее возрасте:

«...подумал: может быть хорошо, что я назвал 7-й, а не 6-й класс. Ведь среди бойцов-читателей есть родители, они ужаснутся...» [6].

В то же время центральная идея Отечественной войны и, главное, реальное участие в сопротивлении фашизму несовершеннолетних заслуживали благодарного внимания и восхищения, требовали соответствующей агитации и прославления подвигов. В таком контексте сохранялась уже оформившаяся в 1941 г. практика информирования о подвиге, его типизации без дальнейшего пропагандистского сопровождения и развертывания. В статье Л. Черкашиной «Маша» о кубанской девочке М. Лихоглядовой, попавшей в 15 лет на фронт и получившей ранение при освобождении г. Сталино, акцент показательно сделан на боевом пути юной связистки, а не ее возрасте [7].

Наиболее целостным пропагандистским образом сражающегося ребенка стал образ героя-жертвы. Обреченный на неизбежную смерть, попавший в руки врага ребенок проявляет высокие моральные качества, патриотизм. Яркий пример такого сюжета представлен в сообщении Совинформбюро от 4 сентября 1942 г. – подвиг уроженца Ворошиловградской области тринадцатилетнего Н. Никифорова, который под пытками отказался указать оккупантам месторасположение партизанского отряда, и был казнен оккупантами.

Таким образом, в пропаганде периода Великой Отечественной войны формировании образа ребенка-героя акцент был сделан на сюжетах индивидуального и добровольного сопротивления несовершеннолетних в оккупированных районах. По политическим и контрпропагандистским соображениям освещение участия детей и подростков в боевых действиях регулярных воинских подразделений СССР не получило широкого распространения. Запрет был ослаблен лишь в конце войны в ходе генерализации образа советского военного детства. Важнейшую роль в его оформлении сыграла повесть В. Катаева «Сын полка», название которой и образ главного героя Вани Солнцева приобрели символическое значение.

На основе образ военного детства, сложившегося в советской пропаганде в 1944–1945 гг., сформировались основные послевоенные смысловые конструкции. Прославление боевого вклада детей в Победу стало базой ретроспективного образа военного детства с его возвеличиванием пионеров-героев – части общего идеологического образа Великой Отечественной войны. В его рамках были пересмотрены многие канонические персоналии. Так, признанные во время войны комсомольцами-героями В. Коробко, Л. Голиков, В. Курка и другие стали прославляться как пионеры-герои.

Список литературы

1. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е.С.Сенявская. – М.: РОССПЭН, 2006. – 288 с.

2. Рябов О. «Россия-Матушка»: Национализм, гендер и война в России XX века / Олег Рябов. – Stuttgart: ibidem-Verlag, 2007. – 290 с.
3. Сообщения Советского информбюро: в 8 кн. – М.: Издание Совинформбюро, 1944–1945.
4. Антокольский П. Собр. соч.: в 4 т. Т.2 / Павел Антокольский. – М.: Художественная литература, 1971. – С.20-22.
5. Долматовский Е. Было. Записки поэта. Новые страницы / Евг. Долматовский. – М.: Советский писатель, 1988. – С.217-227.
6. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Авторы-составители А.Я.Лившин, И.Б.Орлов. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. – С.426–427.
7. Черкашина Л. Маша / Л.Черкашина // Социалистический Донбасс. – 1943. – 5 декабря.

УДК 94(477):392

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ФЕНОМЕНА ПРАЗДНИКА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Пенькова О.Б., канд. ист. наук, доцент,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
moruzhenko63@mail.ru

Праздник как явление существовало во всех обществах и культурах, начиная с глубокой древности, когда с его помощью отмечались события космического цикла и заканчивая современностью. Сегодня праздник все чаще приобретает характер юбилеев, связанных с историей конкретного государства, его народа и героев.

Праздник является необходимым условием социального существования человека, проявлением его сути. Только человек, в отличие от других живых существ способен включать в свою жизнь радости других людей и культурный опыт прошлых поколений т.е. праздновать. Как древнейший и постоянно воспроизводимый элемент культуры, праздник в определенные периоды истории может оказаться в состоянии упадка, но полностью исчезнуть не может никогда. Это сложное и многогранное явление, все его компоненты тесно переплетены и взаимодействуют. Поэтому трактовать праздник как простую, механическую сумму составляющих было бы ошибкой.

Цель работы – выявить основные теоретические подходы к изучению феномена праздника в современной отечественной историографии.

Исследователи рассматривают феномен праздника через его генезис. Здесь можно выделить два подхода. Первый мы условно предлагаем назвать социально-трудовым. Он характерен для подавляющего большинства историков и этнологов.

Историк, фольклорист, исследователь русского народного праздника В.Я. Пропп, изучая годовой цикл, сравнивая праздники между собой, пришел к выводу, что частично они состоят из одинаковых элементов, иногда различно оформленных, но тождественных. Ученый предложил аграрно-производящую теорию, согласно которой связь праздника и трудовой деятельности является определяющей: праздничная обрядность, развлечения – это модель повседневного труда земледельца. Праздник, по Проппу, является продолжением трудовой деятельности [1]. С позицией Проппа соглашается историк А.А. Конович. По его мнению, праздники возникли на основе трудовой деятельности и представляют «постоянную линию ее художественного осмысления» [2]. Социальную сущность праздника демонстрирует А.И. Мазаев в своей историко-теоретической монографии. Он определяет праздник как «коммуникацию свободы»: праздник объединяет людей, давая ощущение свободы и коллективности [3]. Историк Д.М. Генкин рассматривает праздник как комплексное социально-педагогическое и культурное явление [4]. А.В. Бенифанд считает праздник «социальным институтом», сущность которого невозможно постичь вне социальной деятельности человека [5]. Этнограф Л.А. Тульцева определяет праздник как важнейший компонент социокультурной жизни общества и социальных отношений [6].

Но социально-трудовой подход ограничивает перспективы исследования феномена праздника, рассматривая человека, прежде всего, как рабочую силу и часть социума, а не как самоцель.

Второй подход в изучении генезиса праздника можно условно обозначить как психолого-эмоциональный. Он характерен прежде всего для философских и культурологических работ и, в определенной степени, противопоставляется «трудовым» теориям. По мнению авторов, в самой природе человека заложена потребность в праздновании.

Универсальной является концепция праздника, выдвинутая М.М. Бахтиным в монографии «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». По его мнению, праздник не просто в художественных формах отображает жизнь, он и есть сама жизнь. Сущность праздника объясняется посредством так называемой «смеховой культуры». Праздник, по Бахтину, это явление культуры, имеющее психолого-эмоциональную природу [7].

С позицией метра соглашается исследовательница из Томска, И.В. Гужова. Она считает, что «праздник – не попытка забыться, а форма активизации социокультурной памяти, в нем ярко выражена аксиологическая доминанта» [8]. Философ из Тюмени Филатова Е.А. в диссертации выносит на защиту следующее положение «Праздник – это временной отрезок, представляющий собой событие, т. е. высказывание за рамки повседневности, связь сакрального и профанного миров и смыслов, объединяющие в едином действии всех участников события» [9].

Культуролог из Санкт-Петербурга О.Л. Орлов в докторской диссертации раскрывает феномен российского праздника, отражающего взаимообогащающее воздействие светских и религиозных факторов национального менталитета народов России. Автор осуществляет комплексный анализ исторических, социокультурных, религиозных, народных корней российских праздников, дает оценку семиосферы праздников в российском культурогенезе, прослеживает влияние как мировой, так и отечественной, в том числе и постсоветской, культуры на формирование праздничных традиций современного российского государства [10].

Таким образом, в отечественной историографии сформировались различные методологические подходы к изучению феномена праздника, который можно характеризовать как социально-культурное явление. В комплексном конкретно-историческом исследовании необходимо учитывать и социально-трудовой и психолого – эмоциональный подходы.

Список литературы

1. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования) / В.Я. Пропп. – Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1963. – 264 с.
2. Конович А.А. Театральные праздники и обряды в СССР / А.А. Конович. – М.: Высшая школа, 1990. – 208 с.
3. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление / А.И. Мазаев. – М.: Наука, 1978. – 392 с.
4. Генкин Д.М. Массовые праздники / Д.М. Генкин. – М.: Просвещение, 1975. – 98 с.
5. Бенифанд А.В. Праздник: сущность, история, современность / А.В. Бенифанд. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1986. – 228 с.
6. Тульцева Л.А. Современные праздники и обряды народов СССР / Л.А. Тульцева – М.: Наука, 1985. – 192 с.
7. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса – 2-е изд. / М.М. Бахтин – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
8. Гужова И.В. Праздник как феномен культуры в контексте целостного подхода: Автореф...кан. филосф. наук: 09.00.13 / И.В. Гужова – Томск: Томск. гос ун-т, 2006. – 18 с.
9. Филатова Е.А. Праздник как ритуально-игровое событие: Автореф...кан. филосф. наук: 24.00.01 / Е.А. Филатова – Тюмень: Тюменск. гос ун-т, 2013. – 20 с.
10. Орлов О.Л. Российский праздник как историко-культурный феномен: Автореф... доктор культурологии: 24.00.01 / О.Л. Орлов – Санкт-Петербург, 2004. – 24 с.

ОГОРОДНИЧЕСТВО РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Писаренко И.С., доцент

Кемеровский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», г. Кемерово, РФ
kemnavka2019@mail.ru

В 1941-1945 гг. рабочие и служащие тыловых районов СССР внесли существенный вклад в решение продовольственной проблемы в стране. Так, если в начале Великой Отечественной войны около 5 млн. человек занимались выращиванием на своих огородах картофеля и овощей, то в 1944 г. – эта цифра составила уже 16,5 млн., а в 1945 г. выросла до 18,6 млн. человек [1].

Посевные площади под индивидуальными огородами выросли с 430 тыс. га в 1942 г. до 1415 млн. га в 1944 г., и расширились до 1626 тыс. га в 1945 г. К концу земля под личными подсобными хозяйствами горожан составляла более 17 % посевных площадей картофеля и овощей в стране [2].

Урожай, собранный рабочими и служащими, занимал значительный удельный вес в общесоюзном производстве продовольствия. Так если, в 1942 г. доля картофеля, собранного со своих огородов горожанами, составляла 7,2 %, то в 1944 г. она увеличилась до 12,8 % [3]. В среднем каждая городская семья, имевшая земельный участок, получала в последние годы войны количество картофеля и овощей необходимое до урожая будущего года [4].

В 1942-1945 гг. во Всесоюзное движение огородников включились рабочие и служащие Кузбасса.

Уже в начале весенне-летнего сезона 1942 г. партийные, советские и профсоюзные организации предприятий и организаций Кемеровской области начали проводить разъяснительную работу среди рабочих и служащих. Они оказали огородникам посильную практическую помощь в организации огородов.

В феврале 1942 г. руководство Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов (ВЦСПС) отмечало, что «в профсоюзные организации поступает большое количество заявлений с просьбой об оказании помощи в отводе земельных участков. Желание иметь индивидуальные огороды высказывают не только рабочие и служащие промышленных предприятий и шахт, но и служащие учреждений крупных городов» [5].

7 апреля 1942 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих». В соответствии с ним областные исполкомы

Советов депутатов трудящихся были обязаны выделять горожанам пустующие участки Государственного фонда в пригородных зонах под личные подсобные хозяйства. Семьям рабочих и служащих предоставлялось право использования под огороды земельные участки площадью 0,15 га [6].

4 ноября 1942 г. Совнарком СССР принял постановление «О закреплении за предприятиями и учреждениями земельных участков, отведенных под индивидуальные и коллективные огороды рабочих и служащих». В нём был установлен семилетний срок пользования горожанами огородным участком. В случае ухода рабочего или служащего с работы, он лишался права пользоваться огородным участком [7]. Эта мера стала дополнительным стимулом для поощрения передовиков и закрепления рабочих на предприятиях.

Свой вклад в развитие огородничества вносили и торговые организации Кузбасса. Они продавали горожанам семена, удобрение и необходимый инвентарь, а осенью по справкам отделов рабочего снабжения (ОРСов) соль для консервирования овощей на зиму.

В годы войны основное руководство работой по организации и развитию личных подсобных хозяйств рабочих взяли на себя профсоюзы. Так, 5 января 1942 г. Секретариат ВЦСПС принял постановление «О расширении индивидуального огородничества среди рабочих и служащих в 1942 году», в котором обязал профкомы оказывать помощь рабочим и служащим в обработке земельных участков и организации хранения собранного урожая.

В 1943 г. по инициативе профсоюзов на крупных предприятиях и шахтах Кемеровской области для огородников в теплицах подсобных хозяйств было организовано выращивание рассады. Эта мера позволила практически полностью удовлетворить потребности горожан в рассаде капусты и помидоров.

Уже в 1943 г. коллективное и индивидуальное огородничество достигло в Кузбассе широкого размаха. Около 450 тыс. рабочих и служащих области имели собственные посеы на площади в 1,7 тыс. гектаров. Показательно, что средний месячный урожай картофеля и овощей, полученный одним огородником уже в 1942 г., был в 3 раза выше, чем в целом по стране, а в 1945 г. – в 4 раза выше [8].

Таким образом, можно утверждать, что население Кузбасса (да и всей страны) в годы войны выжило, во многом, благодаря картофелю и овощам, со своих огородов.

Список литературы

- 1 История Советского рабочего класса. В 6 томах: Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1938 – 1945 гг. М., 1984. Т. 3. – С. 76.
- 2 Государственное казенное учреждение Кемеровской области «Государственный архив Кемеровской области» (далее ГКУ КО ГАКО). – Ф. 7490. Оп.4. Д.140. Л. 144.

- 3 Там же. – Л. 36.
- 4 Акименко Г.В. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по развитию подсобных хозяйств предприятий и учреждений, индивидуальных огородов рабочих и служащих в годы великой отечественной войны (1941-1945 гг.): диссертация канд. ист. наук: 19.09.1987. Кемеровский гос. университет, Кемерово, 1987. – С. 264.
- 5 ГКУ КО ГАКО. – Ф. 7490. Оп.4. Д.140. Л. 14.
- 6 ГКУ КО ГАКО. – Ф.790. Оп.1. Д.1. Л. 44.
- 7 История Советского рабочего класса. В 6 томах: Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1938 – 1945 гг. М., 1984. Т. 3. – С. 108.
- 8 Акименко Г.В. Указ. труд. – С. 248.

УДК 94 (47). 084.8

РАБОЧИЙ КЛАСС МОСКВЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Прохоров М.Ф., д-р ист. наук, профессор

Институт туризма и гостеприимства (г. Москва) (филиал) ФГБОУ ВО
«Российского государственного университета туризма и сервиса», г. Москва, РФ
mfp@mail.ru

Приближающаяся 75 годовщина Великой Победы над фашистской Германией вновь заставляет задуматься россиян о причинах этой победы. Отметим, что ее истоки неразрывно связаны с трудовым героизмом советских людей. В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. значительный вклад в победу над врагом внес рабочий класс Москвы. Учитывая обширный материал темы, ограничим ее территорией Филей, входящей в состав Киевского района столицы. Перед войной здесь располагались такие предприятия как авиационный завод № 22, трубный завод «Красная труба», Мосхладокомбинат № 8, «Коммунальник», «Москватоль», 1-й Московский приборостроительный завод (1-й МПЗ), 2-й Московский авторемонтный завод (2 МРАЗ), 3-й троллейбусный парк. Специально вопрос о жизни тружеников заводов и фабрик Филей в исторической литературе изучался недостаточно [1].

В основу статьи положены документы, извлеченные из Центрального муниципального архива г. Москвы (ЦМАМ) и Отдела хранения документов общественно-политической истории Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГА г. Москвы, ОХДОПIM): приказы, распоряжения, сводки, отчеты предприятий, воспоминания рабочих.

С первых дней Великой Отечественной войны Филевская местность превращается в западный форпост столицы. В октябре 1941 г. в Москве было объявлено осадное положение. В связи с постоянными воздушными налетами на столицу началась массовая эвакуация филевских предприятий в Казань, Свердловск, Энгельс, Куйбышев. С предприятиями выезжали

рабочие и служащие с семьями, остальные работники переводились на казарменное положение, обслуживали оставшееся оборудование, направлялись на трудовой фронт или подлежали увольнению [2–6].

В тяжелых условиях военной зимы 1941-42 гг. предприятия Филей, используя внутренние резервы и героическую самоотверженность людей, достигают значительных трудовых успехов. Налаживалось производство боеприпасов, оружия, военного оборудования, ремонт танков, машин. На базе ряда эвакуированных заводов и фабрик возникли новые предприятия или мастерские по выпуску военной продукции. В декабре 1941 г. на месте авиационного завода № 22 был создан аналогичного профиля завод № 23. [7–9].

Победа Красной армии над врагом в ходе Московской битвы создала благоприятные условия для подъема промышленного производства и увеличения помощи фронту. С января 1942 г. началась реэвакуация многих филевских заводов и фабрик. Перед предприятиями стояла задача в короткий срок провести монтаж оборудования, обучить кадры и обеспечить выпуск военной продукции. Были взяты на учет все оставшиеся от эвакуации станки, инструменты и сырье. Рабочие умельцы сумели восстановить практически непригодное оборудование [10,11,12].

Только с внедрением новых технологических процессов и роста движения рационализаторов и изобретателей позволило сократить трудозатраты и повысить производительность труда. В 1943-1945 гг., выпуск продукции на предприятиях Филей заметно возрастает. На заводе «Москватоль» в результате внедрения поточной линии производительность труда увеличилась в 2,5 раза. Совершенствование технологических процессов на Мосхлагокомбинате № 8 позволило в первом полугодии 1944 г. получить прибыль в размере 10,8 млн. руб. На заводе «Красная труба» внедрение рацпредложений способствовало увеличению производительности труда на 25-30 %.

В годы войны резко менялись условия труда. На предприятиях вводился строгий административный контроль над производственной и трудовой дисциплиной. Нарушителей ждало суровое наказание, включая тюремное заключение. Рабочий день был увеличен за счет сверхурочных работ на один- три часа, отменялись отпуска, но с соответствующей денежной компенсацией. В будничной трудовой жизни нередко отменялись выходные дни, рабочие и служащие привлекались к трудовым повинностям (заготовка топлива, помощь колхозам и совхозам, работа на заводских подсобных хозяйствах и т.п.). Рабочий завода № 23 М. Бергирин вспоминает, что в войну «работали все по 11 часов, выходных не было, в праздничные дни тоже работали» [13,14,15].

Трудовой энтузиазм рабочих и работниц стимулировался как морально, так и материально. Трудовой подвиг рабочих проходил под лозунгами: «В тылу как на фронте!», «Все для фронта, все для победы!».

На заводах и фабриках наблюдается рост новаторских методов труда и массового изобретательства.

В военные годы важную роль в выполнении производственного плана играло социалистическое соревнование, организованное на всех предприятиях, которым было охвачено 70% рабочих. Среди рабочих активно ширится движение стахановцев и ударников труда, которое активно поддерживается руководством и общественными организациями предприятий. В 1942 г. на заводе «Москватор» насчитывалось 85 (28%) стахановцев и ударников труда. Четкая организация движения передовиков производства была налажена на авиационном заводе № 23. Здесь уже в 1942 г., то есть с начала эксплуатации завода, развернулось соревнование за получение звания почетного мастера и лучшего рабочего профессии. Победители получали денежную премию в размере от 250 до 700 руб., их имена заносились на Доску почета завода. Некоторые из заводских стахановцев (Н.Селин, Б.Лазарев) достигали выдающихся трудовых успехов, выполняя за один год три годовых нормы. По инициативе молодежи во всех цехах завода создавались фронтовые бригады, которые работали по принципу: «Не уходи, пока не выполнишь план». Некоторые бригады выполняли дневные и месячные нормы на 200-250 %. В производственных коллективах появляются и другие формы трудового движения: многостаночников, двухсотников и т.п. Отдельные рабочие достигали высоких трудовых успехов. Так, на заводе «Красная труба» рабочие стали осваивать работу на двух и более станках [16–19]. О суровой будничной жизни рабочих военного времени вспоминает работник завода №23 М.Бергирин: «Хлебный паек составлял 700 гр., а за участие в трудовинностях полагался дополнительный «стахановский» обед: солянка из капусты без жиров» [20].

Итак, несмотря на тяжелые условия жизни военного времени, рабочий класс Филей, как и все советские люди, сумел их перенести и внести свой посильный вклад в победу над германской агрессией.

Список литературы

1. Дорога длиной в пятьдесят лет. – М.: «Радио и связь», 1984. – 168 с.
2. Русов В.А. 25 лет работы Филевского автобусно-троллейбусного парка / В.А. Русов. – М.: Стройиздат, 1966. – 136 с.
3. Центральный муниципальный архив г. Москвы (далее – ЦМAM) – Ф. 116. Оп. 1. Д. 12. Л. 20, 28, 57.
4. ЦМAM. Ф. 116. Д. 14. Л. 1-2.
5. ЦМAM. Ф. 116. Д. 20. Л. 115.
6. ЦМAM. Ф. 116. Д. 31. Л. 1-2.
7. ЦМAM. Ф. 116. Д. 20. Л. 98.
8. ЦМAM. Ф. 116. Д. 12. Л. 8, 13.
9. ЦМAM. Ф. 116. Д. 217. Л. 2, 34, 51-52.
10. ЦМAM. Ф. 116. Д. 27. Л. 2.
11. ЦМAM. Ф. 574. Д. 1. Л. 247.

12. ЦМAM. Ф. 574. Д. 5. Л. 258.
13. ЦМAM. Ф. 116. Д. 27. Л. 12.
14. ЦМAM. Ф. 574. Д. 54. Л. 5-14.
15. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 64. Л. 72.
16. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 4. Оп. 12. Д. 59. Л. 11.
17. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 64. Л. 88, 243.
18. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 4. Оп. 34. Д. 20. Л. 51.
19. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 242. Л. 5-7.
20. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 72. Оп. 4. Д. 2. Л. 128.

УДК 908

ВОПРОС О ЗАЩИТЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ 1750–1760 гг.

Пузанов В.Д., д-р ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет»,
г. Шадринск, РФ
alan1971@bk.ru

В 1755 г. войско Китая, численностью в 200 000 чел. вторглось в Джунгарию, разгромив государство ойратов [1]. В результате распада Джунгарии в 1757-1758 гг. обострились международные отношения на юге Сибири. 9 сентября 1757 г. Коллегия иностранных дел Российской империи представила в Сенат, что Якутского полка, находящегося в Селенгинске, недостаточно для защиты пространств Восточной Сибири и необходимо прибавить к нему еще 4 пехотных полка, из которых 2 сосредоточить в районе Селенгинска, а 2 в районе Нерчинска. Главные силы полевой русской армии в это время участвовали в тяжелой Семилетней войне в Европе. В результате правительство отправило в Сибирь нерегулярные силы. В 1758 г. Конференция при высочайшем дворе направила в Сибирь 3 нерегулярные команды – 1 000 яицких казаков, 1 000 донских казаков, а также команду башкир и мещеряков.

10 марта 1757 г. по донесению Военной коллегии Сенат приказал усилить военные части Сибири, наполнить людьми Якутский полк, а также сформировать новые батальон и роту из сибирских, не положенных в подушный оклад детей солдат, казаков и ссыльных. Кроме того, планировалось направлять в эти формирования солдат армейских и гарнизонных полков империи. Военная коллегия просила также согласия Сената на переброску на восток полка сибирского гарнизона. Батальон и рота на востоке комплектовались также из военных частей Западной Сибири, в частности в 1757 г. две роты были срочно посланы в батальон на ямских подводах из Тобольска. Особую озабоченность Сената вызывала проблема безопасности Колыванских заводов [2].

В 1759 г. губернатор Сибири Ф. И. Соймонов сообщил в Сенат, что на русских рубежах юга Сибири «состоит крайний недостаток» военных сил. На расстоянии 360 верст от Кузнецкой линии до Иркутской линии, по данным губернатора, вообще не было никаких караулов. Только в Западной Сибири на Иртышской и Тобольской линиях имелось «великое регулярных и нерегулярных войск число», откуда можно было направить подкрепления на восток.

Ф. И. Соймонов предложил организовать защиту Восточной Сибири, сформировав 4 ландмилицких регулярных конных полка. Во время формирования ландмилицких полков Соймонов планировал временно командировать на восток по роте из армейских драгунских и гарнизонных полков, а также часть городских казаков и посадских людей двух восточных городов Иркутска и Енисейска, чтобы создать сводный полк в 1 000 чел. [3]. По плану Ф. И. Соймонова ландмилицкие полки формировались из 4 рот армейских и гарнизонных полков, 400 казаков Иркутска и Енисейска. 24 августа 1761 г. Сенат приказал включить в них 200 посадских людей Иркутска и Енисейска, «тех, кто купечества и ремесла не имеют» и зачесть в будущие рекрутские наборы.

Губернатор Ф. И. Соймонов предложил создать ландмилицкие полки из выписных казаков Западной Сибири по типу украинских провинций Российской империи и заселить ими юг Нерчинского и Селенгинского уездов. План Ф. И. Соймонова преследовал цели как политические — укрепление военной мощи империи на востоке, так и экономические — заселение малолюдных восточных провинций империи и развитие там хлебопашества. Ф. И. Соймонов рассчитывал, что укрепление военных сил таким образом увеличит влияние империи на ближайшие народы, которые «видя во оное недовольное число войска надлежащего уважения империи вашего императорского величества не делают» [4]. В 1760 г. Сенат провел 4 заседания по доношению Коллегии иностранных дел и губернатора Соймонова о последствиях разгрома Джунгарии и согласился с мнением Ф.И. Соймонова. Сенат приказал начать формирование 4 ландмилицких регулярных конных полков.

Однако план Ф.И. Соймонова был отклонен в 1763 г. в результате критики членов Военной коллегии З. Чернышева и А. Голицына, которые заметили, что в случае его выполнения выписные казаки, большая часть которых жила в районе р. Тобола, будут разорены переселением, а для государства пользы будет мало, в службу все равно годен только каждый 25 из записанных в службу выписных казаков. Империя все равно не получит хороших солдат, если им придется совмещать военное дело и земледелие — «употребленные к земледелию совсем отделенными от военных людей быть должны, ежели солдат определен будет к земледелию без знания своего ремесла останется, в случае нужды к обороне к тому неспособен» [5]. Предложения Ф.И. Соймонова оказались несвоевремен-

ными, очень скоро в 1767 г. украинские ландмилицкие полки были распущены и на их базе образованы регулярные полки.

Нетрудно заметить, что теперь в основу формирования военных сил был положен совсем другой принцип, еще недавно члены Военной коллегии совершенно не боялись сочетать военную службу и земледелие. Генералы предложили формировать военные силы из беглецов, возвращенных из Польши. Из состава Якутского пехотного полка по требованию коменданта Селенгинска Якоби была исключена команда из 256 солдат и офицеров, находившаяся на Камчатке, которая не могла поддержать полк в случае войны с Китаем. Якутский полк был после этого укомплектован до штатного состава сибирскими рекрутами.

Из Тобольска на восток был переброшен батальон, на базе которого из казаков и крестьян началось формирование драгунского полка и конной гренадерской роты. К августу 1762 г. из 4 рот полков Западной Сибири, 400 казаков Енисейска и Иркутска, 200 посадских и цеховых людей был сформирован Якутский конный ландмилицкий полк в 1 000 человек. 22 августа 1762 г. Губернатор Сибири Ф. И. Соймонов сообщил в Сенат, что на создание новых полков денег в губернии нет. Сенат направил рапорт Соймонова в Воинскую комиссию при Военной коллегии, которая предложила за счет ресурсов России создать в Сибири особый корпус из 2 карабинерных и 5 пехотных полков.

В результате к 1764 г. Российской империи удалось сформировать в Восточной Сибири два полка. По данным Военной коллегии, в Восточной Сибири в 1764 г. служили Якутский пехотный полк, в котором по штату полагалось быть 1819 чел., Якутский ландмилицкий полк в 780 драгун, конные гренадеры 100 чел. – всего 1164 чел., гренадерская рота при Якутском полку 126 чел., – всего 3 109 чел. по штату. По списку в полках Восточной Сибири служили 2781 чел. – в Якутском пехотном полку 1738 чел., в Якутском карабинерном полку 919 чел. и в гренадерской роте 124 чел. [6].

Список литературы

1. Златкин И.Я. История джунгарского ханства, 1635–1758 / И.Я. Златкин. – М.: Наука, 1983. – 332 с.
2. Сенатский архив. Т. 10. Протоколы Правительствующего сената 1757, 1758 гг. – СПб.: Сенат. тип., 1903. – 612, 23 с.
3. Сенатский архив. Т. 11. Протоколы Правительствующего сената 1759, 1760 гг. – СПб.: Сенат. тип., 1904. – 483, 23 с.
4. Российский государственный архив древних актов, г. Москва (далее РГАДА) Ф. 20. Д. 193. Л. 1.
5. РГАДА. Ф 20. Д. 193. Л.2.
6. РГАДА. Ф 20. Д. 193. Л.1.

АРМЯНСКИЕ ВОСКРЕСНЫЕ ШКОЛЫ ДОНБАССА (XX–XXI вв.)

Саакян И.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
Saakyan-inna@mail.ru

Вопросы культурного строительства, этнополитической стабильности, развития культур национальных меньшинств, сохранения их языковой самобытности и роста уровня образования являлись актуальными на Донбассе как в XX в., так и в XXI в. В 1920-е годы Советская власть поставила перед государственными структурами, партийными и общественными организациями задачу преодоления неграмотности трудящихся. В рамках объявленной политики «коренизации» особое внимание уделялось развитию школьного образования в среде национальных меньшинств. Представители национальных меньшинств, проживавшие вне исторической родины, всегда рассматривали школьное образование не только как возможность повышения уровня грамотности детей, но и как способ сохранения родного языка и культуры. Школа играла и продолжает играть большую роль и в единении национальных общин. Армянские нетрадиционные воскресные школы служат примером такого сплочения общины. Через детей, обучающихся в школе, укрепляется связь с родителями.

В фондах Государственного архива Донецкой Народной Республики хранятся материалы, позволяющие исследовать, как решались задачи культурного строительства в Сталинском округе. В частности, вопросы развития школьного образования представителей национальных меньшинств.

Основными задачами в области народного просвещения в эти годы были: систематическое плановое осуществление декрета о всеобщем обучении; расширение школ повышенного типа (семилеток); повышение общеобразовательного и культурного уровня рабочих. Особое место в работе народного образования занимал вопрос о национальной школе. Армянские школы были в Сталинском (табл. 1) и Макеевском районах (табл. 2).

Таблица 1

	1927-1928гг.			1928-1929 гг.		
	Школы	Группы	Учащиеся	Школы	Группы	Учащиеся
Украинских	2	4	126	3	11	332
Еврейских	1	5	184	1	6	190
Армянских	1	4	62	1	4	78
Татарских	3	9	44	3	10	45

Таблица 2

	1925/27			1927/28			1928/29		
	Школ	Кол. учащ.	% охват.	Школ	Кол. учащ.	% охват.	Школ	Кол. учащ.	% охват.
Украинских	26	3633	97	31	4317	97	22	2652	97
Еврейских	37	10115	98	35		99	32	12105	99
Немецких	5	157	90	5	191	98	1	48	98
Татарских	3	113	90	1	89	95	1	102	97
Армянских	1	68	100	1	82	99	1	98	99

Несравненно плохо обстояло дело с литературой для армянских и немецких школ, несколько лучше для татарских [1].

В 1930-х гг. армянская школа в Донецке перестала функционировать, а в Макеевке – в 1941 г., перед началом Великой Отечественной войны.

Первые послевоенные воскресные школы или классы по изучению армянского языка вновь возобновили свою деятельность в армянских общинах Донецка и других городов, лишь в конце 80-х – начале 90-х годов XX ст. Начиная с 1998 г. при содействии армянской диаспоры Донецка и Армянской Религиозной общины было организовано бесплатное, систематическое обучение в воскресных школах при церкви «Сурб Хач» в Макеевке и в Донецке (месторасположение школ часто менялись). Обучаться армянскому языку могут также жители городов Луганск, Краматорск, Константиновка, Мариуполь. Идет набор учащихся в городах Шахтерск, Горловка, Енакиево. Обучаться армянскому языку могут все желающие независимо от возраста, как армяне, так и представители другой национальности. В Донецке, с сентября 2019 г., действует воскресный детский садик [3].

Таким образом, армянский язык, после семидесятилетнего перерыва снова возвратили в общеобразовательное лоно Донбасса, с одной лишь разницей, что в начале прошлого века задача школ национальных меньшинств решалась на государственном уровне, а теперь – на общественных началах.

Список литературы

1. ГГУДОАД ДНР.Ф.П-9.Оп.1. Д.705.Л.2-34.
2. Через школу – к единению общины // Армянский вестник №60, 2013. – С.48-49.
3. Интервью. Настоятель Армянской Апостольской Православной Церкви Донбасса священник Тер-Нарек Амирян, 1968 г. рождения, образование высшее, г. Макеевка, беседа длилась 1ч. 30 мин., запись сделана 14.08.2019 г.
4. ГГУДОАД ДНР.Ф.Р-4021.Оп.1 доп.Д.24. Л.12.
5. ГГУДОАД ДНР.Ф.Р-4021.Оп.1 доп.Д.25. Л.13.

МЕДИКО-САНИТАРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ КОНЦЕНТРАЦИОННОГО ЛАГЕРЯ БУХЕНВАЛЬД

Саенко А.С., Шкрибитько Е.А., канд. ист. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
saencko.anton.2015@yandex.ru, shela28@gmail.com

В 1937 году гитлеровское правительство построило на горе Этtersберг в Тюрингии концентрационный лагерь Бухенвальд. Это был лишь один из многих концлагерей в нацистской Германии. За восемь лет в этом концлагере и его внешних командах эсэсовцами было убито 56 000 человек.

За забором из колючей проволоки, через которую был пропущен ток высокого напряжения, содержались в заключении люди почти всех европейских национальностей.

При создании лагеря, в 1937 году, больничного барака еще не было. Первые больные размещались в одном из помещений блока №1. В результате тяжелейшего труда число больных быстро увеличивалось. Поэтому возникла потребность в новом помещении и, в качестве лазарета, был оборудован блок № 3. В феврале 1938 года два первых барака основного отделения лазарета, в которых имелись палаты, амбулаторные помещения и операционная, приняли больных. Оборудование помещений и приобретение инструментов было в значительной мере произведено за счет средств заключенных, путем организации сборов.

Во время вспышки эпидемии тифа зимой 1938-1939 гг., вызванной плохими санитарными условиями, в бараках Ia -Va, в которых помещались заключенные евреи, блоки № 2 и № 8 были оборудованы под стационары для заключенных. Стационаром – изолятором для больных трахомой и туберкулезом с весны 1939 года был блок № 7, позже ставший лазаретом для советских военнопленных. С началом Второй мировой войны численность узников увеличилась. Двух бараков основного отделения лазарета было недостаточно для размещения прибывавших в большом количестве больных. Вопреки продолжавшемуся сопротивлению со стороны лагерного начальства СС и строительного начальства СС, в качестве третьего больничного барака был оборудован барак I. СС отказывалась провести в подвал водопровод и устроить отопление. Приходилось делать это нелегально. Заново оборудованный барак вошел в строй 20 января 1940 года. В октябре 1941 года удалось построить операционную II также без какого-либо разрешения СС [1]. Это, однако, не помешало эсэсовцам показать впоследствии посетителям именно это учреждение в качестве рекламы своей гуманности. Летом 1942 года, благодаря настояниям

заключенных при постоянном противодействии СС, был сооружен барак IV с туберкулезным отделением и диетической кухней.

Вспышка эпидемий в малом лагере, где размещались заключенные из оккупированных стран, вынудила лагерное начальство весной 1943 г. дать согласие на сооружение стационарного изолятора в блоке № 53. После прибытия массовых транспортов, в результате эвакуации концлагерей Освенцим и Гросс-Розен, «инвалидный» блок № 61 пришлось превратить в больничный барак, чтобы приостановить самые тяжелые заболевания в бараках, где, среди истощенных голодом заключенных, возросло количество больных дизентерией. Кроме того, лагерное начальство, после настоятельных требований заключенных, заявило о своем согласии на то, чтобы перенести два старых барака эсэсовцев в основное отделение лазарета. Об их оборудовании заключенные должны были позаботиться сами.

В конце декабря 1941 года СС оборудовала собственную опытную станцию по исследованию сыпного тифа для испытания определенных вакцин. Первые несколько месяцев опытная станция находилась в блоках №№ 44 и 49, а позже была переведена в блок № 46. С октября 1943 года, в перестроенном для этой цели блоке № 50, СС начала производство собственных вакцин против сыпного тифа [2].

Уход за больными и лечение в лазарете осуществляли санитары-заключенные под строжайшим наблюдением органов СС. После самого необходимого лечения больных вновь отправляли на работу.

Пребывание в лазарете не означало абсолютной безопасности. Оберегать больных стали только после осени 1942 года, когда недостаток рабочей силы и потребность в ней военной промышленности вынудили проводить основательное лечение заключенных. Все это делалось для того, чтобы добиться от заключенных более высокой производительности труда. От принципа истребления, однако, не отказались, о нем лишь на время забыли. Стремление к истреблению со всей очевидностью проявлялось во многом: в плохом оборудовании лазарета, который не мог обслуживать массу людей, находящихся в тяжелейших условиях жизни и труда, в запрете вообще лечить некоторых заключенных, обычно поляков и евреев.

До конца 1941 года было запрещено использовать на работе в больничном бараке заключенных-врачей. Врачи СС превращались в контролеров и занимались администрированием.

При сооружении больничного барака было выделено помещение для аптеки. Оборудовать его лагерная администрация отказалась. Заключенные его оборудовали самостоятельно. Узники из столярной мастерской украли необходимое для этой цели оборудование, чтобы в интересах своих товарищей изготовить ночью необходимое оборудование для аптеки.

В 1942-1943 гг. снабжение медикаментами несколько улучшилось. Питание, по свидетельствам узников, вообще всегда было недостаточным.

Вследствие роста числа транспортов с гражданскими заключенными лагерю вновь стали угрожать паразиты. Возникла необходимость в сооружении новой дезинфекционной установки. В первые месяцы для дезинфекции применяли синильную кислоту, позже камеры наполняли арегиналом. На старой установке продолжали дезинфекцию при помощи пара. Ежемесячно дезинфекции подвергались более 200 000 штук постельного и нательного белья. От 20 до 25 000 заключенных прошли санитарную обработку: бритье, ванна с крезолом и последующая обработка, позже стали применять заменитель, который вызывал ожоги [3].

Из-за нехватки мыла заключенные вынуждены были изготавливать средства для мытья из опилок и мыльного порошка; позже в лазарете стали варить мыло из костей. Это производство наладил один из заключенных, по профессии химик. Полотенец также не было. Ежемесячно производили дезинфекцию заключенных в 15-20 блоках. Недостаток моющих средств, воды и чистого белья, несмотря на все усилия заключенных, не мог не привести к зашивленности.

В блоках была очень большая скученность. Содержать в чистоте помещения блоков и соблюдать чистоту тела ввиду отсутствия моющих средств было трудно. Часто целыми неделями и месяцами не было воды. Стирать почти не удавалось. Если удавалось мыться, то это происходило в массовом порядке и было возможно лишь в течение нескольких минут [4].

Ямы уборных, находившиеся под открытым небом, представляли постоянную опасность. Не один заключенный свалился туда и утонул. Летом 1938 года были оборудованы ватерклозеты в блоках. В конце 1942 года закончилось строительство отстойника нечистот.

Таким образом, условия содержания и медико-санитарное обеспечение узников Бухенвальда были антигуманными и стоили здоровья и жизни тысячам заключенных.

Список литературы

1. Виленский М., Кюнг Н. Война за колючей проволокой. – М., 1960. – С. 65.
2. Красноперов В. Подпольщики Бухенвальда. – М., 1960. – С. 73.
3. Сборник воспоминаний о концентрационном лагере Бухенвальд. – Эрфурт, 1945. – С. 87-88.
4. Красноперов В. Указ. раб. – С. 99, 111.

ТРАГИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ ХОЛОКОСТА (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЛАГЕРЯ СОБИБОР)

Саенко А.С., Шкрибитько Е.А., канд. ист. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
saencko.anton.2015@yandex.ru, shela28@gmail.com

Вторая мировая война оставила значительный след в истории человечества. Нацистская Германия осуществляла акты агрессии в отношении других стран, жестоко уничтожала их население. Был создан ряд комплексов для уничтожения «неарийских» наций. Из-за нацистской идеологии значительно пострадало еврейское население, прежде всего в концентрационных лагерях. Собибор был одним из концлагерей, где погибло наибольшее количество евреев.

22 июня 1941 года нацистская Германия вторглась на территорию Советского Союза. Начался новый этап преследования еврейского народа. Специальные группы СС начали массовые расстрелы на территориях, оккупированных немецкими войсками. Доходило даже до погромов, уничтожались целые еврейские общины. В августе 1941 года в руководстве Третьего Рейха проводились дискуссии о так называемом «Еврейском вопросе» в оккупированной Европе. В конце сентября – начале октября 1941 года вынесено решение об истреблении евреев на территории центрального губернаторства и переселении евреев, проживавших на территории протектората Чехии и Моравии.

1 ноября 1941 года немцы начали строить концентрационный лагерь в Белжце. В тот же день решено было создать еще один подобный объект – в Собиборе. Подобные действия основывались на соглашении о депортации чешских евреев на территорию Генерального губернаторства, подписанном руководством Чехии и Третьего Рейха.

Строительство лагеря неподалеку от поселения Собибор, расположенном вблизи нынешней украинско-польской границы, начато было в начале весны 1942 года на площади около 60 га по западной стороне железной дороги, которая соединяла Холм с Влодавой. Вся территория, окруженная густым лесом, была ограждена стенами с колючей проволокой, а позже было добавлено еще и минное поле. Целый комплекс состоял из четырех частей.

Большинство жертв этого лагеря в 1942 г. составляли польские евреи, преимущественно, из северной части Любельского дистрикта, который охватывал такие уезды, как: Белая Подляска, Хелм, Грубешув, Красныстав, Люблин, Пулавы, Замость.

Евреи, которые перед войной проживали в Польше, были депортированы в лагерь в последних поездах из Генерального литовского

комиссариата – в сентябре 1943 года привезено около 5000 человек из Вильно и Лиды [1].

Большинство польских евреев в лагерь транспортировали поездами, но большую часть перевозили в грузовиках, на телегах или заставляли идти в лагерь пешком. Жертв, которых привозили с территории Генерального губернаторства, не регистрировали в транспортных документах. В Собибор направляли также евреев из других европейских стран: 1942 год из Словакии – около 24 тыс.; протектората Чехии и Моравии – 6 тыс.; Третьего Рейха – 5 тыс.; Австрии – 4 тыс.; в 1943 году из Голландии – 34 тыс.; Франции – 4 тыс.; Генерального комиссариата Беларуси – 3 тыс. человек.

В Собиборе немцы осуществляли отбор и небольшие группы евреев, преимущественно молодых и сильных, направляли на работу в поселения вблизи Собибора: Осовы, Крихова, Савина, Лютич.

Оставленное после убитых имущество сортировали так: вещи, пригодные к использованию, паковали и отправляли в магазины «Операция Рейнхард» в Люблине. Деньги, бижутерию и драгоценности (в том числе золотые зубы) также высылали в Люблин, где после сортировки и переплавки в слитки перевозили в банк Третьего Рейха. В бараке, который стоял возле «Химмельхафтштрассе», женщинам обрезами волосы, которые использовали в немецкой текстильной промышленности. Документы и личные фотографии уничтожали. Эсэсовцы организовывали работу в лагере по уничтожению узников. Очевидцы событий вспоминали: «Перед нами открыли ворота лагеря. Долгий гудок поезда сообщил о нашем прибытии. Теперь мы находились внутри лагерного комплекса. Встречали нас элегантно одетые немецкие офицеры. Бегали вдоль вагонов и чем-то заговаривали украинцев, которые были одеты в черную одежду. Последние, как стая воронов, ищущих жертву, в любой момент были готовы к выполнению своего жалкого труда. Наступила тишина. Ее прервал резкий крик: «Открывай вагоны!» [2].

К физическому труду на территории лагеря были привлечены заключенные, прибывающие в концлагерь. Сначала узников периодически меняли, убивая их и заменяя новыми. Затем был набран обслуживающий персонал лагеря – около 600 мужчин и женщин. Работали они в рабочих командах, из которых большая часть занималась приемом транспорта на железной дороге, стрижкой жертв и другой работой.

Часть заключенных работала во вспомогательных и хозяйственных командах – в сортировочных, магазинах, прачечных, кухнях, ремесленных мастерских. Особую группу (около 150 человек) составляли заключенные лагеря № 3, так называемые члены Зондеркомандования. В их обязанности входила уборка жилых помещений от трупов и их захоронение.

Попытки побега заключенных фиксировались с самого начала функционирования лагеря, но только малое количество пленных решалось

на такой шаг, так только нескольким лицам удалось убежать с территории лагеря. Начиная с лета 1943 года в лагере действовала группа сопротивления, которая под руководством Леона (Лейбы) Фельдхендлера из Жулкевки планировала организовать бунт. Восстание удалось организовать лишь 14 октября 1943 года при помощи советских еврейских узников из Минска, прибывших в одном из поездов. Руководителем прибывшей группы был Александр Печерский. Восстание завершилось массовым бегством заключенных. Беглецам удалось убить несколько эсэсовцев и охранников и получить оружие. После этих событий немцы приняли решение о ликвидации лагеря. Все здания, в том числе газовые камеры, были взорваны, а на территории бывшего лагеря посажен лес.

Согласно новейшим исследованиям, в лагере погибло около 170 тыс. человек. Основную группу жертв составляли польские евреи и евреи из соседних европейских стран, но в некоторых поездах привозили также польских цыган. Из группы заключенных (более 260 чел.), бежавших во время восстания 14 октября 1943 г., большинство погибло во время широкомасштабной облавы [3].

После окончания Второй мировой войны, Собибор стал местом памяти жертв нацизма. В 1964-1965 гг. тут возвели памятник и символический мавзолей.

Таким образом, трагедию в Собиборском концлагере в 1942-1943 гг. можно считать геноцидом против еврейского народа и большим преступлением фашистских оккупантов против человечества. Обработанные материалы дают основание утверждать, что тема Собиборской трагедии требует еще более детального изучения и освещения в литературе.

Список литературы

1. Виленский С.С. Собибор / С.С.Виленский, Г.Б.Горбовицкий, Л.А.Терушкин. – М.: Возвращение, 2010. – С.11.
2. Sobibór / red. Marka Bema. – Warszawa : Dom Spotkań z Historią, 2010. – S. 4–5.
3. Graf Jurgen, Kues Thomas, Mattogno Carlo. Sobibor: Holocaust Propaganda and Reality / Jurgen Graf, Thomas Kues, Carlo Mattogno. – Washington : The Barnes Review, 2010. – S. 33–35.

КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ДОНЕЦКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ 1980-х – НАЧАЛЕ 1990-х гг.

Саржан А.А., д-р ист. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, ДНР
ist@donntu.org

Кооперативное движение является важным фактором социально-экономического развития страны. Кооперативы позволяют более полно использовать имеющихся возможности и резервы для удовлетворения потребностей населения в товарах народного потребления и услугах, привлечения дополнительных сырьевых и материальных ресурсов, а также использования труда не занятых в общественном производстве граждан. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в Донецком регионе, как и в целом в стране, начался новый этап в развитии кооперативного движения.

Проанализировать процесс формирования кооперативов в Донецкой области в конце 1980-х – начале 1990-х гг., выявить особенности их развития.

С принятием в мае 1987 г. Закона о кооперативной трудовой деятельности в Донецкой области начался активный процесс становления малых предпринимательских структур. За период с 1 июля 1987 г. по апрель 1988 г. число действовавших кооперативов увеличилось в 4,4 раза, а число занятых в них работников возросло в 5 раз. На 1 апреля 1988 г. из 512 зарегистрированных кооперативов действовало 250. В них работало свыше 3,8 тыс. чел. Наиболее масштабное развитие кооперативное движение получило в крупных городах: в Донецке функционировало 68 кооперативов, в Жданове – 32, Краматорске – 27, Макеевке – 14, Енакиеве – 12 [1].

По видам деятельности наибольшее количество кооперативов занималось бытовым обслуживанием населения, торгово-закупочной деятельностью, производством товаров народного потребления. В условиях бурного роста кооперативы охватывали все новые сферы общественного производства. Однако их роль в удовлетворении спроса населения на товары и услуги была невелика. Так, в первом квартале 1988 г. их доля в производстве товаров народного потребления составляла всего лишь 0,1 %, в товарообороте общественного питания – 0,3 %, в объеме реализации бытовых услуг – 0,6 %. Не оказывали кооперативы особого влияния на насыщение потребительского рынка и в последующие годы. В 1990 г. их доля в областном производстве товаров народного потребления составляла 1,9 %, в товарообороте общественного питания – 0,4 %, в объеме реализации бытовых услуг – 6,2% [2].

Из-за высокого уровня цен и тарифов на товары и услуги, зачастую не соответствующих качеству и количеству затраченного труда, продукция кооперативы была мало доступна широким слоям населения. Положение осложнялось еще и тем, что кооперативы отдавали предпочтение выполнению работ и услуг для предприятий и организаций, которые в свою очередь снабжали их сырьем и материалами, и не предъявляли особо высоких требований к качеству работ и услуг, как население.

Постоянные серьезные организационные, материально-технические и финансовые трудности способствовали тому, что рост этого сектора экономики в начале 1990-х г. стал заметно замедляться. Динамика развития кооперативного сектора в конце 1980-х – начале 1990-х гг. характеризуется следующими данными [3]:

	1988	1989	1990	1991
Число действовавших кооперативов	1283	3069	3749	2827
Численность работников, включая совместителей, тыс. чел.	20,1	68,2	85,8	67,8
Выручка от реализации продукции (работ, услуг), млн.руб	77,2	431,5	756,3	1017,8

Уже с 1990 г. темпы прироста кооперативов значительно сократились. Если за 1989 г. число действовавших кооперативов ежемесячно увеличивалось в среднем на 149, за первые три квартала 1990 г. – на 81, то в четвертом квартале 1990 г. впервые число кооперативов сократилось на 51 [4].

Дальнейшее развитие кооперации сдерживалось нестабильностью ее правового положения, а также трудностями, связанными с организацией и функционированием, а также следствием наметившейся тенденции реорганизации кооперативов в малые предприятия, которых в 1990 г. насчитывалось в области около 1,8 тыс.

В целом можно утверждать, что кооперативы явились предшественниками новых форм предпринимательства, однако они не оказывали значительного влияния на развитие экономики региона. Впрочем, об этом свидетельствует и мировой опыт: ни в одной стране мира, широко использующей кооперацию, ее доля не превышает 10 % в валовом внутреннем продукте.

Список источников

1. Государственный архив ДНР Ф. 4249. Оп.8. Д. 7658. Л.1-2
2. Там же. Ф. 4249. Оп.8. Д. 7655. Л.1
3. Там же. Ф. 4249. Оп.8. Д. 7658. Л.2; Д.8011. Л.1
4. Там же. Ф. 4249. Оп.7. Д. 8651. Л.2-3

ТЕРРИТОРИЯ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА К СЕРЕДИНЕ XI ВЕКА

Семенов А.В.¹, канд. полит. наук, доцент,
Мостяев Ю.Н.¹, канд. истор. наук, доцент,
Минат В.Н.², канд. геогр. наук, доцент

¹ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»,
г. Рязань, РФ

²ФГБОУ ВО «Рязанский государственный агротехнологический университет
имени П.А. Костычева», г. Рязань, РФ
minat.valera@yandex.ru

В числе актуальных вопросов, стоящих перед историко-географическим исследованием территории нашей страны, находится проблема образования и развития территории Древнерусского государства (Древней Руси), древнерусской государственной территории.

Древнерусское государство с первых же дней своего существования разместилось на громадной территории. Уже при Рюрике (862–879 гг. правления) на крайних пунктах ее лежат Ладога, Ростов, Киев – очень далеко друг от друга, а ко времени правления Ярослава Мудрого (1019–1054 гг. княжения) ее границы доходят до Оки, Тмутаракани и Галиции. В целом Древнерусское государство занимало огромное пространство, а периметр его территории равнялся 7 тысячам километров. К середине XI в. в нем проживало около 4 млн. человек. Его города во главе с Киевом были крупнейшими экономическими и политическими центрами Восточной Европы [1].

К середине XI в. территория Древнерусского государства простиралась от Белого моря на севере до Черного моря на юге (Тмутараканское княжество), от Карпатских гор на западе до Волги на востоке. В процессе упрочения власти киевских властителей по мере укрепления их военной мощи и международного авторитета в состав государства включались угрофинские, балтские и тюркские племена. По некоторым подсчетам, в эпоху расцвета Древней Руси в ее составе было 22 разноязычных народа, находившихся на разных ступенях общественного развития и в зависимости от природной среды занимавшихся разными видами хозяйства – земледелием, охотой, промыслами, скотоводством.

Для Руси X в. явился поворотным и в смысле развития геополитических отношений. В рамках единого государства, мужание которого происходило в конце IX – начале X в. прежде всего под воздействием борьбы с сильными и опасными соседями, такими как хазары, пришедшие в Европу венгры, позднее – печенеги, социальные процессы развивались быстрее. Этому способствовало и то, что, несмотря на постоянное противоборство с Хазарией и со степью в IX-X вв., Русь не

знала столь масштабных и опустошительных нападений со стороны степняков, как в прежние века [2]. Древнерусская государственность стойко вырастала на основе развивающихся новых социальных явлений, под воздействием мощного, но не губительного для Руси внешнеполитического фактора. И в рамках этой крепнущей государственности проходили свою историческую эволюцию разложение родоплеменных отношений и появление первых знаков раннего феодализма.

К началу XI в. Русь, стабилизировав свои границы с соседями и обозначившись как единое, с централизованным управлением, восточнославянское государство, определила и свои долговременные интересы, которые просматривались сквозь первые нападения русских дружин на берега Пропонтиды (земли, расположенные у входа в Босфор) и южное побережье Малой Азии; их прорывы через хазарские посты на Волгу, на Северный Кавказ и в Закавказье, сквозь грандиозные походы Святослава на Восток и Балканы, с попыткой закрепиться на Дунае, а также сквозь тяжелые и длительные войны Руси с Польшей за «червенские города» и постоянное противоборство с карелами, чудью, балтскими племенами.

Из глубокой древности обозначилось стремление Руси к овладению восточной частью пути «из варяга в греки», стратегически важными землями в устье Днепра и всем юго-западным побережьем Черного моря, которое было ключом, открывающим торговые пути в сердце Европы по Дунаю и через земли Болгарии в Византию и на Балканы. Активную политику в этом направлении проводили Олег, Игорь, Ольга, Святослав, Владимир. Но если днепровское устье было завоевано и русские владения порой простирались до подступов к Дунаю, то само Подунавье оставалось за семью печатями. В XI в. Русь вступила, так и не решив этой своей внешнеполитической и военно-стратегической задачи.

Не удалось Руси поставить под свой контроль и торговый путь, идущий из Прибалтики через новгородские земли и далее в северо-восточные русские земли на Волгу и Каспий. Ключи от этого пути держали волжские булгары. Кочевники контролировали торговый путь, осью которого были Дон, Азовское море, Волга и берега Каспия, – так называемый Восточный путь, по которому открывались дороги на Восток – в Хорезм, Бухару, к «Железным воротам» – Дербенту, в Закаспий, в Хорасан. Хотя Хазария и государство булгар и были значительно ослаблены Святославом, но постоянная опасность со стороны кочевников не дала возможность Руси закрепиться на восточных путях.

Со времени Владимира во внешней политике Руси четко обозначилось и новое направление – западное: борьба за русскопольское пограничье, позволявшее контролировать западные торговые пути, ведущие в Польшу, Чехию, Германию, и сохранять владычество над славянскими землями в междуречье Западного Буга, Прута, Днестра и Южного Буга. К началу XI в. Русь овладела этими землями, но Польша готова была продолжать противоборство. Поэтому на всех этих

внешнеполитических направлениях, за исключением северо-западного, где Руси противостояли отдельные балтские и угрофинские племенные союзы, для великих киевских князей вся борьба была еще впереди.

Таким образом, в рамках историко-географического исследования образования и развития государственной территории и границ Древней Руси к середине XI в. нами выделяются следующие крупные составные части единого пространства русских земель, сформировавшиеся в соответствии с геополитическими направлениями:

- Киевская земля (*на западе – юго-западе*),
- Новгородская земля (*на севере – северо-западе*);
- Северо-Восточная Русь (Ростовская земля – с конца X – начала XI вв.) (*на северо-востоке*);
- присоединенная в конце X в. земля вятичей (*на востоке*);
- район Нижнего Дона (Белая Вежа) (*на юго-востоке*);
- территория (укрепленная), граничащая со степью (печенеги, половцы) (*на юге*);
- Таманский полуостров (Тмутаракань или Тьмутаракань) (*на «дальнем» юге*).

Развитие каждого из выделенных регионов, несомненно, имеет свои естественно-географические, социально-политические, историко-культурные, экономические и иные предпосылки и особенности, подлежащие соответствующему анализу. Объединят их вместе, можно сказать в единую территориальную систему, принадлежность к Древнерусскому государству, оформившемуся в указанный период в рамках единой государственной территории, по всем направлениям колонизируемого русским народом пространства за первые два с половиной века существования Руси.

Список литературы

1. Древнерусское государство: проблемы становления и развития (IX – начало XI в.): учеб. пособие / Авт. – сост. И.В. Шорохова. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. – 43 с.
2. Минат, В.Н. О некоторых факторах, определивших географию древних городов Рязанского края / В.Н. Минат // в сб.: Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: Труды Рязанского ин-та управления и права. – М. – Рязань, 1998. – С. 23-26.

ПОСПОЛИТОЕ РУШЕНИЕ КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в. ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

Соловей М.А., канд. ист. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
valkyr-mariya@yandex.ru

Польская шляхта, изначально сформировавшаяся как военное сословие, главную задачу и смысл своей жизни видела исключительно в военной доблести, участии в походах и сражениях, снискании боевой славы. Даже происхождение термина «шляхта» по одной из версий связано с немецким словом *Schlacht*, что означает «битва». Само понятие «шляхтич» уже в XIV веке, при польском короле Казимире Великом, означало определенный статус, соединявший в себе значение родовитости и военного мастерства. Шляхтичи считали себя отдельным народом, не имевшим ничего общего с польским крестьянством или мещанством. Они вели свою историю и генеалогию своих родов от сарматов, искренне считая себя их потомками.

Воспитание молодого шляхтича в значительной мере сводилось к его военному обучению и соответствующей идеологической обработке в духе «шляхетского сарматизма», который берет начало в работах историка XV века Яна Длугоша. Юноша просто обязан был проявлять исключительную храбрость, презрение к врагу, пренебрежение к смерти, корпоративную солидарность. Все это приводило к формированию особого типа поведения, который передавался от одного поколения шляхтичей к другому. Ответственность за соответствующее военное воспитание шляхтичей возлагалось на всех мужчин рода и соответствующее гербовое сообщество. Так формировалось посполитое рушение – ополчение польских шляхтичей, которое было главной военной силой Королевства Польского до возникновения так называемого кварцяного войска (постоянно действующего войска из наемников) в 60-е годы XVI века.

Изучение проблемы формирования и боеспособности посполитого рушения представляет несомненный интерес, поскольку оно в Королевстве Польском с XII в. до последней трети XVI в. было основой всех вооруженных сил, принимало участие в формировании территории государства и предопределяло избрание короля.

Актуальность темы обусловлена также ее недостаточной изученностью: работы, посвященные особенностям формирования и боевой результативности посполитого рушения, весьма немногочисленны. Это некоторые разделы работ обобщающего характера М. Тымовского, А. Дыбковской, В. Потоцкого и В. Семененко [1]. Однако все

перечисленные труды лишь вскользь, попутно касаются изучаемой нами проблемы, не раскрывая ее.

Цель статьи состоит в рассмотрении особенностей функционирования посполитого рушения, в оценке его боеспособности и воинских доблестей современниками.

Историческим источником раскрытия этой темы служат в первую очередь произведения Станислава Ореховского – известного историка, публициста и церковного деятеля Королевства Польского, который был видным идеологом концепции «золотых шляхетских вольностей» и автором идеи «единого европейского дома» в противовес османам. Кроме того, интерес представляют записки Блеза де Виженера и Сигизмунда фон Герберштейна.

С.Ореховский очень высоко оценивал боеспособность посполитого рушения в середине XVI века. Он считал, что только Королевство Польское, которое располагало сильным шляхетским войском, могло остановить османскую экспансию как на польские земли, так и в Европу. В своем письме «Про турецкую угрозу» он писал королю Сигизмунду Старому: «У тебя под рукою есть шляхта польская, смерть и ужас для всех турок и сарацинов, и дух ее такой, что не требует твоей помощи.... Найхрабрейшему и найславнейшему шляхетскому сословию присуща отвага» [2]. При этом С. Ореховский отмечал, что военная служба – главнейшая обязанность благородного сословия: «всякий шляхтич обязан служить на пользу своему краю». Он призывал шляхтичей перед лицом внешней угрозы отказаться от традиционных шляхетских споров и дразг, не тратить силы и время на бесплодные разговоры, когда отечество в опасности.

Король как сюзерен должен, по его мнению, всячески защищать интересы шляхтичей и постоянно заботиться о них. «Не отдавай никого на поругание врагу: воинов уважай, жен их не позволяй бесчестить, детей убивать, имения опустошать, дома сжигать, храмы разрушать...Ибо мертвая жена их ран уже не перевязывает, ... не оплачет их печальный отец и убитая мать» [2].

Эту же мысль о поощрении шляхтичей С. Ореховский продолжает в работе «Напучення польскому королеві Сигізмунду Августу». Он пишет: «Опорой твоего королевства есть шляхта, добивайся ее расположения всеми способами..., вселяй в них надежду на свою щедрость». При этом он предупреждает, что распространять свою милость надо только на достойных шляхтичей.

С.Ореховский считает, что достойного и храброго шляхтича можно воспитать только в суровых условиях. Поэтому в начале своей военной карьеры шляхтич должен служить на самых опасных участках на границах государства и защищать его от нападения врагов [3].

Француз Блез де Виженер, написавший в 1573 году работу «Описание Польского Королевства», отдельную главу посвятил

устройству польской армии. Он отметил, что посполитое рушение король мог использовать только при ведении боевых действий на территории своего государства. «В силу своих старинных прав дворяне, которые одни среди всех сословий носят оружие в Польше, обязаны к военной службе только внутри страны и на границах, не выходя из пределов государства. Поэтому, если бы король пожелал вести их дальше, то может сделать это не иначе, как с их согласия и за особую плату. Сверх того, он обязан вносить выкуп за каждого дворянина, взятого в плен, а также уплачивать им стоимость всех утраченных ими замков» [4]. Эти сведения подтверждает и дипломат Священной Римской империи барон Сигизмунд фон Герберштейн [5].

При этом попытка шляхтича уклониться от участия в посполитом рушении при реальной угрозе королевству расценивалась как позор и предательство. За это король мог «лишить уклоняющегося всех его владений как личных, так и наследственных, и передать их другому, потому что никто не вправе отказываться от участия в войне за исключением больных, стариков и тех, кто удерживается по необходимости исполнением каких-либо общественных должностей» [4].

Из свидетельств современников можно сделать вывод, что в XVI веке посполитое рушение представляло из себя боеспособную армию, в которой каждый шляхтич обладал отвагой, личным мужеством, не щадил своей жизни, защищая державу. Однако геройствовать они должны были только на территории своего государства – именно это было их сословной обязанностью.

Список литературы

1. Тымовский М. История Польши / М.Тымовский. – М.: Весь мир, 2004. – 544 с.; Дыбковская, А. и др. История Польши с древнейших времён до наших дней / А.Дыбковская, М.Жарин, Я.Жарин. – Варшава: Научное издательство ПВН, 1995. – 410 с.; Потоцкий В. и др. Шляхта. Честь та гонор: факти, міфи коментарі / В.Потоцкий, В.Семененко. – Харків: Школа, 2014. – 672 с.
2. Станіслав Оріховський – Роксолан. Про турецьку загрозу слово друге (до польського короля Сигізмунда). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://litopys.org.ua/old14_16/old14_08.htm#or2
3. Станіслав Оріховський. Напучення польському королеві Сигізмунду Августу. // Українська література XIV -XVI ст. Ізборник. – К.: Наукова думка, 1988. – С. 121, 141, 146.
4. Блез де Виженер. Описание Королевства Польского. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://drevlit.ru/texts/v/vizhener.php>
5. Герберштейн С. Записки о Московии / Пер с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. – М.: Изд-во МГУ, 1988, – С. 186.

АГРАРНАЯ РЕФОРМА П.А. СТОЛЫПИНА

Соловьева Р.П., канд. ист. наук, доцент,

Соловьева Ю.М.

ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, ДНР
rpsol@mail.ru

В современных условиях модернизации мировой и отечественной экономики актуальным вопросом является инновационное реформирование экономического сектора страны, использование перспективных тенденций практической реализации качественных изменений в экономической жизни в ходе реформ, проведенных видными государственными деятелями предыдущих поколений. В этом контексте важное место занимает реформа П.А. Столыпина, которую исследовали многие ученые, такие как: Аврех А.Я., Бородин А.П., Зырянов П.Н., Островский И. В., Струков Д.Б., Тюкавкин В. Г. и другие.

Цель работы – осветить сущность и основные направления реформы П.А. Столыпина.

Столыпин Петр Аркадьевич (1862-1911 гг.) – известный русский государственный деятель, министр внутренних дел, премьер-министр Российской империи, инициатор реформ, рассчитанных на ускорение экономического развития российской экономики при сохранении самодержавных устоев, стабилизации существующего политического и социального порядка, автор целого ряда законопроектов, вошедших в историю как Столыпинская аграрная реформа.

Столыпинская аграрная реформа – это обобщённое название широкого комплекса мероприятий в области сельского хозяйства, проводившихся правительством России под руководством П.А. Столыпина начиная с 1906 года. Он должен был продолжить экономическую политику С.Ю. Витте и вывести Россию в разряд капиталистических стран мира.

Основной целью аграрной реформы Столыпина было создание широкой прослойки богатых крестьян; преодоление в деревне патриархальных отношений, мешающих развитию капитализма; ликвидация социальной напряженности в аграрном секторе экономики; повышение производительности крестьянского труда.

Реформа проводилась согласно указу от 9 ноября 1906 года, который позволял крестьянам выходить из общины, и закона от 14 июня 1910 года, который расширял возможности этого выхода. Она была рассчитана на 20 лет, но с самого начала против нее выступили и левые, и правые партии.

Реформа представляла собой комплекс мероприятий, направленных на две цели: краткосрочной целью реформы было разрешение аграрного

вопроса как источника всеобщего недовольства (прекращение аграрных волнений), долгосрочной целью ставилось устойчивое развитие сельского хозяйства, интеграция крестьянства в рыночную экономику.

Приоритетными направлениями реформы были: передача надельных земель в собственность крестьян; постепенное упразднение сельской общины как коллективного собственника земель; широкое кредитование крестьян; скупка помещичьих земель для перепродажи крестьянам на льготных условиях; землеустройство, позволяющее оптимизировать крестьянское хозяйство; создание земельных комитетов; устранение сословных и правовых ограничений, мешающих развитию хозяйственной деятельности крестьянства; предоставление права крестьянину свободного выхода из крестьянской общины, создание хуторов и отрубов; увеличение эффективности крестьянского труда; поддержка деятельности крестьянских товариществ и кооперативных хозяйств.

Основная суть аграрной реформы заключалась в том, чтобы, отменив оставшиеся выкупные платежи, дать возможность всем крестьянам право свободно выходить из общины и закреплять за собой надельную землю в наследуемую частную собственность. При этом использовались разные методы, чтобы заставить помещиков продавать землю крестьянам. Главными рычагами проведения реформы были работы по землеустройству, деятельность Крестьянского поземельного банка и переселенческая политика [2].

В отличие от реформы 1861 года, упор делался не на общину, а на единоличных собственников, которые могли резко увеличить эффективность своего хозяйствования. Столыпин считал, что зажиточное крестьянство станет настоящей опорой самодержавия. Крестьянам разрешалось выходить из состава общины и создавать свои личные обособленные хозяйства, продавать или закладывать свои земельные наделы, а также передавать их по наследству.

Важной частью аграрной реформы стала деятельность кредитного банка. Это учреждение продавало крестьянам в долг государственные или выкупленные у помещиков земли. Процентная ставка по кредиту для самостоятельных крестьян была вдвое ниже, чем для общин. Отношение к неплательщикам были жесткими: земля у них отбиралась и снова поступала в продажу. Крестьяне могли получать кредит на льготных условиях под залог земли или получить ссуду для покупки земли у помещика сроком на 55,5 лет.

Реформа Столыпина предполагала переселение крестьян на свободные земли Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Северного Кавказа. Подготовленный правительством законопроект предусматривал передачу государственных земель Сибири в частные руки без выкупа. Переезд был бесплатным. Государство старалось обустроить быт на местах переселения: строились школы, медицинские пункты и т.п. [1].

Практическая реализация аграрной реформы Столыпина показала определенные успехи в развитии страны: из общин вышло 35% крестьян; 10 % – организовали хуторские хозяйства; 60 % переселенцев в Сибирь и на Урал вернулись обратно в свои деревни; появились разногласия вышедших и оставшихся в общине крестьян; ускорился процесс классового расслоения; увеличилось количество городских слоев, вызванное выходом крестьян из общины; возросло число зажиточных крестьян; увеличилось сельскохозяйственное производство; расширились площади посевных земель; возрос экспорт зерна; начала широко использоваться техника в сельском хозяйстве; усилилась дифференциация видов аграрного производства по районам; были окончательно ликвидированы феодальные пережитки; Россия вышла на первое место в мире по производству и экспорту зерна (1909 год).

Реформа в целом была направлена на усовершенствование крестьянского наделного землепользования, проводилась в 47 губерниях Европейской России. Учитывала проблему перенаселенности центральных районов России. Предполагала разрешение проблемного вопроса при помощи переселения части крестьян в другие регионы.

Для успеха аграрной реформы, по собственному заявлению П.А. Столыпина, необходимо было 20 лет без войн и революций. Но ожидания реформатора не оправдались. Рост аграрного производства происходил не в силу интенсификации производства, а из-за увеличения интенсивности крестьянского ручного труда. Результаты прогрессивной реформы были недостаточны для коренного изменения ситуации, разрешения проблемы голода и аграрного перенаселения центральных областей страны. В результате гибели Столыпина в сентябре 1911 года, начала I мировой войны и разгоревшейся революции реализация реформы была прервана, и завершить ее не удалось. 28 июня (11 июля) 1917 года постановлением Временного правительства Столыпинская аграрная реформа была прекращена [2].

Выводы: таким образом, аграрная реформа П.А. Столыпина включала важные аграрные изменения в стране: свободный выход крестьян из сельских общин; создание хуторов и отрубов; передача земли в частную собственность; создание Крестьянского банка, который скупал земли у помещиков и продавал их крестьянам по льготной цене; создание земельных комитетов; переселение крестьян на свободные земли Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Северного Кавказа. В целом, реализация реформы имела положительные тенденции.

Список литературы

1. Реформы Столыпина П.А. URL: <http://gold.ru/news/reformy-petra-stolypina.html>
2. Началась аграрная реформа П.А. Столыпина. URL: <https://www.prilib.ru/history/619744>

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА ГОРОДА СТАЛИНО (1943-1953 гг.) В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ДОНБАССА: АНАЛИЗ ИСТОРИОГРАФИИ

Старченко Н.Н.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
starchenko.natalya@mail.ru

Решение жилищной проблемы и вопрос как лучше обустроить свое жилье, является естественной потребностью человека. Как бы то ни было, жилищные условия значительно влияют на культурный уровень людей, на их здоровье, образование, работоспособность, полноценный отдых, на создание и укрепление семьи, воспитания молодого поколения. Жилье – это показатель уровня жизни населения, а государство, в котором граждане не имеют достойных жилищных условий, считается социально отставшим. В жизни советского человека любые составляющие были связаны с политикой партии и правительства. К этим составляющим относятся и решения проблем жилищно-коммунального хозяйства.

Цель данной работы – рассмотреть и проанализировать основные направления научных подходов советской и современной отечественной историографии к проблеме послевоенного восстановления и развития жилищно-коммунального хозяйства г. Сталино в контексте изучения истории повседневности Донбасса.

Для городского населения Сталино война создала целый ряд бытовых проблем, которые проявлялись в острой нехватке жилья, низким уровнем развития коммунальных служб, дефиците строительных материалов так необходимых для строительства, ремонта и обустройства жилья. Следует признать, что жилищная проблема оставалась открытой до того времени, когда в стране началось массовое жилищное строительство, то есть до конца 1950-х гг.

В Советском Союзе началом показательного периода попытки решения жилищной проблемы являются 1943-1953 гг., именно в это время страна прошла сложный путь от руин, существования в бараках и землянках до обустроенных домов. В этом смысле Донбасс и непосредственно столица Донбасса, в исследуемый период город Сталино, были образцовейшими в региональном, республиканском и всесоюзном масштабе. Именно в Донбассе сложились исторические, экономические и демографические условия восстановления и развития отрасли жилищного строительства. Стоит отметить, что вопрос восстановления и строительства жилых домов, как нельзя лучше демонстрирует политику государства в этой сфере.

Первые работы по изучению условий жизни советских людей и городского населения в частности, а именно жилищной проблемы, вышли еще в СССР. В советский период издавалось много работ в которых описывалось жилье людей, методы их строительства, строительные материалы, обустройство и т.д., но в большей степени это были этнографические работы. Например, особого внимания заслуживает коллективная монография «Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище» [1]. Вопросы жилищных условий населения и состояния коммунального хозяйства освещались в работах, посвященных советскому быту. Среди них стоит отметить монографии Л.А. Гордона, Э.В. Клопова и Л.А. О니кова [2]. Значительный вклад в исследование проблемы жилищно-коммунального хозяйства Донбасса сделали авторы коллективной монографии «История рабочих Донбасса», а также М.П. Приходько и Н.Ф. Хорошайлов [3]. Во всех вышеуказанных работах содержится полезный фактический материал, который можно использовать для данного исследования. Однако, следует признать, что работы, созданные в советский период, носят тенденциозный характер.

Публикации последних десятилетий позволяют говорить о своеобразной реабилитации историографии истории частной жизни, к которой непосредственно относятся и решения вопросов жилищно-коммунального хозяйства.

Большой вклад в исследование социально-бытовой проблемы советской повседневности, рассматривающий и жилищный вопрос, на современном этапе развития исторической науки, внесли российские ученые Н.М. Козлова, Н.Б. Лебина, О.Ю. Зубкова, М.Н. Федченко [4].

В определенной степени вопрос жилищно-коммунального хозяйства освещается в трудах историков Донбасса А.В. Броваря [5], А.С. Бобровского, В.Н. Никольского [6], М.С. Герасимовой [7], К.В. Кузиной, З.Г. Лихолобовой [8], А.А. Саржана [9]. Отдельным комплексным историческим исследованием жилищного вопроса в Донбассе в послевоенный период являются научные труды Л.А. Краснопёровой [10].

Таким образом, рассмотрев и проанализировав немалое количество литературы по вопросу послевоенного восстановления и развития жилищно-коммунального хозяйства Донбасса, стоит отметить, что исследуемая проблема не нашла должной разработки в советской и современной отечественной историографии. Примечательно, что в своем большинстве выше рассмотренные труды касаются вопросов восстановления и развития жилищно-коммунального хозяйства фрагментарно, посредством исследований социально-экономической сферы городов и сел Донбасса, однако данный вопрос отдельно на примере города Сталино в 1943-1953 гг. не рассматривался.

Список литературы

1. Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище / Отв. ред. М.Г. Рабинович. – М.: Наука, 1979. – 192 с.
2. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. – М.: Наука, 1972. – 268 с.; Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было?: размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30 – 40-е годы. – М.: Политиздат, 1989. – 319 с.; Гордон Л.А., Клопов Э. В., Оников Л.А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. – М.: Знание, 1977. – 159 с.
3. История рабочих Донбасса / Гл. ред. Ю. Ю. Кондуфор. – Т. 2. – К.: «Наукова думка», 1981. – 432 с.; Приходько М.П. Житло робітників Донбасу. – К.: «Наукова думка», 1964. – 108 с.; Хорошайлов Н.Ф. Возрождение Всесоюзной кочегарки. Из истории восстановления Донбасса в 1946 – 1950 гг. – Донецк: «Донбасс», 1974. – 154 с.
4. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945-1953. – М.: РОССПЭН, 1999. – 229 с.; Козлова Н.Н. Советские люди (сцены из истории). – М.: Издательство «Европа», 2005. – 527 с.; Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – 488 с.; Федченко М.Н. Повседневная жизнь советского человека (1945-1992 гг.): Монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. – 231 с.
5. Бровар О.В. Вугільна промисловість Донбасу у 40-60-хх рр. ХХ ст.: проблеми соціального розвитку: монографія / О.В. Бровар. – Донецьк: Юго-Восток, 2009. – 365 с.
6. Бобровський А.С., Нікольський В.М. Соціальна політика радянської держави та її реалізація в Донбасі у 1943 – середині 1960-х років / А.С. Бобровський, В.М. Нікольський. – Донецьк: Норд-Пресс, 2008. – 245 с.
7. Герасимова М.С. Повсякденне життя населення Донбасу в 1945-1953 рр.: Дис. на здоб. наук. ступ. канд. шст. наук (07.00.01) / Наук. кер. О.В. Стяжкіна; Донец. нац. ун-т. – Донецьк: ДонНУ, 2007. – 280 с.
8. Кузіна К.В., Лихолобова З.Г. Соціально-економічні процеси у монопрофільних шахтарських містах Донбасу (1950-1980-ті роки). – Донецьк, 2010. – 335 с.
9. Саржан А.О. Зміни в соціально-економічній сфері Донбасу. Друга половина 40-х – кінець 80-х рр. ХХ ст. / А.О. Саржан. – Донецьк: Лебедь, 2004. – 412 с. – Бібліогр.: с. 270-320.
10. Краснопорова Л. О. Історична ретроспектива розвитку житла на Донбасі / Л. О. Краснопорова // Історичні і політологічні дослідження. – 2013. – № 3. – С. 258-264.; Об'єми та напрямки житлового будівництва на Донбасі періоду післявоєнної відбудови та "хрущовської відлиги" / Л. О. Краснопорова // Історичні і політологічні дослідження. – 2013. – № 4. – С. 206-213.; Планування житлового будівництва та його реалізація на Донеччині та Луганщині (1943 – 1964 рр.). Історичний аспект / Л. О. Краснопорова // Історичні і політологічні дослідження. – 2014. – № 1-2. – С. 102-112.

РЕГИОНАЛИЗМ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ДОНБАССА В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСКОЙ КАМПАНИИ 2004 ГОДА

Твердохлеб А.Ю.¹, Тимофеева В.С.²,

¹ГПОУ «Донецкий медицинский колледж», г. Донецк, ДНР

²Донецкий медицинский общеобразовательный лицей-предуниверсарий

ГОО ВПО ДОННМУ им. М. Горького, г. Донецк, ДНР

tverdokhlebanna@mail.ru

Общественное сознание – это полиаспектный, многоуровневый феномен [1]. На обыденном уровне оно представлено настроениями, эмоциональными состояниями, ментальными установками, которые оказывают решающее влияние на поведение людей, чем объясняется все возрастающий интерес историков к их изучению.

Важную роль в формировании современных общественно-политических позиций жителей Донбасса сыграла президентская кампания на Украине 2004 года и связанный с ней политический кризис («оранжевая революция»).

Проблему регионализма в Донбассе исследовали А.А. Саржан [2], Л.В. Томайчук [3], А.И. Миллер [4], Л.А. Крутова, О.Б. Пенькова [5] и др. Авторы отмечают, что сложность изучения проблемы состоит в недостатке точных данных о соотношении региональных и национальных ценностей в сознании жителей Донбасса на различных этапах его истории.

Цель работы – проанализировать общественно-политические настроения студенческой молодежи Донбасса в период президентской кампании на Украине в 2004 году.

Источниковой базой исследования являются материалы опросов, проведенных авторами на основе нерепрезентативной выборки среди студентов Донецкого национального университета, Донецкого национального медицинского университета имени М. Горького, Донецкого национального технического университета и Донецкого базового медицинского колледжа. Было опрошено 300 студентов второго-третьего курсов последовательно в апреле-мае 2004 года и после 1-го, 2-го и перед третьим туром выборов в ноябре–декабре 2004 г.

Во время социологического опроса в апреле 2004 г. студенты Донецкого национального университета на вопрос о своей идентичности ответили следующим образом:

- 31,8 % респондентов в первую очередь считают себя жителями Донбасса,
- 27,3 % – гражданами Украины,
- 18,0 % – гражданами Вселенной,

– 4,5 % – гражданином СССР.

О доминировании регионального компонента говорят и результаты опроса в мае 2004 г. среди студентов Донецкого государственного медицинского университета: на вопрос о дате празднования своего профессионального праздника Дня медицинского работника правильно ответили 38 %, а Дня шахтера – 92 %.

Осенью 2004 г. произошла резкая политизация сознания жителей Донбасса, причем впервые со времен перестройки. Позиция областного руководства (поддержка на выборах бывшего губернатора Донецкой области, затем премьер-министра Украины В.Ф. Януковича) совпала с предпочтениями подавляющего большинства населения региона.

В ходе опросов весной 2004 г. студенты называли 1–2 известную им политическую партию, а уже осенью в 83 % ответов перечислялись все ведущие и активные партии и блоки. При заполнении анкет звучали реплики: «Я раньше не задумывался, как люблю Донбасс (варианты – наших людей, земляков, свой город). Этому способствовали обстоятельства президентских выборов: создание из Донбасса образа врага как системный элемент избирательной кампании Ющенко, введение в оборот определений «донецкие бандиты», «власть бритоголовых», обвинения Донбасса в фальсификации второго тура только на основании высокого процента проголосовавших за Януковича при полном доверии к таким же показателям в пользу Ющенко на Западе Украины, вызревание идеи федерализма, ее неприятие и приравнивание к сепаратизму сторонниками Ющенко.

Среди опрошенных студентов в 1-м туре поддерживало В.Ф.Януковича 88,4 %, во 2-м – 90,7 %, в 3-м – 92,1 %; соответственно В.А.Ющенко – в 1-м и 2-м – 2,3 %, в 3-м – 1,9 %. Количество голосовавших против обоих кандидатов также с каждым туром сокращалось. В большинстве телевизионных комментариев того времени такая ситуация тенденциозно объяснялась просто «земляческими чувствами». Вместе с тем речь шла о более глубоких ментальных особенностях. 56,8 % опрошенных мотивировали свой выбор поддержкой экономической политики правительства В.Ф. Януковича и согласием с его программой, значительно меньше (13,7 %) – его донецкими корнями, 9,8 % – указывали на личностные качества.

Ведущими факторами, под влиянием которых студенты сделали свой выбор, явились: итоги работы правительства Януковича, известные по собственному опыту; влияние старших (более 90 % заявили о совпадении своих политических взглядов со взглядами родителей); средства массовой информации. Только 4,4 % респондентов голосовали не «за Януковича», а «против Ющенко». У сторонников В.А. Ющенко, напротив, главной была «отрицательная» мотивировка – былые судимости Януковича. Вопрос о мотивах выбора в анкете был открытым и ни один из респондентов не упомянул о каком-либо административном давлении.

Что касается СМИ, то ведущую роль играло безусловно телевидение: информационные, аналитические программы, теледебаты кандидатов, телемарафоны. Собственно, агитационные материалы (предвыборные издания, реклама на ТВ) как один из источников формирования своей позиции назвали всего 11 % опрошенных.

Отмечалось стремление студентов Донецка к получению широкой и разносторонней информации. В ходе кризиса студенты следили за развитием событий как минимум по трем телеканалам. В ответе на вопрос о наиболее объективной подаче информации фигурировало 10 различных телеканалов, чаще всего назывались телеканал «Интер» (25 % опрошенных) и «Euronews» (11,5 %).

Характерны изменения, которые происходили по мере перехода центральных украинских каналов на позиции «оранжевых» сторонников Ющенко. Если после 1-го тура региональные телекомпании вообще не упоминались, то после 2-го тура ТРК «Украина», тогда работавшая в Донецке, была названа во всех анкетах, а 19,2 % опрошенных сочли ее наиболее объективной в освещении событий.

Таким образом, политическая поляризация в Украине в ходе президентской кампании 2004-2005 гг. и неконституционного третьего тура выборов усилила регионализм в общественно-политических настроениях студенческой молодежи Донбасса.

Список литературы

1. Рассказов Л.Д. Российское общественное сознание в условиях современных глобализационных кризисных процессов: автореф. дисс. докт. филос. наук: 09.00.11 "Социальная философия" / Л.Д.Рассказов. – Улан-Удэ, 2018. – 50 с.
2. Саржан А.А. Социально-экономические и политические процессы в Донбассе (1945–1998 гг.) / А.А.Саржан. – Донецк: Сталкер, 1998. – 298 с.
3. Томайчук Л.В. Регионализм и региональная идентичность в современной Украине / Л.В.Томайчук // ПОЛИТЭКС. – 2013. – Т.9, №1. – С.252–263.
4. Миллер А.И. Прошлое и историческая память как факторы формирования дуализма идентичностей в современной Украине / А.И.Миллер // Политическая наука. – 2008. – №1. – С.83–100.
5. Крутова Л. А. Современные подходы к изучению истории Донбасса / Л.А.Крутова, О.Б.Пенькова // Журнал исторических, политологических и международных исследований / Донецкий нац. ун-т, исторический факультет; [редкол.: В.Н.Никольский (гл. ред.) и др.]. – Донецк. – 2015. – № 1. – С. 50–59.

ПЕРЕВОРОТ 1762 ГОДА В РОССИИ: ПРИМЕР ИСТОРИКО-ИНФОРМАЦИОННОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ.

Фанталов А.Н., канд. культурологии, доцент
ГБУ ДПО «Санкт-Петербургская академия
постдипломного педагогического образования», г. Санкт-Петербург, РФ
fantalov@mail.ru

Среди дворцовых переворотов России XVIII – начала XIX вв., переворот 1762 года занимает особое место. По сравнению со сходными с ним событиями: 1740 г. (низложение регентства Э. Бирена), 1741 г. (приход к власти Елизаветы Петровны), 1802 г. (свержение Павла I и воцарение Александра I) свержение Петра его супругой Екатериной, отличается по следующим основным параметрам.

1. Переворот 1762 года растянулся по времени и основные его события происходили днем.

2. Переворот произвела иностранная принцесса против своего супруга русского императора (внука Петра I), не имевшая никаких независимых от него прав на престол.

Мы видим в описании данных событий существенные отличия от удавшихся переворотов 1741, 1742 и 1802 годов. Эти перевороты происходили ночью, в них были задействованы по 200 – 300 участников, смена власти происходила быстро. Регент Эрнст Бирен и его сыновья были арестованы ночью (главнокомандующим Минихом), представители Брауншвейгской династии (Иоанн Антонович, его мать регентша Анна Леопольдовна и ее супруг принц Антон) и их министры, были арестованы гренадерами Елизаветы Петровны ночью. Император Павел I был убит в Инженерном замке также ночью и императором был провозглашен Александр I.

Во всех случаях события происходили в ночные часы (когда не работает государственный аппарат) и в очень сжатые по времени сроки. Допустимо утверждать, что события происходили по одному сценарному фрейму [1].

Известно, что всякая задержка в осуществлении своих планов вредит заговорщикам и чревата их гибелью. Их оружием является внезапность, все остальное – легитимность (пусть даже относительная), административный и военный аппарат обычно поддерживают текущих правителей и (после определенной задержки) выступают против заговорщиков.

В случае переворота 1762 года мы видим, что супруга Петра III Екатерина начала собирать своих гвардейских сторонников в утренние

часы, утром же ей присягнули Сенат и Синод, затем уже днем, она в 18 часов выступила в поход на Петергоф и Ораниенбаум [2].

В рамках данной статьи мы не будем предлагать собственного варианта произошедших в 1762 году событий, но считаем возможным поставить общепринятую версию под сомнение.

И здесь мы сталкиваемся со второй нестыковкой – проблемой легитимации переворота. Во всех трех перечисленных нами эпизодах – переворотах 1741, 1742, 1802 годов права легитимности либо находились на стороне заговорщиков (Брауншвейгского семейства и Елизаветы Петровны, соответственно). Либо при устранении императора Павла Александр I становился законным наследником. В случае же переворота Екатерины ничего подобного не наблюдается. Немецкая принцесса свергает своего супруга, законного государя Петра, внука высокопочитаемого императора Петра. И ей присягают войска, вельможи, церковь.

Обычно, объясняя массовый переход столичных войск и администрации на сторону мятежников (среди которых изначально почти не было сколько-нибудь влиятельных представителей российской аристократии и высшего офицерства) утверждают о крайне негативном отношении к Петру в российском обществе.

Следует, в этой связи, указать, что данный монарх правил 25 декабря 1761 (5 января 1762) – 28 июня (9 июля) 1762 – то есть полгода. За это время завоевать столь дурную репутацию можно только какими-то чудовищными преступлениями, которых Петр не совершал.

За полгода своего правления, император утвердил около двухсот законов, которые показывали разумный подход к делу государственного управления. Наиболее известный закон – «Манифест о вольности дворянства» (18 февраля (1 марта) 1762 года) принес императору огромную популярность среди российских дворян.

Второй причиной (или даже первой) мнимой непопулярности Петра III называют переход Россией в Семилетней войне на сторону Пруссии и возвращение занятой русскими войсками Восточной Пруссии Фридриху II. Однако Восточную Пруссию изначально и не собирались присоединять к Российской империи, а предполагали использовать для обмена на приграничные территории Польши. Кроме того, процесс передачи осуществила как раз Екатерина I после прихода к власти [3].

Остается третье обвинение – инкриминирование Петру III политики подчинения национальных интересов России интересам голштинским. Оно, по нашему мнению, остается наиболее серьезным.

Необходимо отметить, что инфильтрация голштинцев в Россию действительно имело место, причем задолго до описываемых событий.

Знаменитый путешественник Адам Олеарий, будучи на службе у герцога Шлезвиг-Голштейна Фридриха III в 1633 – 1635 гг. совершил посольство к царю Михаилу Романову и иранскому шаху Сефи I. В 1635 – 1639 гг. посольство (с активным участием Олеария) было повторено.

В 1724 году голштинский герцог Карл Фридрих (который стал в Санкт-Петербурге на некоторое время членом Верховного тайного совета) женился на Анне Петровне – дочери Петра I и Екатерины.

Любопытно, что в 1727 году к сестре Анны Петровны – Елизавете Петровне посватался другой гольштейн-готторпский принц – Карл Август (однако последний умер в разгар приготовлений к свадьбе).

Александр Меншиков временно отстранил «голландскую партию» и Карл Фридрих вместе с Анной Петровной уехали в Голштинию, где последняя родила сына Карла Петера Ульриха (будущего императора Петра III), который в 1742 году прибыл в Санкт-Петербург в качестве наследника императрицы Елизаветы Петровны [4].

В 1751 году Адольф Фридрих, еще один представитель гольштейн-готторпской династии стал шведским королем (благодаря усилиям Елизаветы Петровны). Гольштейн-Готторпы утвердились на шведском троне до начала 19 века. После своего восшествия на российский престол Петр вызвал из Голштинии своих родственников (в частности своего дядю Георга Гольштейн-Готторпского, которого он сделал российским фельдмаршалом). Кроме того, из Голштинии были вызваны дополнительные войска [5].

Поскольку в истории России уже был период «немецкого засилья» (в правление Анны Иоанновны) в столице могли возникнуть опасения повторения «бироновщины» (тем более что Петр вернул из ссылки опальных Э. Бирена, А. Остермана и ряд других деятелей времен Анны Иоанновны). Поэтому, возможно, высшие сановники Российской империи и не приняли мер к пресечению заговора Екатерины и ее достаточно узкого круга сторонников.

Список литературы:

1. Фанталов А.Н. Виды и функции фреймов / А.Н. Фанталов, М.А. Малязина // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаём будущее сборник статей XIII Международной научно-практической конференции: в 3 частях. – 2017. – С. 18-20.
2. Рюльер К.К. История и анекдоты о революции в России в 1762 году/ К.К. Рюльер // Россия XVIII в. глазами иностранцев. – Л.: Лениздат, 1989. – С. 261-312.
3. Анисимов М.Ю. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756-1763 гг. / М.Ю. Анисимов. – М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2014. – 570 с.
4. Морохин А. В. «Не ведаю, каково вам там жить»: к истории пребывания цесаревны Анны Петровны в Германии (1727-1728) / А.В. Морохин // Меншиковские чтения. – 2014. – № 5 (12). – С. 147-159.
5. Егоров В. Голштинские войска и дворцовый переворот 1762 года / В. Егоров. – М.: Фонд «Русские Витязи», 2016. – 120 с.

ОБ ОБРАЗОВАНИИ ДОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ (1919–1920 гг.)

Шабельников В.И., д-р ист. наук, профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
shabelnikov36@mail.ru

После Октябрьской революции 1917 г. встал вопрос об укреплении Советской власти в центре и на местах, создание государственного аппарата управления. Одним из таких примеров решения этой проблемы является выделение Донбасса в единый административно-территориальный район.

В современный период к этой проблеме в исторической литературе основательно и комплексно еще никто не обращался. Она не стала предметом фундаментального исследования. Лишь в некоторых научных работах фрагментарно рассматриваются вопросы административно-территориальных изменений в Донбассе в годы гражданской войны, которые не дают полного представления об истории образования Донецкой губернии [1].

Первые попытки объединения угольных районов Донбасса в единый административно-территориальный регион были предприняты в 1918-1920 гг. Но осуществить этот замысел в полной мере тогда не удалось. С февраля по май 1918 г. здесь существовала Донецко-Криворожская республика, управляемая большевиками. Затем был период немецкой оккупации и хаотичной смены самых разнообразных противоборствующих сил, в мае-июне 1919 г. территория Донбасса находилась под контролем Добровольческой армии генерала Деникина. Однако даже в этих условиях Донецкий бассейн был постоянно в центре внимания В.И. Ленина и его правительства. Образование единого административно-экономического каменноугольного района большевики рассматривали как главное условие успешного социалистического строительства.

После освобождения Донбасса Красной Армией от белогвардейских войск в начале 1919 г. на его территории стали создаваться органы советской власти – первые ревкомы и советы депутатов трудящихся. 5 февраля 1919 г. Совнарком Украинской ССР принял декрет «Об образовании Донецкой губернии», в котором отмечалось, что в связи с особым значением Донецкого бассейна как главной топливной базы республики и его исключительной роли для успешного окончания войны создать временную административную единицу из Бахмутского и Славяносербского районов Екатеринославской губернии с центром в городе Луганске [2].

Уже в марте 1919 г. состоялся первый съезд советов Донбасса, который проходил в Лисичанске, Луганске, а затем в Славянске. В

принятой резолюции отмечалось, что «Донецкий бассейн» разбросанный «по разным губерниям, ... должен быть выделенный и объявленный у тех геологических границ, которые образуют его производственное единство» [3]. На съезде были избраны органы власти и управления политической и хозяйственной жизнью бассейна. В апреле 1919 г. главой Донецкого губисполкома был избран Артем (Ф.А. Сергеев).

Губисполком сразу же встал на путь ликвидации застарелых уездных и волостных границ и создания районов с учетом производственно-экономических особенностей, несмотря на военные действия.

Однако советская власть продержалась недолго и уже в мае-июне губерния вторично была оккупирована войсками Деникина, который сразу же поставил цель полностью использовать производственные мощности Донбасса. Однако через два месяца с начала оккупации экономическая жизнь здесь замерла.

В январе 1920 г. Донбасс был полностью освобожден. Местные органы власти вновь вернулись к обсуждению вопроса о создании Донецкой губернии. 23 марта 1920 г. Совнарком РСФСР принял постановление «О выделении Донецкого каменноугольного района в особую Донецкую губернию» [4]. По взаимной договоренности между правительствами РСФСР и УССР ВУЦИК и Совнарком УССР приняли 16 апреля 1920 г. постановление «Об утверждении границ и состава Донецкой губернии» из частей Екатеринославской, Харьковской губерний и области Войска Донского [5].

Начиная с июля 1920 г. Донецкий губисполком разделил территорию губернии на 13 районов, а в декабре 1920 г. деление на районы было отменено и вместо них образовано 11 уездов [6].

Создание Донецкой губернии было результатом политики советской власти по изменению старого и созданию нового административно-территориального устройства с целью оперативной реализации социально-экономической политики. Характерно, что центральная власть не стала на данном этапе подвергать коренной ломке дореволюционное административно-территориальное деление, предпочтя временно его сохранить.

Вместе с тем, именно в это период происходила наработка опыта подготовки к масштабным реформам административно-территориального устройства, которые стали реализовываться уже в 1923 г.

Таким образом, развитие Донбасса было тесно связано с политикой советской власти по административному и экономическому районированию страны. Образование Донецкой губернии в первый и второй разы было результатом новой хозяйственной политики партии большевиков. Она дала возможность осуществлять из его центра руководство его сложным и разнообразным хозяйством. Однако в первые годы советской власти было решено временно и в основном сохранить дореволюционное административно-территориальное деление. Границы административных

единиц Донбасса подвергались лишь незначительным изменениям в поисках наиболее оптимального варианта жизнедеятельности территорий. При этом с их делением увязывалась организация системы местных органов власти.

Список литературы

1. Богінська І.В. Зміни в адміністративно-територіальному поділі Донбасу в 1920-1930-ті роки /І.В. Богінська // Історія України: маловідомі імена, події, факти: Зб. статей. – Вип. 18. – Київ-Донецьк, 2001. – С. 142-148; Недух А.А. Основні зміни в адміністративно-територіальному устрої Української РСР у 1918-1978 рр. / А.А. Недух // Архіви України. – 1979. – № 5. – С. 59-67; Шабельніков В.І. Зміни в адміністративно-територіальному поділі Донбасу у 1917-1930-х рр. / Шабельніков В.І. // Нові сторінки історії Донбасу: Зб. статей. – Кн. 17-18. – Донецьк, 2009. – С. 141-152.
2. Сборник законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Украины (далее СУ УССР). – 1919. – № 5. – Ст.73. – С. 78.
3. СУ УССР. – 1919. – № 5. – Ст. – 86. – С. 91-96; ГА ДНР – Ф. – Р-1146. Оп. 3. Д. 6. Л.10.
4. ЦГАВО Украины. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 870. Л. 12.
5. СУ УССР. – 1920. – № 7. – Ст. 121. – С. 166-167, 180-181.
6. ГА ДНР. – Ф. – Р-1146. Оп. 2. Д. 4. Л. 56-58; Ф. – Р-1146. Оп. 2. Д. 18. Л. 230-231.

УДК 94(477.62)069:37.01. – 057.343

РОЛЬ МУЗЕЯ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ФОТОВЫСТАВКИ «ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ» ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ «АРТ-ДОНБАСС» г. ДОНЕЦКА)

Шеховцова И.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
inna_schegovzova@mail.ru

Сохранение исторической памяти подрастающего поколения – важная составляющая часть воспитательной работы музейных сотрудников. Формирование патриотических чувств, осознание исторических ценностей и понимание роли своей страны в судьбах мира, развитие чувства гордости за своё государство является одной из важных художественно-просветительских задач художественных музеев. Человек должен знать, откуда он родом, кто его предки. Так формируется связь между ним и обществом, рождается понимание своего значения в современной жизни.

Ситуация военно-политического конфликта, в которой находится Донбасс, активизирует изучение того пласта национальной исторической памяти, который связан с незабываемыми событиями мирового масштаба в

XX веке. Победа в Великой Отечественной войне остаётся непреходящей духовной ценностью, цементирующей силы общества.

Исследователи И. Бестужева-Лада и М. Озерной [1] рассматривают музей как всеохватывающее образование в сфере культуры. В своем исследовании они выявили общекультурные функции музея и определили его миссию в обществе. Своей работой ученые актуализировали изучение феномена музея.

Цель работы – анализировать влияние военной фотографии, представленной фотовыставкой «По дорогам войны» в художественном музее «Арт-Донбасс», на духовное развитие ценностных ориентиров молодого поколения Донбасса.

Художественный музей «Арт-Донбасс» и Музей фотожурналистики и фототехники Бориса Виткова в сентябре 2017 года представил фотовыставку, посвящённую 74 годовщине освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков.

В экспозиции было представлено более 50 фотографий военных корреспондентов, имена которых известны всему миру: Евгений Халдей, Борис Витков, Наум Грановский, Иван Шагин и другие.

Вторая Мировая война ярче и достовернее всего предстает в сознании современников сквозь призму фотографии. Нам кажется, что мы знаем о той войне все: о ее буднях и сражениях, о жизни на фронте и в тылу, в осажденном Ленинграде и в освобожденной от фашистов Франции. Военные фотографы своими неповторимыми и яркими фотографиями смогли запечатлеть ужасное лицо войны, утвердить ценность мирной жизни. Военная фотография, как таковая, отличается грубоватой подачей материала, снимаемые события показываются крайне реалистично. Благодаря этому зритель и погружается в жестокий мир войны.

Переключкой времен, связью поколений выглядит эта выставка в наше время. Ее целью является бережное сохранение памяти о тяжелых и страшных годах и о народе-герое, выстоявшем и победившем в пекле войны. В представленной композиции раскрыта сама сущность «времени героев». Подобные выставки несут в себе всю мощь трагического звучания войны, делают остро ощутимыми ее сегодняшние отголоски. Выставка является свидетельством актуальности жанра военной фотографии и его общественной востребованности.

Работа по сохранению исторической памяти подрастающего поколения в нашем музее построена таким образом, что охватывает не только воспитательный, но и учебный процесс. При проведении экскурсий по душотрепещущим выставкам, к которым, несомненно, относится и анализируемая выставка, мы в своей работе применяем синтез искусств, который представлен написанием авторских стихотворных экскурсий. Ценность и убедительность художественных произведений, посвященных теме войны, представлена проведением художественных лекториев в «Арт-

Донбассе», среди которых «Правда о войне: художник-баталист Василий Верещагин» [2] и «Изобразительное искусство военного времени: 2014-2017 гг.» [3].

Как отмечает директор художественного музея «Арт-Донбасс», Калиниченко Е.Н: «Все работы основаны на собственных переживаниях событий, свидетелями которых они стали. В них запечатлены не просто хаос, а чувства и переживания, боль и смятение миллиона жителей. Это крик души, который должен и будет услышан! ... Цель таких выставок – патриотическое воспитания школьников Донецкой Народной Республики, сохранение исторической памяти о сражениях и участниках военных действий за свободу Донбасса в дне сегодняшнем, как и 70 лет назад наши отцы, деды отстаивали честь Отчизны, привлечение внимания молодежи к подвигу народа Донбасса, повышение интереса к отечественной истории, воспитание чувства патриотизма, любви и гордости за свой народ, привлечение молодежи к художественно-творческой деятельности» [4].

В современном мире музеи являются не только лишь хранителями информации, но и становятся ее поставщиками. Благодаря таким выставкам, как фотовыставка «По дорогам войны», впечатления прошлого легко и непринужденно входят в духовный мир человека, а человек, в свою очередь, сохраняет это мироощущение. Он учится уважать своих предков и помнить о том, что он в обществе играет значимую роль для потомков. Это способствует росту ответственности – нравственной ответственности перед людьми прошлого и в тоже время перед будущими поколениями.

Список литературы

1. Бестужев-Лада И. Музей в системе культуры / И. Бестужев-Лада, М. Озерная // Декоративное искусство. – 1976. – № 9. – С. 6-10.
2. Правда о войне: художник – баталист Василий Верещагин. [Электронный ресурс]: <http://artdonbass.com.ua/ru/news/lektoriy-pravda-o-voyne-hudozhnik-batalist-vasiliy-vereshchagin.html>.
3. Калиниченко Е.Н «Изобразительное искусство военного времени: 2014-2017 гг.» // Культура в фокусе научных парадигм: научн. ред. Кравченко О.А., Каика Н.Е. – Донецк: ДонНУ, 2017. – Вып 5. – 368 с.
4. Калиниченко Е.Н. – Указ. труд. – С. 103.

СВЯТОГОРСКИЙ СВЯТО-УСПЕНСКИЙ ПЕЩЕРНЫЙ МОНАСТЫРЬ – ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ XVI–XVII вв.

Шкрибитько Е.А., канд. ист. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

shelaa28@gmail.com

На рубеже XX–XXI вв. произошла переоценка места и роли православной церкви в экономическом, духовном и культурном развитии общества. В связи с этим началось возрождение церквей и монастырей. Однако, начавшийся при президенте Украине П. Порошенко, раскол внутри Украинской православной церкви Московского патриархата актуализировал вопросы, связанные с каноническим православием. Учитывая масштабность и значимость указанных событий особое внимание следует уделить центру религиозной жизни современного Донбасса – Святогорскому Свято-Успенскому мужскому монастырю (с 2004 г. – Лавры) на правом берегу Северского Донца, в черте г. Святогорска Донецкой области (ныне эта территория принадлежит Украине).

Актуальность предложенной темы также обусловлена недостаточной научной разработкой и устаревшими идеологическими стереотипами. Работы имеют, преимущественно, информационный характер и описывают только определенные моменты из прошлого Святогорья.

Цель работы – проанализировать особенности архитектурной застройки Святогорского Свято-Успенского монастыря в XVI–XVII вв.

Первые монастыри Слобожанщины имели оригинальную архитектуру и фактически были храмами-крепостями на татарских путях-сакмах, в «Диком поле», за пределами постоянных владений Московского государства. Они выполняли оборонительные и благотворительные функции. Ведущая роль в этих процессах принадлежала Святогорской обители, располагавшейся на правом («крымском») берегу Донца.

В конце XVI–XVII вв. формируется комплекс пещерных сооружений Святогорского монастыря в восточной части мелового утеса. Высота скалы тут достигала 63 м и была превращена монахами в неприступную природную крепость. В меловых пластах монахи прорубили многоярусный (4–5 этажей) комплекс пещерных сооружений, размещенных друг над другом. Внешний вид описанной скалы изображен на цветном плане Святогорского монастыря 1679 г., хранящемся в РГАДА [1].

Сначала появились помещения на современном II ярусе пещерника. В центральной части яруса расположен Николаевский (ныне – Иоанно-Предтеченский) храм (площадь 46 м²) с приделом [2]. Время его сооружения неизвестно. Возможно, что сначала Николаевская церковь имела другое название, потому что до середины 30-х гг. XVII в. основной,

а возможно, и единственный пещерный храм назывался Успенской церковью, а сам монастырь был Успенским [3]. Известно, что пещерная церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы была основным культовым помещением обители до 1632 г. Затем монахи прорубили ход в верхнюю часть меловой скалы. Здесь была обустроена вторая Успенская пещерная церковь, освященная в 1634 г. Возможно, именно тогда древнюю Успенскую пещерную церковь переименовали в честь Св. Николая Угодника [4]. На схематическом изображении монастыря 1679 г. Успенская пещерная церковь зафиксирована в верхней части мелового утеса (на III ярусе, на месте современной Николаевской наскальной церкви) Постепенно Успенская церковь превратилась в главный храм обители и использовалась монахами до конца XVII в. Николаевская пещерная церковь утратила функцию основного культового помещения.

С западной части к Николаевской пещерной церкви примыкает придел площадью 14 м². Очевидно, это помещение было приспособлено для мирских лиц, посещавших службу. Рядом с храмом расположены три кельи, соединенные между собой и храмом коридорами. Эти сооружения были рассчитаны на проживание 3-4 человек. Вдоль стен сохранились меловые лежанки, которые покрывались деревом и использовались для отдыха. Во второй келье была печь, которой отапливались кельи. Дымовая труба выводилась из меловой горы через окно третьей кельи.

Трапезная пещера (площадь – 25м²) также занимает II ярус меловой скалы. К этому помещению сходятся пути сообщений не только II яруса, но и уже утраченных верхних ярусов пещер. К трапезной примыкали две смежные небольшие комнаты, которые, очевидно, были кухней первых поселенцев. В I ярусе пещер в древности хоронили монахов в специальной усыпальнице. Это Г-образный коридор длиной 26 м, в стенах которого вырублено 13 погребальных ниш. Усыпальница освещалась одним небольшим окошком, выходящем к реке. Захоронения в нишах не сохранились.

Из двух ярусов пещерника есть выходы из скалы. Однако сегодня, в результате разрушительных процессов в скале, пользуются основным пещерным ходом (400 м), который начинается у восточного подножия горы, поросшей густым лесом. Он соединяет нижнюю территорию монастыря с меловым утесом. Направо, к северу, заложенный участок хода. Его заложили, опасаясь обвала, в XIX в. Это был первоначальный вход в монастырь, что подтверждается чертежом 1679 г. Он занимал центральную часть II яруса и находился рядом с древней трапезной пещерой.

В западной части IV яруса мог находиться сторожевой балкон для дозора за передвижением татар. Возможно было и отдельное помещение, предназначенное для размещения российской сторожи. В V ярусе могла находиться звонница с крестом. Про все эти строения свидетельств не сохранилось.

В конце XVII – начале XVIII вв. произошло крупное разрушение скалы, в результате которого исчезли практически два яруса пещер, IV и V. Третий ярус сохранился на 50%.

Следует отметить, что многоярусный пещерный комплекс был связан с разветвленной сетью иных подземных сооружений. Ныне на территории Святогорского монастыря и за его пределами сконцентрирован ряд древних пещерных скитов, которые заселяли первые монахи-отшельники. Скорее всего, их появление относится к периоду существования в Святых Горах пещерного монастыря. По преданию в древности пещеры скитов тянулись по Донцу на 14 км и были своеобразным пещерным городком [5].

К периоду существования пещерного монастыря относится и подземная церковь пр. Антония и Феодосия. Она находится к востоку от основного монастырского ансамбля и вырыта у подножия горы, на которой ныне возвышается памятник Артему [6].

В 1679 г. святогорские старцы еще обитают в «каменной горе», а у подножия скалы, напротив западной и центральной части мелового утеса, на берегу Донца, уже построены первые наземные деревянные сооружения монастыря.

Таким образом, комплекс пещерных сооружений (V ярусов) высотой 50 метров функционировал около 60 лет. Ослабленная постоянными разработками и трещинами меловая скала обвалилась в конце XVII – начале XVIII в. Высота самой скалы уменьшилась более чем на треть.

Список литературы

1. Шалаева Н.Г. Умови життя та побут святогірського чернецтва в XVII ст. / Н.Г. Шалаева // Святогірський альманах: Зб. наук. праць. – Донецьк: СДІАЗ, 2008. – С.112-113.
2. Фомин П. Церковные древности Харьковского края: Ист.-археолог. очерк / П.Фомин // Вера и разум. – Харьков, 1913. – С. 83-84; Дедов В.Н. Святые горы. От забвения к возрождению. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Славянск: «Печатный двор», 2004. – С.29-33.
3. Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. – М., 1852. – Отд.1. – с.110.
4. Лаврів П. Святогірський монастир / П.Лаврів // Виробник України. – 2002. – 19 липня. – С.5; Дедов В.Н. Как рождаются легенды // Анналы: Науч. –публицист. альманах. – Донецк. – 1990. – Вып. I. – С. 86.
5. Фомин П. Указ. соч. – С.86-90; Меняйленко О. Скит: Легенда Слов'яногір'я // Вісті. – 2000. – 11 липня. – С.4.
6. Фомин П. Указ. соч. – С. 86; Дедов В.Н. Святые горы. От забвения к возрождению. – с. 49; Центральный государственный исторический архив Украины. – Ф.2017. Оп.1. Д.1069. Л.2.

МЕМУАРЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Шумейко Ю.Е.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

marina-shumeyko67@mail.ru

В последнее время среди историков, литературоведов, искусствоведов возрос интерес к мемуаристике как к культурному явлению, как к памятнику породившей его эпохи в контексте его реального бытования в исторической действительности. Однако методика изучения мемуарной литературы у представителей разных наук имеет отличительные особенности. Трудно согласиться с утверждениями некоторых литературоведов, рассматривающих воспоминания преимущественно в русле литературно-художественного творчества и в системе эстетических категорий. Представляется более убедительной точка зрения тех исследователей, которые характеризуют мемуары не только как носителей определённой социальной информации об исторической действительности, но и как её составная часть, объект, остаток самой этой действительности, продукт сложного развития социальных отношений [1]. Наряду с общественно-политической мыслью и историографией мемуаристика являлась органическим компонентом общественного сознания. Только при подходе к мемуарной литературе как к явлению не только художественной, а духовной литературы общества в целом. Мемуаротворчество как распространённое явление духовной жизни есть порождение эпохи. Просвещения, формирующееся на базе открытия ценности человеческой личности, высвобождения её от провиденциально-аскетических норм и сословно-корпоративной замкнутости средневекового мирозерцания. Победа светского начала в культуре, изменения в социально-экономическом облике и поведении человека, предпочтение «службы» абсолютистскому государству аристократической родовитости, будившее личную энергию и инициативу, успехи образования, научных знаний, книгопечатания и возникшая потребность в чтении, превращение России в мировую державу, включение её в общеевропейскую систему отношений – весь этот стремительный поток сложных и неведомых ранее впечатлений раздвигал умственные горизонты личности, повышал интерес к её внутреннему миру и к её собственной истории. Всё это привело в XVIII в. к развитию жанра исповеди, автобиографии, которые писались людьми, к литературе никакого отношения не имевшими. Во второй половине XVIII в. в России мемуаристика начинает складываться в более или менее адекватные своему содержанию жанровые формы, а завершение

её формирования в самостоятельный вид источника приходится на первые десятилетия XIX века. Таким образом, возникла потребность личности запечатлеть для современников и потомства опыт своего участия в историческом бытии, осмыслить себя и своё место в нём при всей пестроте конкретных целей и поводов написания. Историческое самосознание человеком самого себя. В этом плане мемуары не могут быть заменены ни документами официального делопроизводства, ни собственно историческими трудами, ни произведениями художественной литературы. «...имя носил доброго и честного человека, а сверх того было оно и во всём отечестве моём не только не безызвестно, но довольно и славно и таково, что многие желали меня видеть и со мною иметь знакомство», – пишет в своих мемуарах известный экономист и писатель А.Т.Болотов [2]. Богата мемуарами вторая половина XVIII в., что связано с духовно напряженной атмосферой идейных исканий, интенсивным поиском ответов на жгучие социально-политические и нравственные проблемы российской действительности. На протяжении всего нескольких десятилетий в общественно-политической жизни страны возникли такие новые явления как просветительство, крестьянский вопрос, проблема государственной власти, патриотизма истинного и ложного и др. Все эти вопросы находили специфическое отражение в мемуаристике как неотъемлемой части складывающейся национальной культуры. В какой мере мемуарная литература выразила процесс изменения социально-психологического облика личности, системы ценностей, образа мышления? Как представители различных социальных групп, профессиональных привязанностей оценивали своё время и как понимали окружающий их мир – как нечто неизменное или как динамичный, подверженный изменениям процесс?

По мнению Ф.Ф. Вигеля мемуары «...могут составить величественный, ясный поток, коим Карамзины грядущих времён будут наполнять любопытную жажду к познаниям» [3].

В мемуаристике находят отражение переломные этапы развития самосознания личности, понимания ею себя в меняющемся мире. Именно потому мемуарные памятники исконно входили в состав важнейших источников познания.

Список литературы

1. Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика XIX века. (Опыт источниковедческого изучения) / А.Г.Тартаковский. – М.: Наука, 1980. – С.6.
2. Болотов А.Т. Из неизданного литературного наследия / А.Т.Болотов // Литературное наследство, 1933. – №9/10. – С.169.
3. Вигель Ф.Ф. Записки. / Ф.Ф.Вигель // М.: «Русский архив», 1891. – С.5.

РАБОТА МУЗЫКАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ДОНБАССА В ГОДЫ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ 1941–1943 гг.

Щевич К.С.,

Пенькова О.Б., канд. ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

kristinashchevich@yandex.ru

В августе 1941 г. враг уже был на подходе к столице Донбасса – городу Сталино. Несмотря на то, что эвакуация различных учреждений проходила достаточно быстро, некоторая их часть осталась на оккупированной территории. В период 1941-1943 гг. на захваченной области жизнь продолжалась.

Цель работы – выявить специфику деятельности музыкальных учреждений Донбасса в годы немецкой оккупации 1941-1943 гг.

Немецко-фашистские захватчики взяли все средства связи под свой контроль и проводили необходимую для них пропаганду. Газеты Донбасса публиковали материалы о жизни выехавших на работу в Германию [1].

По свидетельствам фашистской пропаганды, первыми шагами «возрождения нормальной жизни» на оккупированной территории всегда являлось открытие местных театров и кинотеатров. Таким образом, в г. Сталино эту процедуру завершили в начале декабря 1941 года. Местные газеты сообщали: «Функционирует 3 кинотеатра для гражданского населения: «Солдаткино», «Колизей», «Металлург» (Кинотеатр IV)».

«Фильмбюро» систематически проводило обслуживание военных госпиталей, а перед этим происходил музыкальный антракт, где звучали различные классические произведения в граммофонной записи. Местным авторам приходилось выезжать на фронт и выступать там перед немецкими солдатами. Так, в Юзовском музыкально-драматическом театре с ноября 1941 года до июня 1942 года, было проведено 20 выездных концертов для немецких военных частей [2].

10 мая 1942 г. весенний сезон открыл новый украинский театр в Бахмуте, который стартовал оперой «Запорожец за Дунаем» С.С. Гулака-Артемовского. В 10 часов прошел закрытый спектакль для почетных немецких гостей бахмутской интеллигенции [3]. Помимо этого, первого показа, в тот же день прошло еще два, в 14:00 и 16:00, но уже для широкой городской публики. Данная опера имела огромный успех у зрителей. К сожалению, из-за ограниченной вместимости театра не все желающие смогли попасть на первый спектакль нового театра.

В исполнении украинской хоровой капеллы под управлением А.П. Рыжкова прозвучало два концерта, которые радостно встретила публика. На концерте прозвучали песни: «Закувала та сива зозуля», «Ой з-

за гори кам'яної», «Стелися барвінку», «Щедрик». Из солистов капеллы необходимо отметить Н. Кузьмину, А. Ролуза и Ф. Синалицкого. Выступающий на концертах джаз оркестр не имеет достаточного количества инструментов. Было совсем не слышно ударных. Заслуженным успехом пользуется солистка джаза Е. Моисеенко.

22 марта 1943 г. в городском театре г. Славянска прошла премьера «кабаре программы», которая включала балет, юмор, песни и многое другое.

14 июня в газете была напечатана недельная театральная программа. Она включала в себя всего несколько спектаклей – «Аннели», «Теплые ребята», варьете «То и се» в исполнении военного оркестра. В конце июня и начале июля предполагалось поставить два спектакля «Тайная графиня» и «Лицемерный Флориан» [4].

Продолжали работать музыкальные школы. Одна из школ Славянска начинала, а другая открывала набор учеников любого возраста на 1943-1944 учебный год в классы рояля, скрипки и народных инструментов. 6 января 1943 г. В Киеве было открыто две музыкальные школы с семилетним сроком обучения. Методическое руководство ими взяла на себя Киевская музыкально-драматическая консерватория, а содержало их городское управление.

Кинотеатры тоже продолжают работать в оккупированных городах. Немцы свое пребывание в Донбассе объясняли необходимостью освобождения местного населения от гнета большевиков. Также в уже захваченных газетах выходили статьи о том, что именно их появление на Донбассе способствовало культурному возрождению в освобожденной области. Кинотеатры в занятых немецкой армией областей получали «лучшие» фильмы, которые знакомили общественность с высококультурной и полной творческой энергии жизнью Германии.

В июне-августе 1942 г. в зале Бахмутского банка было проведено 4 воскресных киносеанса, которые иллюстрировали прекрасный и правдивый быт той страны, о которой большевистская пресса сообщала лишь ужасы. 27 августа 1943 г. в солдатском кино демонстрировался фильм «Оперетта». В главных ролях – Мария Гольст и Вилли Фарест, а также большой цирковой фильм.

В Славянске летом 1943 г. состоялась премьера комедийного фильма «Ура, я отец!», а также двух драматических фильмов «Моя жена Тереза» и «Бунт в женском заведении». Субтитров у некоторых из этих экранизаций не было, поэтому отдельно специально печатались программки с кратким содержанием работы [5].

Ввиду временной оккупации Сталинской области немецко-фашистскими захватчиками театры за исключением Мариупольского театра и частично Донецкого русского музыкального театра были эвакуированы вглубь страны и возвратились лишь после освобождения

города и области. Возобновили свою работу различные музыкальные учреждения почти в одно и то же время.

В сентябре 1943 г. возобновили свою работу Артемовская и Енакиевская музыкальные школы. А спустя два месяца вновь начал работать Мариупольский театр. Более активно начала возобновляться деятельность музыкальных учреждений в 1944 году. В январе в город вернулся Донецкий музыкальный театр, в апреле Макеевский государственный драматический театр, в мае начала работать сталинская музыкальная школа, а летом Константиновский театр им. Пушкина и Славянский театр имени Маяковского [6].

Из-за долгой оккупации Сталинской области многие здания были разрушены и не все вернувшиеся из эвакуации театры смогли вернуться в родные стены. Большинство учреждений были вынуждены работать в помещениях, мало приспособленных для их нужд, с вместимостью до 350 мест.

После освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков восстановление работы музыкальных учреждений проходило достаточно быстрыми темпами. Почти все учреждения начали свою работу осенью 1943 года.

Список литературы

1. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР). – Ф. Р-4982. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.
2. ГА ДНР. – Ф. Р-4982. Оп. 1. д. 1, л. 27, 94, 124, 139.
3. ГА ДНР. – Ф. Р-4982. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
4. ГА ДНР. – Ф.Р-6403. Оп.1. Д.1. Л. 14.
5. ГА ДНР. – Ф.Р-6403. Оп.1. Д.1. Л. 16.
6. ГА ДНР. – Ф. 2132. Оп.1. Д.1. Л. 3, 5.

Историография, источниковедение, археология и методика преподавания истории

УДК 930.1

ГЕРОИ И ВРЕМЯ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Голодяев К.А.

МКУК «Музей города Новосибирска», г. Новосибирск, РФ
golod62@mail.ru

К сожалению, со сменой политической власти трансформация истории пока неизбежна. Сегодня переосмысливаются многие события и их участники. Это касается и времён Гражданской войны, и Великой Отечественной, и послевоенного времени. Коснемся более локальных примеров из истории Сибири. Есть в центре Новосибирска место, которое практически уже столетие является воинским захоронением «красного» и «белого» движений и стопроцентно подходит к созданию мемориала жертвам конфликтов и репрессий всех поколений. Сегодня памятник официально называется «Мемориальный сквер павших в годы гражданской войны». В 1997 году он понизил уровень государственной охраны с федерального значения на региональное. В советский период он назывался «Сквер героев революции», а закладывался в 1922-м как Памятник именно жертвам революции.

Здесь в 1920 году в единой братской могиле были захоронены тела 104 человек, которые после взятия города войсками 5-й Красной армии были обнаружены в основном в городской тюрьме, а также в оврагах реки Каменка. Месяцем ранее, в декабре 1919-го перед отступлением из Ново-Николаевска (ныне Новосибирск) белые расстреляли и порубили шашками всех заключённых, находившихся у них в застенках. Но дело в том, что подавляющее большинство заключённых были их одноармейцами.

Солдаты и офицеры белогвардейского 2-го Барабинского полка накануне с оружием выступили за отстранение от власти главнокомандующего Колчака и передачу её городскому самоуправлению, Земскому Собору (фактически эсерам) для продолжения эффективной борьбы с большевиками. Часть восставших погибла в уличных столкновениях, часть была расстреляна на месте, часть арестована. Это именно они и заполняли в основном городскую тюрьму, где при отступлении их и расстреляли вместе с остальными заключёнными: большевиками и случайными торговцами. Все они сегодня стали сначала Жертвами, а потом и Героями революции. Братская могила сразу стала местом пропаганды. Здесь проходили митинги, памятные церемонии [6].

В пятую годовщину Октябрьских торжеств, 7 ноября 1922 года на могиле был торжественно открыт монумент памяти. Установленный памятник представлял собой «большую братскую могильную насыпь, на верху которой находится пробитая мощною рукой массивная скала с глубокими расщелинами, идущими от верха к низу. В руке крепко сжат пылающий факел, густой слой пламени которого вихрем резко сдувается вправо». Уже в ходе работ в целях экономии и из-за технической сложности в проект были внесены изменения: скалу из естественных камней заменили на железобетон, руку из литого чугуна тоже, как и пламя, которое должно быть из полого стекла с красными оттенками внутренним электрическим освещением. Но пламя ещё надеялись «засветить», поэтому внутрь скалы был заложен крупного сечения кабель, а сам элемент пламени смонтировали съёмным [2].

В 1930-е сквер был открытым. Забор не был сплошным, и все желающие могли пройти на популярную эстраду, которая, на которой проводились лекции и другие массовые мероприятия. Место было больше парковым. Торжественная мемориальность пришла сюда уже к 40-летию Октябрьской революции, когда сквер был переименован в Героев революции 1957 [5]. Он дополнился новыми захоронениями останков руководителей новониколаевских большевиков, скульптурными бюстами и монументальным сорокаметровым панно из бетонных плит, на котором высечена художественная композиция на тему революции, созданная художником А.С. Чернобровцевым.

Мы и сегодня пытаемся разделить тех людей, погибших век назад, на красных и белых, а мудрые предки захоронили их вместе, назвав Жертвами революции. Без деления на красных и белых. В гражданской войне героев не бывает – только жертвы.

Подмена материальных свидетельств истории выражается и в сносе памятников. В конце 1960-х – 1970-х годах градостроители Новосибирска совершили огромное преступление перед историей. Ради строительства центра социалистического города были снесены целых три исторических квартала. Под снос попал и памятник революционных событий, имеющий охранный статус.

В каменном двухэтажном доме (последний адрес Красный пр-т, 21) в ночь с 13 на 14 декабря 1917 года было провозглашено взятие всей власти в городе и уезде Новониколаевским Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [3]. После сноса этого дома статус памятника революции перенесли на соседний дом – Красный проспект, 23, где сегодня размещается краеведческий музей. И теперь тяжеловесное лукавое панно, размещённое на северном фасаде здания запросто врёт: «14 декабря 1917 года в этом здании была провозглашена советская власть в городе».

Или другой пример. В годы Великой Отечественной войны семья Игнатовых оправила на фронт семерых сыновей. Поначалу из братьев было создано два танковых экипажа, потом война разбросала их по фронтам.

Родители писали детям ободряющие, любящие и ласковые, но в то же время наполненные патриотизмом письма: «Если какая-нибудь случайность или вражья пуля выведет из строя хоть одного из семи братьев, то на его место встанет восьмой – двенадцатилетний Спартак, встанут отец и мать» [4]. Двое братьев погибло. В строй встала сестра Мария.

Игнатовы не стяжали на фронте больших наград и званий, хотя боевые ордена и медали заслужили. У многих не сложились и собственные семьи. Об Игнатовых долго не вспоминали как о единой семье. «Они не стали героями» – горько говорил в 1970 году их отец [7]. Но время шло, и к 40-летию Победы сам факт участия в войне многодетной семьи подвиг журналистов к её описанию. А поскольку героики не хватало, изданная книга «Продолжение подвига» наполнена вымыслом и о воинах, и об их родителях, ставших вдруг почти революционерами [1]. Такова была опять таки специфика времени. Она же чуть было не перевернула вектор уже в наши дни.

Мне кажется, что сегодня вообще кощунственно разбираться в том кто герой, а кто не герой той большой войны. Только теперь, когда ветеранов войны осталось совсем единицы, мы пытаемся понять (и то с большим трудом), что героизм вовсе не обязательно выражается в орденах и званиях. Что понятие героизма не нужно возвеличивать искусственно: враньём и домыслами. Героями являются и простые труженики войны. Только за то, что они воевали или трудились в тылу в это страшное время – они уже достойны называться героями.

История должна быть не просто правдивой, она должна быть предметной. Наука должна состоять из твердого ядра. Для истории это первоисточники: археологические материалы, архивные документы, прессы прошлых лет, мемуары и воспоминание. Конечно, это идеализм, конечно и они тоже подвластны времени, я уже приводил такие примеры в начале. Но появление других первоисточников пока проблематично, а интерпретация существующих остаётся на совести исследователей. Это может быть художественное кино, роман, комиксы и т.д. Что угодно. Но наука История тут ни при чём.

Список литературы

1. Веревкин И. Ф. Продолжение подвига. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1985. С.37-51.
2. История памятника. // Газета «Советская Сибирь». №239, 22.10.1922. С. 5.
3. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-2025. Оп. 1. Д. 166. Л. 1
4. Касперович В. В семье Игнатовых. // Газета «Советская Сибирь». № 148. 25.06.1941. – С. 3
5. Новосибирский городской архив. Ф. 33. Оп. 1. Д. 1329. Л. 27.
6. У братской могилы // Газета «Советская Сибирь». №95. 03.05.1922. – С. 3.
7. Фильм «Игнатовы», реж. Ким Долгин, Новосибирское телевидение, 1970.

«КУРГАННОЕ СВЯТИЛИЩЕ» – АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕРМИН ИЛИ СЕМАНТИЧЕСКАЯ НЕСУРАЗИЦА?

Евглевский А.В.,

Андросова С.Л., канд. ист. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

a.yevglevsky@gmail.com

База «курганных святилищ» кочевников (древних и средневековых) хоть изредка, но продолжает пополняться новыми памятниками, расширяя их ареал, очерчивая политические и культурные границы, насыщая содержательное поле этих памятников. Но употребление этого термина в научном исследовании далеко не во всех случаях соответствует основной идее и смысловой нагрузке разных видов культовых курганов и, как следствие, засоряет и без того стремительно нарастающее соответствующее информационное пространство, ведет к ложным выводам о религиозных воззрениях кочевников. Термин «курганное святилище» уже настолько укоренился в сознании исследователей как разновидность культовых объектов древних (святилищ), что его давно произносят в усеченной форме «святилище» с той или иной культурно-хронологической приставкой. А слово курган фигурирует в анализе памятника лишь факультативно. Однако относительно курганов применение термина святилище – не безобидное пополнение словаря археологического сленга, и это не разговорный язык. Здесь, по сути, воедино скомкан научный термин святилище и общеупотребительное словосочетание курганное святилище. Более того, на практике исследователи, не имеющие достаточного собственного полевого опыта в раскопках курганов, как правило, не вникают в нюансы стратиграфии памятника, следовательно, не могут самостоятельно интерпретировать его смысловое содержание, а полагаются на устоявшиеся стереотипы, давно устаревшие, но удобные для многих построений, часто весьма сомнительных.

По традиционному взгляду (доминирующему в научной литературе), курганное святилище с вертикально установленными в глубоких ямах или закопанными горизонтально изваяниями – это культовое место, которое периодически посещали родственники или представители рода. По сути, такие представления ложнородственны классическому определению И.П. Русановой, известной своими исследованиями культовых мест и языческих святилищ славян VI–XIII вв. «Святилища – специальные сооружения, где находился идол и постоянно совершались [подчеркнуто нами – А.Е., С.А.] моления и жертвоприношения» [4, с. 53]. Но подобные моления и поклонения на курганах с обращением к идолам (изваяниям) не могли осуществляться, так как доступ к ним, как правило, был невозможен

из-за перекрытия кургана насыпью, а в редких случаях (когда изваяние закопано не на полный рост) сильно ограничен. Вопрос здесь совершенно ясен, так как данные стратиграфии подобных памятников при их внимательном анализе и при наличии непосредственного опыта у исследователя свидетельствуют о том, что культовые сооружения, а также редкие находки амфорного боя, жертвенных вещей и костей животных на культовой площадке или в ровике курганов перекрывались насыпью (или насыпью с камнями) сразу или через короткий промежуток времени после заключительного этапа поминальных церемоний. То есть, стратиграфия таких курганов не фиксирует постепенного затека землей, что обязательно случилось бы, находишь эти археологические артефакты длительное время в открытом состоянии. Другими словами, здесь отсутствуют признаки перманентного посещения культовых объектов родственниками или соплеменниками, они не использовались длительное время, но, главное, следует помнить, что курган, по сути, представлял собой дом мертвых. Это погребальный комплекс, действующий многие века как могильник древних, и сооружение в нем сколько-либо по времени действующего святилища в полном понимании этого термина не совместимо мировоззренческим принципам человека мифологического мышления, направленного на отчуждение умершего от живых так же, как и их каменных заместителей – изваяний.

Исследователи, к сожалению, часто забывают и об относительной скрытости действительных святилищ от природных явлений и чужого присутствия, которые могли бы помешать проведению соответствующих культовых церемоний и таинств. А ведь курганы устраивались древними, как правило, на водоразделах и были открыты постороннему взору.

К сожалению, во всех энциклопедических, а также в археологических словарях, призванных отражать обобщенный научный опыт, не нашлось места для статьи со словосочетанием «курганное святилище». Зато в них находим термин святилище. Так, в Советской исторической энциклопедии о нем написано: «место совершения религиозных обрядов; обычно считалось местопребыванием божества» [5, с. 611]. В Советском энциклопедическом словаре дается определение: «Место отправления культов в первобытной религии – пещера, роща, огороженный участок, постройка и т.д.» [6, с. 1193]. А в словаре В.И. Даля характеризуется как «святое место, дом, здание, посвященное святому делу; храм, церковь» [1, т. IV, с. 161]. Все перечисленные в этих цитатах объекты однозначно следует понимать как места с их многократным посещением, а потому они с полным основанием объединены под названием святилища, различающиеся лишь по форме и характеру исполнения обрядов. Вообще, под термином святилище можно понимать практически любой объект культового характера, будь то погребение, курган, наскальные композиции с петроглифами, оградительные наземные сооружения (ров, вал, ограда, кромлех и т.д.), которые в

соответствии с мифологическим мышлением воспринимались древними как особый сакральный объект, как микромодель макрокосма, в том смысле, что он священный.

Справедливости ради отметим, что в литературе есть и редкое правильное понимание сущности термина «курганное святилище». Так, В.С. Ольховский и Ю.А. Шилов, публикуя курган со скифским изваянием, указывают на его принципиальное отличие от святилища: «Святилище как специфическая сакральная зона предполагает совершение неоднократных стереотипных культовых действий, что обуславливает относительно длительный период его существования. Данное условие осуществимо лишь при наличии постоянного доступа посвященных (жрецов, магов) внутрь святилища; курганная же насыпь при отсутствии дромоса препятствует этому» [3, с. 108].

Итак, термин «курганное святилище» не стоит использовать в научном изложении материала, чтобы в отличие от многих жизненных ситуаций, как заметил выдающийся семиотик Ю. Лотман, «внешние трудности не толкали нас на путь компромиссов, а стимулировали поиски более точных формул» [2, с. 3].

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – Т. 1-4, 4-е. изд. – М.: Русский язык – Медиа, 2003. – Т. 4. – 684 с.
2. Лотман Ю. От редколлегии / Ю. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. – Вып. 936. Труды по знаковым системам. – Т. XXV. – Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1992. – С. 3-4.
3. Ольховский В.С., Шилов Ю.А. Скифский погребально-культовый комплекс кургана Цыганка / В.С. Ольховский, Ю.А. Шилов // РА. – № 4. – 1995. – С. 103-113.
4. Русанова И.П. Культовые места и языческие святилища славян VI-XIII вв. / И.П. Русанова // РА. – № 4. – 1992. – С. 50-67.
5. Советская историческая энциклопедия / Под. ред. Е.М. Жукова. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1969. – Т. 12. – 974 с.
6. Советский энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1989. – 1632 с.

УДК 904:130.2»10/12»

ПОСМЕРТНЫЕ ЛИКИ НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИЗВАЯНИЯХ: К ВОПРОСУ О ПОРТРЕТНОСТИ

Евглевский А.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
a.yevglevsky@gmail.com

Давно утвердившаяся точка зрения, что тюркские средневековые изваяния представляют собой изображения конкретных умерших с

портретными чертами, в последние годы претерпевает значительные колебания, например, появилась версия о том, что эти скульптуры являются стилизованными воплощениями эпических героев [3]. Но есть и такие группы скульптур, иконография которых не вписывается ни в старую концепцию, ни в новые версии, не говоря уже о том, что отдельные экземпляры и вовсе можно назвать уникальными. Таковыми являются два изваяния 2-й пол. XII – 1 пол. XIII в. из краеведческих музеев Воронежа и Белой Калитвы (Ростовская обл.).

Развернутый семантический анализ указанных скульптур был недавно сделан автором данных тезисов, в результате чего были выдвинуты две относительно равнозначные версии, в целом сходящиеся в том, что изваяния представляют собой изображения лиц с культовыми функциями, в частности, возможно, изображают: а) женщин-шаманок и б) служителей погребально-поминальной обрядности [2, с. 210-217]. Ныне я вынужден признаться: обе мои версии оказались несколько поспешными, точнее, с незаконченными мыслями о степени портретности, хотя я сделал тогда оговорку, что это «первое осмысление ... материала и поиск векторов дальнейшего их изучения» [2, с. 212]. С другой стороны, именно поиски трактовки иконографии лиц на этих изваяниях три года назад позволяют мне сегодня выразиться более определенно.

Невозможность представить в тезисах иллюстрации, без которых, по большому счету, немыслимо изложение археологического материала, в какой-то степени восполняет краткое сравнительное описание изваяний. Обе головы скульптур по форме и размеру нетипичны для половецкой иконографии. У воронежского изваяния (далее В) голова округлая, объемная и непропорционально большая относительно торса. Такая же голова и у скульптуры из Белой Калитвы (далее БК), но овал лица удлинён. Носы у скульптур едва ли идентичные, они массивные, резко расширяются книзу, но у В – нос более широкий. Лицо В изваяния, похоже, монголоидное, антропологический тип лица из БК трудноопределим. Подбородки – широкие, округлые, не характерны для женских изваяний. Глаза у них – наиболее аттрактивная гипертрофированная черта, на обеих скульптурах они показаны утрированно большими, закрыты, очевидно, символизируют умершего человека, хотя их трактовка разная. Верхние веки на глазах В изваяния опущены, а веки БК сомкнуты посередине. Глаза «намеренно лишены как живости, так и иной реальности, они не передают ни возраста человека, ни его эмоций, ни чувств, какой-либо направленности и динамики, они закрыты, мертвы. Но это вовсе не значит, что в эти безжизненные глаза (возможно, шаманок) мастер не заложил какого-то смыслового наполнения» [2, с. 214]. Моделировки рта и губ трактованы практически в той же манере, что и глаза. Рот на В изваянии – аморфных очертаний, губы неестественно большие, сомкнуты, стыкуются с носом, верхняя губа крупная, нижняя гораздо меньше. На скульптуре из

БК рот неестественно большой, удлинённый, с крупными припухшими губами [2, с. 211-212].

Каков же был мотив изображений этих гипертрофированных черт лиц? Связано ли это как-то с этническими индивидуальными чертами умерших, с врожденной уродливостью, или же мы имеем дело с неким мифологическим образом? Почему только на двух изваяниях и лишь на женских находим такую иконографию? Почему они обнаружены лишь на северо-западной периферии евразийского ареала тюркских изваяний? Ответы на эти вопросы лежат в мифологии, этнографии, фольклористике, нейропсихологии и т.д. [2, с. 212]. Однако ответ, может быть, и не окончательный, похоже, лежит на поверхности. Для уточнения интерпретации оказалось необходимым набраться дополнительного опыта в исследовании нюансов иконографии, много работая с изваяниями непосредственно на месте их хранения.

Ключевой признак в иконографии наших изваяний – это закрытые, опухшие глаза. В археологии есть выразительные и многочисленные параллели такому признаку, которые исследователи трактуют как отличное от современных представлений осознание мертвого тела, приближающие нас к раскрытию семантики образов изучаемых изваяний. Это, например, маски-скульптурки таштыкской археологической культуры (Южная Сибирь, II в. до н.э. – V в. н.э.), облицованные глиной или гипсом. На них отсутствуют анатомические подробности, неизбежные при снятии формы с лица человека, однако среди них нет даже двух масок, сделанных в одной форме. Индивидуальность мастеров, их выполнявших, проявляется в стремлении отразить какую-либо особо примечательную черту лица, которая гротескно выпячивается, но при этом условными остаются глаза, как правило, намеченные лишь глазными прорезями [1, с. 94]. Следовательно, они обозначали конкретного умершего, хотя заметно смещение индивидуальных и условных черт. Однако на наших изваяниях мастер, скорее всего, показал не посмертные маски (какой смысл было их демонстрировать на вместилище души умершего человека?), а мертвое лицо. Возможно, работа мастера по натуре мертвого тела была распространенным явлением у кочевников, но они в подавляющем большинстве случаев, очевидно, создавали живой образ, не придавая ему омертвевших черт лица. Или же мастер просто не видел ни живого, ни мертвого человека, которого надо было изваять, и, вероятно, руководствовался некой нормой культуры. Данное предположение относится и к древнетюркским (классическим) скульптурам (фигурам до пояса) VII–VIII вв., на лицах которых изображены широко открытые глаза с довольно живыми, гордыми взглядами. Иногда наблюдаются богатырские (героизированные) фигуры и лица, и никогда нет закрытых глаз. У другой большой группы изваяний (фигурах-бюстах) всего евроазиатского ареала также нет экземпляров с нарочитой демонстрацией

мертвого лица. Исключением является лишь один случай закрытых глаз на лице изваяния из Национального музея Башкортостана [2, рис. 3, 1].

Итак, промежуточный вывод в упомянутой моей статье о том, что «на реальные (канонические или с портретными чертами) образы умерших женщин как бы надеты своеобразные маски» [2, с. 213], сейчас выглядит шатким. Вероятно, мастера решили максимально продемонстрировать мертвые лица без какого-либо намека на портрет человека, оставив большинство других элементов иконографии реалистичными. Полагаю, что портретности нет на всех без исключения тюркских изваяниях Евразии не только потому, что мастеру было чрезвычайно сложно ее отразить на камне по описаниям родственников или соплеменников умершего, но и по причине отсутствия перед ним такой задачи в принципе. Даже исключительно искусно изготовленное изваяние Кезер-Таш из музея в Горно-Алтайске при внимательном рассмотрении дает лишь намек на его узнаваемость. Иными словами, не стоит путать индивидуальные черты иконографии с портретными, причем даже индивидуальные особенности могли не отражать в полной мере реальный облик человека, а являться результатом нормы культуры и личного подхода мастера в конкретном пространственном и временном срезе.

Опираясь на источники, можно говорить о посмертной маске или ее заменителе в виде мертвого лика как о явлении, характерном для традиций практически всех культур и народов. Очевидно, изображения мертвого лица осознавалось традиционным мышлением как момент перехода человека из мира живых в иной мир, как обнажение души человека. Физиогномисты в связи с этим считают, что ничто так не показывает сущность человека, как смерть, выраженная в его посмертной маске [2, с. 212].

Список литературы

1. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири / Э.Б. Вадецкая. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999 – 440 с.
2. Евглевский А.В. Половецкие женские изваяния эзотерического облика / А.В. Евглевский // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. V Международная Нижневолжская археологическая конференция, Элиста, 15-18 ноября 2016 г. – Элиста, 2016. – С. 210-217.
3. Ермоленко Л.Н. О смысле некоторых приемов стилизации деталей лица древнетюркских изваяний / Л.Н. Ермоленко // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 3(27). – С. 82-87.

РАСКРЫВАЕТ ЛИ ТЕРМИН *КУЛЬТ ПРЕДКОВ* ФЕНОМЕН ИЗВАЯНИЙ У СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ?

Евглевский А.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
a.yevglevsky@gmail.com

Многие этнографы, религиоведы, историки культуры и отчасти археологи придают большое значение *культу предков*, считая его одной из самых распространенных форм религиозных верований от глубокой древности до современности, нередко возводя в одинаковый ранг с тотемизмом и анимизмом. Суть культа предков в целом сводится к следующему: человек традиционного (мифологического) мышления считает всякого умершего существом сверхчеловеческим, способным влиять на жизнь живых. В основе этих верований лежал не только страх перед умершими, но и любовь к покинувшим их родственникам. С течением времени в культурах на этой почве появлялись более усложненные формы обрядности – героизация и обожествление предков, преимущественно распространявшиеся на воинское сословие и знать. Эволюция таких представлений и привела ученых к их пониманию, как комплекса воззрений, объединив под общим названием «культ предков».

Искусственно созданный термин *культ предков* прочно утвердился во всех общественных дисциплинах, а также закрепился в энциклопедических изданиях. Например, в Википедии, термин *культ предков* раскрывается в традиционном русле: «одна из древних и распространенных форм политеизма, в основе которой лежит поклонение умершим прародителям и сородичам. Обожествленный предок интересуется своей семьей, покровительствует ей, принимает от нее молитвы и жертвоприношения, продолжает быть владыкой в семье, помогать ее друзьям, вредить врагам и т.п. ... Его семья нуждается в его помощи, боится его гнева и мести; с другой стороны, и предок нуждается в поклонении живых, для своего спокойствия и удовлетворения потребностей. Культ предков является, таким образом, связующим звеном между поколениями в данной семье, делает из нее организованное тело, своего рода церковь» [Википедия]. Иными словами, под культом предков понимаются различного рода поминальные действия на могиле, оплакивание умерших, функционирование поминальных сооружений, изготовление изваяний, символическое кормление изображений умершего и многие другие религиозные воззрения и действия.

Однако подавляющее большинство исследователей не делает различий между обычной человеческой памятью об умерших и их почитанием, с одной стороны, и культом предков, с другой, хотя на принципиальность такого разграничения еще более столетия назад и позже [5, с. 225 и др.; 6, с. 28-33; 7, с. 130-140 и др.], указывали крупнейшие

этнографы. В связи с этим К.М. Рычков писал, что «у тунгусов не выработался культ предков чистого типа, но есть страх перед покойниками, при наличии которого и других факторов, как основных причин, у них образовался черный культ предков, и не имеется почитания их в ином смысле» [4, с. 102]. Под черным культом предков, видимо, следует понимать культ мертвых, что не одно и то же.

Причина слияния у исследователей в один комплекс разнородных религиозных представлений об умерших, преимущественно, кроется в отсутствии желания углубляться в их нюансы. Гораздо легче использовать кажущийся универсальным термин *культ предков*, т.е. взять удобную упаковку, а, по сути, безразмерный мешок, и всунуть в него недостаточно ясные для них обряды и обычаи. Другими причинами смешения терминов и понятий, связанных с многоликим миром предков, являются ошибочность полевых интерпретаций, некритическое подражание авторитетным суждениям и слепое сверхусилие над поставленной задачей. Все это и формирует упрощенческий путь в исследовании.

А можно ли всерьез воспринимать распространенные в литературе термины *культ мертвых предков* и *души умерших предков*? Неужели кроме мертвых предков, были еще и живые предки, если, конечно, не понимать последнее словосочетание как молодежный сленг. Увы, но нечто подобное часто встречается и у признанных авторитетов в этнографии, истории и религиоведении. А отдавший много сил изучению славянского язычества археолог академик Б.А. Рыбаков, пишет: «культ предков ... коренится в разных хронологических пластах каменного века, в психологии первобытного человека эпохи присваивающего хозяйства» [3, с. 145]. Культ предков появился в гораздо более поздние эпохи – в обществах с развитой иерархией социальной структуры (но не обязательно с высокой культурой), только когда и могли сложиться условия безграничной власти правителя, и, как следствие, возникает его сакрализация с фанатичным почитанием. Кроме того, почтительное отношение к умершим сородичам и память о них, отражающиеся в различных проявлениях погребально-поминальной обрядности, по важности и глубине содержания для человека традиционного мышления нельзя приравнивать к культу плодородия, культу огня, культу дерева и т.д., не говоря уже о культе предков (в любом его значении).

Термин *культ предков* может казаться ясным лишь на первый взгляд, как, например, термины, как *двойник*, *старик* и *предок*, традиционные для мифологического сознания. Но надо ли «быть ученым», – пишет по подобному поводу Б.П. Шишло, – «чтобы воспринимать их в контексте современного русского языка и столь прямолинейно»? [7, с. 135]. Но особенно удивительно «с какой легкостью и наивностью лексема, изъятая из различных языковых и культурных систем, семантизируется историками и этнографами в соответствии с их собственными представлениями на уровне обыденного, а не научного сознания!» [7, с. 133].

Такая же примерно ситуация прослеживается и относительно семантики тюркских средневековых скульптур, где в понятие *культ предков* исследователи включают героизированного или обожествленного предка, сверхъестественного двойника (заместителя) умершего, первопредка, вместилище души умершего, изваяния как изображения богов и богини Умай (для женских скульптур), как персонажей буддийской религии и т.д. На мой взгляд, появление феномена изваяний (образа умершего) у кочевников следует связывать с комплексом представлений о судьбе его души. При этом изваяние-вместилище души умершего вряд ли могло быть объектом поклонения, хотя бы потому, что, с точки зрения традиционного мышления, та душа умершего, которая отвечала за возрождение человека, не уходит вместе с покойником в иной мир, они были навсегда разъединены. После этого материальная и духовная связь с заместителем умершего (с изваянием) прекращалась. Иными словами, образ умершего, запечатленный в изваянии, являлся не изображением человека в прямом смысле, а, вероятно, был не более чем своеобразной «визитной карточкой» его души. Это что-то вроде паспорта у нас в кармане, необходимый для пересечения границы, но где вопросы задают не паспорту, а человеку. Кочевники после проводов тела умершего дальше имели дело лишь с душой, а поклоняться душе не нужно, о ней надо было заботиться, что далеко не одно и то же. Не потому ли поминальные оградки в азиатских степях, а также культовые курганы с изваяниями в восточноевропейских степях сооружались отдельно от погребений, может быть, даже (по возможности) и на предельно больших расстояниях.

Этнографические полевые исследования аборигенов Австралии и других современных культур, сохранивших анимистические и тотемистические представления, свидетельствуют, что они действительно верят о реальной связи с умершими, но в то же время люди убеждены, что эта связь не должна продолжаться долго. Вообще, представители традиционного сознания считали умерших источником особой опасности, испытывали страх перед ними, старались максимально избежать контактов с ними и приближения к могильникам.

Упомянутых форм обрядовых проявлений, осуществляемых с душой умершего (но не на месте погребения тела), еще недостаточно для перерождения их в культ предков. Для этого должны были созреть определенные социальные условия с неременной сакрализацией власти правителя, возведенной в ранг религии. А между тем правители в кочевых обществах все время находились, так сказать, на виду у народа. Храмовые сооружения, предназначавшиеся для знати, как и оградки (в качестве поминальных объектов) для рядового населения неизменно оставались далеко позади постоянно кочевавшей орды, а потому о каком-либо долговременном почитании изваяний как образов умершего не могло быть и речи. Иными словами, изваяние, хотя и является одной из форм обрядовой связи с умершим, такой же примерно по форме, как кормление заместителей-кукол, свидание на месте погребения, общение в фиксированные дни, тем не

менее, это явление, очевидно, не переросло в *культ предков* в полном смысле этого термина. Феномен изваяний у средневековых тюрков-кочевников, как и у кочевников других эпох и культур, очевидно, фокусирует в себе сложный комплекс шаманистических представлений, претерпевавших во времени значительные трансформации в их семантике, которую еще предстоит усердно исследовать.

Реальный культ предков (а не комплекс, состоящий из разнородных религиозных воззрений) в культурах, хотя и появляется благодаря развитию погребальных обрядов и в связи с представлениями о постпогребальной судьбе умершего, но в то же время развивается в виде своеобразного антипода (вопреки) погребальным обрядам. В отличие от последних, реальный культ предков не только не нацелен по своей сути на полный разрыв с умершим (стирание материальных и духовных связей с ним), а наоборот, усиливал память о нем [6, с. 29], достигая в некоторых случаях, если так можно выразиться, гипертрофированных форм. Именно поэтому огромное многообразие религиозных проявлений в культурах, связанных с почитанием умерших родственников, с культом мертвых и погребально-поминальными культами, неверно отождествлять, например, с многовековым бытованием культа предков в Китае и Японии, сохранившегося там и ныне, или с существовавшим культом предков в античных государствах (Рим, Греция и др.). В наше время *культ предков* в полном смысле этого термина проявился в эпоху становления империалистической Японии, когда его господство позволило «шовинистам выдвинуть идею о том, что вся страна представляет собой как бы гигантскую сверхпатронимию во главе с императором» [1, с. 44]. А в Китае культ предков существовал в классической форме на протяжении тысячелетий, «канонизированный Конфуцием и возведенный в ранг государственной религии» [2], в дальнейшем послуживший основой для возникновения маоизма.

Список литературы

1. Арутюнов С.А. Современный быт японцев / С.А. Арутюнов. – М.: Наука, 1968. – 232 с.
2. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае / Л.С. Васильева. – М.: Наука, 1970. – 484 с.
3. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1994. – 607 с.
4. Рычков К.М. Енисейские тунгусы / К.М. Рычков // Землеведение. – 1917. Кн. 1-2. – С. 1-67; 1922. Кн. 3-4. – С. 107-147.
5. Харузин Н. Этнография: Лекции, чит. в Моск. ун-те / Н. Харузин. – Т. IV. – СПб.: Гос. тип., 1905. – 530 с.
6. Шишло Б.П. Социальные основы и социальное значение культа предков / Б.П. Шишло // Проблемы отечественной и всеобщей истории. – Вып. 2. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1973. – С. 28-33.
7. Шишло Б.П. К проблеме культа предков и тотемизма у народов Сибири / Б.П. Шишло // Проблемы археологии и этнографии. – Вып. 1. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1977. – С. 130-140.

МУШКЕТЫ XVI–XVIII ВВ. ИЗ ФОНДОВ ДОНЕЦКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Климова К.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
igorevich.cho@mail.ru

С XVI в. Россия активно фигурировала на международном военном рынке, хотя для ведущих европейских государств была характерна политика сдерживания, с целью не допустить военного превосходства потенциальных противников, таких как Россия [3]. Тем не менее, российские войска стали снабжаться европейским оружием. Самые тесные торгово-экономические отношения связывали Россию с Голландией, бывшей в те времена одним из центров оружейного экспорта, где закупались большие партии огнестрельного оружия, предназначенного для русского войска [6]. Можно считать, что к середине XVII в. выработался путь доставки вооружения в Россию, и этот путь шел из Голландии, с которой Москву связывали давние торговые отношения, через Прибалтику [4].

Организация полков «нового порядка» для удачного участия в войне со Швецией заставила русское правительство обратиться к закупкам нового огнестрельного оружия, а также военных припасов в Европе, так как это был наиболее быстрый способ обеспечить войска всем необходимым, пока в государстве не налажено собственное производство огнестрельного оружия [1]. Во время Северной войны оружейное производство Швеции было полностью сориентировано на армейское пехотное оружие, и Петр I с особым рвением интересовался достижениями своего главного противника. В вооружении России голландское оружие представлено достаточно широко: ружья и пистолеты из Амстердама, Утрехта, Маастрихта. Многие образцы снабжены кремневым замком французского типа. Традиции мастеров Голландии во многом были показательными для России: в Оружейной палате успешно копировали тамошние мушкеты еще в самом начале XVII в. и в петровские времена, связь этих школ оставалась прочной [6]. Также, царю Алексею Михайловичу в дар приносили турецкое ружье, что тоже служило хорошим примером для изготовления собственного. В XVIII в. после Азовских походов Петра I, в Московскую оружейную палату стало поступать много турецкого трофейного обмундирования, и в том числе, оружия.

Из Московской оружейной палаты в 50-60е гг. прошлого века были переданы некоторые экземпляры мушкетов в фонды Донецкого краеведческого музея, которые находятся там до сих пор. К примеру, турецкий мушкет XVIII в., ствол которого изготовлен из дамаска. Стволы турецкого огнестрельного оружия изготавливали из дамаска вплоть до

начала XX в. Отдельные стальные полосы (и узор) на таком стволе располагаются по его окружности, что придает ему повышенную прочность в поперечном направлении.

Его ствол имеет восьмигранную форму. У казны ствол утолщен, составляя 28 мм, к дулу постепенно сужаются, достигая 21 мм. Длина турецких стволов обычно колеблется от 95,5 до 119 см, данный экземпляр в длину 114 см. Все стволы имеют 7 или 8 винтовых нарезов, которые делают оборот от четверти до полного шага. Встречаются нарезы полукруглой формы со скругленными полями, но бывали и прямые. Глубина нарезов колеблется от 0,5 мм до 2 мм, ширина поля – от 2,5 мм до 6 мм [7]. У нарезов с прямыми полями ширина поля больше, чем у нарезов с округленными, составляя 4,5–6 мм.

Огнестрельное оружие обязательно проходило так называемую апробацию, после чего на его стволе ставился специальный оттиск, подтверждающий высокое качество изделия. Таким образом, на каждом стволе можно было увидеть не только «гарантийный паспорт» качества, но и получить сведения о мастере, мастерской и времени изготовления. На данном стволе имеется надпись на турецком языке, символ звезды и полумесяца, а также, вероятно, имя мастера «S. Mutti». Хотя, вполне вероятно, что это была выгравирована фамилия владельца мушкета.

Османское кремневое ружье с замком «чакмак» носило название чакмакли. Чакмак был одним из ранних вариантов кремневого замка. Разновидностью османских кремневых ружей XVIII – начала XIX в. было трапезундское ружье – трабзон. Изготавливались такие ружья преимущественно в г. Трапезунде (Трабзон) [7]. Ствол трапезундского ружья имел восьмигранную форму с 9–12 нарезами и выполнялся из дамасской стали, отделялся золотой насечкой и гравировкой, у казны и конца ствола помещались выпуклые изображения арок. Замок небольшого размера. Пороховая ножка и курок украшены резьбой. На прикладе должна была быть бархатная или кожаная обивка, где кожа обычно отделялась позолоченной латунью с вставками из кораллов. Вдоль цевья также располагаются кораллы.

В фондах Донецкого республиканского краеведческого музея также хранится уникальный мушкет петровского времени с фитильным замком. Он полностью состоит из оригинальных деталей, и не подвергался переделке и реставрации. Общая длина этого мушкета – 165,5 см. Деревянное ложе выполнено из цельного бруса толщиной 5 см. Приклад (длина 30 см) сохраняет прямоугольные в плане очертания и прямоугольное поперечное сечение, «рукоять» и цевье существенно моделированы. В верхней части цевья вырезано углубленное ложе для ствола. Ствол длиной 123,8 см имеет сложную морфологию. Базовая часть длиной 52,3 см имеет восьмигранное поперечное сечение. Этот участок ограничен двумя поперечными валиками, за которыми следует цилиндрический (с небольшим внешним чоком) участок ствола длиной

71,5 см. Ствол крепится к цевью при помощи двух латунных скоб. Внешний диаметр ствола на дульном срезе 25 мм при внутреннем диаметре 19 мм. Диаметр ствола в казенной части 38 мм. Ствол не нарезной, гладкий. Запальная пороховая планка закрывается горизонтальной шарнирной планкой с затвором. Запальная планка крепится в стандартном положении с правой стороны. В боевом положении шарнирная планка с затвором отводится в сторону от запального отверстия и открывает доступ к пороховому запалу. Фитиль крепился на наружном S-видном курке. Нажим на скобу («спусковой крючок») обеспечивал плавное движение головки курка с зажатым фитилем к запальной планке. Курок полностью сохранил подвижность. Какие-либо клейма на стволе не отмечены.

Мушкет прекрасно сохранился, металл не корродирован, сохраняет воронение и белый блеск на потертых местах. Деревянные детали также хорошей сохранности.

В фонды Донецкого республиканского краеведческого музея мушкет поступил в начале 50-х годов прошлого века. Установление источника поступления требует специальных архивных исследований. Отличная сохранность указывает на условия длительного хранения в частном музее или государственном арсенале. Не исключено происхождение данного образца огнестрельного оружия из соседнего Ростовского региона. Как известно, в музее Ростовской области попало значительное количество холодного и огнестрельного оружия из казачьих «семейных реликвий».

Таким образом, характерный для российской армии петровского времени арсенал огнестрельного оружия, в конечном счете, попадал во все уголки Российской империи, включая ее южные пограничные регионы.

Автор благодарит Дирекцию Донецкого республиканского краеведческого музея за разрешение изучить и опубликовать ценный экспонат.

Список литературы

1. Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV-XVIII веков / Л.К.Маковская. – М.: Военное издательство, 1992. – 223 с.
2. Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие / В.Е.Маркевич– СПб: «Полигон», 1995. – 496 с.
3. Пинк И.Б. Международные научно-технические связи в истории разработки стрелкового оружия в России (1830-1918) / И.Б.Пинк // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Тула. 2007. – 278 с.
4. Сытин Л.Е. Все об огнестрельном оружии / Л.Е.Сытин. – М.: Астрель; СПб: «Полигон», 2012. – С.24-29.
5. Тарасюк Л.И. Из истории русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв. / Л.И.Тарасюк // Советская археология. – 1965. – №2. – С.104-120.
6. Тихомирова Е. Оружие коллекции Петра I / Е.Тихомирова. – М., 1995. – 120 с.
7. Черкес Н. Огнестрельное оружие Османской Империи и Крымского Ханства / Н.Черкес, В.Бережинский // Історія давньої зброї. Дослідження. – 2014. – С. 290-296.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИАЗОВЬЕ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТОРГОВЛИ В XIII–XV вв.

Колесник А.В., д-р ист. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

akolesnik2007@mail.ru

Картографические материалы (карты-портоланы), актовые документы итальянских торговых республик (Генуя, Венеция, Пизано) и археологические данные позволяют приблизиться к пониманию места Северного Приазовья и, в частности, его северо-восточного участка, в системе европейской и трансконтинентальной торговли в XIII–XV вв. Хронологические рамки темы определяются характером источников, которые отражают историко-культурные процессы в данном секторе Евразии с 60–80-х гг. XIII в. по 1475 г.

Вместе со становлением политико-административного устройства западных улусов Золотой Орды в Северном Приазовье формируется развитая система сухопутных коммуникаций. Практически одновременно с сухопутными торговыми магистралями в акватории Азовского моря на основе европейских (итальянских) традиций морского дела складываются морские торговые коммуникации. Бесспорный интерес итальянских торговых республик касался, прежде всего, устья Дона. В конце XIII в. на северной стороне Таганрогского залива в устье Дона в районе с. Недвиговки возникает колония итальянской Пизы – PortoPisano [1]. Одновременно в Азаке появляются генуэзцы и основывают колонию Тана (Tanais – Дон). В последующем практически все европейцы называли Азак Таной. Систематические сведения об итальянской Тане относятся к началу XIV в. В этот период в Тане обосновываются купцы из Венеции. В дальнейшем на протяжении длительной истории Тана была ареной соперничества между Венецией и Генуей. В 1332 году Сенат Венеции добился заключения договора с ханом Узбеком, согласно которому венецианцам выделялся отдельный участок для самостоятельной колонии в Тане со своими стенами [2]. В этот же год хан Узбек перенес столицу Золотой Орды в Поволжье на новое место [3]. Тем самым правитель Орды изменил направление гигантских товарных потоков из Китая в Европу, создал новую логику караванных маршрутов [4]. Небольшая сама по себе колония Тана стала самым северо-восточным форпостом Западной Европы в Золотой Орде и вместе с ордынскими купцами прочно контролировала один из узловых центров трансконтинентальных торговых путей.

Морской флот Генуи и Венеции был одним из самых передовых в то время. В письменных документах этих морских республик указаны парусные навы и кокки, парусно-весельные галеи и барки [5]. Из трактата

флорентийского купца и экономиста Ф. Пеголотти мы знаем, что доходность международных торговых операций итальянских городов колебалась в пределах 12-20%, редко выше (до 45 %), но сопровождалась большими рисками [6].

Корабли из Крыма плыли в Тану-Азак по традиционному маршруту. В акватории северной части Азовского моря имеется основной фарватер (от 3 до 7 метров глубиной), идущий от устья Дона по Таганрогскому заливу, далее до Обиточной Косы с разворотом на юг до Керченского пролива. Франческо Пеголотти сообщает бесценные сведения о технологии загрузки кораблей. В качестве соседних с Таной торговых колоний с северной стороны залива он называет Cabardi и Porto Pissano[7].

На основании детального картографического, топографического анализа и анализа письменных документов восстанавливается привязка географической номенклатуры портоланов к современной топографической карте. На участке Донецкого Приазовья и соседних участках побережья располагались пристани на Беглицкой Косе в устье Миусского лимана (portorosso), у п. Седово (х. Кривая Коса) (parasoma), в Ляпинской балке (восточная окраина г. Мариуполь) (locacha), возле с. Белосарайка (pallastra). Названия карт-портоланов отмечают организованные итальянцами торговцами торговые фактории с пристанями, а также местные сезонные пристани, как правило, связанные с мысами и песчаными косами.

Судя по названиям местности cabardi и cumania на пороланах, в организации прибрежной торговли, помимо итальянцев, принимали участие представители местного степного населения Северного Приазовья. Бесспорно, купеческая элита ордынского Азака включала в свой состав выходцев из татарской среды. В средневековье было принято давать имена собственные по этнической принадлежности людей, включенных в контакты с другими этносами.

Из Таны, а также колоний и сезонных факторий на северном побережье Азовского моря вывозились три основные категории местной товарной продукции – хлеб, необработанные шкуры животных, вяленая рыба и икра. Актовые документы Генуи часто называют оптовые закупочные и отпускные цены на хлеб нынешнего и прошлого урожая [8]. В ярлыках ханов Узбека (1322 г.), Джанибека (1342 и 1347 г.) и Бердибека (1358 г.) венецианским купцам Таны специально оговорена высокая пошлина на закупку сырых шкур животных – до 40-50%. Это отражает высокую прибыльность торговли данным товаром. Особое место в морской торговле занимала продукция рыбных промыслов. По свидетельству И. Барбаро, рыба разных видов и рыбья икра заготавливались в очень больших объемах; сам он владел несколькими пескъерами – затонами для ловли рыбы[9]. В Тане действовал невольничий рынок, в котором собирались рабы для дальнейшей отправки в Кафу (Крым). В одном из документов, касающихся Таны, указаны 6 рабов

возрастом от 15 до 30 лет, среди которых были абхазы, русские и мингрелы [10].

Внутренняя азовская торговля выполняла две задачи: обслуживала потребности приморских поселений и обеспечивала поставки соли из района залива Сиваш в Северное Приазовье и Тану. В ярлыке 1347 г. хана Джанибека говорится о «приморских селениях Монгольского государства» в зоне контакта с итальянцами татарских поселениях на берегах Азовского моря [11]. Эти поселки хорошо известны по археологическим остаткам [12].

Приведенные материалы показывают, что в XIII-XV вв. Северо-Восточное Приазовье было важной составной частью крупнейшего евразийского транспортно-торгового узла в Тане-Азаке в качестве сырьевого резервуара, транспортной инфраструктуры и ограниченного рынка сбыта европейских и азиатских товаров.

Список литературы

1. Брун Ф.К. Черноморье: Сб. исслед. по исторической географии Южной России. Ч.1-2 / Ф.К.Брун. – Одесса, 1879. – С.199.
2. Григорьев А.П. Ярлык Узбека венецианским купцам Азова: Реконструкция содержания / А.П.Григорьев, В.П.Григорьев // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Л.А. Березный. – Л., 1990. – Вып. 13. – С.74-107.
3. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды / В.Л.Егоров.– М.: Наука, 1985. – 243 с.
4. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды / Г.А.Федоров-Давыдов. – Москва: Палеограф, 2003. – 352 с.
5. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли / С.П.Карпов. – М.: Из-во МГУ, 1990. – 172 с.
6. Федоров-Давыдов Г.А. Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV века (по данным ФранческоПеголотти) / Г.А.Федоров-Давыдов // Советская археология, № 3. 1958. – С.77-89.
7. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах / И.К.Фоменко. – М.: Индрик, 2011. – С. 209.
8. Карпов С.П. Регесты документов Фонда DiversorumFilze секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья / С.П.Карпов // Причерноморье в средние века. – М.-СПб, 2001. – С.9-81.
9. Барбаро Иософат. Путешествие в Тану // Пер. Скржинского Е.Ч. –Л., 1971. – С.113-187.
10. Карпов С.П. Ук. соч., с. 74.
11. Григорьев А.П. Ярлык Джанибека венецианским купцам Азова от 1347 г. Реконструкция содержания / А.П.Григорьев, Е.П.Григорьев // Историография, источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Н.Н. Дьяконов. – СПб, 1995. – Вып.36. – С.36-83.
12. Евглевский А.В. Грунтовый могильник золотоордынского времени Ляпинская балка из Северо-Восточного Приазовья / А.В.Евглевский, В.К.Кульбака // Степи Европы в эпоху средневековья. – Том 3. – Донецк, 2003. – С. 363-406.

«ВОЙНА С ИСТОРИЕЙ» – ОДНО ИЗ ВАЖНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Константинова Н.К.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

nina.constantina@yandex.ua

Все дальше от наших дней события Великой Отечественной войны, все меньше остается живых свидетелей великого подвига советского народа. Но, несмотря на все это, Великая Отечественная война 1941–1945 гг. остаётся в историческом сознании всех народов живущих на постсоветском пространстве важнейшим историческим событием XX столетия.

В наше время историю этой войны пытаются пересмотреть, переписать в угоду новым политическим элитам. Сегодня можно утверждать, что основным средством современной геополитики, доминирующим способом достижения духовной, политической и экономической власти является информационная война. В настоящее время Россия и весь «Русский мир» втянут в ряд информационных конфликтов с разными странами. Пресс-секретарь президента Российской Федерации Д. Песков в интервью ТВЦ указал, что главными противниками России в информационной войне являются западные страны, из которых особо нужно выделить США и Великобританию: «Сейчас мы находимся в состоянии информационной войны с законодателями моды в информационном пространстве, прежде всего с англосаксами, их СМИ» [1]. Эта война ведется на новых фронтах: культурном, цивилизационном, этническом, религиозном и т. д. Одним из важных направлений ведения информационной войны является подмена исторических фактов, «очищение» исторической памяти поколений, самоидентификации народов. И любые попытки явного либо скрытого пересмотра итогов этой войны и её исторического образа несут в себе опасность для настоящего и будущего нашей страны и её граждан.

То, что сегодня одним из главных идентификаторов принадлежности к «Русскому миру» является память о Великой Отечественной войне, понимают не только многие радикально настроенные внутренние, но и внешние политические силы. Политико-идеологический фактор сегодня оказывает огромное влияние на сохранность достоверности событий военных лет. К сожалению, некоторые современные радикальные коалиции пытаются «по-новому» преподнести исторический опыт трагических событий этой войны. Накал политической обстановки в современном мире позволяет СМИ оценивать многие аспекты войны недостоверно, с точки зрения, удобной политикам. Сегодня, не гнушаясь никакими этическими нормами, мировые СМИ дают слово тем, кто в годы

войны выступал на стороне фашистской Германии и участвовал в массовом геноциде людей, оценивают их действия как «положительные», тем самым пытаясь подменить в исторической памяти их жестокость и бесчеловечность на патриотизм и героизм. Ревизия исторической памяти неминуемо порождает глубокий мировоззренческий конфликт поколений, кризис исторического сознания и комплекс неполноценности у целых наций. Сегодня для радикально настроенной молодежи героями стали С. Бандера, Р. Шухевич, генерал Власов и Гельмут фон Паннвиц. Как говорится, «теория, овладевшая умами масс, становится материальной силой»[2]. Это в полной мере относится и к негативным идеям, способным вызвать гражданские конфликты и даже разрушить государство.

Наблюдая за развитием событий последних лет на Донбассе, можно отметить, что все, против чего так отчаянно сражались наши деды, в наше время стараются нам навязать. Полк украинской национальной гвардии «Азов» перенял и символику прошлой эпохи, ходит в бой под «Wolfsangel», эмблемой 2-й танковой дивизии СС «DasReich», принимавшей в 1943 году самое деятельное участие в боях за Донбасс. В украинских городах проходят факельные шествия неонацистов, звучат нацистские приветствия, пособники Гитлера становятся национальными героями. В информационный оборот входят концепции, ставящие под сомнение всенародный и отечественный характер войны 1941-1945 гг., а нередко и называвшие народы бывшего Советского Союза соучастниками разжигания той мировой розни. Совсем недавно, российскую делегацию не пригласили в Польшу на мероприятия, посвященные 80-й годовщине начала Второй мировой войны, так как Россия не хочет признать события в «духе исторической правды». Об этом заявил замглавы МИД Польши Шимон Шинковский вель Сенк [3]. Все это – результат информационной войны.

Поэтому сохранение исторической памяти о масштабных разрушениях, о массовой гибели наших соотечественников и великих победах советского народа в этой войне – главная задача большей части нашего общества, которая не принимает искажение событий истории своего народа. Заслуги наших предков, отстаивавших независимость страны, и память будущих поколений – это звенья одной цепи, преемственность между дедами и отцами, отцами и детьми, что является мощным регулятором самоидентификации молодежи [4]. 17 сентября 2019 года, принимая участия в работе конгресса всемирного учредительного фонда «Керен ха-Йесод» в Москве, президент Российской Федерации В.В. Путин заявил о недопустимости пересмотра итогов Второй мировой войны, «искажения правды, оправдания фашизма и его приспешников»; отметил, что чем дальше события Второй мировой войны, тем выше и государственная и личная ответственность за то, чтобы ее «горькие уроки и подвиги никогда не были забыты» [5].

Печально осознавать тот факт, что одним из факторов, влияющих на память народа о войне, является естественная потеря очевидцев,

защитников Родины, тех, кто победил фашизм. Каждый год мы теряем тех, кто несет «живую память». Именно поэтому все более возрастает ценность воспоминаний участников и очевидцев тех героических событий, которые помогут будущим поколениям лучше понять и оценить всю важность победы человечества над фашизмом.

В настоящее время в исследованиях Великой Отечественной войны, в том числе о событиях на территории Донбасса, все чаще обращаются к источникам личного происхождения. Эти источники ценны синтезом правдивости и эмоциональности описания. Они дают возможность детализировать события. Воспоминания людей переживших события этой страшной войны, наряду с другими источниками личного происхождения, играют настолько важную роль в общественно-политической жизни нашего народа, что представляют собой особый историко-культурный интерес.

Многие воспоминания о периоде Великой Отечественной войны были опубликованы еще в советский период, но это, в основном, мемуары командующих фронтами, армиями и командиров дивизий, партизанских отрядов [6]. С конца 1990-х гг. были изданы сборники воспоминаний о событиях войны рядовых фронтовиков, партизан и подпольщиков, мирных граждан, переживших оккупацию [7]. Но еще более широкий пласт фактографических материалов составляют неопубликованные воспоминания и свидетельства очевидцев тех событий, которые хранятся в центральных и региональных архивах, музеях, частных коллекциях. В фондах Государственного архива ДНР хранятся документы [8], которые дают возможность воссоздать «живой образ человека», восстановить атмосферу эпохи, психологический фон событий, без которых невозможно и само их понимание.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что защита достоверности событий, сохранение исторической памяти народа – одна из первостепенных задач нашего общества. Искажения истории Великой Отечественной и Второй мировой войн является важной проблемой, преодоление которой следует рассматривать как существенный элемент обеспечения безопасности нашего государства. Особое внимание следует уделить участию иностранных фондов в образовании. В одном из выступлений президент РФ Владимир Путин отметил, что по его данным, в России воспитанием, не только дошкольным, но и школьным, «занимаются все, кто угодно – фонды какие-то иностранные лезут, кого-то финансируют...» [9]. В связи с этим принимаются меры по борьбе с подобными фальсификациями. Пример тому – включение положений, касающихся информационной войны в Военную доктрину РФ. В ней указывается, что целью информационной войны на социальном уровне является изменение сознания молодежи: «выделяется деятельность по информационному воздействию на население, в первую очередь, на молодых граждан страны, имеющее целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты отечества» [10].

Список литературы

1. Интервью Дмитрия Пескова на телеканале ТВЦ – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/89197> (дата обращения 16.09.2019)
2. К.Маркс. К критике гегелевской философии права // К. Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Т.1. – 2-е изд. – М.:Государственное издательство политической литературы, 1955. – С.422.
3. В Польше назвали причину неприглашения России на годовщину Второй мировой // Газета.Ru. – [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2019/09/01/n_13409443.shtml(дата обращения 17.09.2019)
4. Историческая память. Проблемы исторической памяти России. – [Электронный ресурс]. URL: <http://fb.ru/article/182022/istoricheskaya-pamyat-problemyi-istoricheskoy-pamyati-rossii>(дата обращения 16.09.2018)
5. Путин заявил о недопустимости пересмотра итогов Второй мировой войны // Газета.Ru. – [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2019/09/01/n_13409443.shtml(дата обращения 17.09.2019)
6. Антонов В. С. Путь к Берлину. – М.: Наука, 1975.; Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. – М.: Воениздат, 1977.; Белявцев В.Ф. Донецкие мстители: Записки партизана: докум.- публицистическая литература / В. Ф. Белявцев. – Киев: Политиздат Украины, 1978; Бирюзов С.С. Когда гремели пушки. – М.: Воениздат, 1961.; Василевский А.М. Дело всей моей жизни. – М.: Издательство политической литературы, 1976.; Гречко А.А. Годы войны 1941-1943. – М.: Воениздат, 1976.; В.И.Чуйков. В боях за Украину. – Киев: Издательство политической литературы Украины, 1972. и др.
7. Бессмертие юных: сборник документов и воспоминаний / Сост. А.Г. Никитенко, Р.М. Аптекарь; Отв. ред. Н.П. Жусова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Донецк: Донбасс, 1988.; Вспомним всех поименно: воспоминания оставшихся в живых участников "Молодой гвардии" о своих товарищах по подполью / Сост.: Л.С.Кривоногова, А.Г.Никитенко. – 2-е изд., доп. – Донецк: Донбасс, 1986.; Опыт нацистской оккупации в Донбассе: свидетельства очевидце [Текст] / авт.-сост. Д.Н.Титаренко, Т.Пентер; Донецк.юрид. инс-т. МВД Украины, Ун-т им. Гельмута Шмидта. – Донецк: Світ книги, 2013.;Память. Воспоминания работников Донецкого национального университета о Великой Отечественной войне 1941-1945 годы. Избранное / ред.кол.: Подмарков и др. – Донецк: Юго-Восток, 2011.; Шелудько В.К. Фронтовики-каленинцы в битве за Донбасс : Воспоминания фронтовиков, участников сражения за освобождение Донбасса в августе-сентябре 1943 г./ В.К.Шелудько; Под ред. А.Я. Гросова. – Донецк: Регина, 2009. и др.
8. ГАДНР. Ф. П-533; ГАДНР. Ф. Р-3265;ГАДНР. Ф. Р-1895; ГАДНР. Ф.Р-1838; ГАДНР. Ф. П-5000; ГАДНР. Ф. П-512; ГАДНР. Ф. Р-2258
9. Путин: Россия находится в состоянии информационной войны // ИА Regnum – [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2125314.html> (дата обращения 17.09.2019)
10. Военная доктрина Российской Федерации – [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (дата обращения 17.09.2019).

**ПРОФОРИЕНТАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ТЕЛЕРАДИОВЕЩАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ДОНБАССА
В 1960-е – 1970-е гг.**

Манжула Е.В.

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко»,
г. Луганск, ЛНР
jerf19702312@yandex.ua

Нынешние тенденции функционирования телерадиовещательных учреждений постсоветских стран свидетельствуют о нерешенности проблемы корреляции работы СМК с целями и задачами профориентации молодежи. Важен для исследования подобной тематики опыт восточных областей Украины, имеющих исторически сложившиеся этносоциальные особенности и оказавшихся сегодня в непростых обстоятельствах социально-политических перемен.

Широкий перечень общих и специальных работ, касающихся различных аспектов поставленной проблемы, можно условно разделить по хронологическому признаку, выделяя исследования советского и постсоветского периодов. В 1950-е – 1980-е годы происходило становление теоретико-методологической базы в исследованиях телевидения и радиовещания, а также изучалось их влияние на различные социальные группы. Здесь имеются в виду работы Г.А. Усовой, А.А. Халилова и других[1;2].

В постсоветский период исследователи молодежного телерадиовещания стали широко использовать принципиально новые методологические подходы. Здесь можно отметить работы Т.С. Петченко, К.М. Тальжи и других[3;4]. Однако в работах 1990-х – 2000-х годов анализ советского опыта телерадиовещания соответствующей возрастной направленности занимает крайне незначительное место. Такая ситуация нуждается в исправлении, поскольку имеется насущная потребность внедрения положительных составляющих советского опыта в современные медиасистемы.

Учитывая территориальные и хронологические рамки проводимого исследования, можно констатировать, что история СМК отдельных регионов СССР, в частности, Донбасса, крайне слабо изучена. Особенности участия местных телерадиовещательных учреждений в профориентационной работе и вовсе не представлены на страницах научной литературы.

Советское телерадиовещание, находясь под контролем партийно-государственных органов, обеспечивало формирование идеологически выверенных ценностных установок в молодежной среде. Важнейшим

компонентом господствующей идеологии являлась пропаганда трудовой активности на благо государства и общества, в контексте которой и проводилась в тот период профориентационная работа с молодежью.

На протяжении 1960-х – 1970-х годов областные телерадиокомитеты Донбасса вели работу по включению в эфир телевидения и радиовещания ряда цикловых передач профориентационной направленности, ставя их выпуск на регулярную основу.

Так, только за девять месяцев 1960 г. на донецком радио и телевидении были организованы выступления более 40 передовиков и новаторов производства [5, с. 104]. Внедрению соответствующих мировоззренческих установок, прежде всего, в молодежной среде способствовали выпускаемые донецкой студией телевидения циклы передач, среди которых были «Телевизионный экран почета», «Мастер – золотые руки», «У микрофона – новатор производства» и другие [6, с. 133]. В исследуемый период работники донецкого телевидения активно взаимодействовали с областной комиссией по трудоустройству, создавая цикл передач «Ориентир», нацеленных на формирование сознательности в выборе молодыми людьми своего жизненного пути [7]. Широкое использование средств телерадиовещания было налажено донецким областным управлением профтехобразования. Организовывались выступления руководителей управления профтехобразования, посвященные вопросам развития отраслей местной промышленности, новым профессиям. Работа по выпуску профориентационных теле- радиопередач в Донецкой области велась с привлечением активистов комсомольской организации [8, с. 206].

Свой вклад в популяризацию рабочих профессий вносили и работники луганского телерадиовещания. Так, относительная ограниченность материально-технической базы луганской телестудии не стала препятствием для выпуска здесь в 1960-е – 1970-е годы полноценных документальных фильмов о производстве, среди которых были «Первая струговая», «Сталь пятилетки» и т.п. В указанный период на луганском радио выпускались радиогазета «Край мой рабочий», циклы передач «Портрет современника», «Радиоанкета молодого рабочего».

Отличительным признаком многих донецких и луганских передач профориентационной направленности являлось то, что подача материала в них производилась, что называется «из первых уст». К примеру, в одной из молодежных передач луганского радио под наименованием «Все работы хороши» (1967 г.), разговор о профессии вел старший мастер цеха луганского завода автомобильных клапанов В.Н. Лунев, что позволяло максимально эффективно использовать потенциал радиоэфира в деле популяризации отдельных видов профессий [9].

В 1970-е годы на луганском телевидении была налажена демонстрация фильмов о технологиях ремонта бытовой техники,

индпошива одежды и трикотажных изделий, методах починки часов, работе фабрик химчистки и т.д. [10]. Упомянутые телефильмы и радиопередачи, создававшиеся на богатом местном информационном материале, наглядно демонстрировали востребованность широкого круга рабочих специальностей, давая дополнительную возможность молодежной зрительской аудитории определиться с будущей профессией.

На основании вышеуказанных положений можно утверждать, что в 1960-е–1970-е годы учреждения телерадиовещания Донбасса осуществляли систематический выпуск широкой номенклатуры передач, прямо или косвенно способствовавших сознательному выбору молодыми людьми своего жизненного пути. Дальнейшая разработка поставленной проблемы может проводиться посредством извлечения уроков из исторического опыта с целью создания современных методик профориентации в СМИ.

Список литературы

1. Усова Г.А. Радиовещание и телевидение как факторы формирования ценностных ориентаций подростков: автореф. дис... канд. пед. наук / Г.А. Усова.– М., 1981.– 25 с.
2. Халилов А.А. Ценности советского образа жизни как объект публицистики и их пропаганда средствами телевидения: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.А.Халилов.– М., 1986.– 20 с.
3. Петченко Т.С. Роль средств массовой информации в формировании ценностных ориентаций современной российской молодежи: автореф. канд. соц. наук / Т.С.Петченко.– Ставрополь., 2007.– 21 с.
4. Тальжи К.М. Телевидение и молодежная аудитория: социально-философские аспекты взаимодействия: дис. ... канд. филос. наук / К.М. Тальжи.– М., 2001.– 130 с.
5. Слепенький Р.А. Партийные организации Донбасса в борьбе за оснащение угледобывающей промышленности новой техникой (1959 –1965 гг.) / Р.А.Слепенький.– К.: Изд-во Киевского ун-та, 1968.– 112 с.
6. Ямковая З.И. Экономическое образование трудящихся: опыт работы партийных организаций промышленных предприятий Украинской ССР в условиях развитого социализма / Ямковая З.И.– К.: Высшая школа, 1979.– 224 с.
7. Агитатор.–1972.– №13.– С.26.
8. Дьяченко Н.Н. Профессиональная ориентация и вовлечение молодежи в систему профессионально-технического образования / Н.Н. Дьяченко.– М.: Высшая школа, 1971.– 232 с.
9. Государственная архивная служба Луганской Народной Республики. Ф. Р-2437. Оп. 2. Д. 261. Л. 35 – 46.
10. Служба быта. – 1973. – № 11. – С.33.

ОБ ОДНОЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ОСОБЕННОСТИ ПОЛОВЕЦКИХ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ ДОНБАССА

Онищенко А.С.¹, Андросова С.Л.²,

¹ГУК «Донецкий республиканский краеведческий музей», г. Донецк, ДНР

²ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

Половецкие каменные изваяния – достаточно распространенные памятники материальной культуры Северного Приазовья, которые можно встретить практически в каждом музее региона.

Как правило, на всех изваяниях стоящего типа в нижней части фигуры показаны длиннополые кафтаны, достигающие до колен. Высота нижней части кафтана в среднем занимает 1/3 относительно высоты всего монолита. Однако на некоторых скульптурах соотношение высоты нижней части кафтанов к высоте изваяния составляет всего 1:7, 1:5 или даже 1:20 [2, с. 250]. Таким образом, она неестественно мала в сравнении с верхней частью фигуры. В то же время ноги и нижняя часть кафтана (не учитывая изображения выше пояса) выглядят довольно естественно. Таких изваяний было отобрано из массива половецких скульптур всего 20 экземпляров. Изваяния с миниатюрными кафтанами распространены на довольно большой территории – от Нижнего Днестра до Дона (18 изваяний) и по одному экземпляру известны в Крыму и в Кубано-Приазовской низменности.

С.А. Плетнева в «Своде половецких изваяний» акцентирует, что на большинстве скульптур присутствуют короткие ноги. Такую изобразительную особенность исследовательница объясняет наличием у камнерезных мастеров специального приема, который был нацелен на то, чтобы изваяние при установке на кургане и при взгляде на скульптуру снизу не потеряло выразительности верхней части. В противном случае нижняя часть будет смотреться снизу (с равнины) неестественно большой, а голова, наоборот – слишком маленькой [1, с. 55]. С.А. Плетнева отмечает короткие ноги только у сидящих и полусидящих скульптур. Но есть изваяния, у которых неестественно малы все изображения ниже пояса, выделенные на фоне постамента. Такая особенность может быть связана с той же причиной, на которую указывает С.А. Плетнева, однако не стоит исключать и того, что данный нюанс – проявление стиля камнерезного мастера. Эту изобразительную особенность можно также связать с угасанием иконографических традиций развитых скульптур в 1-й половине XIII в., в результате которого нижняя часть фигуры постепенно уменьшается, а после и вовсе исчезает. Очевидно, чем короче и уже нижняя часть кафтана и ноги, тем более позднюю дату имеет скульптура.

Изваяния с наиболее выраженной данной изобразительной особенностью происходят из с. Коньково и пгт Селезневка. Первая скульптура была привезена в 1976-1978 гг из с. Коньково Тельмановского р-на Донецкой области (р. Грузский Еланчик Северо-Восточное Приазовье) в заповедник «Хомутовская степь – Меотида». Его пол не установлен. Высота фигуры необычно маленькая – 0,75 м (до уровня вкопа). Изваяние полнофигурное, стоящего типа. Высота нижней части кафтана составляет всего 1/5 (20 %) от высоты изваяния. Кафтан сплошного типа, под подолом которого показаны достаточно большие конусовидные ноги.

Второе изваяние происходит из пгт Селезневка Перевальского района Луганской области (р. Белая, приток р. Лугань) и в настоящее время хранится в Парке-музее каменных изваяний при Луганском национальном университете им. Тараса Шевченко. Скульптура женская, стоящего типа. Голова крупная, овальная, без головного убора. Все детали иконографии (гривны, груди, живот и руки) выделены низким рельефом. В руках – сосуд, нижняя часть которого переходит в миниатюрный кафтан. Ниже – короткие узкие столбовидные ноги. Такое предельно маленькое изображение нижней части кафтана и ног – единственный случай среди всего массива половецкой скульптуры. Высота нижней части кафтана составляет всего лишь 1/20 (5 %) от высоты всего изваяния. Видимо, мастер целенаправленно изобразил именно эту часть кафтана и ноги значительно уменьшенными.

Интересное мнение высказала Л.С. Гераськова. Она предполагает, что фон постамента отражает социальный статус человека [4, с. 83; 3, с. 421]. Исследовательница аргументирует это тем, что мастеру в таком случае необходимо затратить больше усилий, чем на выделение нижней части кафтана без фона. Это действие совершалось осознано и с определенной целью. Возможно, мастер, специально показывая неестественно маленькими нижнюю часть кафтана и ноги, действительно хотел подчеркнуть высокий социальный статус человека.

Из 20 скульптур с такой иконографической особенностью 14 экз. обнаружены в Северном Приазовье. По С.А. Плетневой, на этой территории располагались «поморские» и «донецкие» половецкие объединения [1, с. 19, рис. 5]. Информация о точном происхождении остальных шести изваяний отсутствует, но можно предположить, что они также происходят из этого региона. Такое скопление скульптур с одинаковой особенностью на довольно ограниченном пространстве может свидетельствовать о существовании местной локальной школы мастеров.

Список литературы

1. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния / С.А. Плетнева // САИ. – Вып. Е4-02. – М.: Наука, 1974. – 200 с.
2. Онищенко А.С., Бороденко С.Н. Коллекция половецких изваяний из г. Новоазовска / А.С. Онищенко, С.Н. Бороденко // Материалы II-й научной конференции

- средневековой истории Дешт-и Кыпчака. – Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2018. – С. 245-257.
3. Гераськова Л.С., Новое в изучении монументальной скульптуры кочевников средневековья / Л.С. Гераськова // Stratum plus. – № 5. – Неславянское в славянском мире. – СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. – С. 408-430.
4. Гераськова Л.С. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи / Л.С. Гераськова – К.: Наукова думка, 1991. – 132 с.

УДК 904:130.2»10/12»

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ КОЧЕВНИКОВ НА ПРИМЕРЕ ИДЕИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПОДВЕСОК ИЗ ЛАЗУРИТА

Полякова О.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
oljapoljakova@mail.ru

В результате этнокультурных процессов народы приобретали новые знания и навыки, а также культурные и эстетические ценности. На примере распространения лазуритовых подвесок на территории Европейской Степи попробую проследить межкультурные контакты кочевников Юго-Восточной Европы.

Лазуритовые подвески – это характерные для средневековых кочевников украшения, а также амулеты. В основном их носили в составе ожерелий, иногда их крепили к одежде. В большинстве своем подвески имели ромбовидную форму (встречались треугольные, каплевидные, прямоугольные), размеры – от 1,5 см до 4 см в высоту, найдены орнаментированные подвески и без орнамента. Наибольшее количество захоронений с лазуритовыми подвесками найдено в Поросье и в регионах, прилегающих к Азовскому морю (в междуречье Днепра и Миуса – Крынки).

Интересно определить возникновение идеи и первоначальное место изготовления лазуритовых подвесок. К восточноевропейским кочевникам идея изготовления этих изделий могла попасть из разных мест и разными путями. На этот счет существует несколько мнений. Так, О.И. Давидан считает, что на территорию Северной Европы, включая Скандинавию, идея изготовления орнаментированных подвесок, изображающих жука, пришла вместе с украшениями, изготовленными из ряда полудрагоценных камней (прежде всего сердолика), и арабским серебром из Средней Азии и Кавказа [1, с. 114]. Возможно, эта идея могла проникнуть тем же путем и на территорию Степной Европы.

Д.Г. Савинов, А.В. Новиков, С.Г. Росляков предлагают искать источник распространения лазуритовых подвесок на довольно широком

пространстве – между Саркелом и Северным Алтаем. Исследователи обосновывают свою мысль на фоне изложения общей этнополитической ситуации в приалтайских степях в 1-й пол. XI в. и дальнейшего развития в этом обширном поясе исторических событий. В частности, они пишут, что после «распада кимако-кыпчакского объединения, сопровождавшегося четко выраженными центростремительными тенденциями, освободившиеся территории могли быть заняты новыми группами населения с культурой осинкинского типа, этническая атрибуция которой пока остается неизвестной (или у нас нет достаточных оснований для ее идентификации). Какая-то часть этого населения еще раньше могла оказаться в районе г. Саркела (призванной охранять хазарскую крепость...), а несколько позже с территории Северного Алтая переселиться в Новосибирское и Томское Приобье. На северном Алтае это население контактировало с поздними сrostкинцами, просуществовало до начала XIII в. и было сменено кыпчаками. Проникновение его на территорию Томского Приобья, наряду с распространившимися сюда ранее сrostкинцами, привело к образованию здесь басандайской культуры» [4, с. 36], в материалах которой и обнаружен на сегодняшний день наиболее значительный пласт лазуритовых подвесок.

Ю.С. Худяков опирается на транснациональную торговлю, считая, что на Алтай и в Приобье лазуритовые подвески могли попасть в результате торговли. Он пишет, что из Семиречья в Прииртышье и Приобье проходил меридиональный торговый путь, связывающий Западную Сибирь и Алтай со Средней Азией и трансконтинентальной системой караванной торговли «Великим Шелковым путем» [5].

Обобщая работы Д.Г. Савинова, А.В. Новикова, С.Г. Рослякова и Ю.С. Худякова можно достаточно уверенно говорить, что именно кыпчаки принесли в Европу традицию изготовления лазуритовых подвесок (или сами подвески) из Приобья. Правда, в Приобье комплексов с интересующими нас подвесками не так много (Басандайка, Осинки, Ташара-Карьер, Санаторный, Бичикту-Бом), но в каждом из погребений этих могильников они более многочисленны, чем в погребениях на европейской территории. В отдельных могильниках они представлены в большом количестве: в урочище Басандайка – 46 экз., в могильниках Ташара-Карьер – 10, Санаторный-1 – 56, Осинки – 14, Бичикту-Бом – 21. Более половины всех этих находок орнаментированы.

Можно было бы предположить, что идея изготовления орнаментированных подвесок из лазурита принадлежала кочевникам, проживавшим на территории Приобья, но у них не было сырья для изготовления этих изделий. Самое ближайшее к Приобью месторождение лазурита – это Мало-Быстринское (находится в 6 км выше слияния рек Лазурной и Малой Быстрой), которое было открыто только в 1851 году.

Вероятно, проникновение идеи как-то связано с источником поставки лазурита. Поэтому, скорее всего, подвески изготавливались из

привозного сырья, возможно, из Бадахшанского месторождения (Афганистан). Допускает такое предположение и К.А. Руденко, т.к. «встречаются лазуритовые поделки, выполненные из выбракованных и очень мелких кусочков этого минерала, что возможно только при максимальном использовании привезенного сырья» [3, с. 232]. Первое письменное упоминание об афганском лазурите относится к XIII в. и принадлежит Марко Поло, который писал, что лазурит добывался в Бадахшане с древнейших времен [2, с. 28-29]. Использование лазурита и других привозных минералов (коралла, янтаря и т.д.) кочевниками говорит об их обширных трансконтинентальных связях.

Список литературы

1. Давидан О.И. Скарабей из Старой Ладogi / О.И. Давидан // АСГЭ. № 29. – Л., 1988. – С. 112-116.
2. Поло М. Книга о разнообразии мира / М. Поло. – М., 1999. – 576 с.
3. Руденко К.А., Украшения из лазурита XI-XIII вв. из Волжской Булгарии и древности Сибири / К.А. Руденко // Древности Сибири и Центральной Азии. № 7(19). – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. – С. 224-244.
4. Савинов Д.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура) / Д.Г. Савинов, А.В. Новиков, С.Г. Росляков. – Новосибирск, 2008. – 423 с.
5. Худяков Ю.С. Украшения из лазурита в памятниках кочевников начала II тыс. н.э. в Восточной Европе и Западной Сибири / Ю.С. Худяков // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье. Тезисы докладов. Международный научный семинар. – Донецк, 1992. – С. 80-82.

УДК 904:130.2»10/12»

СРЕДНЕВЕКОВОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ (ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ)

Потемкина Т.М.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

Ipotemkina_tatyana@mail.ru

В эпоху развитого средневековья (2-пол. XI – сер. XIII вв.) степи Донбасса и прилегающих территорий занимали полиэтнические племена половцев. Они представляли собой конгломерат, включавший, кроме шары («желтых» кипчаков) и отдельных орд кимаков (кай, куны), вторгшихся в европейские степи в 20-х гг. XI в., остатки печенежского, огузского, болгарского и аланского населения.

Появившийся новый этнический кочевнический массив вначале был достаточно рыхлым. Его формирование шло по тем же законам, которые характерны для кочевников любого периода. «Одной из существенных закономерностей этого процесса является то, что этнос, давший имя

новому этническому образованию, вовсе не обязательно бывает в нем самым многочисленным: он просто благодаря удачно сложившейся исторической обстановке и энергичному военачальнику выдвигался на ведущее место в формирующемся объединении» [3, с. 40].

В данном конкретном случае это место заняли шары – «желтые» кипчаки. Археологические и антропологические данные позволяют говорить, что кипчакские и кимакские орды, смешавшись с местными номадами, очень быстро, буквально через одно-два поколения, стали другим народом с измененным физическим и отчасти культурным обликом.

Новое этническое объединение получило в Европе имя «половцы». Так их называли русичи, а также поляки, чехи, немцы, венгры. Византийцы, болгары и иногда венгры именовали их кунями-куманами. Ряд исследователей считает, что в южнорусских степях параллельно протекали два этнических процесса: формировался этнос кунов-куманов и половцев. Оба образования были близкородственными. Куманы занимали земли западнее Днепра и значительно чаще сталкивались с Византией и другими западными государствами, в хрониках которых упоминались именно куманы.

Половцы располагались в степях к востоку от Днепра, а также в нижнем Подонье, нижнем Поволжье и в Предкавказье. Их территория определяется благодаря распространению каменных изваяний [2, с. 13-24]. Наибольшее количество половецких статуй зафиксировано в донецких степях. Обосновавшись на своей новой родине, половцы, «заимствовав саму идею и обычай сооружать статуи и сохранив черты изваяний восточных родственных племен, сильно изменили стиль исполнения и облик статуй, освоили совсем другое, значительно более реалистичное понимание формы и снабдили статуи множеством деталей, совершенно неизвестных у восточнокипчакских, казахстанских, изваяний» [9, с. 189].

Процесс этнообразования заключался не только в слиянии отдельных родов и племен, но и в выделении из старого, давно образовавшегося этноса небольших групп, которые иногда перерастали в новые этносы. При этом культурные обычаи, культовые обряды, общая бытовая культура менялись незначительно. Все этнические процессы протекали в теснейшей взаимосвязи с экономическим развитием и социальными изменениями. Война, охота и скотоводство в значительной степени определяли экономику, социальный строй и быт кочевников. Пользуясь обильными пастбищами, соседством земледельческих народов, с которыми можно было торговать, а в удобных случаях напасть и ограбить, половцы начали быстро богатеть и расширять занятые территории.

Половецкое объединение, так же, как и куманское, состояло из самостоятельных орд. Каждая орда имела определенную территорию кочевания. Во главе орды стоял правящий род, в котором выделялась

семья главного хана. Наибольшим влиянием и властью пользовались самые сильные военные предводители. Величина одной орды доходила до 40 тыс. человек. Орды состояли из аилов-кошей, которые представляли собой семью из нескольких поколений.

Необходимо отметить огромную роль женщины в общественной жизни половцев. В первую очередь об этом говорит большое количество (не менее половины) женских каменных изваяний [8, с. 334]. Можно предположить, что в особых обстоятельствах (например, гибель мужа в походе) женщина становилась на какое-то время главой коша. Об этом свидетельствуют и археологические находки: котлы и распрямленные гривны, обнаруженные в женских половецких погребениях. По поводу символической роли котла у исследователей сложилось достаточно обоснованное однозначное мнение: котел был символом родового объединения, атрибутом, подчеркивающим высокое социальное положение умерших, а захоронения с котлами принадлежали представителям родовой и племенной аристократии кочевого общества [10, с. 201; 4, с. 163]. В ряде позднекочевнических погребений котел сочетается с распрямленной и шейной гривнами. Поскольку ареал распространения захоронений с этими инсигниями ранга охватывает лишь половецкие земли, в науке утвердилось мнение об этнокультурном соотношении данных предметов исключительно с половцами. Более того, их даже уже называют «эталонными для половецкой культуры предметами» [1, с. 117]. Таким образом, женщины, погребенные с котлом, по-видимому, какое-то время перед смертью возглавляли социальную ячейку (кош, род) или являлись женами (вдовами) глав родовых объединений [7, с. 74-86]. Женщины, захороненные с двумя и тремя ранговыми предметами (котел и шейная или распрямленная гривна), судя по всему, обладали наивысшим статусом в половецком обществе и всей полнотой власти в своей социальной ячейке [5, с. 48-50; 6, с. 28].

Несмотря на все усилия по объединению половецких племен под предводительством одного правителя, которые предпринимали отдельные ханы (например, Кончак и его сын Юрий Кончакович), половцы не сумели создать государство. Ни их экономика, ни социальный строй, ни культура не созрели еще на тот момент, чтобы возникло хотя бы раннегосударственное образование. Монгольское нашествие навсегда прервало поступательное развитие половецкого общества.

Список литературы

1. Зеленский Ю.В. Поножи из половецкого погребения в степном Прикубанье / Ю.В. Зеленский // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. – Вып.1. – М., 2008. – С. 116-117.
2. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния / С.А. Плетнева // Свод археологических источников. – Е4 – 2. – М., 1974. – 200 с.
3. Плетнева С.А. Половцы / С.А. Плетнева. – М: Наука, 1990. – 208 с.

4. Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV–XIII века / С.А. Плетнева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. – 247 с.
5. Потемкина Т.М. Женские половецкие погребения с инсигниями ранга (котлом, шейной и распрявленной гривнами) / Т.М. Потемкина // Культ предков, вождей, правителей в погребальном обряде. Тезисы докладов Всероссийской научн. конф. – М., 2010. – С. 48-50.
6. Потемкина Т.М. Иерархия половецкой знати (по погребениям со статусными предметами) / Т.М. Потемкина // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 10. Половецкое время. – Донецк, 2012. – С. 7-36.
7. Потемкина Т.М. Позднекочевнические погребения с котлом: этнокультурный и социальный аспекты / Т.М. Потемкина // Літопис Донбасу. – № 20. – Донецьк, 2012. – С. 74-86.
8. Потемкина Т.М. Изваяния как феномен половецкой культуры: религиозно-философский аспект / Т.М. Потемкина // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Международной научной конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.). – Том 5: Филологические, психологические и философские науки / Под общ. ред. проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 334-336.
9. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов / Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Изд-во Московского университета, 1966. – 274 с.
10. Швецов М.Л. Котлы из погребений средневековых кочевников / М.Л. Швецов // Советская археология. – № 2. – М.: Наука, 1980. – С. 192-202.

УДК 94(282.247.364):316.722"16/17"

ПАМЯТНИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА XVII–XVIII вв.

Ткаченко Д.Л.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
parasonic1985@mail.ru

Река в историческом развитии человеческого общества всегда играла ключевую роль, являясь источником воды, надежным и простым путем сообщения с соседями, естественной границей либо удобной для обороны местом. Северский Донец – река, известная еще с древних времен. Так, у древнегреческого автора Птолемея он упоминается под именем Танаид, Танаис, у Геродота – Сиргис, у древнерусского населения – Великий Дон, Донель, Дон. Северский Донец является правым наибольшим притоком Дона. Берет начало на южных склонах Русской равнины и протекает через Белгородскую и Ростовскую области Российской Федерации, Харьковскую область Украины, Донецкую Народную Республику и Луганскую Народную Республику. Протяженность Северского Донца составляет 1053 км. Долина реки охватывает пространства лесостепной и степной зоны.

Обширные территории, занятые долиной реки, в XVII-XVIII вв. прочно вошли в орбиту Московской державы. Именно в этот период начинают формироваться и развиваться три очага материальной культуры населения – это районы верхнего, среднего и нижнего течения Северского Донца. Формированию трех очагов материальной культуры способствовали особенности расселения славянского населения в этот период, самобытность историко-культурных и социальных процессов. Полиэтничность и поликультурность в разной степени характерна для трех регионов Северского Донца. Население, проживавшее в верховьях Северского Донца, было консолидировано Белгородским историко-культурным центром – форпостом целенаправленной славянской колонизации степного пограничья. В среднем течение Северского Донца сформировался особый тип материальной культуры местного населения, который можно охарактеризовать как слобожанский. Нижнее течение Северского Донца входило в историко-культурную зону Нижнего Дона; именно в низовьях Донца в конце XVI в. появились первые казачьи городки (Раздорский и др.).

Разница в комплексах материальной культуры трех условных зон хорошо видна при сравнении типов построек, керамики, и др.

Население верховьев Северского Донца практиковало южнорусский тип жилых и хозяйственных построек, широко использовало гончарный промысел, причём основные центры керамического производства (с. Пискуновка и пр.) функционировали до середины XX в. Часть керамики лепили на простом гончарном круге вручную. С начала XVIII в. широко известна Старооскольская глиняная игрушка. Идея глиняной игрушки была привезена переселенцами из Правобережья, но промысел органично лёг на местную основу.

Форпостом Московской державы в среднем течение Северского Донца стала Царе-Борисовская крепость на р. Оскол (левобережье Северского Донца) в самом конце XVI в. (1599 г.). Выходцы из этой крепости основали Святогорский монастырь, расположенный на берегах Северского Донца, который считал себя собственником лесных и рыбных угодий от реки Оскола до Бахмута и Жеребца. Монастырь получал доходы от содержания паромной переправы через Северский Донец. В 1624 г. было установлено выделение казенных денег на хлебное и денежное жалование. Анализу материальной культуры населения этого участка долины Донца посвящено значительное количество работ В.А. Пирко, И.А. Голубевой, Э.Е. Кравченко и др. В XVIII в. в среднем течение Северского Донца формируется особая этнокультурная зона, связанная с образованием Славяносербии (1753-1764 гг.). Это область военно-земледельческих поселений сербов и молдаван на южном берегу Северского Донца (ныне – в основном часть территории Луганской Народной Республики). В 1723 году Петр I выдал майору Албанезу

грамоту, которой определялся вывод на добровольных началах сербов из Австрии и формирование из них гусарских полков. Главной задачей военных поселений была охрана южных границ. Второй важной функцией славяносербских гусар была хозяйственная. Военнослужащие получали землю, которую должны были обрабатывать. Офицеры за службу наделялись землей. Размер ее зависел от ранга офицера. Поэтому, выделенный офицеру участок земли называли ранговой дачей. Сербь занимались в основном сельским хозяйством – земледелием (главным образом зерновые), садоводством (особое место сохраняет выращивание слив), виноградарством. Важную роль играли скотоводство, преимущественно отгонного типа, свиноводство. Занимались также рыболовством, охотой. Значительное развитие получили ремёсла – гончарство, резьба по дереву и камню, ткачество (в том числе и ковроткачество, преимущественно безворсовое), вышивка и т. д. Для сербов был характерен разбросанный и скученный тип расселения с разнообразной формой планировки (кучевой, рядовой, круговой). В большинстве поселений выделялись кварталы, отстоящие друг от друга на 1-2 км. Традиционные жилища сербов деревянные, срубные (были широко распространены в краях, изобилующих лесом), а также каменные и каркасные (моравский тип). Дома строились на высоком фундаменте (исключение – моравский тип), с четырёх- или двускатными крышами. Наиболее старое жилище было однокамерным, но со временем преобладающим становится двухкамерное. Каменные дома могли иметь два этажа; первый этаж использовался для хозяйственных целей, второй – для жилья. Наиболее старым типом румынского жилья была землянка. В земле выкапывали яму круглой формы, утапывали пол. Крышей служил шалаш, который делали из досок или бревен. Его покрывали тростником, соломой. Еду готовили на костре. Размер помещения составлял от 1,5 до 3 метров. На основе этих жилищ стали делать углубленные в землю деревянные дома. У них были бревенчатые или плетеные стены. Зачастую делали 3- и 4-комнатные строения. Различались сени, комната для жилья, камора. Позднее стали строить дома из кирпича, камня. Такое строительство распространено и сейчас наряду с бревенчатым. Более всего распространены четырехскатные крыши. В деревнях их покрывают черепицей или досками.

Опорным памятником истории материальной культуры нижнего течения Северского Донца было Митякинское укрепления. В пределах станицы строились дома-курени из колотого леса, без гвоздей, но пригонялся лес очень плотно. Ставились курени на деревянных подклетьях. Строились дома двухэтажные. В основном первый этаж строился из камня, а второй – из дерева. На первом этаже готовили пищу и использовали его как подвал. В станице считалось, что жить надо в дереве, а хранить продукты в камне. Дом – курень делился на мужскую и женскую

половину. Прямо, за сенцами, была горница, где принимали гостей. Здесь стояла лучшая мебель, икона и посуда. Крыльцо дома выходило на улицу. На «задах» дома был огород. Для населения низовьев Северского Донца характерны военизированные условия жизни, что отражалось в конструкциях жилых построек. Земляные постройки хорошо соответствовали особенностям военного быта: земляные постройки стали чаще использовать в качестве временных, сезонных жилищ. По документам середины XVIII в. описан хутор, состоящий из плетеной землянки с печью и базом, огороженным частоколом и засекою. Как видно из описаний, стены землянок были рубленными, плетневыми или земляными. Описание печей в источниках отсутствует. В течение нескольких столетий (вплоть до начала XX в.) широко распространенным типом жилища был курень: наземная срубная (или реже – каменная) двухкамерная постройка.

Таким образом, мы видим картину появления и развития трех очагов материальной культуры населения – это районы верхнего, среднего и нижнего течения Северского Донца. Дальнейшее изучение и научное описание историко-культурных процессов, отраженных в памятниках материальной культуры, необходимо для более полного и понимания и всестороннего изучения становления и развития современного населения этих территорий.

УДК 930.25

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АРХИВНОГО ИСТОЧНИКА (НА ПРИМЕРЕ ДИНАСТИИ МОРОЗОВЫХ)

Щукина Т.В., канд. ист. наук

ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»,
г. Ростов-на-Дону, РФ,
vuzprepod@mail.ru

В современном российском обществе все активнее звучат слова «социальная память», «историческое прошлое», «архивный документ», «неисследованные страницы истории». Данная тенденция объясняется тем, что наше общество, постоянно трансформируясь и приспособляясь к новым экономическим, социальным, геополитическим реалиям жизни, интуитивно стремиться «связать» себя с «информацией о прошлом», воплощенной в материальных вещах, документах, живом знании, технологических умениях, социальных нормах. Сохранить «память о содеянном» позволяет уникальный и бесценный источник – архивный документ. Опираясь на информацию архивного массива источников, можно проследить большую часть исторического прошлого нашей страны.

В рамках данной публикации сосредоточим наше внимание на исследовании деятельности представителей одной из наиболее ярких промышленных династий России второй половины XIX–начала XX вв., семействе Морозовых. О купцах-промышленниках указанной фамилии вышло в свет большое количество исследований, что вполне объяснимо. Потомки бывших крепостных ремесленников, стали через 70 лет крупными фабрикантами, благотворителями, меценатами, новаторами в промышленном секторе, обеспечившие невиданные до того времени темпы экономического развития страны. Конечно же, во второй половине XIX века появилась целая плеяда ярчайших предпринимателей, таких как Мамонтовы, Елисеевы, Строгановы, Третьяковы, но Морозовы – это нечто особенное.

Изучая архивные материалы Российского государственного исторического архива (далее РГИА), Российского государственного архива древних актов (далее РГАДА), Российского государственного архива экономики (далее РГАЭ) нами была обнаружена следующая особенность. Ни в одной из выше перечисленных фамилий женщины так активно не участвовали в становлении и достойнейшем развитии бизнеса, как это происходило в династии Морозовых. Естественно, представительницы промышленных семейств играли немаловажную роль в благотворительности, покровительстве искусств, поддержании бизнеса мужей, братьев, отцов [3]. Так, после смерти мужа Петра Елисеева в 1825 г., согласно духовному завещанию, дело взяла в свои руки Мария Гавриловна Елисеева вместе с братом мужа. Благодаря прозорливости, уму и опыту работы с мужем, она записалась в санкт-петербургском купечестве по 2-й гильдии, а через 14 лет Мария Елисеева, а позже ее опора - сыновья, платили уже за 1-ю гильдию. Как пишет А.В. Краско в своем исследовании «Петербургское купечество. Страницы семейных историй», умерла М.Г. Елисеева в 1841 году, став редким в истории российского купечества примером женщины – главы крупного торгового предприятия [4, с. 120]. Следует согласиться, что «редким», но далеко не единственным примером.

Полагаем, что в целях комплексного объяснения рассматриваемого нами феномена повсеместного и активного участия женщин династии Морозовых в деловой сфере целесообразно обратиться к истории возникновения рода Морозовых, а точнее с деятельности основателя, Саввы Васильевича Морозова.

Изначально, являясь крепостным помещика Рюмина, работал на шелкоткацкой фабрике, отличаясь трудолюбием и честностью. Однако, только следующее благоприятное обстоятельство, как женитьба на Ульяне Афанасьевой позволила открыть Савве Морозову небольшое домашнее ткацкое производство. Ульяна, дочь известного мастера-красильщика вместе с приданным в 5 рублей золотом, помогла освоить своему мужу профессиональные секреты окраски тканей [2, л. 34]. Позже, когда

необходимо было возвращать заем для откупа от рекрутства, Ульяна Морозова вместе с мужем трудиться по 18-20 часов. В результате через пару лет Савва Морозов возвращает заем, а позднее, в 1797 г. открывает собственную ткацкую мастерскую, где производил среди прочего ассортимента шелковые ленты, окрашенные, по разработанной Ульяной Морозовой, технологии. По архивным данным «ленты и ткани Морозова пользовались большим спросом у перекупщиков.....поэтому цену давали за них высокую» [1, л. 16]. Можно утверждать, в основе самостоятельной профессиональной деятельности Саввы Васильевича Морозова лежит непосредственное и активное участие жены Ульяны Морозовой (Афанасьевой).

В дальнейшем, когда С.В. Морозов, прожив с женой 63 года, став купцом 1-ой гильдии, передал свое дело сыновьям: Елисею, Захару, Абраму, Ивану и Тимофею, династия купцов-промышленников продолжает расширяться при активном участии представительниц слабого пола в семейном бизнесе.

Старший сын Саввы Васильевича, Елисей, мало интересовался бизнесом. Со временем он практически отошел от дел, передав управление мануфактурой по производству суровых тканей с красильней, контору по сбыту товаров своей жене Евдокии Диомидовне, а та уже в свою очередь привлекла к управлению сына Викулу Елисеевича, при помощи которого производит расширение и модернизацию производства. Прекрасный управленец, заботливый руководитель, новатор в хлопчатобумажной промышленности, меценат и благотворитель. Так, на деньги, завещанные Викулой Елисеевичем, была построена детская больница в Москве, известная как Морозовская. Исследователи ветви дома Морозовых указывают, что свои лучшие качества, он «приобрел от матери своей» [3].

Абрам Абрамович, третий сын Абрама Савича «наладил» грандиозное ткацкое дело в Твери, которым после его смерти (1882 г.) стала управлять его жена, Варвара Алексеевна Морозова (в девичестве Хлудова). Об этой выдающейся женщине рассказывают многочисленнее исследователи делового мира России. Обладая яркой индивидуальностью, сильной волей к победе и исключительными коммерческими способностями, В.А. Морозова смогла превратить семейную мануфактуру в крупнейшее ткацкое производство общероссийского уровня. Так, к началу 1917 г. на Тверской мануфактуре работали более 19 тысяч человек, которые выпускали более 600 тысяч пудов пряжи. Архивные источники свидетельствуют о том, что современники называли Варвару Алексеевну «великая храмовница», указывая на ее активную меценатскую и благотворительную деятельность.

Следует отметить, что вовлеченность в предпринимательскую деятельность представительниц купеческого сословия или руководство семейным бизнесом после смерти мужа не является индивидуальной

чертой династии Морозовых. Эти черты типичны для ряда крупных промышленных семейств. Но особенным является следующее: сквозной нитью в истории становления и дальнейшего развития промышленной династии Морозовых идет активнейшее участие «морозовских» женщин. Представленные нами бизнес-леди до сих пор восхищают и вызывают глубокое уважение своим вкладом не только в семейное дело, но и в экономическую, социально-культурную сферу всей России, создавая тем самым неповторимый образ семейства Морозовых.

Список литературы

1. Краско А.В. Петербургское купечество. Страницы семейных историй /А.В. Краско. – М.: Центрополиграф, 2010. – 326 с.
2. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 341. Оп. 3. Д.98.
3. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1234. Оп. 2. Д.125.
4. Щукина Т.В., Михайлова А. Н., Севостьянова Л. А. Исторические аспекты женской благотворительности России в XVIII – XIX вв./Т.В. Щукина,А. Н. Михайлова, Л.А.Севостьянова// Молодой ученый. – 2016. – № 28,1.–С. 36-39.

СОДЕРЖАНИЕ

Всемирная история

<i>Богатырев А. В.</i> Ахмед-паша – враг поляков и их «друг»?	5
<i>Бойко О.О., Шепко Л.Г.</i> Шотландские наемники в военных конфликтах Восточной Европы в XVI-XVII вв.	8
<i>Бредихин А.В.</i> Кризис вооруженных сил Аргентины в 80-90-е гг. XX в.	11
<i>Вербовский А.В., Санжаров В.А.</i> Анна Боже, регент Франции	14
<i>Гончарова М.В., Бредихин А.В.</i> Сравнительный анализ Венского конгресса и Парижской конференции в работе ирландского журналиста Эмиля Дж. Диллона	16
<i>Даренский В.Ю.</i> Византия как жертва исторической мифологии	19
<i>Дьяченко Г.С.</i> «Особые» англо-американские отношения во вт. пол. XX в.	22
<i>Елохин К.А.</i> Эмблематика националистических организаций в России 1990–2019 гг.	25
<i>Журба В.В.</i> Развитие механизма управления угольной промышленности Великобритании (во второй половине XX века)	28
<i>Ищенко В.Б., Разумный В.В.</i> Роль женщины в брачно-семейных отношениях в Каджарском Иране в первой половине XIX века	31
<i>Крыжановская И.И.</i> Внешнеполитическая стратегия США в период администрации Дж. Буша – старшего	34
<i>Крысенко Д.С., Бредихин А.В.</i> Внешняя политика правительства К. Менема в 80-90-е годы XX в.	37
<i>Ленская В.С.</i> Жрицы афинского полиса	39
<i>Лоза В.П.</i> У падок несторианства Бет-Мазунайе (Омане)	42
<i>Мостяев Ю.Н., Минат В.Н.</i> К вопросу о взаимосвязи категорий географического и исторического пространства	45
<i>Панасенко Д.А., Шепко Л.Г.</i> Образ императора Калигулы в одноименной пьесе Альбера Камю	48
<i>Приходько Д.С., Бредихин А.В.</i> Роль Франции в создании Батавской республики (1792–1806 гг.)	50
<i>Разумный В.В.</i> Англо-турецкая война 1807–1809 гг. и ее влияние на внешнюю политику Османской империи в первой половине XIX века	52
<i>Рязанов К.М., Шепко Л.Г.</i> Историческая урбанистика в раннее новое время	55
<i>Савченко Л.М.</i> Россия и Болгария: некоторые аспекты перспективного развития двусторонних отношений в XXI веке	58
<i>Скворцова Л.А.</i> Интересы США и России в Арктике: исторический аспект	61
<i>Скопылатова В.И.</i> Мирный процесс в Северной Ирландии (1985 г.)	64
<i>Харьковский Р.Г.</i> Эскалация англо-французского противостояния в долине Нила в конце XIX в.	66
<i>Чугрина О.Р.</i> Модернизация европейских субнациональных систем управления: исторический аспект (70-90 гг. XX столетия)	69
<i>Шепко Л.Г.</i> Лепная керамика на поселениях Боспора	72
<i>Шульга Д.П.</i> Наскальные рисунки как источник для изучения хозяйства народов Центральной и Восточной Азии	75

Отечественная и региональная история

<i>Агапов В.Л.</i> Переход угольной промышленности центрального и западного Донбасса в юрисдикцию Украины (1991 г.): ключевые моменты.....	77
<i>Борбачева Л.В., Рощина Л.А.</i> Развитие пожарно-спасательной охраны на предприятиях местной промышленности в Донбассе в 1930-х гг.	80
<i>Врублевская Е.Е., Агапов В.Л.</i> Развитие самостоятельного художественного творчества в городах Донбасса в годы довоенных пятилеток.....	82
<i>Горбатенко Е.А., Людоровская Т.Ю.</i> Деятельность Сталинского государственного украинского музыкально-драматического театра им. Артема в 1927-1948 гг.	84
<i>Дмитриевский А.В.</i> Социально-экономические и политические процессы в советском обществе 1985-1991 гг.: их влияние на изменения в доходах и бюджетах жителей Донецкой области	86
<i>Дмитриченко Е.А., Людоровская Т.Ю.</i> Межконфессиональные отношения немецких колонистов Приазовья (XIX – начало XX вв.)	89
<i>Дробот А.Н.</i> Исторические предпосылки образования Славяносербии.....	91
<i>Дукин А.А., Удалова Т.М.</i> Реализация политики индустриализации на территории Сталинской области (1929-1941 гг.)	94
<i>Коваленко А.К., Людоровская Т.Ю.</i> Восстановление кадрового состава и жилищно-коммунальной работы «Славянского солевыварочного завода» в 1943-1945 гг.	97
<i>Людоровская Т.Ю.</i> Досуг советской семьи в Донбассе в 1920-1930-х гг.	100
<i>Мебония Э.В.</i> Между Россией и Украиной: Новороссия в годы Революции и Гражданской войны.....	103
<i>Метейко М.А., Удалова Т.М.</i> Роль подрастающего поколения Донбасса в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в 1941-1943 гг.	106
<i>Муравьёва В.О., Удалова Т.М.</i> Промышленность Донбасса в планах фашистских захватчиков (1941-1943 гг.)	109
<i>Никольский В.Н.</i> Фальсификация истории сельского хозяйства Донбасса 1932-1933 гг.: современная трактовка проблемы	111
<i>Никольский В.Н., Ревенко А.В.</i> Органы народного контроля на Донетчине (1960-1970-е гг.): постановка и источники изучения проблемы	114
<i>Павлова А.В.</i> Предпосылки централизации горноспасательного дела на территории Донбасса в 20-х – 30-х гг. XX в.	116
<i>Панчук Г.Н.</i> Брачность в Донецкой области (1959-1989 гг.)	119
<i>Пичугина А.В., Людоровская Т.Ю.</i> Деятельность сети охраны материнства и детства в 1930-е гг. на примере Сталинской области	121
<i>Полякова М.А.</i> Применение кино в учебном процессе в системе педагогического образования Донецкого региона в 1954-1964 гг.	123
<i>Разумная Н.Н.</i> О хищениях в земской кассе Мариупольского уезда (1914-1917 гг.)	125
<i>Руденко М.В.</i> Аппаратный конфликт между военными и гражданскими властями в ходе реорганизации реввоен трибунала ДОНТА в военное отделение Донецкого Губрев трибунала	128
<i>Санькова С.М.</i> Правовой нигилизм как фактор революционного экстремизма на примере судьбы М.О. Меньшик.....	131

<i>Скоков А.С.</i> Промышленники и предприниматели Донбасса в революции 1905–1907 гг.	134
<i>Стадник В.А.</i> К вопросу о создании и реорганизации органов партийно-государственного контроля в СССР (первая половина 1920-х гг.)	137
<i>Струченков А.В.</i> «Большая чистка» среди специалистов угольной промышленности Донбасса в 1937-1938 годах: количественное измерение	140
<i>Терзи Е.С.</i> Советская этническая политика в 20-30-х гг. XX века	143
<i>Федоровский Ю.Р.</i> Советская украинизация Донбасса: проводники и противники.....	145
<i>Чеботарева А.В.</i> Периодическая печать как источник изучения Советской кадровой политики в 1920-е гг.: региональный аспект	148

История России и славянских народов

<i>Абуков С.Н.</i> Разрешенная степень родства во внутри династических браках Рюриковичей XII в.	151
<i>Агаркова М.И.</i> Становление и развитие индоевропеистики в России как проблемное поле интеллектуальной истории	154
<i>Даниленко Е.Г.</i> Китайская трудовая миграция в Донбасс в годы Первой мировой войны.....	156
<i>Денисенко А.П.</i> Пик реализации реформы восьмой пятилетки на предприятиях Донбасса (1967-1968 гг.)	158
<i>Елисеев А.Л.</i> Развитие (волонтерства) в Российской Федерации	161
<i>Зеленская Ю.Н.</i> Культурно-массовая работа на Кировской железной дороге в годы Великой Отечественной войны	164
<i>Ковба В.И., Чугунов Е.А.</i> «...за Россию и свободу до конца...»: 1917 год в судьбах офицеров Костромского гарнизона	166
<i>Колбин В.Г.</i> Фалеристика как вспомогательная историческая дисциплина.....	169
<i>Крутова Л.А.</i> Историческая память как фактор единения современного общества.	172
<i>Крылова В.К.</i> Взаимодействие механизма «империя-регион» в достижении единства и стабильности государства.....	175
<i>Кузнецов Д.А.</i> Донецкий краеведческий музей – продолжение истории.....	178
<i>Минат В.Н., Соколов А.С.</i> Эволюция государственной территории древней Руси как территориальной структуры: взгляды географа и историка	181
<i>Молодова А.И.</i> Идея славянского единства в публицистике и мемуарах А.И. Герцена.....	184
<i>Новиков М.С.</i> «Сорок пять миллиметров: родные, советские»	187
<i>Носков В.Ю.</i> Образ сражающегося ребенка в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны	190
<i>Пенькова О.Б.</i> Основные теоретические подходы к изучению феномена праздника в российской историографии	193
<i>Писаренко И.С.</i> Огородничество рабочих и служащих в годы Великой Отечественной войны	196
<i>Прохоров М.Ф.</i> Рабочий класс Москвы в годы Великой Отечественной войны	198
<i>Пузанов В.Д.</i> Вопрос о защите Восточной Сибири на рубеже 1750-1760 гг.	201
<i>Саакян И.И.</i> Армянские воскресные школы Донбасса	204

<i>Саенко А.С., Шкрибителько Е.А.</i> Медико-санитарное обеспечение заключенных концентрационного лагеря Бухенвальд.....	206
<i>Саенко А.С., Шкрибителько Е.А.</i> Трагические страницы холокоста (на примере концлагеря Собибор)	209
<i>Саржан А.А.</i> Кооперативное движение в Донецком регионе	212
<i>Семенов А.В., Мостяев Ю.Н., Минат В.Н.</i> Территория и геополитическое развитие Древнерусского государства к середине XI века	214
<i>Соловей М.А.</i> Посполитое рушение королевства польского в первой половине XVI в. глазами современников.....	217
<i>Соловьева Р.П., Соловьева Ю.М.</i> Аграрная реформа П.А. Столыпина	220
<i>Старченко Н.Н.</i> Восстановление и развитие жилищно-коммунального хозяйства города Сталино (1943–1953 гг.) в контексте изучения истории повседневности Донбасса: анализ историографии	223
<i>Твердохлеб А.Ю., Тимофеева В.С.</i> Регионализм в общественно-политических настроениях студенческой молодежи Донбасса в период президентской кампании 2004 года	226
<i>Фанталов А.Н.</i> Переворот 1762 года в России: пример историко-информационной фальсификации	229
<i>Шабельников В.И.</i> Об образовании Донецкой губернии (1919-1920 гг.)	232
<i>Шеховцова И.В.</i> Роль музея в формировании исторической памяти молодого поколения (на примере фотовыставки «По дорогам войны» художественного музея «Арт-Донбасс» г. Донецка)	234
<i>Шкрибителько Е.А.</i> Святогорский Свято-Успенский пещерный монастырь – памятник архитектуры XVI–XVII вв.	237
<i>Шумейко Ю.Е.</i> Мемуары как источник по духовной жизни русского общества второй половины XVIII века (к постановке вопроса)	240
<i>Щевич К.С., Пенькова О.Б.</i> Работа музыкальных учреждений Донбасса в годы немецкой оккупации 1941–1943 гг.	242

Историография, источниковедение, археология и методика преподавания истории

<i>Голодяев К.А.</i> Герои и время: философский аспект	245
<i>Евглевский А.В., Андросова С.Л.</i> “Курганное святилище” – археологический термин или семантическая несуразица?	248
<i>Евглевский А.В.</i> Посмертные лики на средневековых изваяниях: К вопросу о портретности	250
<i>Евглевский А.В.</i> Раскрывает ли термин <i>культ предков</i> феномен изваяний у средневековых кочевников?	254
<i>Климова К.И.</i> Мушкетеры XVI–XVIII вв. из фондов Донецкого республиканского краеведческого музея	258
<i>Колесник А.В.</i> Северо-Восточное Приазовье в контексте европейской торговли XIII–XV вв.	261
<i>Константинова Н.К.</i> «Война с историей» – одно из важных направлений ведения информационных войн.....	264
<i>Манжула Е. В.</i> Профориентационная деятельность телерадиовещательных учреждений Донбасса в 1960-е – 1970-е гг.	268

<i>Онищенко А.С., Андросова С.Л.</i> Об одной изобразительной особенности половецких каменных изваяний Донбасса	271
<i>Полякова О.А.</i> Этнокультурные связи восточноевропейских кочевников на примере идеи изготовления подвесок из лазурита	273
<i>Потемкина Т.М.</i> Средневековое население южнорусских степей (этнокультурные аспекты)	275
<i>Ткаченко Д.Л.</i> Памятник материальной культуры населения Северского Донца XVII-XVIII вв.	278
<i>Щукина Т.В.</i> История развития женского предпринимательства второй половины XIX–начала XX вв. через призму архивного источника (на примере династии Морозовых)	281

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2019:
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ,
КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы
IV Международной научной конференции
31 октября 2019 г.,
г. Донецк

**ТОМ 7
Исторические науки**

под общей редакцией проф. *С.В. Беспаловой*

Ответственный за выпуск доц. *А.С. Бобровский*

Дизайн обложки	<i>Е.Г. Грудева</i>
Технические редакторы	<i>В.Г. Медведева, М.В. Фоменко</i>
Компьютерная верстка	<i>А.С. Бобровский</i>

Адрес оргкомитета:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 83001, ДНР
e-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 17.10.2019 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 16,91.
Тираж 300 экз. Заказ № 19окт124/10.
Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.